

Всегда
Миана Веснина

Бажен
Нотиб

Тиана Веснина

Всегда важен

МОТИВ

Роман

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В 38

Тиана Веснина
Всегда важен мотив: (роман). 2016 – 369 с.

Четвертый роман из серии «Частный детектив Кирилл Мелентьев».

Расследуя убийство топ-модели, детектив Кирилл Мелентьев попадает в капризно-изменчивый мир Высокой моды.

Иznеженные геи, решительные девушки, утонченные дамы туманно отвечают на его вопросы. Их алиби, будто сотканы из тончайшего флера, в котором, словно в паутине, запутывается детектив. Однако ему удается разгадать мотив преступления и тем самым найти убийцу.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Т.Веснина. Текст, 2016

© Издательский центр «ЛиК», 2016

*Разум разрешает нам искать
свою выгоду любыми доступными
нам способами.*

И. Кант

Часть I

Глава I

С легким шелестом, будто торопливо шепча комплимент, огненно-красные воланы юбки скользнули по изящным линиям тела, и из их пены вынырнуло хорошенъкое лицо с гневной складкой между бровей.

- Горло у нее болит, видите ли!.. – воскликнула девушка.
– А то, что мне надо отдохнуть перед показом, не волнует никого! Тварь!.. Специально все подстроила, чтобы выбить меня из колеи!..

- Увы, – вздохнул молодой человек в черной рубашке и лимонного цвета узких брюках. – Мы с тобой, Мила, – только вторые. Но мы и не возражаем...

- Да!.. Возрази, попробуй! – подхватила девушка.
Она вытянула руки вперед, и молодой человек ловко надел на нее лиф.

- Так, теперь воротник, – сосредоточенно оглядывая манекенщицу, пробормотал он.

- Рудик, это великолепно!.. Фантастично!.. Ты – гений!.. – поперхнувшись от искреннего восторга, воскликнула Мила, глядя на себя в зеркало.

- Да тише, ты! – встревожено оглянувшись назад, прикликнул он на девушку. – Не дай бог, услышат!..

Всегда важен мотив

- Ну почему?.. Почему мы с тобой должны быть вторыми?.. – подняв в отчаянье глаза вверх, громко прошептала Мила.

- Да потому, что первые сами никогда не уходят, – одним легким дуновением шепнул Рудольф прямо в ушко модели. – Первых можно только убрать, чтобы занять их место! Разве непонятно?

- Так в чем же дело? – в недоумении вздрогнули брови Милы.

- Да в том, что такое радикальное решение проблемы нам с тобой не по силам, – со спокойствием обретенного ответил ей Рудольф.

- Но ведь это шоу – твоя идея!.. – не унималась девушка.

– Все, все твое!..

Она резко повернулась, и красное платье заколыхалось на ней, словно задыхаясь от негодования.

Рудольф грустно кивнул и провел рукой по афише,висевшей на стене. На ослепительно белом фоне черными буквами было выведено: Модельное шоу «Прощание Марии Стюарт». На несколько секунд воцарилось молчание, которое тяжелым вздохом прервал Руди.

- Ты же лучше других понимаешь всю деликатность... сложность моего положения, - с трудом подбирал он слова. – Практически, я всем обязан Леону. Он дал мне возможность создавать модели.

- И присвоил себе полное право называть их своими! – не удержавшись, прошипела Мила, предварительно оглянувшись на дверь.

Рудольф развел руками.

- А что я могу сделать?.. Официально я работаю стилистом в Доме моды Соболя-Шафранникова, и вполне естественно считается, что все создает лично он... - уже почти про себя пробормотал Руди. Я же всего лишь интерпретирую стиль Шафранникова, который на самом деле является моим. Идиотизм какой-то!.. А знатоки и эстеты перешептываются, глядя на мои модели: «Ясно,

Тиана Веснина

что это не натуральный Леон Шафранников, однако, надо признать, что Рудольф Логинов удачно разрабатывает его концепции» ...

- Но теперь!.. Теперь, когда ты достиг определенного положения, думаю, можно дать понять Леону, что если он не прекратит воровать твои идеи, ты попросту уйдешь из его Дома, - резким шепотом высказалась свое мнение Мила, тряхнув белокурыми волосами.

Рудольф иронично поморщился.

- И куда же это я уйду?

- Да хотя бы к Андрэ! – лицо девушки расплылось в сладчайшей улыбке. – Представляю себе реакцию дорогого Леона, если бы ты ушел к Берзиньшу!..

Рудольф с вздохом пожал плечами.

- Какая разница?.. У Андрэ Берзиньша мне тоже уготована вторая роль. Ах, Мила! Неужели ты до сих пор не поняла, мы с тобой – нищие. Талантливые, но нищие!.. Я не могу открыть свой Дом моды, а ты не можешь стать супермоделью. Не забывай, у Леона была хорошая финансовая база для становления в мире модельного бизнеса, а у твоей первой соперницы – Инги, – покровитель, который в состоянии купить для нее целое агентство. А мы с тобой получили возможность работать у Леона только благодаря тому, что не лишены таланта. И Леон это прекрасно понимает! Окажись мы посредственностью, он нас вышвырнул бы на другой же день. Что поделаешь?.. – поправляя жесткий воротник на шее девушки, продолжал размышлять вслух Рудольф. – Ты приехала в Москву из Краснодара, я – из Ростова. Твои родители - ничего собою не представляющие инженеры, у меня –

мать-одиночка, кассир на вокзале. Ну и какие начинания возможны при таком тыле?.. Нам с тобой еще повезло!..

- Повезло! – с глухой яростью в голосе согласилась девушка. - И все равно, надо бороться за свое место под солнцем модельного бизнеса!..

Всегда важен мотив

- Какое еще солнце?! – открывая дверь, шутливо возмущался Леон. – Никакого солнца до осеннего дефиле в Париже! Вы что, забыли, друзья?.. – Он обошел вокруг манекенщицы и, обращаясь к своей спутнице, спросил: - Ну как тебе, моя идея с воротником?..

Мила прикусила губу, чтобы удержать слова негодования. Рудольф отвел глаза в сторону.

- Гениально!.. – хрюкло рассмеялась спутница Леона и уточнила: - Просто и гениально.

- Ты станешь королевой парижских подиумов, – обняв ее за плечи, сказал Леон.

- Тьфу... – испуганно сплюнула через плечо Инга, ведущая модель Дома моды Шаффранникова. – Ты что? Нельзя так говорить! Спугнешь удачу!

- Поосторожней! – презрительно скривившись, крикнула ей Мила. – Расплевалась!

Инга, даже не удосужившись повернуть голову в ее сторону, произнесла сквозь зубы:

- Кому не нравится, тот остается в Москве!

- Что?! – с горящими от клокочущего гнева глазами, воскликнула Мила. – Ты думаешь, я буду терпеть твои наглые выходки? Мало того, что стою вместо нее как манекен, потому что горло у нее болит...

Инга повернулась, спокойно оглядела с ног до головы алую от ярости Милу и тихо сказала Леону:

- Избавь!..

Леон улыбнулся и, стараясь все перевести в шутку, тем не менее очень выразительно посмотрев на Милу, сказал:

- Девочки, накануне принятия судьбоносного решения ссориться – это, действительно, ужасная примета.

Инга, усмехаясь про себя, вышла из примерочной.

- Тебе надо отдохнуть! – выглянув в коридор, крикнул Шаффранников модели и, повернувшись к Миле, воскликнул:

- Что ты себе позволяешь?!.. Накануне генерального показа!.. Если это еще раз повторится, нам придется

Тиана Веснина

расстаться!.. Я не посмотрю на то, что твои объемы почти как у Инги.

Мила хотела возразить, но Леон остановил ее властным движением руки.

- И не воображай, что ты найдешь себе другое место! – глядя в упор на нее, говорил он. – Запомни, девочка, или ты работаешь у меня, или выметешься из столицы. Понятно?!

Мила опустила голову.

Леон обошел вокруг нее, пристально разглядывая платье.

- Воротник сработает? – обратился он к Рудольфу.

- Не беспокойся, – тихим голосом ответил тот. – Все будет как надо.

- Ну-ка, пройдись! – бросил Шафранников девушке.

Зажатая жестким корсажем Мила сделал несколько шагов.

- Хорошо!.. Хорошо!.. – потирая подбородок, бормотал Леон. – Только бы освещение не подвело. – На несколько минут он погрузился в созерцание, а потом громко сказал, не будучи в силах сдержать радости: - Да! Все должно пройти, как надо! Я это чувствую! Триумф у меня в кармане!.. - Он еще раз придиричivo осмотрел главное платье модельного шоу и, бросив Рудольфу: - Проверь все! Ты же знаешь, я полагаюсь на тебя, – ушел.

Несколько мгновений царила абсолютная тишина: Логинов остекленевшими глазами смотрел на дверь, за которой только что скрылась статная фигура мэтра Шафранникова. Мила всеми силами подавляла подступавшие рыдания.

- Ну вот, – выдохнул Рудольф.

- Что, ну вот? – отводя взгляд в сторону, чтобы не расплакаться, спросила девушка.

- Неужели непонятно? – пожал плечами стилист Дома моды Соболя-Шафранникова. – Нам с тобой не дано право выбора, несмотря на то что, как манекенщица, ты гораздо лучше Инги, а Шафранников без моих разработок – ноль!..

Всегда важен мотив

Но денежный ноль! Везучий ноль!.. Судьба позаботилась о нем еще до его рождения: подобрала обеспеченных родителей; сестру, которая ввела его в модельный бизнес; устроила встречу с Ингой, вернее с ее любовником, готовым выложить любые суммы, лишь бы, как он выражается, «его девочка стала топ-моделью мирового масштаба». Нам ли с ними вступать в борьбу?!

- Ну, если не нам, то кому же?! – лицо Милы покрылось красными пятнами.

Рудольф в сердцах всплеснул руками.

- Ты же уже получила предупреждение!.. Учи, Шафран не шутит! Вылетишь из его Дома моды, что тогда делать будешь?

- Попробую удачи у Берзиньша.

- Куда хватила!.. У Берзиньша все уже давно поделено.

У него подиумом заправляет Елизавета.

- Господи, ну ведь это же не навечно, должен же кто-то подвинуть их!

- Но только не ты.

- Это почему же? – подбоченившись, с дерзким задором воскликнула Мила.

- Да потому, что Шафран вышвырнет тебя из модельного бизнеса!

- Не удастся, – огрызнулась девушка.

Рудольф только махнул рукой.

- Подошлет к тебе двух ребят, которые мастерски сломают твои чудные ноги, никакие врачи не помогут, и привет...

- Как это сломают? – взъярилась Мила.

- Под наркозом, больно не будет, – мрачно успокоил Рудольф.

По узкой служебной лестнице Леон спустился на свой этаж, зашел в просторный кабинет и остановился. Несколько секунд он стоял, не двигаясь, словно вбиная в

Тиана Веснина

себя пространство. Он прощался со своим удачно сложившимся прошлым и восторженными глазами вглядывался в мерцающее заманчивыми огнями будущее.

- В час, когда пьянеют нарциссы... (А.Блок) – раздвигая губы в невольной улыбке, пробормотал он.

Подойдя к стеллажу, Шафранников вынул из коробки три курительные палочки, воткнул их в отверстия подставки и щелкнул зажигалкой. Легкий, сладкий аромат белой дымкой заструился вверх.

Странное чувство абсолютной уверенности в своем триумфе не давало холодку страха проникнуть в его мысли. Он знал, что сегодня вечером мсье Дюрок пожмет ему руку и скажет: «Я не ошибся! Поздравляю!»

И тогда!.. Тогда Париж, великолепный и недоступный, откроет ему свои объятия.

«Обошел всех!.. – прошептал Шафранников. – Всех!.. Главное, конечно же, Андрэ Берзиньша!.. О, это был опасный соперник, но его погубила чрезмерное пристрастие к театральщине. Однако, как все удачно сложилось! Мое детское увлечение нарядами для кукол сестры переросло в серьезную профессию, в которой я, к двадцати девяти годам, достиг определенных высот. – Неожиданно нахлынувшие воспоминания вззовновали его.

– Конечно, мне помогла Лина. Ее имя, связи!.. – Леон взглянул на огромный портрет сестры, в прошлом знаменитой модели. – Она покорила Париж и тем самым открыла дорогу и мне, но!.. – Шафранников остановился перед зеркалом и придирчиво оглядел себя: черные, блестящие волосы переходили в небольшой хвост, схваченный голубым шелковым бантом с крупной жемчужиной посередине. В мочке правого уха блестело колечко серьги. Темные глаза на загорелом овальном лице, смотрели с самоуверенностью человека, который привык, что судьба заботится о нем. Из коварной жизненной колоды его длинным пальцам, украшенным платиновыми кольцами, всегда удавалось вытягивать козыри. – Ну разве это был не козырь, – ухмыльнулся

Всегда важен мотив

Леон, – когда ко мне пришел Рудольф. - Он отлично помнит их первую встречу: Рудольф в поношенном костюме, старых туфлях, переминаясь с ноги на ногу и кашляя от волнения, положил ему на стол свои эскизы. – А ведь я мог и не принять его! – с запоздалым волнением подумал Леон. – Отмахнулся бы от провинциала, ищущего удачи в столице. Но нет, что-то мне подсказало: посмотри эскизы! – Шаффранников провел руками по стройным бедрам, затянутым в эластичные брюки. Да, сегодня на подиуме он должен выглядеть эффектно скромно - во всем черном: шелковая рубашка, брюки и только бриллиант на платиновой цепочке, плотно охватывающей шею, будет украшать его блестательное появление в конце шоу. Собственно, сама премьера шоу состоится только через неделю. Сегодня генеральный просмотр, но благодаря известности Дома моды Соболя-Шаффранникова и вечных слухов вокруг его имени этот просмотр превратится в представление для избранных.

Леон сел в кресло перед блестящим белым столом.

«Да, придется проститься со всем этим, – оглядываясь вокруг, думал он. – Но без всякого сожаления. Такая удача выпадает немногим – открыть свой Дом моды в Париже!»

Когда мсье Дюрок, крупная фигура в модельном бизнесе, приехал в Москву и познакомился с ведущими русскими кутюрье, его внимание сразу привлекли двое: Леон Шаффранников и Андрэ Берзиньш.

Правда, лет десять назад эти талантливые молодые люди вызвали бы у него только зависть, потому что в прошлом Ив Дюрок - неудавшийся дизайнер. Ему так и не удалось создать свою торговую марку, пользующуюся популярностью. Все, что он делал, уходило в безвестность. Его линия косметики «Жемчужины воспоминаний», его коллекция одежды «Синие зарисовки» не получили никакого резонанса. Он был на грани отчаяния, когда совершенно неожиданно ему пришла в голову одна мысль: «Если я сам не могу добиться признания в мире моды, то, учитывая мои финансовые

Тиана Веснина

возможности, я могу вложить деньги в какого-нибудь талантливого молодого модельера и, таким образом, стать основателем Дома моды». И он принял решение искать этого талантливого модельера.

Вначале его заинтересовал Андрэ, который словно окутывал свои модели дымкой чувственности. Ирреальность и возбуждающие воображение линии – таков был стиль Берзиньша. Однако сам Андрэ не понравился мсье Дюроку. Он был излишне самоуверен, самовлюблен, неординарно независим в высказываниях. «Я не думаю о женщинах, я думаю о силуэтах», - бросал он своим поклонницам.

Поэтому Дюрок решил поближе познакомиться с Леоном Шаффранниковым. Тем более что был неплохо знаком с его сестрой, Линой Рюс.

Леон поразил его полным отсутствием собственного направления. Его коллекции были словно созданы разными людьми. Но буквально на глазах, после нескольких замечаний Ива, Шаффранников обрел свой стиль, который Дюрок определил как утонченно-жесткий.

Леон был полон идей, он засыпал Ива эскизами и проектами. После серьезных размышлений Дюрок пришел к выводу, что такой «фонтанирующий» модельер ему и нужен.

Модельное шоу «Прощание Марии Стюарт» должно было уничтожить последние сомнения, мучившие мсье Дюрока, потому что независимо-наглый Берзиньш все-таки не давал ему покоя. Акварельная недосказанность его моделей имела все шансы очаровать парижанок.

Леон чувствовал колебания француза, но после того, как закончил подготовку шоу, абсолютно уверился в своем успехе.

«Я наделен редким даром чуткого восприятия чужих желаний, - потирая руки, продолжал размышлять он. – Я сразу понял, что допустил оплошность, смешав свои эскизы с эскизами Рудольфа. Француз безошибочно выбрал работы Логинова, а мои отбросил, в недоумении

Всегда важен мотив

пожав плечами. Но это вовсе не потому, что Рудольф талантливее меня, просто я опережаю время. В моих идеях чувствуется гениальность, а она, как известно, всегда настораживает. Когда я обоснуюсь в Париже, тогда смогу развернуться в полную мощь. Но это потом, - напомнил сам себе осторожный Леон. – Сейчас у меня главная задача – сохранить в неприкосновенности наши негласно сложившиеся отношения с Рудольфом. На данный момент он мне нужен как воздух!»

Шаффранников уже решил, каким образом ему поступить с Логиновым. Сначала, правда, он хотел взять его с собой в Париж, но после размышлений пришел к выводу, что будет лучше ограничиться командировками стилиста. Пусть приезжает к нему через каждые два-три месяца и привозит новые разработки. Рудольф, конечно же, был вправе ожидать, что Шаффранников поставит его во главе московского Дома, но Леон поступил иначе. Руди по-прежнему останется только стилистом, а управлять всем будет верный Шаффранникову человек.

«Ах, Париж, Париж... мечта на ладони!.. – рассмеялся Леон, но неприятная мысль оборвала его улыбку. – Руди сам позволил отношениям сложиться так, как они сложились! Он щедро бросает мне идеи, я его не заставляю!.. У меня целый штат дизайнеров, визажистов, парикмахеров, но все, что они делают, они делают под моей маркой. Все, что рождается в лоне моего Дома должно носить только мое имя. Хотя именно Рудольф мог бы воспротивиться, и я, вполне возможно, согласился бы на небольшой компромисс, но он боится... не решается... он слишком интеллигентный провинциал, у него нет той бульдожьей хватки, которой обычно отличаются искатели удачи из глубинки. Ну, вот и ладно!.. – быстро усмирил свою попробовавшую взорвать совесть Шаффранников. – Все эти побрякушки: «Золотые наперстки», «Золотые вешалки», «Платиновые ножницы» оставлю здесь, – решил он, оглядывая свои призы, выставленные на специальных постаментах. – Хотя, если признаться, я был

Тиана Веснина

счастлив, получая их. – Леон подошел к высокому постаменту, на котором под стеклянным кубом хранилась «Золотая вешалка». – Господи, как я тогда волновался!.. – по его губам скользнула насмешка. – «Лучшая вешалка» Москвы!.. А вот «Платиновые ножницы»! – он подошел к огромным ножницам, вставленным в спиралевидную металлическую ленту, прикрепленную к подставке, которая, в свою очередь, тоже была водружена на постамент в виде колонны. - Они мне достались нелегко. Пришлось поработать с членами «беспристрастного» жюри, чтобы обойти Андрэ. И обошел-таки!..» – расхохотался Леон.

Он вспомнил подиум, залитый светом, громapplодисментов, цветы, бледное лицо Андрэ и себя - победителя, разрезавшего огромными сверкающими ножницами воздух, словно ткань для своих будущих творений.

«Пожалуй, ножницы возьму, – решил Шафранников и перевел свой взгляд на портрет сестры. – Да, отправная точка моей карьеры – это Лина, спасибо ей!.. Однако что-то я чересчур увлекся воспоминаниями, а надо заниматься настоящим, чтобы иметь будущее!..»

Дверь уже давно закрылась за спиной Шафранникова, а Рудольф, бессильно опустившись на высокий металлический табурет, не мог пошевелиться. Два беспощадно ясных чувства боролись в его душе. Он был обязан всю жизнь благодарить Леона за то, что тот рискнул взять для своего дефиле несколько моделей неизвестного парня. И после первого успеха, который еще ничего не означал, Леон вновь пошел на риск. Просмотрев эскизы Рудольфа и выслушав его идеи о еще не существующей в природе ткани, он обратился к своей сестре, и с ее помощью во Франции были закуплены новые материалы. Леон воплотил мечту Рудольфа. Он

Всегда важен мотив

никогда не забудет тот день, когда его рука коснулась ткани, готовой к всевозможным модификациям. Тогда Леон был для него всем!.. Но прошло время, которое все переоценивает, и Рудольф теперь совсем по-другому смотрел на себя и своего благодетеля.

«Да, я был безвестным, беспомощным фантазером, - размышлял он. – Леон пошел на риск, ему не откажешь в чутье, и я стал лучшим дизайнером столицы. Равным себе могу считать только Андрэ, но!.. – От этого «но!» Рудольф поморщился. – Но о том, что я первый дизайнер никто даже не догадывается. Для всех существует только мэтр Леон Соболь-Шафранников. Это он получает призы и щурится в лучах славы. Я же скромно стою за его спиной, которая отбрасывает на меня глубокую тень».

Четыре года Рудольф покорно сносил молчаливо установившиеся отношения. Он делал эскизы моделей, занимался дизайном бутиков, расположенных на первом этаже Дома, подбирал парфюм, готовил дефиле, но все это было в тайне ото всех. Раз в две недели, поздно вечером, когда весь персонал покидал Дом моды, Рудольф приходил в кабинет Шафранникова, и зачастую они засиживались до утра. После этого Леон приступал к делу. Собирался совет, на котором мэтр ошеломлял всех своими оригинальными идеями. Каждый получал четкие указания, в том числе и стилист Логинов. Но однажды...

Золотистый свет струился из высоких светильников. Рудольф уже полностью изложил свою концепцию «жемчужины сезона», модельного шоу «Прощание Марии Стюарт», когда, выходя из кабинета вместе с Шафранниковым, его осенила мысль о воротнике королевы.

Они остановились в дверях, и Логинов предложил Леону сделать оригинальный покрой «с сюрпризом». Леон тут же ухватился за эту мысль и, придержав за руку Рудольфа,

Тиана Веснина

попросил более подробно изложить свою идею. Они вернулись к большому столу, и Руди сделал несколько набросков на листах.

Час спустя, пребывая в радостно возбужденном состоянии, мэтр и его стилист покинули кабинет, не заметив вжавшуюся в стену коридора тоненькую фигурку.

На другой день на пороге студии Логинова возникла Мила. Почти с первых месяцев появления Дониной в Доме моды между ней и Рудольфом установились дружеские отношения. Она сразу распознала в Рудике стопроцентного гея и в отличие от других манекенщиц не пыталась влезть к нему в постель.

Мила возникла в дверном проеме, многозначительно покачала головой и, подойдя к Рудольфу, решительно произнесла:

- Нам надо поговорить!
- Слушаю, – слегка недоумевая, ответил Рудольф.

Девушка оглянулась на дверь.

- Вчера я допоздна задержалась здесь, все ходила по подиуму... ну, ты знаешь... хочу заткнуть в дальний угол эту чертову Ингу. Одним словом, я все видела и слышала, – зловеще прошептала Мила, словно вливая яд прямо в ухо Логинову. – Ты, Рудик, - негр Шафрана!..

Рудольф вскочил.

- Заткнись! – он открыл дверь и выглянул в коридор. – Ты с ума сошла!.. – набросился он на девушку. – С чего ты взяла?!

Мила спокойно вынула из пачки сигарету и закурила.

- Мой бог! Чего ты так волнуешься?.. – легкой волной колыхнулись ее плечи. – Ведь это ты создаешь модели!

- Много ты понимаешь, – с недовольством произнес Рудольф. – Что я без Шафрана? – Ноль!

- А он без тебя?.. – сидя на столе и покачивая ногой, с язвительной иронией задала манекенщица вопрос, которым окончательно лишила Логинова покоя.

Он и так уже давно мучился, искал оправдание своей рабской зависимости.

Всегда важен мотив

- Все должно иметь свои границы, – произнесла Мила, как бы давая ему выход из сложившейся ситуации. – И благодарность в первую очередь!.. Хватит! Отработал!

- Да пойми же, – притягивая девушку за шею, проговорил Рудольф. – Чтобы стать действительно независимым, нужно иметь много денег!.. Ну что я со своими идеями?.. Ну, перейду в другой Дом моды - там то же самое. Ведь никто из мэтров не подвинется, чтобы пропустить меня!..

- Значит, нужно найти спонсора. Делового человека, который захочет вложить деньги в твои идеи.

Логинов расхохотался.

- Давай сделаем так, - предложил он. – Для начала ты, красивая и неповторимая, найдешь себе спонсора, который сможет подвинуть дружка Инги и поставить тебя на ее место.

Милу передернуло от этих слов. Она вскочила со стола и, зло сверкнув глазами, отошла к окну.

- Видишь, ты, красивая девушка, и то не можешь найти себе любовника, который захотел бы не только спать с тобой и покупать безделушки, а помочь тебе стать топ моделью!.. Ведь их у тебя было... - в голосе Рудольфа послышался отзвук бесконечности.

- Да! – яростно воскликнула девушка. – Они вначале почти все обещают помочь! А потом только трахают, да бросают свои подачки!..

- Но вот Инга-то нашла! – безжалостно продолжал Рудольф. – Значит, есть в ней что-то...

- Да ничего в ней нет! – с такой злостью крикнула Мила, что Рудольфа, будто воздушной волной прижало к стене.

- Ну, это не тебе решать, – уже более осторожно добавил он.

Девушка открыла бар и загремела бутылками.

- Черт! У тебя что, Мартини кончился? – психовала она.

- У меня все кончилось!.. И терпение тоже! – Рудольф подошел к бару и налил две рюмки коньяка. – Хватит, успокойся!

Тиана Веснина

- Да... успокоишься тут... когда не везет!..
- А ты поступи так, как другие девушки. Не могут сами найти себе нужного покровителя - отбивают у соперницы...
Мила расхохоталась.
- Думаешь, я не пыталась?
- Да ну?.. – с наигранным удивлением изогнул брови Рудольф.
- Вот и да ну! – наливая себе еще рюмку, бросила она. – Переспал, подарил мелочь и...
- И вернулся к Инге, - мягко закончил ее фразу Логинов.
- Ну что, что мне делать?..
- Послушайся моего совета, – обнимая ее за плечи, сказал он. – Успокойся и воспринимай все как данность. Кто-то же должен быть вторым!.. А кто-то третьим и так далее...
- У!.. - Мила не могла найти слов. – У!.. беспозвоночный!.. – и, будто подхваченная смерчем, она вылетела из студии.

* * *

Они еще несколько раз возвращались к этому разговору, и однажды Мила предложила Логинову поговорить с глазу на глаз с мсье Дюроком.

- Расскажи ему правду! – настаивала она. – Ведь это не ложь, не обман, не подлость, это правда!..
- Нет, я не могу, не проси, – отвергал ее идею Рудольф.
- Ну, Рудик, дорогой, послушай, как все могло бы быть прекрасно, - ласково уговаривала его девушка. – Дюрок заключил бы с тобой контракт, ты открыл бы в Париже свой Дом моды, а я бы стала его лицом!..
- Мила – это глупо! Ведь существует такое понятие как имя! Соболь-Шаффранников не нуждается в представлении. Подумай, разве возможно, чтобы Дюрок после моей тирады попираемого стилиста рискнул подписать договор с никому неизвестным Логиновым? Нет, не буду я с ним говорить!.. К тому же и во французском я не силен.

Всегда важен мотив

- Так я сама с ним поговорю! На английском, как сумею!..
- Ты что, с ума сошла? – в ужасе закричал Рудольф. – Не смей!.. Ты погубишь и меня и себя!..

Мила, заметив неприкрытий испуг в серых глазах друга, поспешила его успокоить.

- Ну, не хочешь... не буду.

Но остатки душевного равновесия были потеряны. Тяжелые мысли не давали Рудольфу покоя. Все аргументы в пользу тихой спокойной работы за спиной Шаффранникова разбивала ужасная фраза, которую на свою беду он недавно услышал.

На одном вечере смущавший и волновавший его естество Андрэ Берзиньш процитировал кого-то из знаменитых: «Цель нашей жизни – самовыражение. Высший долг – это долг перед самим собой» (О. Уайльд). Афоризм не отличался новизной и не был парадоксален, но запал в душу Рудольфа.

«Всю жизнь в тени Шаффранникова, а когда надоем или появится новый, с его точки зрения, более интересный дизайнер, которого он точно так же превратит в своего стилиста, то меня за дверь!.. И ведь вышвырнет, не задумываясь, не мучаясь, что обязан мне своей славой. В конце концов, кто позаботится обо мне, если не я сам?!»

Рудольф понимал, что у него остается последний шанс, пока мисье Дюрок не подписал контракт с Шаффранниковым, пока еще не открыт Дом моды в Париже...

«Может, и в самом деле рискнуть и попытаться поговорить с французом?..»

Глава II

До начала генерального прогона шоу оставались считанные часы. В коридорах началось бурное передвижение. Рудольф старался успеть повсюду: и заглянуть к звукорежиссеру, и проверить свет, и главное

Тиана Веснина

бросить последний взгляд на свои творения. Шаффранников столкнулся с ним в узком проеме двери.

- Все в порядке? – с волнением в голосе спросил Леон.
- Надеюсь, – вздохнул Логинов. – Уповаю!
- Не надо уповать, надо делать! – жестко бросил мэтр и зашел в гардеробную, где готовились к выходу манекенщицы.

- Инга! Где Инга?! – оглядев полуодетых девушек, воскликнул он.

- Ее еще нет! – отозвался чей-то тоненький голосок.
Леон тихо выругался и, резко повернувшись, натолкнулся на Милу.

- А, черт! – набросился он на нее. – Не видишь, что ли?
Девушка отпрянула назад, сверкнув обиженным взглядом из-под буклей рыжего парика.

«Сволочь!» – послала мысленно она вслед Шаффранникову.

Вихрем промчавшись по коридору, Леон резко открыл дверь студии Логинова и замер, упервшись взглядом в чью-то широкую спину. Опустив глаза, Леон увидел мощные, равномерно двигающиеся ягодицы и длинные ноги, обхватившие их.

«Так! Инга!» - констатировал он.
- По-моему, кто-то вошел! – раздался голос Инги, лежавшей на столе. – Вадик, ты дверь закрыл?

Вадик обернулся и, увидев Леона, бросил:
- Привет! Мы сейчас!

Леон от бурлившего внутри негодования весь покраснел. Но не произнес ни слова.

Вадим Салатко был крупным бизнесменом и деловым партнером Шаффранникова, от которого в немалой степени зависел его модельный бизнес.

- Прости, - застегивая молнию, громко рассмеялся Вадим. – Мы тут расслабились... немного.

Инга, спрыгнув со стола, поспешила в ванную, крикнув Шаффранникову:

Всегда важен мотив

- Понимаешь, мне было необходимо настроение Марии Стюарт... Они ведь в то время трахались напропалую, - продолжила она свои объяснения, подкальвав волосы, - ни телевидения, ни электричества... одна чувственность... Вот я и попросила Вадика приподнять мне настроение.

- Уверен, он справился, - кривя улыбку, ответил Шафранников. – Однако поторопись!

- Не волнуйся, я буду великолепна!

- Ух... люблю!.. – ловко проведя крупной ладонью по бедру девушки, воскликнул Вадим.

Отыскав свою топ-модель, Шафранников направился в фойе. Приглашенные уже начали собираться, это было слышно по легкому гулу голосов.

Едва он появился на пороге, как к нему сразу же устремились журналисты. Леон легким кивком приветствовал их, в то же время, делая знак: «Все потом!»

Он перекинулся словами с некоторыми из знакомых, пожал несколько рук, обменялся поцелуями щек. Острый черный взгляд Леона в недоумении остановился на великолепном Андрэ Берзиньше. Его хладнокровная уверенность всякий раз выводила Шафранникова из равновесия.

«Я бы ни за что не пришел на триумф соперника, – отметил про себя Леон. – А этот расхаживает так, словно ничего особенного не происходит. - Он не удержался и еще раз украдкой взглянул в сторону Берзиньша, лениво опершегося на постамент, имитирующий полуразрушенную ионийскую колонну. – Спокоен до неприличия, – тревожно кольнула мысль. – А может, он позабочился о том, чтобы триумфа не было?.. Заплатил, перекупил... Кого?.. Да кого угодно!.. Осветителя, звукорежиссера, рабочих, готовивших подиум...»

Берзиньш, заметив Леона, приветствовал того взмахом руки. Леон не выдержал и подошел к нему. Андрэ в кожаных золотисто-коричневых брюках и рубашке с высоким жестким воротником беседовал с Натали Круглофф, владелицей бутика класса люкс.

Тиана Веснина

- Рад, что ты смог прийти, – сверкая улыбкой, произнес Шафранников.

- А разве ты, посыпая мне приглашение, втайне желал обратного? – удивился Андрэ.

Леон смешался под его пронизывающим светлого-голубым взглядом.

- Напротив, - продолжал ленивым тоном Андрэ, - мне всегда интересно посмотреть, чем дышат другие.

- Слухами полнится вся Москва, - заискивающе улыбаясь, произнесла Натали Круглофф. – Говорят, это будет что-то необыкновенное!..

- Пусть будет, а мы посмотрим, – благосклонно, словно король в хорошем настроении, проронил Андрэ.

Леон сослался на занятость и отошел в сторону. «Черт! Как он, однако, самоуверен!», посмотрел на часы и поспешил за кулисы.

Рудольф, уже не сознающий собственного «я», раздираемый на части неожиданно возникающими проблемами, отдавал последние указания.

Внимательно оглядев готовых к выходу манекенщиц, Леон сделал свои замечания, переговорил с Логиновым и потихоньку, сквозь дырочку в драпировке, заглянул в зал.

Первым его взгляд отыскал мсье Дюрока, который слушал присевшую рядом с ним Натали Круглофф. «Пронырливая баба!» – лишний раз подивился Леон.

Закинув ногу за ногу, сверкая золотистым отблеском кожаных брюк, в первом ряду сидел Андрэ.

- Леон, пора, – тронул его за плечо Рудольф.

Шафранников от неожиданности вздрогнул и тут же подумал: «Удача не оставит меня!»

Он глубоко вздохнул, поправил ставшую тесной цепочку на шее и, пройдя перед выстроившимися в ряд манекенщицами, сказал:

- Ну, с богом!

Рудольф взял микрофон и коротко бросил:

- Свет!

Всегда важен мотив

Длинная солнечная дорожка пролегла по белоснежной глади подиума. Под хрустальные перезвоны колокольчиков на нее выбежала девочка с озорными белокурыми локонами. Она была в пышном светлом платье, перехваченном широким розовым шарфом. Раздались звуки шотландской волынки, и в клетчатых юбках по подиуму прошел хоровод друзей маленькой принцессы. Постепенно звуки волынки растворились в нарастающем, пахнущем свежестью, шуме океана.

Бирюзовые волны нахлынули на подиум и залили его белоснежную поверхность. И вдруг загорелась огромная многоярусная люстра. Лучи света, преломляясь в хрустальных подвесках, играли всеми цветами радуги.

Свадебный бал! Кавалеры в джинсах с молниями, украшенными бантиками; кружевных рубашках и майках; шортах, обшитых пышными рюшами; беретах рейнджеров с перьями и брошами. Дамы в широких юбках на проволочных каркасах с большими разрезами впереди покачивались, словно лилии на королевском пруду.

Источая чувственность, на подиуме появилась Мария в нежно-голубом платье, с юбкой, при каждом шаге разлетающейся в стороны и открывающей длинные ноги в белых чулках с пышными подвязками.

Кавалеры окружили красавицу шотландку... Фривольные сцены, оригинально срежиссированные Рудольфом, пробудили интерес зрителей. Каждая композиция занимала не более двух минут. Персонажи обнимали, ласкали друг друга, замирали в изящных, не лишенных двусмысленности позах. Не обошлось, конечно, и без колоритных фигур в духе знаменитого Брантома.

Кавалер, запутавшийся в нижних юбках дамы и передумавший оттуда вылезать, ласкает ее ноги. В это же время дама, изливая негу, пытается по всем правилам куртуазного общения говорить с королем, который, охваченный острым желанием, сам решил заглянуть под юбку красавицы и встретился там нос к носу с соперником.

Тиана Веснина

Завершило действие появление юного принца, мужа Марии, в пышном бархатном берете, украшенном позолоченными ветвистыми рогами. Последний луч света выхватил счастливое лицо принцессы, игриво отбивающейся от двух кавалеров.

Величавая своей грустью музыка сменяет веселые напевы флейт и лютен. Молочно-белым дождем осыпаются лепестки света и покрывают белое траурное платье Марии с бесконечно длинным, словно ее печаль, шлейфом.

Придворные тенями скользят вокруг овдовевшей королевы. При помощи света и фосфорицирующих тканей Рудольф добился необычайного эффекта иреальности живых фигур.

Разноцветные ленты, словно волны моря, трепещут по подиуму... но надвигающийся мрак постепенно перекрашивает пеструю жизнь Марии в один, лишенный малейших оттенков, черный цвет. Все поглотила мгла.

Слышится звук падающей капли, и по подиуму расплывается алое пятно. Тяжелый золотой свет заливает подмосток, на который выплывают модели в пышных платьях из статичного материала.

В проволочной юбке, облепленной пауками из меха норки, появляется Елизавета. Рыжие букли парика отливают медью, ноги в красно-коричневых чулках и парчовых туфлях ступают величественно медленно. Ее глаза горят нетерпением и злобой, потушить которую не в силах даже океан. Она отдала приказ и ждет заветный подарок.

Модели прошли по подиуму и замерли вдоль белой стены. Полоска черного света разворачивается как траурная дорожка... Стена погружается во мрак... В ярко-красном платье из капронированного тюля с большим черным лаковым воротником в форме блюда появляется Мария. Она гордо несет свою голову в дар сопернице. Она проиграла любовь, королевство, жизнь, но она не побеждена. И после смерти Мария останется королевой.

Всегда важен мотив

Ее шаг нетороплив и акцентирован музыкой. Она останавливается. За ее спиной возникает тень топора. На одно зловещее мгновение он зависает в воздухе, а потом обрушивается на шею Марии и в этот миг манекенщица порывистым движением наклоняет голову вперед, а сзади, словно фонтан крови, взвивается красный с изорванными концами тюлевый воротник. Обезглавленное тело королевы замирает. На черном лакированном блюде-воротнике лежит прекрасная голова с длинными белокурыми волосами.

Зал онемел не в силах принять страшного своей щедростью подарка.

Первыми нарушили тишину несколько благосклонных ударов в ладони Андрэ Берзиньша, вслед за которыми раздался гром аплодисментов и неистовые крики: «Браво, Леон!»

Шаффранников перевел дыхание и вышел на подиум. Цветы, восхищенные глаза, громогласные приветствия... Он вывел вперед Марию-Ингу и Елизавету-Милу. Две непримиримых соперницы сияли улыбками. Леон, стоя посередине и, подражая Берзиньшу, благосклонно принимал славословия. Но его темперамент не смог долго оставаться в узких рамках скучающего короля. Он вырвался жгучимиискрами из глаз и порывистыми движениями рук, словно пытающихся поймать словесный фимиам. Он подходил к краю подиума, принимал букеты, склонялся для восторженных поцелуев.

А в «тени последней кулисы» вздыхал Рудольф.

«Я победил!.. Я смог!..» Крошечные слезинки сверкнули в его серых глазах. Он улыбался сам себе и поздравлял сам себя. «Жаль, что никто в этом огромном зале не знает, что на самом деле они аплодируют мне!.. Жаль... Впрочем, Мила!.. Она знает!..» Щемящее чувство несправедливой обиды сжало сердце.

Рудольф не ошибся.

Тиана Веснина

«Подлец! – негодовала Мила. - С какой беззастенчивой наглостью он присваивает себе чужую славу и талант, помноженный на беспрерывный труд!»

Ей хотелось крикнуть, чтобы слышали все эти, неистовствующие в восторге: «Это Рудольф!.. Это все сделал и подарил вам Рудольф!»

Она поймала себя на том, что уже набрала в грудь воздух, но, огляделась, тихо выпустила его из приоткрытых губ.

Мсье Дюрок не преминул подняться на подиум, якобы для того, чтобы поздравить Леона, а втайне, чтобы постоять на нем покорившейся ему белой глади и на секунду представить, что все эти «Браво!» только для него.

Донина, словно кобра перед прыжком, устремила на француза немигающие глаза. Потом перевела их на почти парящего над подиумом Шафранникова.

«В Париже не место бездарностям!» – окончательно решила она.

В несвойственном для себя темпе Мила переоделась и поспешила в банкетный зал. По дороге заглянула в студию Логинова: он стоял с бокалом в руке и смотрел в окно.

«Слабовольный, трусливый... - со злостью подумала она, но тут же, смягчившись, добавила: - И невероятно талантливый».

Не нарушая его уединения, Донина тихо прикрыла дверь.

Банкетный зал переливался звоном бокалов. Мсье Дюрок и Леон были окружены плотным кольцом гостей. Ослепительно замигали фотовспышки. Дюрок еще ближе придвинулся к Шафранникову. Но тут появились Вадим Салатко и Инга. Леон протянул руки, встречая свою топ-модель.

Всего мгновение мсье Дюрок оставался один, но этим мгновением живо воспользовалась Мила. Она взяла его под руку и ловко увлекла из банкетного зала.

Всегда важен мотив

- Мне надо сказать вам что-то очень важное! – шепнула она ему по-английски.

Дюрок с недоумением посмотрел на нее и сам не заметил, как очутился в опустевшем шоу-зале, где рабочие уже покрывали чехлами величественный подиум.

Прижав француза чуть ли не к стене, Мила начала без всякой преамбулы.

- Мсье Дюрок, то, что вы видели, сделал не Шаффранников, а Логинов!..

Ее горящие глаза старались уловить на его лице признаки понимания.

Дюрок морщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл сказанного.

- Что вы имеете в виду?.. Мсье Логинов – стилист, это не тайна. Он интерпретирует стиль Леона. Но в этом нет ничего...

- Вы не понимаете! – нетерпеливо перебила его девушка. – Леон – ничто, Леон – зеро... имя, за которым ничего нет. Логинов... - тяжело дыша от волнения, говорила она, - делает эскизы, разрабатывает новые технологии кроя, создает коллекции, занимается дизайном, сочиняет сценарии шоу...

Дюрок с идиотским непониманием и удивлением в глазах смотрел на манекенщицу. Вдруг кто-то с силой оттолкнул Милу в сторону, и перед ошеломленным Дюроком возникла смеющаяся Инга.

- Да она же пьяна!.. Ив, кого вы слушаете?!.. Она уже не знает, что сделать, чтобы улечься в постель к Рудольфу, который на нее попросту плюет.

Больно схватив Милу за руку, Инга зашептала:

- Стерва!.. Так ты отблагодарила Шаффрана за то, что он из тебя, провинциальной дряни, сделал модель!.. Сегодня праздник и не стоит его портить. Но завтра я все расскажу Леону!.. Так что можешь уже собирать вещички. Модельный бизнес больше не нуждается в твоих услугах.

– Словно двуликий Янус, Инга с улыбкой обернулась к Дюроку, и они направились в банкетный зал.

Тиана Веснина

Мила бессильно прижалась к стене.

«Рудик оказался прав!.. Кому поверит Дюрок?! Конечно, Инге и Шафранникову, который завтра же с треском выгонит меня из Дома. Что ж, я поспорила с судьбой, определившей мне добротное второе место, в результате я потеряла и его!..»

* * *

Мила не спала всю ночь.

«Утверждают, будто всегда можно найти выход, - стараясь успокоиться после приступа отчаяния, размышляла девушка. – Значит, и из моего положения можно выкрутиться. Но что я могу предпринять?.. – Она плеснула на дно стакана Мартини. – Первое, - уговорить Ингу забыть об услышанном разговоре. Но это означает, что отныне я буду состоять у нее в услужении. Второе, - сыграть дурочку и с круглыми от изумления глазами уверять, что действительно была пьяна и ничего не помню. Третье... - Мила подошла к окну и взглянула на светящуюся под темным ночных небом Москву. – Третье... - в задумчивости пробормотала она, - я любой ценой должна остаться здесь!..»

Утро выдалось дождливое с озорными солнечными просветами. То лучи, бросая огненные блестки в глаза, заставляли прохожих смешно щуриться, то небо затягивалось густой серой дымкой, и торопливый дождик стучал по асфальту.

Донина вышла из метро и медленным шагом направилась к Дому моды. Не успела она войти в вестибюль, как раздался голос одной из манекенщиц, вихрем пронесшейся перед ней:

- Мила, скорей! Леон собирает всех в студии Рудика!

Острое чувство страха на несколько секунд парализовало девушку.

Всегда важен мотив

«Нечего пугаться, – успокоила она себя. - Не будет же Леон перед всеми выяснять, что я сказала Дюроку. Скорее всего, он собирается устроить разбор вчерашнего показа».

Мила вошла в студию.

У края стола буднично примостился Рудольф и что-то набрасывал на плотном листе бумаги. Несколько манекенщиц устроилось на кожаном диване, другие сидели на высоких табуретах, а некоторые - прямо на полу. Визажисты, ассистенты, парикмахеры поместились на стульях вокруг стола. Мила отошла в угол и присела на пуф. Инга и Леон появились почти одновременно. Сердце Милы скжалось. Она попыталась понять по лицу Леона: сказала ему уже Инга или нет.

Леон сверкал и лучился.

- Всем спасибо!.. – энергично начал Шаффранников. – Прогон шоу прошел отлично! Теперь разберем ошибки! Скажите, пожалуйста, милая Гая, - елейно ласково обратился он к одной из манекенщиц, - когда вы прекратите ходить поперек музыки?.. Неужели вы думаете, что однажды, музыка, устав от вашей глухоты, сама начнет подстраиваться под вас? – Шаффранников устремил немигающий взгляд на девушку.

И разбор оплошностей, промахов, недочетов продолжился.

- А вот кем я доволен, - Леон интригующе улыбнулся, - так это Ингой! Великолепно!.. И Милой!.. Кстати, где она?

Мила нехотя поднялась с пуфа.

- Отлично, Милочка! Признаться, не ожидал!.. Надеялся, не скрою, но не ожидал!.. Учитесь! – обратился он к манекенщицам. – Сумела избавиться от провинциальной безвкусицы и вышла в королевы. Браво! – с оттенком пафоса воскликнул он и захлопнул в ладони.

Мила, покусывая губы, смотрела то на него, то на Ингу, которая послала ей насмешливо-презрительный взгляд.

«Значит, еще не сказала, - отметила про себя Донина. – Видно, хочет преподнести с эффектом».

Тем временем Леон всех отпустил.

Тиана Веснина

Мила хотела поговорить с Рудольфом, но, увидев, что тот беседует с Шафранниковым, направилась к двери.

- Мила! – раздался голос Леона. – Пойдем с нами в кафе! – тоном приказа пригласил он.

«В кафе!.. Вот оно что!.. Инга решила «подать» меня на десерт. Наевшись пирожных, они устроят мне суд и изгонят из своего круга без права возврата. Уж Инга об этом позаботится!»

- Хорошо, – по возможности спокойным голосом ответила она и уточнила: - Вы будете в «Сладком Романе»?

- Как всегда.

Когда все приглашенные Леоном вошли в кафе, Мила уже сидела за столиком, покрытым розовой скатертью. Завидев своих постоянных посетителей, навстречу им вышел хозяин сети кафе «Сладкий Роман», Роман Борисов. Высокий, полный мужчина средних лет, приятно улыбающийся VIC – Very important clients /Очень важным клиентам/ и со сдержанностью министра относящийся ко всем остальным. Он широко развел руки, радостно приветствуя Шафранникова.

- Прошу, прошу! – отодвигая стулья перед девушками, с достоинством сутился Борисов. – Вижу твой вопрошающий взгляд, Леон, - в то же время говорил он. – «Гато руайаль» исходит кремом от нетерпения попасть к тебе в рот.

Леон рассмеялся и сел между Рудольфом и Ингой, которая переговаривалась со своей приятельницей, манекенщицей Оксаной. Напротив Леона поместился главный визажист Женя. Таким образом, Мила оказалась рядом с Руди.

- Любочка! Побыстрей, ласточка! Побыстрей! – отдавал распоряжения Роман официантке с пышной розовой наколкой в волосах. – Шесть кофе и ликер «Шартрез» от заведения! – понеслось следующее распоряжение в сторону официанта.

Всегда важен мотив

- Был вчера на шоу!.. Потрясен! – прикладывая руки к груди, уже обращался Роман к Леону. – Инга! Нет слов! Великолепна! – склонился он к руке топ-модели. – Мила - просто рыжий бриллиант!.. Сколько экспрессии!.. Потрясен!..

Розовая скатерть уже была уставлена чашками с кофе, рюмочками с переливающимся зеленоватой синевой ликером, тарелками со слоеными пирожками и специальным изобретением Романа – низкокалорийными фруктовыми пирожными. Поэтому манекенщицы охотно посещали его сладкое заведение.

Весенний воздух, врываясь в кафе через приоткрытые окна, играл белоснежным шелком занавесей и приносил с собой запах дождя и лесной фиалки.

- Боже, откуда? Лесная фиалка?! – с удивлением восхлинула Оксана.

Роман лукаво сощурил глаза.

- Стаемся!.. Договорился с лесом и ветром, чтобы прямиком аромат в кафе доставляли.

- Браво, Рома! – рассмеялся Леон. – Ты каждый раз приводишь меня в восторг своими изобретениями.

Борисов скромно потупил глаза.

- А вот и «Гато руайаль а ля крем шантый», - с французским прононсом объявил он. – К сожалению, почитателей этого изыска среди вас всего двое.

- Но это наша маленькая тайна, – заметила Инга. – Для всех остальных я не ем пирожных, а питаюсь исключительно цветочным нектаром.

Роман приложил палец к губам.

- Исключительно между нами. Пусть журналы продолжают убеждать своих читателей, что топ модель не ест пирожных. А мы сохраним ее маленькую слабость в секрете, – весело прошептал он.

Официантка поставила ажурные тарелочки с многослойным пирожным, изысканно украшенным кремом шантый, перед Ингой и Леоном.

Тиана Веснина

- Я тоже обязан следить за фигурой, но устоять перед сладким романом с «Гато руайяль» не в силах, – в который раз признался в своей кулинарной слабости Леон.

Роман, пожелав всем приятного аппетита, покинул своих гостей.

Мила, рассеянно глядя по сторонам, пила кофе. Рудольф взял рюмку ликера. Визажист Женя отдавал должное слоеным пирожкам, а Оксана манерно, словно нехотя, ломала ложечкой фруктовое пирожное.

- Божественно! – выдохнул Леон, отправив в рот кусочек «Гато руайяль».

Инга последовала его примеру.

- Бо... - ее голос неожиданно пресекся, глаза вылезли из орбит, и голова со всего размаха упала на стол, прямо в тарелку с пирожным.

Все обомлели.

Первым очнулся Леон. Он подскочил, приподнял Ингу за плечи и прислонил к спинке стула. Голова девушки безжизненно свисла набок.

- Инга!.. Господи!.. Ей плохо!.. – засуетилась вокруг подруги Оксана. – Инга!.. Да вызовите же врача!.. – она схватила салфетку и вытерла перемазанное кремом лицо модели.

Прибежал удивленный Роман.

- Все в порядке! – сразу же громогласно обратился он к встревоженным посетителям. – Просто девушке стало душно. Перенесите-ка ее ко мне в кабинет, - сказал он двум охранникам, подошедшими по его знаку.

Легко подхватив модель, они бережно вынесли ее из зала и уложили на широкий диван в кабинете хозяина.

Вся компания с тревогой и удивлением последовала за ними.

Приехала бригада скорой помощи. Растиравшая нашатырным спиртом виски своей подруге, Оксана встала с края дивана, уступая место врачу. Тот взглянул в глаза модели, взял ее за хрупкое запястье и констатировал смерть:

Всегда важен мотив

- Она мертва.
- Что... что вы сказали? – не в силах понять смысл услышанного пробормотал Леон.
- К сожалению, - развел руками врач, - она умерла.
- Постойте, - не унимался Леон, - как же... ведь только что...

Врач пожал плечами и накрыл лицо модели носовым платком, выдернув его из руки оцепеневшей Оксаны.

- Ой... - раздался ее тяжелый всхлип. – Инга!.. – бросилась она к телу подруги.

- Стоп! – пытаясь овладеть форс-мажорной ситуацией, громко произнес Роман. – Все должно быть тихо! – приказным тоном сказал он и что-то шепнул своему метрдотелю.

- Отчего она умерла? – приблизившись к врачу, суворо спросил он.

Тот опять философски пожал плечами.

- Вероятно, сердце... Вскрытие покажет.

- Так, - кусая губы, продолжал распоряжаться Роман. – Тело надо вынести тихо через служебный ход.

В кабинет вошли двое охранников, взяли труп девушки и перенесли в машину скорой помощи.

Никто из присутствовавших при странной молниеносной смерти Инги не тронулся с места. Словно живые фигуры из композиций Рудольфа, застыли они в кабинете Борисова.

Ему стоило немало сил расшевелить их и поскорее выпроводить. Веселая компания, превратившаяся в скорбную процессию, молча вышла из кабинета: ошеломленный Леон, обнимающий за плечи всхлипывающую Оксану, недоумевающий Женя, Мила, с горящими лихорадочным блеском глазами, и потрясенный Рудольф.

Глава III

- И раз, два, три, - разносилось по коридору.

Кирилл привычным путем шел в большой балетный репетиционный зал. Так получилось, что Марина Купавина сама обратила его внимание на Эву, восемнадцатилетнюю стажерку из Парижа.

- Посмотри, - сказала она ему, когда Мелентьев, устав ждать окончания репетиции в холле, заглянул в зал, - из этой девочки что-то может получиться.

Кирилл без особого интереса скользнул взглядом по длинным стройным ножкам, эка невидаль для балерины, худеньким плечикам и несколько дольше, чем следовало, задержал свое внимание на лице, поразившем его большими карими глазами.

- Она что, француженка? – спросил он.

- Понятия не имею, так как в отличие от тебя француженками не интересуюсь, – бросила Марина и, взяв полотенце, направилась к выходу.

Потом он случайно столкнулся со стажеркой в коридоре. Стайка девушек, едва касаясь пола ногами, спешила в раздевалку. Эва остановилась и с милой застенчивостью произнесла:

- Вы ждете Марину Купавину, а она уже ушла.

Кирилл с удивлением смотрел на девушку.

- Она же звезда!.. - пыталась объяснить стажерка причину исчезновения прима-балерины. – А репетиция сегодня не заладилась...

«Вот незадача, хотел сделать сюрприз», – подумал Кирилл.

- Спасибо, что предупредили, - улыбнулся он девушке, и они разошлись.

В фойе он встретился с партнером Марины Феликсом Волоховым.

- Привет! – пожали они друг другу руки. – Марина не выдержала... - отрывисто бросил тот. - Сегодня не репетиция, а черт знает что...

Всегда важен мотив

Перекинувшись еще парой фраз с Феликсом, Кирилл у выхода вновь столкнулся со стажеркой из Парижа. Он открыл дверь, она выпорхнула и, взмахнув рукой, крикнула: «Мама!»

От темно-зеленого «Мерседеса» отошла женщина в светлом плаще.

Кирилл вместе с юной француженкой оказался прямо перед ней.

- Познакомь меня с твоим другом, - предложила женщина.

Девушка звонко расхохоталась и, обняв мать за плечи, громко шепнула:

- Это не мой друг! Мы не знакомы!

Женщина бегло оглядела Кирилла и сказала:

- Мне кажется, я вас где-то видела.

- Возможно, - ответил Мелентьев, глядя на самую яркую точку на ее лице – сверкающие красной помадой губы.

- Кажется, на одном из дефиле, - задумчиво сощурившись, продолжала она. - Вы были, если не ошибаюсь, с Мариной Купавиной...

«Сейчас она обязательно что-нибудь скажет о ее божественности», - механически подумал Кирилл.

- Удивительная, восхитительная, божественная!.. – теперь уже широко раскрыв глаза, воскликнула женщина. И, протянув руку, представилась: - Натали Круглофф. А это, как вы догадались, моя дочь Эва. Приехала на стажировку из Парижа. Может быть, выпьете с нами кофе? – мило предложила она.

- Кирилл Мелентьев, - пожимая ее руку, в свою очередь представился молодой человек.

Тонкие брови Наталии слегка нахмурились.

- Странно, ваше имя мне кажется знакомым.

Мелентьев, глянув по сторонам, предложил зайти в небольшое кафе, зазывавшее посетителей взбитыми сливками и неповторимым вкусом кофе.

Тиана Веснина

- Простите, а чем вы занимаетесь? – потакая своему любопытству, спросила мадам Круглофф, усаживаясь за столик.

- Частным сыском.

- О!.. Интересная профессия... - протянула она. – Теперь припоминаю, почему ваше имя мне показалось знакомым. Эта ужасная история - гибель Дениса Лотарева... - мадам взяла небольшую паузу, чтобы вздохнуть и поменять тему разговора.

- Вы не поверите, но Эва впервые в Москве! – радостно сообщила она Мелентьеву.

Кирилл взглянул в карие глаза девушки и спросил:

- И каково впечатление?

- Необыкновенный город. Совсем не похож на Париж.

Кирилл не сдержал улыбки:

- Точное определение, - заметил он и перевел свой взгляд на мадам Круглофф, которую можно было назвать привлекательной лишь при условии ее целостного восприятия. Ибо сами по себе светленькие волосы, подстриженные в короткое каре, небольшие, неопределенного цвета глаза и славянские скулы на худощавом лице не производили должного впечатления.

- Понимаете, я считаю, что Эве будет очень полезно познакомиться с русской балетной школой. Чем больше стилей успеет постичь начинающий артист, тем больше у него будет шансов в будущем, - высказывала свое мнение мадам Круглофф. - Вы только вспомните, как тяжело давались основы современного танца Рудику Нуриеву и Марго Фонтейн. Как трудно было им заставить свое тело, воспитанное в строгих канонах классики, воспринять изломанную пластику модерна!.. Рудик выходил после репетиций совершенно разбитый, - предавшись воспоминаниям, словоохотливо продолжала Натали, ничуть не сомневаясь, что Кирилл – большой знаток балета. – Поэтому я решила: пусть Эва, пока молода, попытается освоить как можно больше всевозможных направлений в танце.

Всегда важен мотив

Она еще немного, с фамильярностью старой приятельницы, повспоминала некоторых звезд балета и, протянув свою визитную карточку, на которой значилось: «Натали Круглофф. Бутик высокой моды», взяла Кирилла под руку, чтобы он проводил их с дочерью к машине.

- Москва – единственный и неповторимый город, но в нем опасно молодым женщинам одним находиться на улицах. Увы!..

Вскоре, после того как Марина улетела на гастроли, раздался телефонный звонок, и Натали Круглофф умоляющим голосом попросила Мелентьева встретить Эву после репетиции.

- Вы, надеюсь, меня понимаете: такой девушки, как Эва, опасно брать такси, не говоря уже о метро!.. Конечно, если вы располагаете временем... У меня сегодня невероятно важные клиенты!.. Я вас умоляю, Кирилл.

Мелентьев был просто вынужден согласиться. Не дай бог, что-нибудь случится с такой девушкой, как Эва! Так, незаметно, ему вменили в обязанность иногда, когда Натали была занята, встречать Эву. Но эта обязанность не легла тяжелым бременем ему на плечи. Эва была очаровательной, слегка кокетливой, временами, невероятно наивной.

Мадам Круглофф построила их отношения таким образом, что Кирилл оказался в роли друга дома. Он должен был быть одинаково любезен и внимателен как с мамой, так и с дочерью. Натали часто доверительно поверила ему свои опасения.

- Я так боюсь за Эву! Вы же видите, она, словно цветок. Я делаю все возможное, чтобы оберегать ее.

Эти постоянные напоминания о грозящей Эве, неизвестно какой опасности, заставили и Кирилла с удвоенным вниманием присматривать за девушкой.

Сама же Эва воспринимала его заботу, как нечто естественное, исходящее от мужчины, который старше ее,

Тиана Веснина

и к которому она относится скорее как к другу матери, чем своему собственному.

«Черт возьми! – недовольно бурчал Кирилл, возвращаясь домой после вечернего чаепития в кругу близких и добрых друзей семьи Круглофф. – Натали все так ловко обставила, что я чувствую себя рядом с Эвой шестидесятилетним мужчиной, который в силу своего врожденного благородства может только ностальгически вздыхать и любоваться юным созданием. Точно сцену какую разыгрываю из пьесы 19-го века. Я-то всего на десять лет старше ее. Тоже нашли себе благодетеля!» – он еще долго ворчал, но на следующий день вновь покорно отправлялся встречать Эву.

Кирилл подошел к репетиционному залу. Вот здесь он уж точно разыгрывал из себя убеленного сединами друга дома. Но его моноспектакль ни на кого не производил должного впечатления. Девушки, поглядывая на него, перешептывались и предвкушали возвращение Мариной.

В коридоре Кирилл столкнулся с Севой, главным художником по костюмам. Он с непониманием посмотрел на Мелентьеву. Его взгляд словно бы вопрошал: «Боже, на кого ты меняешь Марину?!» Кирилл мысленно послал ему ответ: «Это совсем не то, что ты думаешь!» Сева пожал плечами.

Признаться, Мелентьеву самому надоела эта неопределенность. В конце концов, он считал себя, и не без основания, человеком, умеющим принимать решения и никогда не исполняющим навязываемые кем-то роли.

Но оказалось, что еще больше эта неопределенность, которая так долго витала в воздухе между Эвой и Кириллом, надоела девушке.

Они сели в машину, и она попросила завезти ее к подруге.

- Мама знает эту подругу? – строго спросил Мелентьев.
Эва расхохоталась.

Всегда важен мотив

- Я тебя сейчас с ней познакомлю! Очаровательная, потрясающая. Ты влюбишься с первого взгляда!

Они вошли в лифт. Маленькая грудь Эвы так упоительно вздымалась, что Кирилл был вынужден отвести глаза.

Открыв дверь своим ключом, Эва громко крикнула:

- Дорогая, мы пришли! – и тут же скрылась в соседней комнате.

Минут через пять в гостиную, где сидел Кирилл, впорхнула брюнетка в синем шелковом пеньюаре и с размаху уселась к нему на колени.

Он не успел опомниться, как ласковые губы поймали его рот. Девушка запрокинула голову назад, и черный парик, соскользнув на пол, выпустил волну белокурых волос.

- Эва! – выдохнул Мелентьев.

- Мне так надоело ждать, – недовольно прошептала она.

«Ничего себе! - думал, одеваясь, Кирилл. – Вот тебе и цветок непорочный, – он покосился в сторону лежавшей на диване Эвы. – Какая школа!.. Все успевает! В самом деле талантливая девочка и танцует и любовью занимается отлично».

- Теперь я гораздо лучшего мнения о русских мужчинах, – потягиваясь, произнесла Эва. – Хотя, была бы не прочь попробовать, как это у вас называется, - она приподнялась на локте, - секс по рабоче-крестьянски.

- Сейчас сделаем! – отозвался Кирилл и, навалившись, быстро завершил начатое.

- И это все?! – взметнулись брови непорочного создания.

- Все! – с легкой насмешкой произнес Кирилл. – А что ты хотела, им же работать надо! Пахать, стучать молотками...

- Фу!.. Неинтересно!.. Мы так больше делать не будем. Лучше, как ты... – она прижалась к нему.

- Мы сегодня вряд ли уйдем из гостеприимного дома твоей подруги, – заметил Мелентьев.

Тиана Веснина

* * *

В бутик высокой моды они пришли только под вечер. Из своего кабинета к ним поспешила Натали.

- Как вы долго, я уже начала волноваться!
- Мама, я предупреждала - фильм очень длинный!.. А потом мы с Кириллом ели мороженое, – целуя ее в щеку, быстро пояснила Эва и добавила: - Я сейчас приготовлю кофе.

В этот момент на пороге кабинета появился высокий молодой мужчина в светлой рубашке и джинсах. Его волнистые пепельные волосы, прореженные светлыми прядями, спускались чуть ниже плеч.

- Ну что ж, я посмотрел наброски, мне понравилось! - его реплика относилась к Натали, но, заметив вошедших, он прервался на приветствие.

- Андрэ! – подлетела к нему Эва и обменялась с ним поцелуями щек. – Как я рада тебя видеть!
- Познакомьтесь, - вышла на авансцену мадам Круглофф. – Кирилл Мелентьев, Андрэ Берзиньш, - представила он их друг другу и предложила пройти в салон.

- Как я уже сказал, - вновь обратился Андрэ к Натали, - мне понравилась твоя идея.

Натали, не скрывая улыбки удовольствия, принялась входить в подробности своего проекта - переустройства бутика. Она говорила увлеченно, изредка касаясь для большего убеждения руки Берзиньша. Мелентьев же прохаживался вдоль стены, увешанной литографиями. Повернувшись, он встретился с излишне заинтересованным взглядом Андрэ.

Тогда Кирилл сел в кресло и закрыл лицо журналом.

- Все, что ты говоришь, Натали, - с легким утомлением в голосе прервал ее Берзиньш, - интересно... Но свой бутик ты предоставила Шафранникову, а не мне. А было бы неплохо устроить здесь что-нибудь легкомысленно-весеннее.

Всегда важен мотив

- Ах!.. – всем своим существом вздохнула Натали. – Это был давний договор... - мадам Круглофф немного растерялась. – Но я очень хочу, чтобы твоя марка была представлена у меня. Собственно, только поэтому я и задумала переустройство...

- Взгляни, какая у Кирилла великолепная фигура, – особо не вникая в ее объяснения, громко сказал Берзиньш. И уже, обращаясь непосредственно к нему, спросил: - А вы не хотели бы попробовать себя в качестве модели?

Журнал едва не выпал из рук Мелентьева.

- А что?! – раздался заливчатый смех Эвы, появившейся с подносом в руках.

- Детектив Мелентьев будет демонстрировать смокинг с множеством потайных карманов и большой лупой на лацкане вместо цветка!..

Натали с Кириллом тоже рассмеялись. Во взгляде Берзиньша промелькнула догадка.

- Вот почему мне ваше имя показалось знакомым!.. Признаюсь, я представлял себя детектива совершенно иначе. Почему-то обязательно со шрамом и ужасно неприятными сверлящими глазами и уж, конечно, абсолютно лишенным всякой грации.

Магнетизирующий взгляд Андрэ вновь остановился на Кирилле, словно мэтр моды не мог поверить, что этот высокий синеглазый брюнет, с красивыми чертами лица – на самом деле известный детектив.

- Прошу кофе, – поставив поднос на стол, предложила Эва.

Ваза со сладкими птифурами предназначалась только для Кирилла, так как трое остальных берегли себя от лишних калорий.

При виде сладостей Натали непроизвольно испустила тяжелый вздох.

- Какой ужас! – покачала она головой. – Инга!..

- Способная была манекенщица, – отозвался Андрэ.

Тиана Веснина

- Мама!? - очаровательно округлив глаза, вопрошающе воскликнула Эва. – Неужели это правда, что говорят?.. Неужели ее отравили?!

- Роман мне сам сказал. Бедняга, представляю, как ему теперь нелегко!.. В его кафе подали пирожное, пропитанное ядом!.. Он лишится всей клиентуры. Слух, несмотря на предпринятые им меры предосторожности, разнесся мгновенно. Все его десять кафе почти совершенно пусты вот уже несколько дней. Он снизил цены. Торгует с убытком для себя. Находятся, конечно, смельчаки, но...

- Мы, как друзья сладкого Романа, должны его поддержать, – с усмешкой произнес Андрэ. – Я предложил ему назвать его новые пирожные «Сюрпри де Борджиа» (Сюрприз от Борджиа), то есть обыграть случившееся отравление. Пусть его примут за чересчур удавшийся промосьон (rgomotion /франц/. – продвижение продукции) новых кондитерских изделий. Надо уверить посетителей, что это был всего лишь спектакль по продвижению новой продукции.

- Но ведь девушка действительно умерла! – возмущенно воскликнула Эва.

- Действительно, – спокойно отозвался Андрэ. – И теперь Роману надо искать выход из-за ее совершенно неуместной смерти.

- Андрэ, то, что ты говоришь – ужасно!..

- Не понимаю, что здесь ужасного? По-твоему, Роману следует повесить траурный венок на дверь своего заведения и отказаться от бизнеса?

- Но все равно твоя уловка ни к чему не приведет! – распаляясь, продолжала выкрикивать Эва. – Она же умерла!.. Кем надо быть, чтобы поднять руку на двадцатилетнюю девушку?

- Если подключить пару-тройку толковых журналистов, то можно всех убедить в обратном. И потом, ты слишком хорошо думаешь о жющей публике. Что им смерть какой-то девушки!..

Всегда важен мотив

- Андрэ, твои рассуждения – просто чудовищны! – не унималась Эва, несмотря на многозначительные взгляды матери, призывающие ее вести себя в рамках приличия. – Рассуждая таким образом, ты можешь прийти к оправданию убийства! Подумаешь, чья-то смерть!

Андрэ ласково усмехнулся, любуясь розовым от волнения лицом Эвы.

- Тебе еще сложно разобраться в этом, - обращаясь к ней, сказал он. – Но потом ты поймешь, что встречаются такие люди, которых надо выкорчевывать как пни. Вот, к примеру, представь, - он был вынужден пояснить свою мысль, заметив полное недоумение в глазах девушки, - что ты, отдав все силы, в течение нескольких месяцев репетировала партию Авроры, и вдруг появляется какая-то балерина, которую можно поддерживать очень влиятельная особа, и тебя отстраняют от спектакля. Что ты будешь делать?

- Буду требовать справедливости!

Андрэ рассмеялся.

- Потребуешь, пошумишь!.. Может, добьешься того, что с тобой очень вежливо побеседуют, даже снизойдут до объяснения ситуации, но, тем не менее, откажут. Что тогда?.. Век человека короток, а уж балерины!.. – подбросил он напоследок фразу.

Эва растерявшись, взглянула на мать.

- Не знаю!.. Уйду из этого театра!

- А потом, что?..

- Ну уеду в другую страну, заключу контракт с другой труппой.

- Для того, чтобы заключать контракты, которые бы строго выполнялись, надо сначала сделать себе имя, а тебе его сделать не дадут, если будешь столь слабовольной. Тебя все время будут отодвигать. Итак, - продолжал развивать предложенную ситуацию Андрэ, - что же все-таки можно предпринять в твоем положении?

- Не знаю, – надув губы, пожала плечами Эва.

- В самом деле, ситуация непростая.

Тиана Веснина

- А как вы думаете, Кирилл? – обратился к нему Берзиньш. – Ситуация, действительно, безвыходная?

- Нет, я так не думаю, но и с тем выходом, который вы хотите предложить, не согласен.

- Ну, это в вас говорит профессия! Вы боритесь со злом во всех его проявлениях.

- Подождите, я не понимаю, какой же можно найти выход? – глядя то на Кирилла, то на Берзиньша, – потребовала ответа Эва.

- Все очень просто. Балерину, которая столь некстати преградила тебе путь, надо отравить! – переливающимся от смеха голосом произнес Андрэ.

- Ничего себе! Так можно всех поубивать! – нервно рассмеялась девушка.

- Во всем должна быть мера! Даже несмотря на то, что она по своей сущности является самовыражением добротной посредственности. Все талантливое – всегда, хотя бы чуть-чуть, сверх меры.

- Значит, убрать соперника со своего пути – это вы считаете своеобразным проявлением таланта? – не удержавшись, спросил Мелентьев.

- Несомненно!

Кирилла все более заинтриговывал Берзиньш. Он находился как бы над ними. Он позволял говорить, благосклонно выслушивал, вносил свои меткие замечания. Он был естественно царственен, словно римский император. Его профиль так и просился быть отчеканенным на монетах.

- ... Впрочем, лучше, чем Овидий в «Метаморфозах», не скажешь, – Андрэ слегка прищурился и процитировал: «Но ведь каждый - бог для себя. Судьбой отвергаются слабого просьбы».

- Ну и что? Что? – вертелась в кресле от нетерпения понять Эва.

- А то, что далеко не каждому дано ощущать в себе бога! А кому дано... - он многозначительно оборвал фразу.

Всегда важен мотив

- Следовательно, вы полагаете, что манекенщицу отравила одна из ее соперниц? – обратился к нему Мелентьев.

- Я в этом ни минуты не сомневался. Кому еще могла помешать Инга?

- К примеру, своему мужу, любовнику...

- Мужа у нее нет, а любовник в страшной депрессии... Он, как оказалось, любил ее. Чего, по правде сказать, я от него не ожидал. Хотя смею предположить, что страсть эта угасла бы очень быстро. Но так как смерть наступила чуть раньше, то Вадим действительно страдает.

- Ты был у него? – нервно потирая ладони, спросила Натали.

- Да. Картина ужасающая!.. – со скрытой иронией ответил Андрэ. – Осиrotевший любовник рыдает и сыплет угрозами в адрес убийцы. Однако, - взглянув на часы, - заметил он, – мне надо идти.

Берзиньш обменялся поцелуями щек с дамами и пожал руку Мелентьеву.

* * *

Кирилл дождался закрытия бутика и проводил мадам Круглофф с дочерью к машине.

- До скорого, – тихо шепнула ему Эва.

Не успел он подъехать к дому и войти в квартиру, как раздался телефонный звонок.

- Здравствуйте, это Вадим Салатко, – произнес голос и замолчал.

- Очень приятно, - ответил Кирилл.

- Мне надо срочно с вами увидеться.

- Что ж, пожалуйста.

- Не возражаете, если я подъеду к вам прямо сейчас?

Мелентьев назвал свой адрес.

Примерно через полчаса застремился домофон. Кирилл открыл дверь и дождался лифта. Из него вышли двое: один высокий худой, другой высокий крепкий. Худой,

Тиана Веснина

кивнув Мелентьеву, сразу прошел в квартиру, а крепкий, протянув руку, представился:

- Вадим Салатко.

Кирилл жестом пригласил его войти.

- Костик, все, хватит!.. Ушел!.. – с раздражением бросил Салатко осматривающему квартиру телохранителю. – Ушел! – повторил он, видя, что тот не обращает на него внимания.

- Чисто! – наконец произнес Костик и вышел на лестничную площадку.

- Кофе? Виски? – предложил Мелентьев.

- Виски.

- Тебе известно об убийстве топ-модели Инги?.. – залпом выпив бокал, хриплым голосом спросил Вадим.

- Известно.

- Ну, так вот, - подвигаясь к краю дивана и от сильного волнения переходя на шепот, сказал гость: - Она была моей девушкой.

Кирилл изобразил на лице сочувствие.

- Слушай, мне сказали, что ты классный сыщик. Найди мне эту гадину!.. Только найди!.. Никакого суда, слышишь? Найди и передай мне!

- Самосуд тоже подпадает под статью закона, - заметил ему детектив.

- Это уже мое дело, куда он подпадает!.. Вот аванс, – Салатко положил на стол увесистый конверт. – Сумма гонорара не имеет для меня значения.

- То есть безгранична в пределах разумного, - улыбнулся Кирилл.

Вадим устало кивнул.

- Понимаешь, столько дел!.. Все забросил!.. Ничего не хочу!.. Стоит у меня перед глазами Инга и все тут!.. Мне говорят, пока ты эту тварь, впрыснувшую яд в пирожное, самолично не уничтожишь, покоя не будет.

- Хорошо, – доставая диктофон, сказал Мелентьев. – Я задам несколько вопросов.

Всегда важен мотив

- Валяй! – грузно откидываясь на спинку дивана, бросил Салатко. – И налей еще виски, но не так, как только что, а стакан.

- А будешь в состоянии отвечать? – внимательно разглядывая его широкую, глубоко несчастную физиономию, спросил детектив.

Вадим криво усмехнулся:

- Обижаешь!.. Больно, понимаешь, вот здесь, - провел он рукой по мощной груди, - больно и все тут! Видно, и впрямь есть она, душа, черт бы ее побрал! Как раскис!.. – покачал он головой.

Мелентьев налил ему полстакана виски, положил льда и, включив диктофон, сел в кресло напротив.

- Итак, сколько лет ты был знаком с Ингой?

Салатко глубоко вздохнул:

- Три года.

- Инга, это ее настоящее имя?

- Да.

- Фамилия, дата рождения, место, адрес.

- Крутова Инга Павловна. Двадцать лет. Москвичка.

Жила в Малом Харитоньевском. Я купил эту квартиру.

- Сколько лет она проработала у Шафранникова?

- Если не ошибаюсь, года три.

- Ты женат?

- Нет.

- Месть со стороны бывшей любовницы возможна?

Салатко пожал плечами.

- Да черт их знает?.. У меня Инга первая серьезная...

Остальные - так!.. – пренебрежительно сморшившись, махнул он рукой.

- Понятно.

- Когда и где ты с ней виделся в последний раз?

- На шоу Шафранникова, неделю назад.

- Она не высказывала тебе каких-либо опасений?

- Нет. Как всегда, была заводной!.. Эх!.. – помотал он головой и повторил: - Эх!..

- Ты кого-нибудь подозреваешь?

Тиана Веснина

- Подозреваю! Милку, манекенщицу Шафрана.
- Почему?
- Завидовала она Инге! Ух, как завидовала!.. Даже ко мне в постель полезла, чтобы отбить. Стерва!..
- Прости, ты ее интересовал только как мужчина?
- Конечно, – с легким возмущением ответил он, но, помолчав, добавил: - Хотя, понимаешь, я нахожусь в определенных финансовых отношениях с Леоном Шафранниковым и, не скрою, не без моей помощи Инга стала топ-моделью. Вложил я в нее, скажем так, немало. Вот Милка и позарилась на ее место подо мной.
- Однако ты отверг ее домогательства?
- Да. Впрочем, было дело... несколько раз повстречались... но ей до Инги!.. – его голос изобразил всю тщетность попыток Милы хоть как-то сравняться с более удачливой соперницей.
- Расскажи с максимальной точностью, где и каким образом была отправлена Инга.
- Налей еще! Не могу!.. Жмет!.. – ударил он себя в грудь.
- Слушай, я тебе лучше успокоительного чая налью, – сочувственно взглянув на него, предложил Мелентьев.
- Ну давай!..
- Значит, так, – сделав глоток из большой чашки, начал Вадим. – На следующее утро после генерального прогона шоу Инга, Леон, Рудик, Оксана, Женя и Милка в полдень пошли пить кофе в «Сладкий Роман». Столик был заказан, Рома их встретил. Это я рассказываю со слов Оксаны, – уточнил он. - Ну, принесли эти пирожные... два пирожных. Одно для Леона, а другое для Инги. Леон надкусил свое и ничего... нормально. Инга, значит, только ложку в рот и упала прямо лицом в тарелку. Все!.. – он немного помолчал, собираясь с духом. – Вызвали скорую, констатировали смерть. Мне тут же позвонил Рома. Я примчался. «Что? Как?» Ничего не понимаю. Махнули мы с ним в больницу. Ну, куда ее увезли. Врач сказал, что тело передали в отделение судебной экспертизы. Я туда. Ждите, говорят, пока можем только сказать, что ее

Всегда важен мотив

отравили. «Как отравили? – взорвался я. - За что?..» Ну, потом узнал, что ее отравили цианидом. Вот, - протянул он Кириллу, - заключение медэкспертизы. В МУРе дело завели, вызывали... - скривился он. – Мне их правосудие триста лет не нужно! Я сам себе бог и царь!..

«А Берзиньш не так одинок, цитируя Овидия: «Каждый бог для себя!» - с интересом отметил детектив и, просмотрев заключение, отложил его в сторону.

- А теперь поясни, кто такая Оксана и все остальные.
- Оксанка – подружка Инги, тоже манекенщица у Шафрана. Рудик – стилист. Милка, ты уже знаешь. Женя – визажист. Ну и сам Шафран.

- Больше за столом никого не было?

- Нет.

- Понятно, – задумчиво протянул Кирилл. – Похоронили?

- Похоронили, – низко опустив голову, эхом отозвался Салатко.

- Ладно, постараюсь по возможности держать тебя в курсе дела, - сказал Мелентьев, давая понять, что на сегодня разговор окончен.

- Найдешь? – с мольбою заглядывая ему в глаза, спросил Вадим.

- Найду, – успокоил его детектив и, провожая к двери, спросил: - Слушай, а не мог это сделать кто-нибудь из твоих конкурентов?

Салатко не понимающе посмотрел на него:

- То есть убить Ингу?

- Ну да! Зная, как ты ее любишь....

Вадим отрицательно покачал головой.

- До ее смерти я сам не знал, что так сильно любил ее.

Глава IV

На следующий же день Мелентьев позвонил Роману Борисову и, представившись, сказал, что ему нужно с ним встретиться.

Тиана Веснина

Борисов затруднился с ответом. Было ясно, что он хотел бы поскорее стереть из памяти этот чрезвычайно неприятный случай. Но, узнав, что Кирилл ведет расследование по просьбе Салатко, предложил детективу приехать к нему в офис, который располагался как раз в том кафе, где произошло убийство.

- Здравствуйте, проходите, присаживайтесь! – радушно встретил Сладкий Роман детектива.

Кирилл сел на диван, а Борисов мягко упал в пышное кожаное кресло.

- Мне только что звонил Вадим, - начал Борисов, - и просил меня оказать вам максимальное содействие. Но что я могу? – тяжело вздохнул он. – Только подробно рассказать, как все произошло.

- Да, пожалуйста.

Борисов поднялся, подошел к столу и нажал на кнопку интерфона:

- Машенька, два кофе... - он обернулся к Кириллу и неуверенно спросил: - Может быть, вы хотите пирожных?

- Не откажусь!

Борисову понравился его ответ. Он вновь занял свое место, не удержавшись от сетований:

- Мои кафе – полупустые, торгуя в убыток!.. Каким образом яд мог попасть в пирожное?

Стройная Машенька поставила на стол блюдо со сладкими деликатесами, разлила кофе в чашки, разрисованные павлинами, и удалилась.

- Великолепно! – надкусив одно из пирожных, произнес Кирилл. – А кстати, - внимательно разглядывая лакомства, спросил он, - здесь нет того?..

- Нет!.. Нет!.. – не дослушав, воскликнул Борисов. – Снял с производства!..

- Итак, - детектив выжидательно посмотрел на него.

- Итак, – тяжело переведя дыхание, начал он. – Пятнадцатого мая ровно в полдень ко мне пришел Леон Шаффранников со своими сотрудниками. Его секретарша

Всегда важен мотив

еще с утра заказала столик и уточнила: «Будут ли «Гато руайяль?»

Я встретил их прямо у входа и поторопил официантку. Она принесла блюдо с пирожками, блюдо с пирожными-ассорти и только два «Гато руайяль», для Леона и Инги. Леон попробовал кусочек - и ничего, затем Инга, и буквально через секунду она упала лицом на стол.

- Почему «Гато руайяль» были поданы только Леону и Инге?

- Они достаточно калорийные и манекенщицы их не едят.
- Но ведь помимо Милы и Оксаны были также Рудольф и Женя.

- Они... - Борисов слегка замялся. – вы, может, не в курсе, они – геи и ревностно следят за своими фигурами.

- А как же Инга?
- Инга!.. – Борисов усмехнулся. – Теперь что ж скрывать и к тому же все останется между нами? – пристально взглянул он на детектива. – Понимаете, Инга ела хорошо, но ее желудок все тут же перерабатывал, и она была, как тростинка. По моему мнению, такой феноменальной способностью желудка можно только гордиться, но Инга почему-то хотела, чтобы все думали, что ее фигура – это результат жесточайшей диеты и физических упражнений, поэтому скрывала свое пристрастие к сладкому. Да вот, посмотрите сами! – Борисов наклонился и взял с нижней полки стола журнал. – Последнее интервью! – открыв на нужной странице, он прочитал: - Журналист: «Как вам удается быть такой невероятно стройной?» Инга: «Никаких сладостей и каждодневные занятия шейпингом». Журналист: «Ну неужели, вы не можете себе позволить ни одной конфетки, ни одного пирожного?.. Вас часто видят среди посетителей кафе «Сладкий Роман», неужели даже он не может вас соблазнить?» Инга: «Увы! Я там пью только кофе!..» Журналист: «У вас невероятная сила воли!» И дальше: «Присутствовавший при нашей беседе кутюрье Леон Шаффранников при упоминании о кафе «Сладкий Роман» неожиданно разоткровенничался:

Тиана Веснина

«Признаюсь, я тоже очень внимательно слежу за своим весом, но отказаться от восхитительных «Гато руайяль» не в силах. Это просто королевское удовольствие!» – Это он по моей просьбе сказал, - пояснил Роман. – Реклама!..

- А что собой представляет «Гато руайяль»?
- Полное его название «Гато руайяль а ля крем шантини», что означает «Королевское пирожное с кремом шантини». Ну как бы с взбитыми сливками, только более сложными и тонкими по вкусовым качествам. – Борисов подошел к своему столу и, взяв картонный проспект, протянул его детективу. – Вот оно - «Гато руайяль». Несколько коржей, пропитанных разными ликерами, посыпанных миндалевой стружкой... - он прерывисто вздохнул, будучи не в силах продолжать. – Я столько вложил в создание этого пирожного. Оно очень капризное, поэтому стоило дорого и подавалось в кафе в строго определенные часы, а именно: с двенадцати, - к часу все уже раскупалось. В будущем я планировал торговать ими на файв о'клок, но... - он сокрушенно покачал головой.
- А почему это пирожное столь капризно?
- Шантини должен быть нежным, мягким! Ни в коем случае не покрытым пленкой.
- Где изготавлялись пирожные?
- В моей кондитерской.
- Она находится здесь, в кафе?
- В будущем, ох, опять в будущем, которое теперь вряд ли наступит для моих «Сладких Романов», я планировал сделать мини кондитерскую как раз для выпечки вот таких капризных гато прямо тут, но в настоящее время она находится в двух кварталах отсюда.
- У вас есть предположения, каким образом злоумышленник мог угадать, что именно это, а не другое пирожное будет подано Инге. Салатко мне принес заключение экспертизы, в котором указано, что в результате проведения исследования всех изъятых «Гато руайяль», яд был обнаружен только в одном.

Всегда важен мотив

- Не представляю!.. Не представляю!.. – в отчаянии пожимал мощными плечами Борисов.

- Я хотел бы заглянуть в кафе: поговорить с официанткой, обслуживавшей Ингу, а затем ознакомиться с кондитерской.

- Пожалуйста, – пригласил Борисов.

Они прошли в большой светлый зал, уставленный столиками со слегка волнуемыми ветерком розовыми скатертями. Посетителей, в самом деле, было немного.

- Вот, этот столик, – указал Роман. – А вот, официантка Люба.

- Здравствуйте, – настороженно глядя на Кирилла, сдавленным полушепотом поздоровалась девушка.

- Расскажите, пожалуйста, - попросил ее Мелентьев, - о последовательности ваших действий после получения того рокового заказа.

- Да все действия были обычными. У нас всегда много посетителей, - она поперхнулась, невольно окунув взглядом зал. – В тот день было много... Ну, значит, зашла я в раздаточную. Сделала заказ, получила блюдо с пирожными ассорти, блюдо с пирожками и два «Гато».

- Так, а кто вам выдал эти блюда?

- Зина.

Кирилл кивком поблагодарил за уточнение.

- Ну... я взяла и отнесла их на стол.

- По пути вас никто не останавливал, не отвлекал, хотя бы на минуту?

- Нет. Я взяла заказ и прямиком к столу, – твердо ответила Люба.

- Спасибо. Теперь я хотел бы задать несколько вопросов Зине, - обратился он к Борисову.

- Пожалуйста.

- И вас, Люба, я попрошу пройти вместе с нами, - сказал детектив девушке.

Они прошли в раздаточную - большое помещение, отгороженное от прохода широкой металлической стойкой.

Тиана Веснина

- Зину! – кратко приказал Борисов подлетевшему заведующему.

Что-то жужя, на окрик из-за стеллажей выглянула Зина. Увидев Борисова, она мгновенно все проглотила и поспешила предстать перед его грозным оком.

- Здравствуйте, – улыбнулся Кирилл.

- Здрасьте, - ощущая сухость в горле от волнения, ответила женщина.

- Вспомните, пожалуйста, а еще лучше покажите, что вы делали, получив от Любы заказ на «Гато руайаль».

- Ох, - тяжело вздохнула Зина. - Значит, получила я заказ, - в волнении теребя край фартука, сосредоточенно начала она. – Первым делом положила на два больших блюда пирожки и фруктовые малокалорийные пирожные-ассорти. Вернулась и поставила их на стойку перед Любой.

- Та молчаливо подтвердила ее слова. – Затем... Пройдемте, - обратилась женщина к Кириллу. Они прошли мимо стеклянных стеллажей и подошли к пустому металлическому шкафу с прозрачной дверцей. – Вот, - продолжила Зина, - в таких шкафчиках нам привозят из кондитерской эти самые гато. – Она открыла дверцу. – Каждое гато упаковано в пластмассовую коробочку. Видите, здесь такие желобки, по которым как бы поступают пирожные. Берешь одну упаковку, следом выталкивается другая.

- Вы берете упаковки без разбора?

Тут вступил Борисов.

- Нет! Раздатчики действуют по строго разработанной схеме, начиная с левого желобка верхней полки.

- Зина, вспомните, это важно. В тот день вы случайно не отступили от схемы?

- Что вы! Я уже не первый год работаю у Романа Леонидовича и действую как автомат. Ночью разбудите, с закрытыми глазами выполню заказ.

- Очень интересно, – пробурчал Кирилл.

Он обошел всю раздаточную, а потом вместе с Борисовым они направились в кондитерскую.

Всегда важен мотив

- Может, на машине, – предложил тот.
- Было бы неплохо, – не выходя из задумчивости, отозвался Мелентьев. – Заодно и маршрут посмотрим.
- Они подъехали к кондитерскому цеху, возле которого стоял расписной автомобиль-фургон.
- Кирилл внимательно осмотрел цех, переговорил с кондитером, изготавлившим роковое пирожное.
- Он очень сокрушился по поводу случившегося.
- Я хороший кондитер, но рискую остаться без работы. Ведь это же просто чудовищный случай, что именно в мое пирожное кто-то впрыснул яд!..
- А каков процесс изготовления этого пирожного? – поинтересовался детектив.
- О, процесс сложный и многоступенчатый, но, как вы понимаете, если бы злоумышленник был здесь, он бы отравил все компоненты. Вот в этих кастрюлях готовится крем, здесь замешивается тесто, там нарезается миндальная стружка. На этом столе я делаю пирожные, а затем ставлю их в печь. И уже готовые украшаю кремом.
- Вспомните, в тот день случайно не было посторонних в кондитерской?
- Да что вы! – нахмурился кондитер. – Здесь посторонних вообще никогда не бывает. У меня с этим строго! Как только пирожное готово, его тут же упаковывают и ставят в шкаф.
- Кто упаковывает?
- Моя жена. Лена! - позвал он женщину, без дела сидевшую в отдалении. – Сегодня нет работы, - вздохнул он.
- Скажите, пожалуйста, в тот день, - сделал ударение на последнем слове Кирилл, - вы не заметили ничего необычного в кондитерской?
- Нет, – однозначно ответила Лена и, подумав, добавила: - Все было, как всегда. Муж делал «Гато руайяль», я их упаковывала и ставила в шкаф. Потом пришел Гриша, наш шофер, и забрал их.

Тиана Веснина

- То есть никто из других кондитеров, работающих с вами, к этим пирожным даже не подходил?

- Конечно, нет. Во-первых, все заняты, а во-вторых, как я уже говорила, я тут же упаковываю пирожные и слежу, чтобы Гриша очень осторожно грузил их в машину. Они такие нежные.

- Понятно, – протянул Мелентьев. – Теперь, идемте к Грише, - обратился он к Борисову.

Гриша грелся на весеннем солнышке.

- Ничего необычного не было, – без колебаний заявил он. – Погрузил, проехал два квартала, остановился, выгрузил и передал студентам.

- Стоп! – удивленно приподнял брови детектив. – Каким студентам?

- Да набрал я тут студентов в помощь, - ответил Борисов.

- Как мне их увидеть?

- Сейчас, – почему-то встревожился Роман и, набрав по сотовому секретаршу, приказал: - Маша, немедленно разыщи студентов, работавших в тот день. Пусть придут в офис.

- Итак, - вновь обратился Кирилл к шоферу, - вы передали шкаф с пирожными студентам, каким конкретно?

- А вот уж этого я сказать не могу, - развел он руками. – Парень с девчонкой, но хоть убейте, лиц их не вспомню.

- Что ж, можем возвращаться, - сказал Мелентьев Борисову и предложил: - Давайте пройдемся пешком. – Тот безвольно кивнул.

- Что-нибудь разъяснили для себя? – после недолгого молчания спросил Роман.

- Процесс изготовления гато, - рассмеялся Кирилл. – А если серьезно, то можно сделать вывод: Ингу отравил кто-то из близких знакомых.

- Почему вы так решили?

- Судите сами, о том, что она любит «Гато руайяль», знал только ближний круг. Для всех остальных, - она

Всегда важен мотив

питалась цветочным нектаром и до изнеможения занималась шейпингом.

- Подождите, - невольно схватил его за руку Борисов, - но ведь это ужасно!.. Кто-то из твоих знакомых впрыскивает в пирожное яд, чтобы тебя отравить? Ничего не понимаю!.. Средневековье какое-то!..

- Какая разница? – лениво пожал плечами Кирилл. – Если бы Ингу застрелили из пистолета, вам это было бы понятнее?

Ответ детектива заставил Борисова задуматься.

- Странно, но, представьте себе, я бы это понял. Хотя, Господи, что я говорю!? – он схватился за голову руками и, понизив голос, произнес: - Очень вас прошу вести расследование как можно более деликатно. Поймите, мой бизнес, если можно так выразиться, не терпит никаких отравлений. Я всеми силами стараюсь сделать так, чтобы все поскорее забыли об этом случае.

Зазвонил сотовый, и расторопная секретарша сообщила, что студенты уже пришли, и она ввела их в курс дела.

В приемной весело болтали две девушки и один парень.

- Нас вызвали прямо с семинара, - тут же сообщила одна из студенток.

- Не волнуйтесь, я вас долго не задержу, - сказал детектив.

- Значит, успеем поесть мороженое, – улыбнулась та.

Кирилл внимательно посмотрел на студентов и спросил:

- Кто конкретно из вас доставил шкаф с гато в раздаточную?

- Мы, – ответил парень и указал на одну из девушек.

- Итак, вы вкатили шкаф в раздаточную, затем?

- Пошли помогать раскладывать заказы.

- Понимаете, - взяла на себя инициативу девушка, – основная наша обязанность - доставлять шкафы с изделиями в раздаточную, но ведь доставка идет не постоянно, а по часам, следовательно, у нас образуется

Тиана Веснина

окно, в которое мы помогаем тем из раздатчиков, у кого набралось больше заказов.

- Ясно! Значит, в тот день вы работали втроем? – решил уточнить детектив.

- Нет! – воскликнул парень. – С нами в смене был еще Витька Кузнецов.

- А где же он сейчас?

- Его вчера скорая увезла. С аппендицом!

Мелентьев попросил студентов оставить свои адреса и телефоны.

- А телефон Кузнецова тоже записать? – подняв голову, спросила девушка.

- Всех! – устало рявкнул Борисов.

Кирилл в тот же день навестил в больнице Кузнецова, который уже был без аппендицса. Слабым голосом прооперированный подтвердил слова своих товарищей.

- А вы что, и вправду, настоящий детектив? – приподнявшись на локте, спросил он.

- Правда, – улыбнулся Кирилл.

- Вот здорово! – не скрывая восхищения, нашел в себе силы воскликнуть Кузнецов.

Получить randevu у мэтра Соболя-Шаффранникова оказалось не так просто. Секретарша вежливо сообщила, что может записать г-на Мелентьева только на один из вторников следующего месяца. Тогда Кирилл упомянул, что ведет расследование по просьбе г-на Салатко.

- Одну минуту, – попросила секретарша и, переговорив с мэтром, сказала:

- Вам будет удобно завтра в семь вечера?

- Да, – ответил детектив.

Ровно в семь Мелентьев вошел в приемную.

- Прошу вас, – открыла дверь в кабинет секретарша.

Всегда важен мотив

- Здравствуйте, - не поднимая глаз от разложенных на столе эскизов, - произнес Шафранников. – К сожалению, могу уделить вам не более четверти часа. – Он, наконец, посмотрел на Кирилла. – У меня завтра премьера шоу!

- Простите за любопытство, но кто будет вместо Инги?

- Одна из манекенщиц, кстати, она была с нами в тот злополучный день.

- Оксана или Мила?

- О! А вы хорошо осведомлены, – не смог скрыть удивления Леон и уточнил: - Мила.

- У вас есть какие-нибудь предположения: кто мог желать смерти Крутовой?

Леон, склонив голову, сосредоточенно помолчал.

- Я все время думаю об этом, - признался он. – Есть, конечно, предположения, но высказывать их не буду.

- Отчего?

- Я потерял одну модель и не хочу в данный, ответственный для меня момент потерять другую.

- Понимаю. В тайне вы все-таки подозреваете Донину.

- Если честно, то кроме нее просто некого. Ну кому понадобилось убивать Ингу? А может, это какой-нибудь из ряда вон выходящий несчастный случай? Дьявольское стечние обстоятельств?

- К сожалению, не могу согласиться с вами. Это же не кирпич на голову упал. Я сам по себе в пирожном оказаться не может.

- Н-да, – пробормотал Шафранников, вновь наклонившись к эскизам.

- Не хочу вас пугать, но не приходила ли вам мысль, что отравить хотели не Ингу, а вас? – неожиданно спросил Мелентьев.

- Что?! – Шафранников даже приподнялся с кресла. – С чего вы взяли? Да и кому меня травить? Логинову? Берзиньшу?

- Вам виднее.

Леон помрачнел.

Тиана Веснина

- Были мысли. Но я их тут же отогнал. Да и потом любая манекенщица скажет вам, что Мила до исступления завидовала Инге, считая себя несправедливо отодвинутой на второй план.

- Значит, все-таки Мила! – слегка ударил рукой по подлокотнику кресла Мелентьев.

- Только прошу вас, никаких расспросов манекенщиц до послезавтра. Пусть пройдет премьера, – Шафранников посмотрел на часы. – Прошу простить. С удовольствием отвечу на все ваши вопросы, но только...

- После премьеры, – улыбнулся Кирилл и собрался уходить.

- Одну минуту! – летящим шагом подошел к нему Леон. – Я тут подумал: ведь убийца наверняка рассчитал, что первое гато официантка подаст девушке, а не мне.

- Резонно, - согласился Кирилл. – Если принять за версию, что убийца был близко знаком с Ингой и знал, что она время от времени не отказывает себе в сладких удовольствиях.

- Ну вот, – облегченно вздохнул Леон.

- А если предположить, что яд предназначался вам, то...

- Что!? – темные глаза Шафранникова встревожено замигали.

- То выходит, что убийце было известно о вашем пристрастии к «Гато руайяль» и неизвестно о таком же пристрастии Инги. Ведь она не сильно распространялась об этом.

- Вы достигли своей цели! – иронично усмехнулся Шафранников. – Вы почти убедили, что отравить хотели именно меня!

- Простите, но, не построив версии, я не могу ее разрушить.

- Понимаю, понимаю, - протянул Леон. – Конечно, врагов, завистников у меня более чем предостаточно, но чтобы дойти до отравления.... – он пожал плечами. – И уж если мы говорим о яде, то это скорее женское орудие убийства. А я, будем откровенны, женщинам не интересен,

Всегда важен мотив

впрочем, как и они мне. Все-таки я склонен думать, что Ингу отравила какая-нибудь завистница. И вовсе не обязательно Донина.

- Тем не менее, мой долг, пока все не выяснится, предупредить вас о возможной опасности, - сказал на прощание Шафранникову Кирилл.

Не успел детектив сделать и десяти шагов, как почувствовал, что кто-то учащенно дышит ему в затылок, он обернулся. Высокая девушка схватила его за руку и потянула за собой на служебную лестницу.

- Мне надо с вами поговорить, - шепнула она, ловко виляя бедрами перед глазами Кирилла, поднимавшегося за ней.

- Вот сюда, - толкнула она дверь, и Мелентьев оказался в павильоне, в одном углу которого были сложены большие картонные коробки, в другом – возвышались пирамидой вставленные один в один пластмассовые стулья. – Здесь нам никто не помешает, - облегченно вздохнула девушка и представилась: - Меня зовут Оксана.

- А меня...

- Знаю – перебила она его. – Понимаете, я была подругой Инги. И у меня есть все основания подозревать, что яд в пирожное положила Милка Донина.

- Вы в этом не одиноки. Всем было известно о соперничестве между ними.

- Нет! Я имею в виду совсем другое, - приблизившись к Кириллу, Оксана взволнованно зашептала: - У нас завтра шоу. Я не могу подвести Леона, но и не хочу, чтобы Милка ушла от наказания. Понимаете, в тот день по дороге в кафе Инга мне сказала, что у нее появилась возможность уничтожить Донину, то есть убрать ее не только из Дома Шафрана, но вообще лишить возможности работать на столичных подиумах. – «Каким образом?!» - поинтересовалась я, но Инга лишь загадочно усмехнулась.

- «А когда ты собираешься это сделать?» - не унималась я.

– «Сначала хотела прямо сейчас, в кафе. Но возникла более интересная мысль, - рассмеялась она. – Милка у

Тиана Веснина

меня на таком крючке, с которого она никогда не сорвется, однако прежде чем ее уничтожить, я хочу указать этой провинциальной выскочке ее место». – Увидев мое удивленное лицо, Инга пояснила: «Я пообещаю ей сохранить то, что узнала, втайне при условии, что отныне она поступит в полное мое распоряжение». – «И ты думаешь, она согласится?» – спросила я. – «Еще как согласится! – ответила Инга. - Другого выхода у нее нет. Даже было бы глупо выдать ее, не воспользовавшись случаем получить бесплатную служанку». - «А ты не боишься? – спросила я. – Вдруг она тебе сделает какую-нибудь пакость?» - Инга рассердилась: «Я же тебе говорю, она на крючке, и если только попытается соскочить, я ее в два счета сделаю, понятно?!» – Тут мы подошли к кафе, ну а дальше вы знаете, - Оксана замолчала, устремив на Кирилла большие немигающие глаза.

- Вы предполагаете, что Мила Донина не стала дожидаться хода со стороны Крутовой и отправила ее?

- Да я просто уверена в этом! – с жаром отозвалась Оксана. – Когда мы пришли в кафе, Милка уже была там!

- Ах, вот как! Кроме вас никто не обратил внимания на эту немаловажную деталь, – отметил детектив. — Значит, если я правильно понял, Инга вам даже намеком не дала понять, что она узнала такого страшного о Дониной?

- К сожалению, нет, – в сердцах всплеснула руками девушка. – Ах, если бы я только знала!..

- Думаю, в таком случае вы бы составили компанию Инге. Судя по всему, убийца настроен серьезно и пойдет до конца, если этого потребуют его интересы.

Оксана, прижав ладони к лицу, глухо простонала:

- Какой ужас!.. – и ухватив Кирилла за руку, затараторила: - Господи, а вдруг Милка решит, что Инга мне все рассказала, и выходит: я тоже знаю эту тайну? Что же мне делать?

- Быть осторожной, – посоветовал Кирилл, но тут же постарался успокоить девушку: - Полагаю, что особых оснований для беспокойства у вас нет. Так как, если бы

Всегда важен мотив

убийца имел хоть тень подозрения, что вам что-то известно, он бы давно предпринял попытку избавиться и от вас. А после смерти Инги уже прошло десять дней.

Оксана положила себе руку на грудь и, лишь полностью осознав слова детектива, облегченно вздохнула.

Глава V

Леон закрыл дверь своего кабинета и ловким движением отбросил огромный, перевитый лентами букет на диван.

- Все! – вкинув руки вверх, воскликнул он. – Победа!

Быстрым, энергичным шагом он обошел кабинет и, немного успокоившись, сел в кресло у большого окна.

Хаотичные, радостные, сверкающие мысли носились в его голове. Он выбрал одну и остановился.

Проектор высвечивает белокурую голову королевы Марии, ее хрупкую шею, охваченную черным лакированным воротником. Огромное, отbrasывающее острые искры световое лезвие топора возникает в черном воздушном пространстве, и венценосная голова бессильно падает на воротник-блудо.

«Эффект потрясающий! – нервно потирая ладони, вспоминал Леон. – Милка, надо отдать ей должное, была великолепна! Правда, чего мне стоило вывести ее на подиум. Салатко, Оксана, да и многие другие шипели, как змеи, готовые впиться в меня. Но Рудольф, как всегда, оказался прав: «Или Марию будет представлять Донина, или ты провалишь шоу. Другой манекенщицы на эту роль у тебя нет!»

Дюрок весь лучился от восторга. Завтра же подписываем контракт! Ax!.. - заложив руки за голову, мечтательно вздохнул Леон. – Париж!.. Дом моды Соболя-Шафранникова!.. Кстати, Рудольф предложил отличную эмблему для моей марки: маленький, сверкающий драгоценной шерсткой соболь держит в зубах лиловый

Тиана Веснина

цветок шафрана». – Не в силах усидеть на месте Леон вновь принял расхаживать по кабинету.

Общий свет был приглушен, и только два светильника освещали, словно выхватив из темноты, отсеченную голову царя Олоферна, попираемую изящной ногой Юдифи. Леон остановился перед картиной. Он дорого заплатил за эту великолепно выполненную копию. В глубине души именно так он желал попирать тех, кто встанет на его пути. Шафранников подошел к бару и плеснул немного коньяку в бокал.

«Слава богу, теперь можно перевести дыхание и избавиться от постоянно преследовавшего меня после смерти Инги неприятного чувства опасности. Ведь если кто-то хотел помешать триумфу моего шоу, то он уже не успел!.. – рассмеялся Леон. – Кстати!.. – от пришедшей мысли его указательный палец застыл в воздухе. – Теперь совершенно ясно, почему отравили бедную Ингу. Некто, а я склонен подозревать «несравненного Андрэ», - и не упущу случая смоделировать слушок, который, если ветер подует в нужном направлении, здорово попортит ему кровь, - направил верного человека, и тот впрыснул яд в пирожное, чтобы лишить меня «головы» – ведущей манекенщицы!.. – Эта мысль очень понравилась Шафранникову. – «Будьте осторожны!» – вспомнив предостережение Кирилла, презрительно скривился он. – Тоже мне, сыщик!..»

Леон подошел к зеркалу, взглянул на себя в анфас, в профиль и остался доволен.

«Впрочем, - слегка провел он пальцами по гладко выбритой щеке, - может быть, Салатко Оксана не так уж не правы, подозревая Милу?»

Шафранников глубоко задумался и сел на жива рядом с испускавшим едва уловимый аромат букетом.

«Что, если это сделала она? – задал себе вопрос Леон. – Я беру ее в Париж вместо вышедшей в тираж Инги. Она, несомненно, все рассчитала. Была уверена, что никто из манекенщиц не потянет образ Марии. И, следовательно,

Всегда важен мотив

мой выбор падет на нее. Хорошо, допустим, что Инга была отравлена Дониной. Конечно, это чудовищно!.. И кажется, что другого взгляда на это преступление просто не может быть, но он есть!.. – Леона зачаровала неожиданно возникшая идея. - Милка не сомневалась, что ни в чем не уступает Крутовой, даже имеет преимущества в объеме груди и линии бедер, но я отдавал безоговорочное предпочтение Инге, потому что за ней стоял Салатко. Таким образом, преступление Дониной можно рассматривать как борьбу за свое достойное существование, именно достойное, так как просто существовать могут все! – Мысль невероятно увлекла Леона. – К примеру, если бы на моем пути встал Берзиньш, и все мое будущее зависело бы только от его устранения, пошел бы я на преступление? Пошел! Иначе впору бы было списывать меня со счетов. Копошиться – это для посредственных натур. Так что в случае Милы... Ну, что ж, девушка взвесила все «за» и «против» и поняла, что у нее единственная и неповторимая возможность попасть в другой мир, где живут, а не существуют! Ведь останься она здесь, что тогда? Двадцать лет в мгновение ока станут тридцатью и для нее, провинциалки, останется один выход - найти солидного мужа, то есть добровольно пойти в зависимое положение. Ведь что там не говори, быть женой богатого мужа, это совершенно не значит быть богатой самой. А Донина, насколько я могу судить, натура независимая. Ей нужны свобода и деньги!.. Так что вот, пожалуйста, абсолютно противоположный взгляд на столь чудовищный поступок. Если не получилось взять препятствие с разбега, его нужно убрать, что она и сделала», – разобравшись в ситуации, умиротворенно заключил Шафранников.

* * *

- Привет, – бросила Мила склонившемуся над листом бумаги Рудольфу.

Тиана Веснина

- Привет, – с легкой досадой ответил он.
- Да прервись! – настоятельно потребовала девушка. – Скоро будем встречаться раз в три месяца, когда будешь привозить в Париж эскизы, которые Шафранников без малейшего колебания будет выдавать за свои. Впрочем, он уже привык это делать.
- Слушай, чего тебе надо?! – взорвался Рудольф. – Ты получила то, о чем могла только страстно мечтать. Ты едешь в Париж, из которого, зная тебя, я уверен, уже никогда не вернешься!
- Я-то еду, а ты?! – навалившись грудью на эскизы, лежавшие на столе, устремила она взгляд на Рудольфа.
- Отстань! – взвизгнул он. – Оставь меня в покое!.. Тебе не все равно, чьей топ-моделью ты будешь: Шафранникова или Логинова?! Что ты ко мне привязалась?
- Ты – мой друг, и я хочу, чтобы ты занял свое место в жизни!
- Ой!.. Умоляю! – отмахнулся от нее Рудольф. – Более зыбкого положения, чем друг трудно сыскать. Сегодня друг, а завтра, хорошо, если не враг.
- Жаль, что ты так думаешь. – Она помолчала, а потом тихо произнесла: - Я ведь после генерального прогона разговаривала с Дюроком.
- Что?! – всем существом вздрогнул Логинов.
- Я так и знала, что ты рассердишься, – недовольно пробурчала Мила.
- Рудольф, растерявшийся, словно окаменел. В студии нависло тягостное молчание, которое он прервал взволнованным вопросом:
- Ну, что же... что же он?
- Мила с сожалением усмехнулась.
- Не успел даже осознать услышанного, как, словно ведьма на помеле, подлетела эта стерва Инга и заорала, стараясь убедить француза, что я пьяна и несу чушь. А потом пригрозила мне, что все расскажет Шафрану, и

Всегда важен мотив

завтра же я вылечу не только из его Дома, но и вообще из столицы! Вот так-то! Что мне было делать?..

Этот вопрос поразил Логинова.

- Мила, – отстраненным голосом произнес он. – Мила! Неужели?.. – он запнулся и с каким-то благоговейным ужасом посмотрел на нее.

Девушка звонко расхохоталась, сощурила глаза и вызывающе бросила ему прямо в лицо:

- А ты как думаешь?..

Рудольф в страшном замешательстве принялся бесцельно перебирать листы на столе.

- Я об этом вообще не буду думать, – насупившись, будто обиженный ребенок, сказал он. – Теперь ты видишь, что все напрасно?!

Мила непонимающе взглянула на него.

- Ну, я имею в виду то, что ты сказала Дюроку. Он ведь не поверил.

- Он не поверил, – с железными нотками в голосе подтвердила Донина. – Но мне удалось отравить его ядом сомнения!.. Теперь ты должен сделать так, чтобы его сомнение переросло в уверенность. К сожалению, исходя из моего нынешнего положения топ-модели, я не могу рисковать и продолжать начатое. Ведь нет никаких гарантий, что он поверит и откажется от Шафрана. А ты должен попробовать.

- Скажешь тоже!.. Будто я при этом ничем не рискую!..

- Прости, Рудик, – приблизив к нему свое лицо, выдохнула Мила, – но ты невероятный трус. Даже если твой разговор с Дюроком дойдет до Шафрана, он все равно ничего с тобой не сделает. Ты ему сейчас нужен, как никогда!

- Но при первом же удобном случае он постарается от меня избавиться! – парировал Рудольф, подскочив с кресла.

Мила очень серьезно посмотрела на него и, вкладывая особый смысл в каждое слово, произнесла:

Тиана Веснина

- Я ли, скажем, позаботилась о моей судьбе, или, наоборот, она обо мне, но мы сделали свой ход и вышли победительницами. Теперь твоя очередь! Или – или!..

- Ты с ума сошла, - прошептал Рудольф. – Неужели, ты?!

Мила загадочно повела глазами и, направляясь к двери, повторила на прощание:

- Или – или!..

«Неужели?.. Нет, не может быть!.. – ужаснулся Рудольф. – Но ведь она же ясно намекнула: «Я!» и лишь потом добавила: «или моя судьба». Значит, все-таки, я!! Сумасшедшая!.. Все и без того косятся на нее и чуть ли не в открытую обвиняют в убийстве Инги. Но улик-то нет!.. Салатко так и сказал: «Менты не нашли никаких улик! Дело дряны!.. Друзья мне советуют обратиться к частному детективу». И теперь она предлагает мне последовать ее примеру!.. Но я... я не смогу!.. Я – трус!.. – голова Рудольфа бессильно упала на руки. – Что же делать?.. Настал тот час «Х», когда необходимо принять решение, от которого будет зависеть вся моя дальнейшая жизнь! – Ему вспомнился невозмутимо-величественный Андрэ Берзиньш. Когда стало известно о смерти Инги, он процитировал кого-то из великих: «Разум разрешает нам искать свою выгоду любыми доступными нам способами».

- Рудольф мучительно принялся тереть лоб. - Как это ни ужасно, но мой разум никакого другого способа, кроме убийства, мне не подсказывает!»

* * *

Эва влетела в бутик, словно весенний ветер, и, очутившись сзади Натали, обвила ее шею руками.

- Мама! У меня потрясающая новость! Приезжает Эрик!

- О!.. – Натали повернулась и очень серьезно взглянула на дочь.

- Я так рада!

Всегда важен мотив

- Тебя не поймешь, то ты очарована Кириллом, то радуешься приезду Эрика.

- Ну и что?.. Я с удовольствием буду встречаться с ними обоими.

- Милая, но они не смогут разделить твоё удовольствие.

- Почему?

- Эва! Не валяй дурака, скажу тебе по-русски. Ты отлично понимаешь, что каждый хочет быть только с тобой и третий лишний ему не нужен.

- Пусть соперничают! – звонко выкрикнула Эва.

- Как же, делать им больше нечего, – возразила умудренная опытом мать. - Этого ты от них не дождешься, даже несмотря на то, что ты красавица и будущая звезда балета!

- Боже, какая прелесть! – восхищенно произнесла Эва, прикладывая к себе мерцающее синими искрами платье. – Это из новой коллекции? От Шафранчика? – взглянула она на мать. – От Берзиньша?

- От Берзиньша.

- Ух!.. Как красиво! – легко кружась по бутику, не уставала восклицать Эва.

Она замерла перед зеркалом и, что-то вспомнив, неожиданно нахмурилась.

- Почему ты мне не сказала?

- Что? – удивилась Натали.

- Я видела афиши!

Но Натали по-прежнему непонимающими глазами смотрела на нее.

- Значит, ты не в курсе?

Поняв, о чём идет речь, она тем не менее ждала, что скажет дочь.

- Круглофф приезжает! – презрительно фыркнула та. - Чуть ли не вся Тверская обклеена его глупой самодовольной физиономией. Проездом из Баден-Бадена в Париж! – продолжала издеваться Эва.

- Прекрати! – слегка прикрикнула на неё мать.

Тиана Веснина

- Ну и что? – не унималась девушка. – Ты встретишься с ним? Опять дашь ему денег?

- Денег я ему не дам! А от встречи уклониться не смогу... бесполезно... он сам придет.

- У!.. Ненавижу!.. – бросила Эва и, громко хлопнув дверью, скрылась в кабинете.

Несколько секунд, блуждая вокруг себя бесцельным взглядом, Натали не двигалась с места. Потом вздохнула и тяжело поднялась.

«Круглофф... Алеша...» - подумала безответно, но тут же отогнала эту мысль и сосредоточилась на другой: - Эрик Фавье! Очень, очень неплохая партия для Эвы. Пока, конечно, она не станет звездой. Там пусть меняет всех этих мужей, как ей заблагорассудится. Но в настоящее время я должна позаботиться о ее ближайшем будущем. Кирилл Мелентьев мне нравится, но он не подходит для мужа артистки балета. Его кредитная карточка вряд ли сможет более двух лет выдержать расходы такой жены, как Эва. А вот Эрик...»

Они познакомились около полугода назад. Случайно. На одной вечеринке приятель Натали представил ей и Эве Фавье. Несколько дней спустя он позвонил им и предложил вместе провести уик-энд. Эрик повез их в шато своего друга-американца.

- Я тоже хотел купить себе шато, - говорил он. – Но Майкл мне отсоветовал: «Пользуйся пока моим». Он слишком занят, чтобы проводить много времени во Франции. Но я все равно куплю.

- И будете совершенно правы, - с удовольствием оглядываясь вокруг, произнесла Натали. – Замок великолепен!

Несколько раз Эрик приглашал их на спектакли в Гранд Опера, после которых они ездили ужинать в «Серебряную Башню», один из самых дорогих ресторанов Парижа.

Финансовые возможности Фавье очень приглянулись мадам Круглофф. Только вот было не совсем понятно, за кем он собирается ухаживать: за мамой, что, конечно,

Всегда важен мотив

безмерно польстило бы ей, или за дочкой, чего она втайне желала.

«Мать должна думать о себе в последнюю очередь, – повторяла как заклинание Натали. – Тем более что... - но на этом она всякий раз обрывала себя. – Что может быть у меня с Эриком? Легкий флирт?! Который, не дай бог, вновь превратится в мою последнюю любовь, несмотря на то что уже лет пять, как я с ней рас прощалась навсегда. Нет, надо однозначно дать понять Эрику, что он может рассчитывать только на серьезные отношения с Эвой. К тому же, ему почти тридцать четыре, самый раз жениться».

Натали как бы невзначай принялась выпытывать родословную Фавьера. Его родители, французы по происхождению, жили во Флориде. Отец почти сразу по окончании Сорбонны уехал в Штаты и остался там навсегда. Правда, в жены взял себе француженку, специально приезжал во Францию, чтобы жениться. Эрик тоже родился во Франции, до пяти лет воспитывался у родителей матери, а потом, когда пришло время поступать в колледж, его отвезли в Штаты. Но высшее образование он получил в Париже, так настояла мать. Теперь он работал коммерческим директором крупной фирмы и одновременно являлся одним из ее акционеров.

«Не стоит обольщаться, – взглянув на себя в зеркало, подумала Натали. – Эрик приезжает в Москву ни ради меня, ни ради Эвы, скорей всего, по делам. Но... вполне возможно, что эти дела у него появились именно потому, что мы здесь! Надо будет очень серьезно поговорить с Эвой. Богатый муж – это всегда хороший тыл, чтобы впоследствии с тобой не случилось. Не дай бог, конечно! – быстро осенила себя крестом Натали. – Скоро закончится стажировка Эвы в Москве, она подпишет свой первый контракт, а это ко многому обязывает: необходимо вести соответствующий образ жизни. К сожалению, мои дела на сегодняшний день отнюдь не блестящи. Я тянусь из последних сил, чтобы держаться на должном уровне. И

Тиана Веснина

если рассуждать здраво, то на данном этапе Эрик просто необходим нам. Может, конечно, статься и так, что он окажется подходящим мужем для звезды балета. Тогда пусть им и остается. Но при первых же признаках недовольства с его стороны – развод! Естественно, если мы успеем заранее подготовить тыл. Впрочем, о разводе беспокоиться еще рано. Сначала надо заставить играть трубы Гименея!»

Она уже хотела войти в кабинет, как неожиданно за стеклом витрины, по которому сбегали искусственные струйки дождя, увидела Леона Шафранникова.

- Вот сюрприз! Не ожидала! – широко открыв дверь, воскликнула мадам Круглофф. – И, не дав ему промолвить ни слова, продолжила на восторженной ноте: - Леон – ты гений!.. Эта нюансировка тканей, световые эффекты, безупречный ансамбль манекенщиц...

Шафранников прервал ее речевой поток.

- Натали, я пришел поговорить о деле. О, у тебя появились модели от Берзиньша? – заметил он.

- Так, взяла для пробы, – с легким презрением ответила она.

Леон снял с вешалки мерцающее синими искрами платье и внимательно осмотрел его.

- Неплохо! – задумчиво пробормотал.

Натали тем временем вернулась с тремя бокалами.

- Предлагаю отметить твой сенсационный успех! Я сейчас позову Эву, она в кабинете.

Но Леон остановил ее:

- Подожди! Нам надо серьезно поговорить!

- Что-то случилось? – настороженно глядя на него, спросила Натали.

- Да, в принципе, нет. Кстати, вон твои продавщицы возвращаются, – мотнул он головой в сторону стеклянной двери. – Пойдем, поговорим в салоне.

Натали дала указания девушкам и, всеми силами стараясь усмирить фонтанирующую в ней тревогу, поспешила за Шафранниковым.

Всегда важен мотив

- Понимаешь, - садясь на диван, начал он, – после подписания контракта с Дюроком я как бы устраиваю прощальный показ в Москве. Отныне я буду заезжим парижским кутюрье.

- Не волнуйся, я сделаю все по высшему разряду. Может, ты хочешь внести изменения в сценарий дефиле? Давай рассмотрим его еще раз!.. Как мы планировали?! - Натали, потирая ладони, принялась ходить по салону. – Значит, подиум покрыт лимонно-желтой тканью, ниспадающей вниз. Намеренно быстрый проход девушек при демонстрации коллекции «Дождь». Они пронесутся по подиуму, будто торопливые капли дождя по лобовому стеклу машины. Затем, несколько лучей света и второй выход уже замедлен...

- Натали, я все отлично помню и считаю этот сценарий оптимальным. Но!.. – Леон поднялся и подошел к ней. – Но все дело в том, что, посовещавшись с Дюроком, я пришел к выводу: твой бутик мне не подходит.

- Как?! – в ужасе прижал руки к груди, восхлинула мадам Круглофф. – Ведь мы же обо всем договорились, уже начали завозить крепления, материалы!..

- Все понимаю, дорогая, – слегка касаясь ее плеча, ласково произнес Леон. – Но ты в нашем бизнесе не первый день и знаешь, что он не прощает промахов. Один просчет – и ты отброшен назад, и твое место уже занято. В данный момент я не имею права на ошибку. – И жестким, не терпящим возражения тоном, чтобы поскорее завершить свой визит, Шаффранников произнес: Я решил, что мое прощальное дефиле состоится в зале отеля «Империал».

- Что? Но ведь ты исказишь идею! Мы же планировали проводить дефиле пять дней. И делали упор именно на размеры моего бутика, чтобы зрители представляли себя как бы находящимися в автомобилях и из них смотрящими на подиум. Большое пространство все погубит!.. Ты устроишь одно дефиле. И все! А мы планировали провести

Тиана Веснина

пять! И слухами, разносимыми первыми приглашенными, вызывали бы интерес у других!

- Согласен, идея сама по себе великолепна, но, учитывая мой новый статус, мой контракт и уже со вчерашнего дня сотрудничество с Дюроком, я обязан идти на новые масштабы.

- А я?! – Натали в упор посмотрела в глаза Леона, но она ничего не прочла в них, лишь отразилась как в зеркалах.

- Я что-нибудь придумаю. Можно провести у тебя неделю «Лучшее из коллекций Соболя-Шафаранникова».

- Спасибо, Леон, но ты пока еще не Диор, чтобы публика вновь желала смотреть то, что уже видела.

- Ну, не знаю! – раздраженно бросил он.

- А Рудольф одобряет твою затею с залом в «Империале»? – поникшим голосом спросила Натали.

- Рудольф?! – с каким-то повизгиванием воскликнул Леон. – Причем тут Рудольф?!

- Понятно. И все-таки давай оставим, как было договорено!

- Нет! Все уже решено!

- Ты губишь меня, – сжимая виски холодными руками, пробормотала бедная женщина. – Губишь!.. До недели Высокой московской моды, которую мы впервые решили провести в начале лета, осталось всего десять дней!.. Кого из модельеров я смогу пригласить к себе в бутик? У всех уже все расписано.

- Ой!.. Вот скромничать не надо! Твой бутик в рекламе не нуждается!

- И дурака валять тоже не надо! – зло огрызнулась Натали. – Тебе ли не знать, что никто не пойдет на риск все ломать и устраивать дефиле в моем небольшом пространстве. Господи, я погибла! Не участвовать в неделе Высокой моды, это крах!

- Думаю, ты преувеличиваешь.

- Увы, нет! Я держалась из последних сил! Взяла крупный кредит, чтобы достойно провести показ твоих

Всегда важен мотив

моделей. Я сделала большую и единственную ставку на тебя! После твоего отъезда все модели были бы раскуплены.

- Нельзя делать ставку на что-то одно, всегда должен быть запасной вариант, – придав лицу мудрое выражение, изрек Шафранников.

- А если ставок больше нет? – подняв на него глаза, спросила Натали.

Леон пожал плечами и, приложившись щекой к ее щеке, произнес:

- Поверь, мне искренне жаль. Но ты должна понять меня.

Дверь плавно закрылась за Леоном.

Несколько минут Натали оставалась неподвижной. Очнувшись, прошла в кабинет и отправила Эву домой, сославшись на неожиданно возникшую работу. Когда продавщицы покинули бутик, она позвонила Логинову:

- Рудик, умоляю, приезжай!

Он сразу понял в чем дело.

Они встретились в полумраке салона.

- Я говорил Леону, что тот эффект, в расчете на который мы делали сценарий, пропадет в большом пространстве. Но он уперся! Ему и Дюроку понадобился огромный золоченый зал и масса публики, чтобы утонуть в рукоплесканиях и букетах!.. А сообразить, что это будет внешний, ничего не несущий за собой успех, у них желания нет. Если бы он провел, как мы рассчитывали, показ у тебя, уезжая в Париж, у него оставался бы приоритет в твоем бутике. А это равносильно собственному магазину, на содержание которого он не тратил бы ни копейки. Но Шафран рассуждает: «Что мне Натали?! Я теперь парижский модельер, и все будут рады открыть мне двери своих бутиков». Но он напрочь забыл, что он такой не единственный.

- Рудик, что же делать? – сжимая его руку в своих ладонях, простонала Натали.

Тиана Веснина

- Не знаю! Я испробовал все доводы, пытаясь убедить Леона. Но он остался глух.

- Этот чертов Дюрок вскружил ему голову! – вскакивая с дивана, воскликнула Натали. – Ведь раньше он всегда очень внимательно прислушивался к твоим советам! Такое ощущение, прости, что он задумал кинуть не только меня!..

Рудольф согласно кивнул.

- А может, он и Ингу... того? – зловеще прошептала мадам Круглофф.

- Да ты что? И потом, зачем это ему?

- Как зачем? Может, он уже давно хотел избавиться от нее. У него глаз наметанный! Ведь согласись, Милка Донина в образе Марии оказалась на две головы выше покойной топ-модели. Нам было это еще не понятно, а Леон уже видел разницу. Ему нужно новое лицо для его нового Дома моды в Париже. И он для себя решил, что этим лицом будет Донина, а не Крутова. Но он не мог переместить Ингу на второе место из-за Вадима Салатко. Тот бы ни за что не позволил. А Леон от него здорово зависит. Вот он и нашел способ избавиться от Инги. Кто лучше него знал, что она тоже закажет «Гато руайяль»?

- Но каким образом Леон проник бы в раздаточную?

Натали расхохоталась.

- Фигура у Леона не хуже, чем у любой девчонки. Накинул халат, - и вот он уже симпатичная раздатчица. Или юный паренек с еле пробивающимися усиками. Леон – артист, впрочем, как и всякий модельер.

- Да, но откуда он мог знать, где будут лежать эти гато? – не отказывался от своих сомнений Рудольф.

- Как откуда? А экскурсия, что устраивал Роман?..

- Ах, да! – чуть не подскочив, воскликнул Логинов.

- Он же, как только открыл сеть «Сладких Романов», первым делом похвастал четкостью действий своего персонала и сногсшибательным оборудованием.

- Но я, например, почти ничего не запомнил и не смог бы найти шкаф с этими гато.

Всегда важен мотив

- Это ты, а то - он! – безапелляционно провела границу между ними мадам Круглофф.

В сумраке салона сидели двое и молча смотрели друг на друга.

- Леон идет по трупам!.. – резким голосом пронзила тишину Натали. – Ведь благодаря ему теперь и я - живой труп.

- Не расстраивайся! Я что-нибудь придумаю!..

- Нет, Рудик, уже сделать ничего нельзя!..

- Но, говорят, всегда есть выход, - как-то неуверенно произнес Логинов и тут же поднялся, чтобы уйти.

Натали криво усмехнулась.

- Ты прав! Но только он - для сильных. Хотя... – задумчиво протянула она, - случается, что единственный выход находят именно отчаявшиеся.

Глава VI

Страшное слово «отчаявшиеся» засело в голове Рудольфа. Он вышел от Натали опьяненный им.

«Все! – непроизвольно шептали его губы. – Это начало конца. Впервые, почти за пять лет, Леон отказался от моего сценария дефиле. Попросту говоря, он губит мой замысел. В зале отеля «Империал» я буду присутствовать при карикатурном, бездарном воплощении моих идей. Потом он укатит в Париж, и я с покорностью идиота стану привозить ему мои наброски, макеты... короче, мои мысли, впитав которые, он вновь отшвырнет меня в Москву. Он пьет мой мозг, словно Дракула кровь. Временами я чувствую полное опустошение. И никто не может изменить сложившееся таким образом положение вещей. Только чудо!.. Или я сам?!»

Рудольф невольно вздрогнул и, оглянувшись вокруг, увидел, что быстрым шагом несется по Тверской в сторону Манежной, что идет противный мелкий дождь, и что почти все магазины уже закрыты. Он резко остановился и

Тиана Веснина

повернул обратно. Его небольшой «Ситроен» сверкал влажным покрытием из дождевых капель в ярко-розовом свете уличного фонаря.

«Надо, наконец, все расставить в наших отношениях по местам!» – с отчаянием, переходящим в короткую храбрость безумца, решил он.

* * *

«Ну и погодка, – поежился Андрэ Берзиньш, выходя из машины. – Но бывают случаи, когда приходится действовать самому».

Он захлопнул дверцу, накинул плащ и быстрым шагом направился вдоль освещенного переулка. Дождь стал ослабевать, и Берзиньш задержался перед случайно оставшимся на рекламной тумбе анонсом: «Леон Соболь-Шафранников представляет: Модельное шоу «Прощание Марии Стюарт».

Явно и тайно гордящийся отсутствием у себя чувства зависти, являющегося лучшим индикатором посредственности, Андрэ почувствовал острый укол. И уже далеко не первый!

«Нет, все-таки сама по себе справедливость никогда не сумеет восторжествовать, – усмехнулся он. – Шафран – в Париже!.. Берзиньш – в Москве... Видно, эту «Справедливость» нужно самому брать в руки и указывать ей, кому она должна отдавать предпочтение!»

* * *

«Мерседес» Натали Круглофф метался по столице. Когда-то она была сильной личностью и теперь пыталась возродить в себе былое чувство презрения к тем, кто постоянно задается вопросами: «Смогу ли? Имею ли право?»

«Права не раздаются, их берут!» – донеслась из прошлого ее любимая фраза. – Неужели, я так же изменилась внутренне, как и внешне? – ужаснулась она. –

Всегда важен мотив

Неужели, ничего не осталось от той Натали? Неужели я позволю себя раздавить?»

Она остановила машину в каком-то тупике и позвонила Мелентьеву. Скрывая за небрежным тоном волнение, в качестве совершенно идиотской идеи, смеясь, изложила ему мысль, что никому другому не было выгодно избавиться от Инги, как самому Шафранникову.

- Боже упаси вас, Кирилл, предположить, что я его подозреваю. Леон – само благородство. Но он мог случайно обмолвиться о своем желании видеть новым лицом Дома моды Милу Донину, а не Крутову. Какой-нибудь подхалим, грубо говоря, тут же поспешил воплотить случайно оброненные слова мэтра в реальность.

Натали рассчитывала, что ее версия заинтересует Кирилла, и не ошиблась. Но, побеседовав с ним чуть дольше, поняла: даже если Леон отправил Ингу, пока детектив найдет неопровергимые улики, она уже будет разорена.

* * *

- А теперь очередь Эвы! – воскликнул кто-то из гостей. – Пусть скажет французский тост!

Хорошенькая блондинка, отмечавшая свой день рождения в широком кругу друзей, весело захлопала в ладони.

- Эва, просим! – раздался нестройный, но веселый хор.

Эва улыбнулась, вспомнила какой-то цветистый дифирамб и, вскинув голову, звонко преподнесла его своей приятельнице, молодой артистке балета.

Вечеринка веселилась, шумела, танцевала. Эва подошла к тяжелой велюровой шторе и, скрывшись за ней, прижала пылающее лицо к холодному стеклу, по которому торопливо били капли дождя. Случайно она услышала часть разговора матери с Шафранниковым.

«Нам грозит разорение!.. – в тревоге думала она. – Это же ужасно!»

Тиана Веснина

Эва до странного отчетливо помнит, как разорился отец ее парижской подруги. Была благополучная, респектабельная семья и буквально за несколько месяцев от нее ничего не осталось: ни квартиры, ни мебели, ни даже бриллиантовых сережек, которыми так гордилась подруга. Все лица посерели, глаза помутнели, спины сгорбились, и шесть человек, бывшие полгода назад семьей, разбрелись кто куда.

«А что же будет с нами? Горе не приходит одно. Непременно узнают о разорении в Париже, боже, как стыдно! И мсье Майяр, от которого зависит подписание контракта с Гранд Опера, просто не захочет меня видеть, потому что его жена рассчитывает на неограниченный кредит в мамином магазине. Но даже если контракт будет подписан, на что мы будем жить? На мои гонорары?.. Господи!.. – Тонкие пальцы Эвы сдавили пульсирующие виски. – А Эрик? Он никогда не сделает предложение дочери обанкротившейся владелицы некогда престижного бутика. Подлец Шафран!.. Ведь все завит только от него! Одно его слово - и мы спасены!.. Как это страшно быть зависимой от прихотей других!»

* * *

Утро переливалось солнечными красками от нежно-золотистых до слепяще-белых.

Оксана спешила в Дом моды. Она размышляла целую ночь и решила попытаться уговорить мэтра взять ее с собой в Париж.

Двери лифта раздвинулись, и до девушки донесся чайто дикий вопль. С удивлением смотря по сторонам, она толкнула дверь приемной, и в этот момент из кабинета Шафранникова, зажимая рот рукой, вылетела секретарша. Ее безумный взгляд скользнул по манекенщице, и она выскочила из приемной.

Оксана пожала плечами, а потом осторожно заглянула в кабинет мэтра...

Всегда важен мотив

В отличие от эмоциональной секретарши она не могла издать и звука. Словно невидимые силы пригвоздили ее к месту.

Соболь-Шафранников, пронзенный огромными «платиновыми» ножницами, обмякнув, завис над столом. Кровь залила и забрызгала все вокруг. На кончиках, торчащих из спины Леона, виднелся какой-то красный кусок. Сами же ножницы основательно упирались своими большими кольцами в стол.

Горячая волна ударила в голову Оксане, и она, следом за секретаршей, зажав рукой рот, вылетела из кабинета.

Придя в себя, но еще боясь отойти от раковины, Оксана достала сотовый, набрала номер и, отплевываясь от воды, простонала в трубку:

- Вадим, Леона убили!..

Салатко вскочил с кресла и прервал деловое совещание.

Когда бледно-зеленая Оксана, держась за стенку, добрела до кабинета Шафранникова, то увидела там деловито снующих оперативников, Вадима Салатко, внимательно слушающего разъяснения старшего опергруппы майора МУРа, и Мелентьева, осматривающего место преступления.

Получив экстренное сообщение Оксаны, Салатко тут же позвонил детективу.

- Мне нет никакого смысла ехать туда, оперативники на пушечный выстрел не подпустят, - ответил тот.

Салатко глухо хмыкнул:

- Со мною еще лампу подержат, чтобы лучше видно было!

- Понял! – с готовностью отозвался Кирилл.

Он прошел под перекрестным огнем глаз оперативников и, тут же забыв о них, принял внимание осматривать кабинет.

Нанизанный на ножницы труп Шафранникова, эксперт фотографировал со всевозможных ракурсов. Затем на

Тиана Веснина

страшное изваяние был накинут белый шелк, мгновенно окрасившийся бурьми пятнами.

Детектив прислушался к словам врача, сообщавшего майору приблизительное время убийства:

- Между двадцатью тремя часами тридцатью минутами и полуночью.

- Следовательно, с разницей в полчаса, – кивнул майор.

- Надо немедленно сообщить Лине! – доносился чей-то взволнованный голос из приемной.

Кирилл вышел туда.

Рудольф Логинов, как заведенный, повторял одну и ту же фразу секретарше, смысл которой никак не мог дойти до потрясенной девушки.

- Да что ты заладил, ей-богу!.. – взорвалась Оксана. – Она все равно ничего сейчас не соображает. Я сама поищу номер.

Манекенщица деловито застучала пальцами по клавишам ноутбука.

- Нашла! – бросила она Рудольфу. – Но как ей сообщить?..

- Лина же собиралась приехать на его последнее дефиле... - сокрушенно произнес визажист Женя. – Кто будет звонить? – обвел он присутствующих взглядом.

- Я, – пожалуйста, - отозвалась Оксана. – Но мне как бы по статусу не положено.

- Господи, что случилось? Меня еле пропустили в здание! – раздался недовольный голос, и в приемную мимо опешившего на секунду оперативника влетела Донина.

- Руди! – бросилась она к Логинову. – С тобой все в порядке?..

- Все, – вздохнув, ответил тот и, сморщившись, прошептал: - Леон!

- Что Леон?..

- Убили Леона! – словно упрек бросила ей в лицо Оксана.

- Убили?! – от услышанного Мила будто остолбенела. – Убили?!..

Всегда важен мотив

Ее удивленный взгляд на несколько секунд задержался на Логинове.

- Не может быть! – воскликнула она и стремительно вошла в кабинет.

Увидев очертания непонятной конфигурации, прикрытой шелком с бурьими пятнами, она обернулась и спросила:

- Это Леон?..

- Да, – подтвердил заинтересовавшийся ее поведением Кирилл.

- Но как?.. Каким образом его убили? Я ничего не понимаю!.. Почему он так нелепо взгроможден на стол?

- Его ножницами пронзили... насквозь, - тихо пояснил Мелентьев, внимательно следя за реакцией девушки.

- Какими ножницами?.. – ее вопрошающий взгляд устремился на детектива. – Теми?.. «Платиновыми»... призовыми?..

Мелентьев молча кивнул.

- Мне нужны все оперативные снимки и возможность спокойно осмотреть кабинет, - подойдя к Салатко, сказал детектив.

- Ясно! Будет! – кратко ответил он и, прижав майора всей своей тяжестью к стене, что-то тому шепнул.

В это время сотрудники Дома моды, окружив стол секретарши, по-прежнему обсуждали, кто будет звонить Лине Рюс, сестре Леона.

- Конечно же, Руди! – уверенно высказала свое мнение Мила.

- В самом деле! – согласился визажист Женя. – Как главный стилист Дома моды именно ты должен сообщить Лине о случившейся трагедии.

Рудольф был сам не свой. Выпив стакан воды, он сказал:

- Хорошо! Сейчас позвоню!..

Мила набрала номер и поднесла ему трубку.

Воцарилась долгая пауза.

Телефонные гудки требовательно врывались в благополучное пространство другой части земного шара, чтобы нарушить царившую там гармонию.

* * *

Сотовый телефон лежал под тентом и настоятельно требовал свою хозяйку.

- Ой! Ну кто-нибудь!.. Возьмите же телефон! - крикнула Лина, не желая покидать бассейн.

Покачивая головой, со стороны веранды появилась женщина в широкополой шляпе и шифоновом халате нараспашку.

- On ne peut pas appeler les domestiques! /Прислугу не дозволишь!../ - раздраженно пробормотала она и, взяв уже теряющий терпение телефон, мягко выдохнула: - Oui, je vous écoute! (Да, я вас слушаю!)

- Лина!.. – напряженным голосом воскликнул Рудольф.

- Un instant! (Минутку!) – и женщина в широкополой шляпе поднесла телефон своей подруге.

- Я думала, что это Робер и хотела переброситься с ним парой фраз, но это какой-то незнакомый голос, - пояснила она.

- Алло! – сверкая каплями на губах, весело произнесла Лина.

- Лина, это ты? – покрываясь потом от волнения, допытывался Рудольф.

- Я!.. – несколько удивленно ответила она.

- А это Рудольф!..

- Привет! Рада тебя слышать! – отозвалась Лина и тут же добавила: - Ты, наверное, по просьбе Леона. Передай ему, пусть не волнуется, я уже заказала билет и обязательно буду на его дефиле.

- Лина, – тоскливо протянул Рудольф. – Тебе придется приехать раньше... Дело в том... дело в том, что Леона убили!

Несколько секунд длилось странное молчание, а потом раздался истошный вопль:

- Что ты сказал?!

- Леона убили... вчера ночью...

Всегда важен мотив

Рудольф услышал какой-то странный всплеск, чьи-то вскрики, и телефон замолчал.

Собравшиеся в приемной грустно переглянулись.

А в кабинете происходило совещание, каким образом лучше вынести труп с торчащими в нем ножницами.

Санитарам не без труда удалось уложить пронзенное тело на носилки и кое-как прикрыть его пластиковым пакетом.

- Попрошу всех выйти из помещения, - раздался голос оперативника, появившегося в дверях приемной. – Его необходимо опечатать!

Все в ужасе подались назад, когда санитары проносили тело Леона Шаффранникова.

Не сговариваясь, гурьбой, сотрудники Дома моды прошли в студию Логинова.

- Так что, Руди, Лина поняла, приедет? – задала мучивший всех вопрос Оксана.

Рудольф очень выразительно пожал плечами. Донина предложила собравшимся виски.

Раздался звонок. Трубку взяла Мила.

- Excuse me, I am a friend of Lina... (Простите, я подруга Лины) - голос замялся. - Do you speak English? (Вы говорите по-английски?)

- Yes! (Да!)

- Тогда, ради всего святого, объясните, что случилось? Лина потеряла сознание, мы еле привели ее в чувства, но она не может говорить, рыдает, как безумная!.. Я поняла, что звонили из Москвы, взяла ее записную книжку, набрала первый номер и попала на вас... Так что случилось?

- Вчера ночью в своем кабинете был убит Леон. Сегодня утром его труп обнаружила секретарша.

- Кем?.. Как?.. – явно растерявшаяся подруга Лины пыталась выяснить подробности.

Тиана Веснина

- Убийца проткнул его, так называемыми «платиновыми» ножницами. Это был приз, который Леон получил как лучший модельер Москвы.

- Но как ему удалось ножницами?.. Они что, очень длинные?

- Примерно с метр!

- Господи!.. И что? Что теперь делать?.. Лина должна ехать на похороны... Но я просто не знаю... Она в таком состоянии... Я вам лучше позвоню позже.

Положив трубку, Мила передала свой разговор с приятельницей сестры Леона.

- Н-да! – многозначительно произнес визажист Женя. - Влипли!.. Придется отменять дефиле в «Империале».

Донина поднялась с высокого табурета и, окинув всех быстрым взглядом, сказала:

- Я предлагаю собраться с силами и провести дефиле в память о Леоне. А возглавит показ, конечно же, Рудольф!

Никто не выразил протеста.

- Правильно, мы просто обязаны устроить этот показ! Леон столько сил вложил в него! – одобрил Женя.

- Надо связаться с Натали, – слегка подтолкнула под локоть Рудольфа Мила и шепнула: - Не упускай инициативу!.. Не забывай, что есть Дюрок и Салатко! Ты должен произвести на них серьезное впечатление.

Рудольф с трудом заставил себя сбросить одуряющее оцепенение и, нахмурившись, сказал:

- Да, я свяжусь с Натали и продолжу работу по подготовке дефиле. «Империал» отменяется. Леон сам все время сомневался в правильности последнего решения и буквально за несколько дней до... - Руди растерялся и замолчал.

- До ужасного происшествия, – пришла на помощь Мила.

- Да!.. – кивнул он в ее сторону. – Леон сказал мне, что все-таки склоняется к камерному пространству бутика, - неожиданно для себя убедительно согнал Логинов.

Никто не выразил неудовольствия по поводу того, что Рудольф на какое-то время возглавит Дом моды

Всегда важен мотив

Шафранникова. Все нашли это вполне естественным: кто же? – как не главный стилист и первый помощник покойного мэтра.

Салатко, выслушав предложение Логинова о проведении дефиле в память о Леоне, похлопал его по плечу и одобрительно бросил:

- Действуй!

Дюрок же был в своей Франции и еще ничего не знал.

* * *

Взяв на себя обязанности главы Дома моды, Рудольф первым делом поспешил к Натали.

Он вошел к ней, словно архангел с благой вестью.

- Не ожидала, – натянуто улыбаясь, произнесла мадам Круглофф.

Логинов придирчиво оглядывал место, где он собирался воздвигнуть подиум.

- Арматура еще у тебя? – по-деловому осведомился он.

- Да, – глухо ответила Натали и тут же спросила: - Приехал забрать?

- Нет!

- Так забирайте скорее! – взорвалась она. – У меня каждый метр площади на учете!

- Нет, мы не будем забирать!

Обведенные серо-лиловыми кругами глаза Натали вопросительно остановились на Логинове.

- Леон... что, передумал?.. – осторожно спросила она.

- Леон умер, – слегка поморщившись, безразличным тоном обронил Рудольф и тут же приступил к обсуждению деталей будущего показа.

Натали, словно автомат, отвечала на его вопросы, но более пяти минут она не выдержала и, упав в кресло, взмолилась:

- Объясни, что случилось?

Тиана Веснина

Логинов, окончательно прия в себя, почувствовал, что ему будет отчасти даже приятно сообщить Натали ужасающие подробности.

- Наташа, попроси заварить кофе, – сказал он и сел в кресло.

- Его убили! – сделав два приятно обжигающих глотка, сообщил Рудольф.

Натали вздрогнула и едва не выронила чашку из рук.

- Убили? – с каким-то благоговением переспросила она.

– Леона убили?

- Да, вчера вечером. Помнишь, у него в кабинете на постаменте стояли огромные «платиновые» ножницы... один из его призов?

- Конечно! Как войдешь – налево, – машинально подтвердила Натали.

- Ну так вот: убийца насквозь пронзил ими Шафрана.

Глаза Натали застыли, будто она увидела картину убийства.

- Наташа, – тронул ее за руку Логинов. – Вот уж не думал, что ты так сильно будешь переживать по поводу безвременной кончины нашего Соболя-Шафранникова. Особенно после того как он фактически сделал тебя банкротом.

Натали тяжело вздохнула, выдвинула ящик секретера и достала карту с валидолом. Положив две капсулы в рот, тихо произнесла:

- Но ведь это ужасно!..

- Ужасно, – спокойно согласился Рудольф. – Но мы с тобой должны продолжать работать. До показа осталось чуть больше недели.

- Да-да! Ты прав! – отгоняя от себя рисуемые фантазией картины чудовищного убийства, согласилась она.

Всегда важен мотив

* * *

А в это время на обласканном солнцем и волнами Лазурном побережье, где находилась вилла Эстель Делонэ, срочно вызванный врач склонился над Линой.

- Господи, она белая, как полотно, – бормотала Эстель.
– Морис!.. Морис!.. – дергала она за рукав своего друга. – Что же делать?

- Прежде всего успокоиться, моя сладкая, – щекоча ее ушко губами, проговорил он.

- Ах! Ну тебя!.. Ты всегда такой несерьезный, – играво надув губы, выбраница она его.

Врач подошел к ним, оставив сою пациентку на попечении медсестры.

- Я назначил ей хорошую дозу успокаивающего. Она проспит до вечера, а когда проснется, дайте ей вот эти таблетки.

Эстель боязливо подошла к все еще метавшейся в истерике Лине и положила ей руку на лоб.

- Дорогая, ты должна быть сильной!.. Обязана!..

Сквозь приступы рыданий Лина простонала:

- Лео!.. Братик мой!.. Лео!.. Как же так?!..

Когда Лину отвели в спальню, озабоченная Эстель спустилась вниз и подошла к Морису, мирно покачивающемуся на полосатом диванчике.

- Думаю, мне придется сопровождать Лину в Москву, – проговорила она. – В таком состоянии ее просто опасно отпускать одну.

Морис безразлично пожал плечами.

- Думаю, - с металлическими нотками продолжала она свою мысль, - ты тоже должен поехать с нами!..

- Что?! – искренне расхохотался Морис. – Я? В Россию?.. Помилуй, дорогая, сладкая!.. За что такая немилость?!.. Я приехал на твою виллу отдохнуть, а ты – в Россию!..

- Вот ты так всегда! – вознегодовала Эстель, взмахнув широкими рукавами халата, накинутого на бикини. –

Тиана Веснина

Отдыхать, – пожалуйста, а как у меня проблемы – ты в сторону!..

- Сладкая,тише на поворотах, тебя явно заносит! – сверкнув карими глазами, спокойно предупредил Морис. – Во-первых, проблема не у тебя.

- Это все равно!.. Лина – моя самая близкая подруга!

- А во-вторых, - не обращая внимания на ее реплику, - продолжал он, – мы с тобой – любовники. Всплушайся в музыку этого слова: любовники... – нараспев произнес он.

– Нас с тобой объединяет только любовь и ничего кроме любви. А для проблем существуют мужья или друзья.

- Но ведь ты и есть мой друг! – подловила она его на слове.

- Нет, я – любовник!

- Однако ты всегда представляешься моим другом.

- Я просто беспокоюсь о твоем общественном положении.

Эстель посмотрела на него долгим взглядом и пошла в дом.

- К тому же, у Лины есть жених. Вот пусть он и волнуется! – понеслось ей вдогонку.

Глава VII

- Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – покидая Дом моды, обратился Салатко Мелентьеву.

- Есть одна мысль, но она тебе вряд ли понравится.

- Поехали ко мне в офис, поговорим, – предложил он.

Они прошли в комнату отдыха, смежную с кабинетом, и Вадим, приспустив галстук, спросил:

- Ну, и что же за мысль?

Кирилл немного помолчал, сопоставляя известные ему факты, а потом сказал:

- Есть версия, что Инга была отравлена по ошибке.

Всегда важен мотив

- Что?.. Как?.. – грузная фигура Салатко заметалась по комнате. – То есть... хотели отравить Леона, а?.. - он замолчал, пытаясь вникнуть в услышанное.

Кирилл сел на диван и продолжил изложение версии:

- О том, что Леон любит гато руайяль, было известно многим. О том, что Инга любит эти же гато, знал ограниченный круг. Следовательно, преступник, впрыснувший яд в пирожное и таким образом пытавшийся отравить Леона, не принадлежит к этому кругу.

Хорошо ознакомившись с отлаженной технологией кафе «Сладкий Роман», преступник знал по какой схеме подаются пирожные. Левое в верхнем углу будет первым. Так же ему было известно, что гато начинают подавать только в полдень и что Леон всегда старается приходить к этому времени, чтобы получить первое пирожное, то есть то, которое последним ставится в шкаф кондитером.

- Но ведь официантка могла поставить перед Ингой тарелку со вторым пирожным!

- Могла! – согласился Кирилл. – Но не поставила. Видно, на уровне Провидения было почему-то решено еще на некоторое время сохранить жизнь Шафранникову, – мрачно пошутил детектив.

- Значит, ты полностью отвергаешь версию, что кто-то хотел избавиться именно от Инги? – взъерошив русые волосы, спросил Вадим.

- Нет. Просто на настоящий момент нужно рассматривать две версии. Первая: Ингу отравили целенаправленно. Вторая: Ингу отравили по ошибке, и порция яда предназначалась Леону. Вторую версию подтверждает его убийство. Не достигнув своей цели, преступник не отступил. И его следующая попытка, если так можно выразиться, увенчалась успехом.

- Ну и кому было нужно убивать Шафрана? Ведь в том, что на этот раз хотели убить именно его, нет сомнения. По ошибке никого не насаживают на ножницы.

Кирилл рассмеялся.

Тиана Веснина

- Ты хочешь знать, кому это было выгодно?.. Очень может быть, что и тебе!..

- Что?! – от искреннего недоумения Салатко поперхнулся. – С ума сошел!.. Ну были у нас общие интересы, проценты, но на кой черт мне его Дом моды?!

- Тем не менее, гарантирую, что на Петровке ты побываешь еще раз.

- Избавиться от Шафрана, смею предположить, хотели бы многие, но вот для кого это желание превратилось в необходимость – вопрос, разрешив который, я найду убийцу, – сказал Мелентьев.

- Значит, ты склоняешься к версии, что Инга погибла по ошибке?..

- Скорей всего.

- Тогда выходит: Ингу и Шафрана убил один и тот же подонок?!

- Предположительно.

- Ладно, действуй! Заключения экспертов, снимки... - Вадим махнул рукой. – Все у тебя будет. Только ты уж, пожалуйста, найди мне эту сволочь! – Дыша прямо в лицо Кириллу, пока еще мягко потребовал Салатко.

* * *

Натали с Рудольфом прохаживались перед выходом пассажиров, слетавшихся со всех концов света в Москву. Объявили прибытие рейса «Ницца-Москва». Мадам Круглофф поправила траурную вуаль на шляпке, Рудольф стал пристально вглядываться в лица выходивших из-за длинной стеклянной перегородки. Среди энергично двигающихся пассажиров он увидел тоненькую фигурку в черном. Рудольф махнул рукой. Женщина, шедшая рядом с тоненькой фигуркой, слегка встряхнула ту за плечи и указала взглядом в сторону Логинова.

Лина подняла глаза, скрытые за темными стеклами очков, и кивнула головой, покрытой черным шелковым платком.

Всегда важен мотив

- Руди! – воскликнула она, падая в его широко открытые объятия.

- Успокойся, – поглаживая ее по спине, повторял он. – Успокойся, Линочка!

Натали, познакомившись с Эстель Делонэ, в красках описывала чудовищное по своей жестокости убийство Леона.

- Мы все... все просто сражены... Он так много значил для нас, - проводя для приличия под глазами платком, стенала время от времени мадам Круглофф.

Поддерживая Лину под руку, Рудольф усадил ее в машину.

Слушая, не умолкавшую Натали, Эстель с большим интересом смотрела по сторонам.

- Боже, что же это такое? – обратилась к ней гостья столицы.

- Что вы имеете в виду?.. – несколько замялась Натали.

Мадам Делонэ сокрушенно покачала головой.

- Я имею в виду все!..

- Ну, это все и есть Россия! – развела руками мадам Круглофф.

- Вы делаете тяжелый бизнес, – сочувственно произнесла Эстель. – Жить здесь ради того, чтобы работать!..

«Богатая дрянь, сиди уже!..» – мысленно посоветовала ей Натали.

Мадам Делонэ действительно была богатой, но отнюдь не дрянью. К тому же, по русской поговорке она совсем недавно опять стала ягодкой: сорок пять.

Золотые купола церквей ей понравились, и она пробормотала:

- Ну, в общем-то... хотя...

- Руди, расскажи мне все! – потребовала Лина, едва они вошли в номер отеля «Националь».

- Ах, Натали, дорогая! – обняла она мадам Круглофф. – Прости!.. Я в аэропорту кроме Руди никого не видела!..

Тиана Веснина

- Успокойся, Линочка. Не надо себя травмировать подробностями. Это потом, – гладя ее по руке, тихо приговаривала та. – Тебе нужны силы!..
Завтра похороны.

Лина ничего не ответила, только слезы сильней заструились из ее глаз.

- Ты права, – наконец очень тихо произнесла она. – Нужны силы!

- Тебе надо переодеться и отдохнуть, – засуетилась Натали. – В каком чемодане ее вещи? – обратилась она к Эстель.

- В этом, – указала мадам Делонэ и протянула ключи.

Натали ловко открыла чемодан, нашла ночную рубашку и подала ее Лине. Та пошла переодеваться.

- Она очень, очень переживает, - сокрушенно вздохнула Эстель. – Леон был ее гордостью...

Мадам Делонэ вынула из чемодана альбом.

- Их детские фотографии, – протянула она его Натали. – Кто бы мог подумать!.. Помню, как они оба радовалась, когда она смогла помочь Леону открыть Дом моды.

- А Робер?.. – неожиданно спросила Натали. – Робер приедет?

- Он тоже собирался, но дела... Одним словом, быть миллионером – это очень хлопотное занятие.

В это время раздался звонок по сотовому Лины. Мадам Делонэ взяла трубку.

- Робер!.. Да, мы только что вошли в номер... Лина переодевается. Я сейчас передам ей телефон.

- Волнуется!.. – сообщила Эстель, вернувшись из спальни. – Он как узнал, тут же прилетел ко мне на виллу, чтобы поддержать Лину.

Натали вздохнула с присвистом зависти и, кисло улыбнувшись, сказала:

- Завтра мы заедем за вами в одиннадцать. Прощание с телом будет в Доме моды, а затем...

- Понятно, – скорбно кивнула мадам Делонэ.

Всегда важен мотив

Когда Рудольф в черном костюме вошел в вестибюль отеля, Лина и Эстель уже были внизу.

Прижимая к груди небольшой букет голубовато-сиреневых цветов шафрана, перевязанный траурной лентой, Лина оперлась на руку Рудольфа. В машине их ждала Натали в элегантной шляпке с дымчатой вуалью.

Логинов практически не сомкнул глаз со дня убийства Леона. Он был занят подготовкой дефиле и декорацией похорон. Пульс Дома моды теперь бился у него в руке.

Шоу-холл утопал в бархатном мраке, посередине, на покрытом черным шелком подиуме, который был трансформирован в крест, стоял гроб с телом Леона. Прощавшиеся поднимались по ступеням, усыпанным лепестками роз, чтобы сказать последнее прости Шаффранникову.

Лицо покойного, несмотря на все усилия визажистов, не выражало того светлого умиротворения, которое так нравится приходящим проститься. Чертвы его лица, искаженные предсмертной болью, словно пытались рассказать всем о чудовищной участи жертвы.

Лина, поддерживаемая Рудольфом и Натали, склонилась над братом и потеряла сознание. Букет выпал из ее рук. Рудольф поднял его и возложил на грудь мэтру.

На кладбище Кирилл обратил внимание, что от Эвы не отходит высокий симпатичный шатен. Он то поддерживал ее под руку, то обнимал за плечи, то что-то шептал на ушко.

«Вот это да! – отметил про себя детектив. – И кто же это такой?»

Банкетный зал был весь словно подернут траурной дымкой. Черный тюль покрывал люстры, черный шифон печальными складками обвил окна.

- Эрик Фавьер, – сама представила Кириллу своего спутника Эва.

- Очень приятно, - ответил Мелентьев, не имея ни малейшего желания завязывать с ним разговор.

Тиана Веснина

- Он не говорит по-русски, - предупредила Эва.
- Я впервые в России. Приехал только вчера, - охотно сообщил Фавьер, узнав, что Кирилл свободно владеет французским языком.
- По делам или?.. – был вынужден ради приличия поинтересоваться Мелентьев, увидев, что Эва удалилась, оставив иностранца на его попечение.
- По делам. Я работаю в области информатики, - словоохотливо продолжал иностранец.
- А я – частный детектив! – с суровой русской интонацией брякнул Кирилл.
- О!.. – поднял брови Эрик, выражая удивление от встречи с человеком столь редкой профессии. – Я утром приехал, чтобы засвидетельствовать свое почтение Натали и Эве и был поражен, увидев их в черном. Натали тут же уехала, поручив мне Эву.
- Это ее стиль заботы о дочери, - не удержавшись, съязвил Мелентьев.
- Совершенно верно! – в тон ему, но более добродушно согласился Эрик.
- Они взяли по бокалу сухого вина и отошли в самый мрачный угол, обильно декорированный черным шифоном, с безжалостно приколотыми к нему булавками белыми лилиями.
- Вот таким образом я оказался на похоронах этого модельера, - объяснял свое появление Фавьер.
- Мощный порыв ветра распахнул неплотно закрытые окна и серым вихрем ворвался в траурный зал. Раздался страшный, будто раскалывающий небо на тысячи кусков, гром, и хлынул ливень.
- Многие восприняли это как знак сочувствия небес невинной жертве.
- Какая красивая женщина! - указал взглядом в сторону Лины Эрик.
- Кирилл посмотрел на ее бледное лицо, с красными кругами вокруг глаз и не выразил понимания вкусу Фавьера.

Всегда важен мотив

- Я имею в виду фигуру, манеры... - пояснил тот.
- Это сестра покойного, - сообщил Кирилл и добавил: - Кстати, она живет во Франции.
- В самом деле?! – взглянув на нее лицо, воскликнул Фавьер. – Вероятно, поэтому она показалась мне знакомой. – Он на несколько минут оставил Кирилла и подошел чуть ближе к заинтересовавшей его особе. – Так это Лина Рюс! – вернувшись, шепотом сказал он Мелентьеву. – Несколько лет назад она была очень известной моделью, но неожиданно покинула подиум.
- Почему? – по инерции задал вопрос детектив.
- В прессе были разноречивые версии, одни писали, что ее жених настоял на этом, другие, - что она сильно повредила ногу в результате автомобильной катастрофы.
- Ежась под воздушным шарфом, к ним подошла Эва. Ее белокурые волосы были высоко подняты вверх и подколоты черным цветком.
- Я устала от всего этого, – капризно протянула она. – Звала маму, но она должна остаться. Кто меня отвезет домой? – не без игривости спросила она.
- Это удовольствие предоставляю Эрику, - сурово ответил Кирилл. – Я тоже должен остаться.
- Ах, как же!.. Господин сыщик выискивает среди близких и друзей убийцу Леона, – тут же выпустила свои шипы Эва.
- А где же мне его искать? – в синих глазах Кирилла загорелось неподдельное удивление. – Леон был убит у себя в кабинете ножницами, о наличии которых могли знать только вхожие к нему люди, которые и именуются друзьями и близкими!
- Эва презрительно фыркнула и, повернувшись, подхватила под руку Фавьера. Но Кирилл уже смотрел совсем в другую сторону, туда, где, удобно устроившись у стола, с большим аппетитом ела всевозможные канапе высокая блондинка Мила Донина.
- Кирилл подошел к ней и взял искусно пронзенный шпажкой кусочек лососины.

Тиана Веснина

«Что-то многое пронзенного», – невольно отметил он.

- Простите, если не ошибаюсь, вы Мила, – обратился он к девушке.

Она приветливо кивнула, но, взглянувшись в Кирилла внимательнее, нахмурилась.

- Вижу, вы меня тоже узнали, – продолжил Мелентьев.

- Думаю, что да. Вы – детектив, занимающийся расследованием убийства Инги.

- А теперь и убийства Шафранникова, – уточнил Кирилл.

- И поэтому торопитесь переговорить со свидетелями, которые могут последовать вслед за Леоном. Ведь он, как и я, был свидетелем убийства Инги.

- Исходя из ваших слов, можно сделать предположение, что вам угрожает опасность.

- Всем нам угрожает опасность, раз уж мы живем, – криво усмехнулась девушка.

Кирилл краем глаза заметил прохаживающегося мимо них Андрэ Берзиньша. Детектив сделал вид, что увидел кого-то из знакомых и отошел от Дониной. Берзиньш тут же послал ей многозначительный взгляд, на который та ответила красноречиво поджатыми губами.

«Так, что же может быть общего у гея Андрэ с манекенщицей его бывшего конкурента?» - подумал детектив и, как бы невзначай преградив путь собиравшейся покинуть зал девушке, сказал:

- Следуя вашему остроумному замечанию относительно убыли моих свидетелей, я бы хотел задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

- Пожалуйста, - пожав плечами, ответила она.

Они спустились вниз и сели на диванчик в пустом фойе.

- Насколько мне известно, отношения между вами и Крутовой были весьма натянутыми.

- Ничуть не больше, чем положено между конкурентками, – спокойно заметила Донина.

- Но незадолго до ее убийства между вами возникло крупное недоразумение, грозившее вам неприятными

Всегда важен мотив

последствиями, — произнес Кирилл, с тайным удовлетворением отмечая, что он на верном пути.

Лицо Милы покраснело, губы вздрогнули.

- С чего вы взяли?! — довольно грубо воскликнула она.

- Могу предположить, что в своей конкурентной борьбе вы допустили ошибку, — Кирилл выждал паузу. — И вашим фиаско тут же воспользовалась Крутова. Она утверждала, будто может сделать так, что вас, говоря мягко, попросят покинуть столичные подиумы.

Донина вскочила с дивана.

- Кто вам сказал такую чушь?!

- Мало ли кто... Крутова, между прочим, утверждала, что вы у нее на крючке.

- Тварь... возомнила!..

В глазах Дониной запыпал такой огонь ярости, что, казалось, она была готова сразиться даже с призраком Крутовой, появившись он тут.

А Мелентьев продолжал:

- Она собиралась погубить вашу карьеру. Но, поразмыслив, решила даровать вам немного времени, потребовав за свое молчание плату.

- Какую плату? — сверкая сталью в глазах, воскликнула Донина и шумно опустилась на диван.

- Она хотела, чтобы вы стали, цитирую со слов свидетеля, - подчеркнул Кирилл, - ее служанкой!

Мила как-то согнулась и стала казаться неловкой, костлявой. Узкая черная бretелька соскользнула с ее худенького плеча.

- Кто вам это сказал? — хриплым от волнения голосом спросила она.

Кирилл сожалеюще покачал головой.

- Понятно! Тайна следствия. Ну так я вам сама скажу: Оксана!

- Бедная Оксана! Теперь любая информация, касающаяся покойной Крутовой, будет приписываться ей, — насмешливо произнес Кирилл.

Тиана Веснина

Мускулы на лице Милы напряглись, взгляд остановился.

- Тогда... - с усилием начала она, - тогда это... - и вдруг откинулась на спинку дивана и, язвительно улыбнувшись, заметила: - Впрочем, какое это имеет значение? Кстати, - преображаясь на глазах детектива из угловатой худосочкой девицы в красивую соблазнительную женщину, добавила она: - хочу вамказать услугу, чтобы вы не шли по ложному следу. Крутову я не убивала и Леона тоже. Согласна, смерть Крутовой дала мне возможность занять ее место. Именно поэтому мое имя сейчас не сходит с языков мерзких сплетников. А вот смерть Леона, наоборот, лишила меня возможности работать в Париже. Мэтр мертв, и его договор, подписанный с Дюроком, в виду форс мажорных обстоятельств, теряет силу. Так что... - протянула она, не зная, чем закончить фразу.

- Так что, - подхватил Мелентьев, - смерть Инги вам на руку, а вот смерть Леона, наоборот, разрушила ваши планы.

- Но это не значит... – испуганно вскричала Мила, - что я...

- Почему вы пришли в кафе «Сладкий Роман» раньше всех? – неожиданно задал ей вопрос Кирилл.

Мила глотнула воздух, как пловец, вынырнувший на поверхность.

- Потому... так получилось... не помню!.. – вызывающе вскинув голову, посмотрела она в глаза детективу.

- Хорошее объяснение, – саркастически рассмеялся Кирилл. – В ночь убийства Шафранникова, а точнее, в промежуток времени с одиннадцати до полуночи, кто-то может подтвердить, что вы были не одна?

- Подушка! – вновь став угловатой и неприятной, ответила Донина.

Кирилл пристально смотрел на нее. Под его тяжелым взглядом она изо всех сил пыталась выпрямиться, принять независимый вид, но у нее не получалось. Тело словно не

Всегда важен мотив

слушалось ее. Донина оперлась руками о колени и устало опустила голову.

- Спасибо за исчерпывающие ответы, – бросил Кирилл и вернулся в банкетный зал.

Разыскав Салатко, детектив напомнил ему, что хотел бы осмотреть помещения Дома моды.

- Руди! – тут же подозвал тот Логинова. – Познакомься, Кирилл Мелентьев, частный детектив.

- Да мы уже как бы виделись... - неуверенно улыбнулся Логинов.

- Окажи содействие!

- Конечно, – пожимая руку детективу, ответил он.

- Я хотел бы осмотреть помещения Дома мода, - начал Кирилл.

- Сейчас?! – растерянно оглянулся Рудольф на почитавших память покойного модельера гостей, которые, пытаясь заглушить свою скорбь, усиленно поглощали крепкие напитки и опустошали огромные блюда с канапе.

- Вы могли бы дать мне в провожатые кого-нибудь из охраны, - посоветовал детектив.

- Да! Как я не догадался. Подождите, пожалуйста.

Логинов вышел и через минуту явился с высоким крепким парнем в форме охранника.

- Что вас интересует? – спросил он у детектива. – Потому что хранилищ, кладовых, студий, кабинетов, примерных здесь до черта!..

- Давайте начнем с первой двери по левой стороне.

- Понятно, – кивнул охранник. – Пойдемте.

Они покинули окутанный траурным флером зал и пошли по коридору.

- Это так называемый «шкаф», - открывая дверь, пояснял охранник. - А на самом деле – обыкновенная кладовая. Здесь хранятся ненужные до поры до времени вещи. – «Шкаф» этот устроил Логинов как раз напротив своей студии. Он заглядывает сюда, когда ему необходимы какие-либо материалы.

Тиана Веснина

Большая комната с закрытым жалюзи окном была уставлена стеллажами с коробками и длинными передвижными вешалками, на которых под чехлами висели платья. У окна стоял диван и впритык к нему кресло.

Кирилл поднял жалюзи и выглянул в окно.

- Как вы полагаете, каким образом преступник мог попасть в здание?

Охранник покачал головой.

- Трудно сказать. Потому что система охраны Дома налажена очень хорошо: видеокамеры, дежурные при главном входе, служебном.

- А охрану не удивил тот факт, что в ночь убийства Шафранников до полуночи сидел в своем кабинете?

- Нет. У мэтра была привычка работать по ночам. Иногда свет горел до четырех утра. У него рядом с кабинетом – комната отдыха. Если он задерживался, то зачастую оставался ночевать в Доме.

Кирилл внимательно осматривал коробки на полках и слушал охранника.

- Ну, если бы я задумал кого убить!.. Наверное, притаился бы где-нибудь, а потом вышел и... - он резким движением разрубил воздух рукой.

- Согласен, – кивнул детектив.

- А какие-нибудь еще есть входы-выходы, кроме главного и служебного? Ведь здание-то старинное! Может, потайные ходы остались?

- Есть еще один, только не потайной, а приватный. Специально для Шафранникова. Ну, знаете, он же был персоной известной... а свою личную жизнь каждому хочется оградить...

- То есть гость Шафранникова или он сам мог войти в Дом, минуя главный или служебный входы?

- Точно так! Дверь открывается электронной карточкой, которая была у мэтра и еще у Логинова. Лестница, ведущая от этого входа как раз рядом со «шкафом».

Всегда важен мотив

Мелентьев снял с полки кубок «под серебро». На постаменте было выгравировано: «Леониду Шафранникову – победителю зонального конкурса «Мода и спорт».

- Это старые призы мэтра, – пояснил охранник. – Еще когда он мальчишкой был.

Кубок этот очень заинтересовал Кирилла, так как на сероватом слое пыли он заметил свежие отпечатки пальцев. Детектив приподнял остроконечную крышку и увидел несколько окурков.

«Интересно! Кому это понадобилось класть сюда окурки? И кто вообще мог курить в «шкафу»?»

- Сегодня больше смотреть ничего не буду, - сказал Кирилл охраннику. - Здесь так пыльно! Вы не могли бы принести одежную щетку?

- Щетку? Пойду спрошу!

Тем временем Мелентьев схватил первую попавшуюся коробку, вытряхнул ее содержимое за диван и осторожно поместил туда кубок.

Когда охранник вернулся с щеткой в руке, дверь кладовой была уже закрыта.

«Тоже мне сыщик! – презрительно подумал он. – Ручки запылил! Лох!»

Глава VIII

Кирилл вернулся в банкетный зал и, подойдя к Рудольфу, попросил у него визитную карточку.

- Да-да, конечно, – засуетился Логинов, запутавшись в карманах.

Затем детектив подошел к Миле. Модель поджала губы, всем своим видом выражая неуместность разговоров в настоящий момент. Но, услышав просьбу о карточке, красиво вздрогнула плечами и протянула шелковистую визитку.

Тиана Веснина

Мелентьев отвел в сторону Салатко и, пожимая ему на прощание руку, словно вспомнил:

- Слушай, странно, но, по-моему, я потерял твою визитку.
- Не проблема! – вынул из портмоне новую карточку Вадим. – Как что узнаешь, звони! – напомнил заказчик.

Кирилл кивнул и поспешил к своему темно-зеленому джипу «Паджеро».

В частной экспертной лаборатории он попросил сличить отпечатки пальцев, оставленных на кубке и окурках, с отпечатками пальцев на визитных карточках: Рудольфа Логинова, Вадима Салатко и Милы Дониной.

Не особо надеясь хотя бы на одно совпадение, Мелентьев приехал домой и, включив компьютер, ввел имя первой подозреваемой: Мила Донина.

«Итак, рассмотрим несколько версий, - принялся рассуждать детектив. – Версия первая: Донина отравила Крутову, чтобы занять ее место и тем самым получить возможность работать в Париже. Версия вторая: Крутовой было известно о Дониной что-то такое, что могло напрочь погубить карьеру последней. Поэтому Донина убила Крутову, чтобы та не разгласила ее тайну, однако впоследствии выяснилось, что Крутова все же успела кое-что поведать Леону Шафранникову, и тогда Донина убивает и его!.. Что же это за тайна, черт возьми? Если верить Оксане, то Инга хотела сделать из Милы свою служанку. Указать выскочеке ее место, а потом, предав что-то огласке, выкинуть ее из модельного бизнеса столицы. В любом случае выходит, что кроме Дониной столь явно никто не был заинтересован в смерти Крутовой. – Мелентьев встал, заварил крепкий кофе и удобно расположился на диване. - Забавно, кто мог положить три окурка в кубок Шафрана? По всему видно, что окурки свежие, а главное – редкие. Сигареты «Мэтр Бельфे», их может позволить себе далеко не каждый. Предположим, что убийца проник в кладовую и затаился в ней до

Всегда важен мотив

полуночи. Кирилл... а затем снял кубок и сложил в него окурки. Так поступит скорее женщина, – невольно отметил детектив. Может, даже Донина! Хотя это невероятно глупо».

Кирилл допил кофе, вынул из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой.

«Ладно, с Дониной пока хватит. Кто следующий?.. Естественно, Андрэ Берзиньш, великолепный и непредсказуемый. Мог ли он допустить, чтобы на парижской авеню появилась эмблема Соболя-Шафранникова, в то время как он будет оставаться в Москве?! Нервы бы не выдержали! Даже, если этот Дюрок не предложит ему заключить контракт вместо убитого Леона, Берзиньшу будет намного легче дышать, зная, что имя Шафранникова украшает могильный памятник, а не вход в Дом моды».

Мелентьев вернулся к компьютеру, ввел имя Андрэ Берзиньша и задумался. Перед его мысленным взором возникла стройная фигура мэтра моды, его пышные пепельные волосы, с русыми прядями. Кирилл поморщился: «Что это я, будто любуюсь Андрэ. Но что-то привлекает к нему особенное внимание. Несомненно, его прямо-таки императорская независимость и уверенность в себе. Даже я невольно чувствую перед ним какую-то уязвимость. Почему?! Надо разобраться. Далее! – забегали его пальцы по клавиатуре. – Дюрок! Что они могли не поделить с Шафранниковым, едва успев подписать контракт?..

Салатко! – судя по всему разногласий между моим заказчиком и убитым не было. Во всяком случае, ни один человек даже не намекнул мне на возможность тайного конфликта между ними. К тому же, их совместная деятельность оказалась на редкость удачной. – Пальцы Кирилла замерли на клавишах. – Странно! Убит известный модельер, а круг подозреваемых до смешного мал, даже круга не получается! Донина и Берзиньш! Причем последний, только исходя из неординарности его натуры.

Тиана Веснина

Все-таки надо обрисовать ближнее окружение мэтра Шафранникова более четко. – На экране строго в столбик стали появляться фамилии: Рудольф Логинов - мотив убийства отсутствует. Ив Дюрок – то же самое. Натали Круглофф. Она близко общалась с убитым и имела с ним деловые отношения, но все тот же вопрос: зачем ей убивать Леона?..

Любовник Шафранникова, - Поль. - Детектив вспомнил похороны и заплаканного юношу. – «Это друг Леона, начинающий певец», - шепнула ему тогда Натали. – Да список получается не впечатляющим, не то что при прошлых делах!.. – с сожалением улыбнулся Кирилл и внес последнее имя – Лина Рюс, сестра убитого. Мотив – получение наследства. Но информация, сообщенная Натали, полностью исключала этот единственный мотив, который можно было бы инкриминировать сестре Шафранникова. Лина Рюс была богата.

Мадам Круглофф сама вызвалась представлять детективу знакомых и близких покойного. Про Лину она сказала так: «Очень богата! Когда была знаменитой моделью, один американец, весьма почтенного возраста, влюбился в нее до умопомрачения и оставил ей все свое состояние. А теперь, - не удержалась от завистливого вздоха Натали, - она выходит замуж за Робера Глоаннека!.. Миллионера!..» – ее голос возвысился и печально стих.

Кирилл еще какое-то время сидел перед компьютером, вчитываясь в имена, но интуиция молчала.

Мадам Круглофф не только приспала приглашение детективу, но и позвонила, напомнив о дефиле, посвященном памяти Шафранникова.

«Что это она так обо мне заботится? – недоуменно покачал головой Мелентьев. – По-моему, вопрос, за кого выходить замуж Эве, она уже решила. Есть все основания

Всегда важен мотив

предполагать, что Эрик Фавьеर вернется в Париж уже обреченным!.. То есть обрученным! Вечно путаю».

Дефиле проводилось, как и было намечено, в бутике мадам Круглофф. Несколько вечеров по небольшому подиуму, над которым висел портрет Леона Шафранникова прохаживались манекенщицы. Первый вечер почтила своим присутствием сестра покойного.

Кирилл успел к последнему выходу моделей. Заметив его, Натали, погрозила ему пальцем. Детектив окинул зал: Лина Рюс во всем черном сидела впереди, Эрик что-то шептал Эве, Андрэ Берзиньш бесстрастно взирал на творения почившего соперника.

Неожиданно внимание Мелентьева привлекла одна из манекенщиц взывающе ярком лилово-розовом платье с большим продольным вырезом на груди. Она шла по подиуму прямо на него, глаза модели были отчуждены, грудь в лучах золотистого света подрагивала как два спелых яблока в Эдемском саду. Ее шаг был легко очерчен, плечи откинуты назад, белокурые волосы развивались от теплого колебания воздуха. От нее исходил зов, - не конкретному мужчине, а всем сразу. Он туманил мысли и рождал отнюдь не смутные желания.

Модель на мгновение задержалась на краю подиума. Голубоватый луч прожектора ярко высветил ее лицо.

«Мила Донина?! – едва не воскликнул вслух Кирилл. – Угловатая, худосочная девушка!.. Или это чудо перевоплощения или я чего-то не увидел!» – не на шутку взволновался детектив.

Зажегся яркий свет, зрители заапплодировали, и все взгляды устремились на портрет Леона Шафранникова.

Лину обняла за плечи ее подруга Эстель. Натали принимала поздравления за великолепно поставленное дефиле. Берзиньш, завидев Кирилла, благосклонно ему кивнул. Кирилл с достоинством выдержал приветствие императора высокой моды и ответил как равный.

Тиана Веснина

Зачарованно глядя на подиум, стоял, прижавшись к стене, Рудольф Логинов. Казалось, все позабыли о нем, однако его это отсутствие внимания совсем не огорчало. Он был доволен. Лицо его светилось тихой радостью. Но Натали сделала движение рукой, и Рудольф был взят в полукруг почитателей стиля Леона Шаффранникова.

- Браво! Вам удалось достойно представить коллекцию нашего дорогого Леона!.. – воскликнула Эстель.

Мадам Круглофф, сверкая улыбкой, перевела слова гостьи из Франции.

- Спасибо, Руди, Натали! – целуя их, произнесла Лина.

Кирилл вновь увидел вызывающее, манящее лиловорозовое пятно. Мила в демонстрационном платье вышла в зал.

- Это поистине последний шедевр Леона!.. – тут же раздался чей-то голос. Донина медленно поворачивалась, будто хотела исторгнуть из уст гостей как можно больше комплиментов. – Покрой поражает утонченностью!.. Его невозможно скопировать!.. Необыкновенный, притягивающий, даже возбуждающий тон ткани!.. Но главное, эти тонкие, золотые, почти невидимые нити!.. Гениальная находка!..

Мила подняла руку, останавливая поток восторгов, и очень четко произнесла:

- Этую модель Рудольф Логинов посвятил памяти Леона Шаффранникова!..

От удивления все умолкли, и в тишине раздался лишь один негромкий, но искренний возглас: «Браво!»

Андрэ Берзиньш два раза ударили ладонью о ладонь.

- В самом деле, мадам, мсье, браво! – подхватила Натали.

- Спасибо, Руди! – совершенно растрогалась Лина.

Рудольф, явно не ожидавший, что его инкогнито будет раскрыто, ошеломленный происходящим, принимал поздравления, но взгляд его был устремлен на Андрэ.

Всегда важен мотив

- Король умер, да здравствует король! – насмешливо бросил Берзиньш Натали. – Империя Шаффранникова оказалась более крепкой, чем я предполагал.

Кирилл услышал эту фразу и запомнил.

Звонок по сотовому отвлек его от наблюдений.

- Привет, – раздался в трубке густой голос Салатко. – У меня тут для тебя есть кое-что интересное. Приезжай!

Кирилл тут же направился к выходу, намериваясь уйти по-английски, но его нагнала Натали.

- За что такая немилость? – игриво улыбаясь, взяла она его под локоть.

- Простите, но вынужден вас покинуть, – произнес Кирилл таким тоном, что стало понятно: уговаривать бесполезно.

* * *

Кирилл подъехал к зданию офиса Салатко около одиннадцати вечера. Охранник провел его в кабинет.

- Смотри! – едва завидев детектива, начал Вадим. – Что мне откопали!.. – он указал на большой лист бумаги. – Это старинный план дома Шафрана.

Кирилл склонился над чертежом.

- Оказывается, дом был заново отстроен после пожара 1812 года графом Василием Азолиным.

- Да... Очень интересно! Вполне можно предположить, что фундамент еще более древнего происхождения.

- Несомненно!.. – подхватил Салатко. – Кстати, тебе по-прежнему надо осмотреть кабинет Шафрана?

- Конечно!

- Тогда поехали прямо сейчас.

- Ты что, договорился с майором, ведущим следствие? Ведь кабинет опечатан.

- Занудный, скажу тебе, он мужик! Деньги даю - берет, но в положение входит с трудом. К черту его!.. Я просто вспомнил, что в кабинет Шафрана можно попасть через шоу рум.

Тиана Веснина

Они подъехали к погруженному во мрак Дому моды. Салатко нажал на кнопку видеофона, и дверь тут же открылась. Охранник с радостным подобострастием взирал на Вадима.

«Тоже подкормленный, только благодарный», – отметил Кирилл.

- Нам тут надо с детективом кое-что осмотреть, – бросил Салатко. – Для ментов нас здесь не было!

- Понял! – ответил подкормленный.

Вадим провел Кирилла на второй этаж. Войдя в шоу рум, опустил жалюзи и задвинул шторы и включил свет.

- Все до банального просто, – ухмыльнулся Салатко и вдруг, закусив губу, замолчал.

«Не иначе увидел образ Инги, еще хранимый здешними зеркалами», - подумал детектив, взглянув на побледневшее лицо Вадима.

- А зачем Леону понадобилось делать потайной ход из шоу рум? – выводя Салатко из задумчивости, спросил Мелентьев.

- Да когда проводились работы по перепланировке, строители наткнулись на этот ход. И что удивительно: смазали, почистили и механизм пришел в действие. Ну, Леону понравилось, он захотел оставить. Я бы, к примеру, тоже не отказался от секретного хода. – Он почесал затылок. – Теперь бы вспомнить, что и как!

Вадим подошел к высокому стеллажу, полки которого занимали рулоны материи, коробки с образцами, журналы.

- Если не ошибаюсь, вторая сверху!

Он снял три объемистых рулона, протянул руку, сдвинул деревянную обшивку и, нащупав кнопки, сказал:

- Вот теперь надо вспомнить шифр.

- Сколько знаков?

- Четыре.

- Прости, но немного странно, что Шафранников сообщил тебе шифр. Секретным ходом похвастался, допускаю, но...

Всегда важен мотив

- Навеселе мы были по случаю открытия Дома... Кто тогда думал о смертях, убийствах?! Леон завел меня сюда, чтобы продемонстрировать этот ход. Набрал шифр, стеллаж сдвинулся, и... Слушай, какого черта мне устраивать тебе осмотр кабинета, нанимать тебя, в конце концов, если я сам пришил Шафрана?! – разозлился Салатко. – Лучше не отвлекай!.. Стой!.. Вспомнил!.. Двадцать шестого ноября Шафран получил этот чертов приз... ну, ножницы «платиновые», которыми его и раскроили!.. Значит, устанавливаю, 2611.

Стеллаж плавно чуть сдвинулся в сторону.

- Вот черт! – пыхтел Вадим, застряв в проеме.

Помучавшись несколько секунд, он сказал:

- Пожалуй, я с того года еще больше растолстел, не пролезу. Ты уж сам! А я пойду. Как закончишь осматривать, наберешь код с той стороны. Кнопки так же - на второй полке сверху, - и Салатко задвинул стеллаж за спиной детектива.

* * *

Кирилл очутился в замкнутом пространстве, где было совершено убийство. Мигающая реклама, со здания напротив, рассыпала по полу кабинета бело-синие искры. Мелентьев опустил светонепроницаемые шторы и включил свет.

Кабинет представлял собой большую почти квадратную комнату с широкой, серебристо-зеркальной колонной посередине, которая как бы делила кабинет на официальную половину с рабочим столом мэтра и приватную - гостиную с креслами, диваном и баром. С правой стороны располагались стеллажи, с левой – дверь в комнату отдыха.

Кирилл подошел к столу и воспроизвел в памяти увиденную им страшную картину: труп Шафранникова, пронзенный огромными ножницами. Он оглянулся и

Тиана Веснина

заметил постамент, на который Леон когда-то водрузил свой, как оказалось, смертоносный приз.

«Каким образом убийца мог вынуть ножницы из витой подставки, не напугав Шафранникова? – задал себе вопрос Кирилл. – Высота постамента около метра, сами ножницы тоже почти метровой длины, концы острые, сделанные из прочного металла. Ответ может быть только один – Шафранников не допускал даже мысли о злом умысле со стороны своего гостя. Тот же, пользуясь положением близкого человека, вынул ножницы, скажем, чтобы лучше их рассмотреть. Подошел к Шафранникову, сидевшему за столом, однако судя по тому, что Леон встал, убийца, несомненно, произнес фразу, которая его напугала.

Итак, Шафранников вскакивает с кресла, а «гость» сильным, резким движением всаживает ему в грудь ножницы. От удара Шафранникова отбрасывает назад, он делает безотчетные движения руками, и кольца ножниц упираются в стол. Тело еще глубже насаживается на лезвия. Наступает смерть. Но не мгновенная, как отметила экспертиза. С точки зрения жизни, — это, конечно, всего лишь миг, который как бы и не чувствуешь: вдохнул – выдохнул, но с точки зрения смерти – это мгновение длинною в вечность – когда жертва, несмотря на нечеловеческую боль, успевает осознать, что обречена.

Насаженный на ножницы Леон мучительно умирает, а убийца, скрывается. Куда? – оглянулся по сторонам Кирилл. – Предположим, что ему было известно о тайном ходе, ведущем в шоу рум, но из шоу рум – один путь – в коридор, просматриваемый видеокамерами...»

Безотчетное волнение охватило Мелентьева. Разгадка здесь – в этом кабинете! Ее только надо увидеть! Он задумался.

«Дом трехэтажный, – детектив взял лист бумаги со стола мэтра и набросал внутренний план. – Первый этаж: главный вход, оснащен по всем правилам: видеокамеры, дежурный. Служебный вход, – то же самое. Вестибюль,

Всегда важен мотив

бутики, подсобные помещения и еще один приватный вход с электронным замком. Причем карточек было только две – у самого Шафранникова и Логинова. Второй этаж: кабинет, комната отдыха, представляющая собой собственно гостиную и отдельную спальню; шоу рум, помещение, где хранятся коллекции, бухгалтерия, пресс-центр, коммерческий центр, студия парикмахеров, - отметил детектив. – Третий этаж: шоу холл, банкетный зал, гримерная, кладовая «шкаф», студия Логинова, ателье, ассистентская, студия визажистов, - Кирилл задумался. - Пройти незамеченным в здание можно только через приватный вход. Он был сделан специально по заказу Шафранникова. Вполне понятно, что Леон хотел сохранить в тайне свою личную жизнь, поскольку Дом моды был для него не только местом работы. Видеокамеры, вмонтированные в кабинете, включались только после ухода Шафранникова из здания. Следовательно, будь я преступником, я бы проник через приватный вход, поднялся по приватной лестнице, не просматриваемой зорким оком видеокамер, и очутился в комнате отдыха. Но так как карточек всего две, а сделать дубликат в короткие сроки, чтобы не успели хватиться о пропаже, практически невозможно, то, либо карточка была похищена с целью – открыть дверь, и тут же возвращена, либо Шафранников или Логинов дали ее какому-нибудь интимному другу, чтобы тот вошел в здание незамеченным».

Кирилл прошел в комнату отдыха с широким диваном, приземистым столом, массивным шкафом и двумя креслами. В спальне стояла роскошная кровать, напротив которой был камин, охраняемый двумя игриво грозящими амурями.

«Так, с местом преступления ознакомился. Теперь надо просмотреть бумаги, которые оперативники не сочли интересными для себя и оставили в столе, - подумал детектив и углубился в просмотр содержимого ящиков. В основном это были эскизы моделей, пробы цвета. В самом

Тиана Веснина

нижнем ящике он нашел несколько смятых листов с набросками; по-видимому, они завалились, и Шафранников забыл о них. Странно, но эти три эскиза показались Кириллу знакомыми. Он порылся в уже просмотренных им бумагах и вынул точно такие же, только сделанные рукой Леона. Совершенно очевидно, что Шафранников тщательнейшим образом срисовал их. Мелентьев еще раз внимательно просмотрел все наброски, рабочие записи, эскизы декораций для шоу, - все было выполнено рукой Шафранникова.

«Зачем Леону понадобилось срисовывать эти чужие модели?» – задался вопросом Мелентьев.

Сосредоточенно размышляя, он потер переносицу и вдруг заметил на столешнице маленький коричневато-желтый кусочек канифоли.

«Странно! Леон вроде бы не играл на скрипке и не...»

Детектив вынул из кармана лупу и осмотрел всю поверхность стола. Затем осмотрел половое покрытие около стола. Несколько маленьких пятнышек явно указывали, что кто-то наступил на кусочки канифоли.

«Очень интересно! – отметил он. – Если бы Шафран не был геем, я вполне мог бы предположить, что здесь была Эва. Она всегда носит с собой в сумке баночку с канифолью, - балетная привычка. Ей, видите ли, не нравится русская канифоль», - усмехнулся Кирилл и положил коричневато-желтый кусочек в пакетик.

Затем он подошел к стеллажу, сдвинул одну из деревянных плиток, за которой обнаружил микропанель управления потайным ходом, набрал дату получения Леоном рокового приза, выключил свет, и в тот же миг слева от него возникла отсеченная голова, попираемая точеной ногой Юдифи. Вокруг ужасающее прекрасной картины зажглись крохотные лампочки.

«Любил покойник эффекты», – пробормотал детектив.

Глава IX

Мелентьеву пришлось договариваться о встрече с сестрой покойного через Натали, которая после отъезда Эстель взялась опекать Лину.

- Да, конечно, она примет вас, - ответила мадам Круглофф. – Только прошу, будьте милосердны... она так страдает.

Из отеля Лина уже переехала в квартиру, которую Леон специально приобрел, чтобы сдавать в наем, - она по случаю пустовала. Дверь Кириллу открыла горничная и провела его в большую полукруглую гостиную. Детектив не без интереса окинул взглядом комнату, лишенную своих обязательных четырех углов.

Лина не заставила себя ждать. Она появилась со стороны лоджии и протянула Мелентьеву красивую, шелковистую на ощупь руку. Черное с лиловыми проблесками платье невероятно эффектно облегало ее фигуру.

- Прошу вас, садитесь, - тихим голосом предложила Лина и сама легко опустилась на диван.

Что-то в ней было необыкновенное... Она была красива даже в печали. Пышные, золотистые волосы с платиновым отливом свободно падали на плечи, глаза большие, чуть удлиненные. Во всем облике - спокойная, врожденная уверенность. Все ее существо словно говорило: «Я – не пылинка в огромном мире, а жемчужина, которая появилась, чтобы украсить его собою!»

- Вы курите?!

Мелентьев взглянул на марку сигарет и не отказался.

Несколько минут они молча курили.

«Интересно, что может доставить радость понастоящему богатой женщине?! – задумался Кирилл. - Со всеми остальными ясно – набросил на плечи норковую шубу... а здесь?..» – его взгляд надолго задержался на коленях бывшей модели.

Тиана Веснина

Лина, отрешенно глядя перед собой, продолжала курить, но, ощущив пристальный взгляд детектива, непроизвольно провела рукой по левому колену и слегка помассировала его.

- Холодно... дождь... - произнесла она. – Московское лето!.. – и вздохнула. – Я хотела уехать вместе с Эстель, но Натали, Руди убедили меня остаться. Они говорят, что я должна уладить вопрос о наследовании и встретиться с Дюроком.

- Вы единственная наследница? – задал свой первый вопрос Мелентьев.

- Да. Наши родители умерли, и мы с Леоном... - она прикусила губу и замолчала. – Да, я единственная наследница, - зажав свои чувства в кулак, четко ответила она.

- Вы кого-нибудь подозреваете... - Кирилл чуть запнулся.

Лина встала и прошлась по комнате.

- Задавайте все вопросы, которые вы считаете необходимыми, - сказала она и отошла к окну, за которым неспешно, но весьма обстоятельно шел серый, нудный дождь. – Подиум – хорошая школа жизни. Тот, кто однажды ступил на него и сумел удержаться – сильный человек. Так что задавайте вопросы, утешать меня будет Натали. Хотя, если честно, то я сама хотела бы вас спросить...

- О чем же?.. – слегка удивился Кирилл.

Лина опустила голову, безжалостно ломая свои хрупкие пальцы.

- Я не понимаю... как можно убить человека?! – она подняла на детектива лихорадочно сверкающие глаза. – Как?.. Вы занимаетесь расследованиями убийств?!

Кирилл кивнул.

- Значит, вы встречались со всеми этими убийцами!.. Смотрели в их глаза!.. Что вы в них видели?!

- Глубокое разочарование, что они не сумели оказаться ловчее и хитрее всех. Что все-таки нашелся тот, кому

Всегда важен мотив

удалось прижать их к стенке, – усмехнулся Мелентьев. – Если вы рассчитываете, что я вам расскажу об их раскаянии и душевных муках... - он помотал головой. – К сожалению, вынужден вас огорчить...

- Нет! Нет... не то... я не знаю, как выразить. Что мне в их раскаянии?.. Я не могу понять другого: как можно убить живого человека?!

«Очень просто, - мысленно ответил ей Кирилл, - потому что здесь нет альтернативы: мертвого же нельзя убить!» – а в слух сказал: - У каждого из них свои, вполне обоснованные, с их точки зрения, причины.

- А Леона... Леона за что? По какой причине?! – воскликнула она. - И еще!.. Почему вы, частный детектив, ведете расследование?.. Ведь полиция занимается этим!

- Незадолго до гибели Леона, была отправлена одна из его манекенщиц. Я занялся этим делом по просьбе Вадима Салатко.

- Ах, да! Мне Натали говорила об ужасной смерти Инги...

- Кстати, вы знали Ингу? – тут же воспользовался моментом Кирилл.

- Конечно. Естественно, не близко. Леон познакомил меня с ней. Она же была его топ моделью.

- И каково было ваше мнение относительно Инги?

- Мне она понравилась!.. Я даже дала ей несколько советов. И, надо сказать, она умело воспользовалась ими. Боже!.. – Лина покачала головой. - И ее убили!.. Зачем?.. Конкуренция?! Но ведь всем было ясно, что в Париж Леон возьмет только ее!

- Вы слишком категоричны. Как оказалось, одного человека эта определенность не устраивала, и он переменил ход событий по своему усмотрению.

- Но кто он?! Кто ему дал право?!

- Права не дают, их берут, – не удержавшись от иронии, заметил детектив.

Лина нажала на клавишу интерфона и попросила горничную принести кофе.

Тиана Веснина

- Я вынужден задать тривиальный вопрос, - прервал возникшую паузу Кирилл. - Вы кого-нибудь подозреваете в убийстве Леона?

- Ответ тоже не будет блестать новизной: конкретно – никого, а вообще – кого угодно!.. Леон был талантлив, удачлив... Это, естественно, вызывает зависть!..

- Зависть и убийство – не тождественные понятия. Что такое зависть? Это самоотравление, а убийство – устранение противника.

- Не представляю, кому могла принести выгоду смерть моего брата!..

- Скажем, Андрэ Берзиньшу, – Кирилл замер, ожидая реакцию Лины.

- Андрэ?! – не скрыла она своего удивления. – Ах!.. Вы полагаете?.. Нет!.. Это абсурд!.. Хотя, я понимаю, - она прилежно, словно школьница, закивала головой. – Ваша профессия – подозревать всех!..

Кирилл смотрел на нее и любовался.

«На вершине вашего полного, насколько я могу судить, благополучия вы совершенно забыли о мелких страстиах, кипящих внизу. Вспомните, каким образом вы оказались на подиуме!.. Буду искренне удивлен, если ваш взлет произошел по мановению волшебной палочки, оказавшейся в руке вашей заботливой судьбы».

- Андрэ?! - все еще не могла прийти в себя Лина. – Что ему дает смерть Леона?

- Здесь две версии: либо Берзиньш рассчитывал на то, что Дюрок подпишет контракт вместо Леона с ним, либо рассудил так: или я или никто.

- Но это, простите, какие-то имперские замашки!.. Глупость!.. Нет, Андрэ я не могу подозревать.

- Хорошо, оставим, - был вынужден перевести разговор на другую тему детектив, поняв, что Лина уж слишком «далека от народа» и его простых, но страстных чаяний. - Вы вкладывали деньги в модельный бизнес брата?

- Нет. Я помогала брату, но не ради каких-то дивидендов. Я была топ моделью и, естественно, что у

Всегда важен мотив

меня остались большие связи в мире моды. Мне очень хотелось, чтобы Леон занял в модельном бизнесе достойное место.

- Судя по всему, у вас с братом были очень теплые отношения.

- Он боготворил меня как старшую сестру, а я его любила как младшего брата и всегда старалась ему помочь.

- Скажите, у кого-нибудь кроме Леона и Рудольфа могла быть электронная карта от приватного входа?

- Не знаю. Я всегда входила через главный.

- Как вы можете охарактеризовать отношения Леона с Рудольфом Логиновым?

- Как нормальные отношения между людьми, делающими одно дело.

- У них никогда не возникало больших разногласий?

- Ничего не могу сказать. Дело в том, что я была не столь частым гостем в Москве. Леон предпочитал прилетать ко мне в Париж или на Лазурный берег.

- Есть ли у вас уже какие-нибудь мысли относительно будущего Дома моды Шаффранникова?

- Нет!.. Сейчас трудно сказать что-то определенное. Руди и Натали мне советуют продолжить дело Леона, - тяжело вздохнула Лина. – Но ведь я не модельер!.. Я всего лишь – бывшая манекенщица. И к тому же выхожу замуж. Мне не до Дома моды! Хотя, как подумаю, что все, что сделал Леон безвозвратно погибнет... Ведь осталось столько нереализованных проектов, идей, эскизов!.. Просто не представляю, как мне поступить? – она вопросительно взглянула на детектива.

- Затрудняюсь с советом, – улыбнулся Кирилл.

- Вот видите, все так сложно: наследство, Дом моды, контракт с Дюроком, потом еще какие-то финансовые отношения с Салатко!.. Нет, я не хочу строить из себя женщину, ничего не понимающую в модельном бизнесе. Просто это не моя сфера. Мне это не интересно. Я люблю одеваться, а не создавать модели. И самое главное, если

Тиана Веснина

я всерьез решу продолжить дело брата, то буду вынуждена отказаться от личной жизни. Право, не знаю, как быть?!. - найдя в Кирилле внимательного слушателя, увлеклась Лина. – Ликвидировать Дом невозможно!.. Я же все помню!.. Как радовался Леон, сколько было вложено сил и какие строились планы!.. Наверное, лучший выход, это поставить во главе Дома Руди.

«Плодотворная беседа», – отметил про себя детектив и счел за лучшее, выразив свои соболезнования, удалиться.

* * *

Мадам Круглоф, с соответствующим выражением скорби на лице, вошла в спальню, где на кровати лежала Лина.

- Здравствуй, дорогая, – произнесла Натали, как бы через силу придавая своему голосу нотки спокойствия.

Лина приподнялась и устало улыбнулась.

- Наташа, как хорошо, что ты со мной!.. Не представляю, чтобы я делала! – на ее глазах блеснули слезы.

Натали порывисто села на край кровати и взяла руку Лины.

- Не надо! Успокойся!

- Ты и Руди, вы делаете для меня все! Чем я смогу вас отблагодарить?

- Тем, что станешь немного повеселее, – вздохнула Натали. – А сейчас, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, мы будем говорить о делаах, – устремив немигающий взгляд на Лину, сказала она.

- Ой, Наташа, какие могут быть дела?!

- Самые неотложные! Ты же не позволишь, чтобы Дом моды Шафранникова перестал существовать?!

- Ну, конечно!.. Но что я могу сделать?..

Натали принялась энергично расхаживать по спальне.

- Оптимальный вариант – если бы ты стала во главе Дома, а дизайнером пригласила бы, естественно, Руди. Кто лучше него сможет продолжить стиль Леона?!

Всегда важен мотив

- Да, несомненно, Руди! – горячо согласилась Лина. – Но вот я во главе Дома, - поморщилась она.

- Можно, конечно, найти кого-то... Но, понимаешь, Дом сразу потеряет весь свой шарм. Леон еще не успел стать маститым мэтром, - осторожно говорила Натали, стараясь уловить малейшие нюансы настроения своей собеседницы, - скажем, как Кристиан Диор. Поэтому если ты возглавишь Дом, то фамилия Шаффранников не превратится в мертвый символ, она будет продолжать жить!.. – мадам Круглофф пристально посмотрела на глубоко задумавшуюся Лину. – К тому же у нас есть хороший пример - сестра Версаче, Донателла!

- Но она делает свои коллекции! Она модельер!..

- Я тебя к этому не призываю. Пусть коллекции делает Руди. От тебя будет требоваться два раза в год подняться на подиум и вместе с ним принять аплодисменты памяти твоего брата.

- Ты полагаешь, что, кроме этого, мне ничем не придется заниматься? – с большим сомнением спросила Лина.

- Во всяком случае, мы с Руди постараемся сделать именно так.

- Ах, Наташа, ты пойми, я не против... я, наоборот, хочу, чтобы имя Леона продолжало жить, но, выйдя замуж за Робера, я не смогу полностью принадлежать себе.

- Линочка, душечка, я это прекрасно понимаю. Поэтому мы с Руди решили всем заняться сами. Тебе надо будет только вступить в наследство.

- Когда? Мне же надо уезжать. Робер звонит по несколько раз в день. Да и я сама по нему соскучилась.

- Скоро уедешь, – поспешила успокоить ее Натали. – Вступить в наследство ты все равно сможешь только через полгода...

- Так зачем вы меня попросили остаться?

- Надо встретиться с Вадиком Салатко! Надо поговорить с Дюроком! Он со дня на день приезжает в Москву. Контракт, само собой, теперь не имеет силы, но... Одним

Тиана Веснина

словом, - подсаживаясь к ней поближе, зашептала Натали:

- Мы должны использовать возможность. Ты предложишь ему подписать контракт с тобой.

- Ты полагаешь, что он рискнет заключить договор, делая ставку на мое знаменитое прошлое, имя Леона и модели Руди?!

- Почему бы нет?..

- Это невозможно! Ведь коллекции создавал Леон! А Руди был лишь стилистом Дома моды Шафранникова, которому еще только предстоит заявить о себе в качестве дизайнера.

- Но, тем не менее, поговорить надо!

- Хорошо. Что еще мне нужно сделать?

- Встряхнуться!.. Поедем в Дом моды! Встретимся с Руди, посмотрим его новые эскизы. Так или иначе, ты должна войти в курс дел.

- Ой, господи! – закрыв лицо руками, пробормотала Лина. – Как все это тяжело!..

* * *

Кирилл заехал в экспертную лабораторию. Результат превзошел ожидания: на кубке Леона были обнаружены отпечатки пальцев Милы. Окурки идентифицировать не удалось.

«Значит, все-таки Донина! Во всяком случае, не без ее участия, – пробормотал про себя детектив. – Теперь надо установить, кому принадлежали эти три окурка».

Он посмотрел на часы и поехал по направлению Дома моды Шафранникова. Сегодня утром ему позвонила Оксана и попросила встретиться с ней.

- Может быть, поговорим в кафе?! – предложил Мелентьев девушке, еле сдерживающей свое раздражение.

- Зачем? –зывающе громко произнесла она. – Мне здесь работать осталось несколько дней. Пойдемте в гримерную.

Всегда важен мотив

Они поднялись на третий этаж. Оксана с размаху села в кресло.

- Я хочу вам все сказать, прежде чем окажусь за порогом этого Дома, - сразу же начала она.

- Вас уволили?

- Нет, мне пока еще не сообщили об этом. Но главное то, что теперь у нас всем распоряжается Мила Донина! Во все влезает, указывает!.. Это они с Логиновым убили Леона, – все-таки снизив тон, сообщила Оксана.

- Откуда такая уверенность?

- А как иначе можно расценить их прямо-таки хозяйствское поведение?

- Но ведь наследницей Леона является его сестра, и она вправе продать Дом. Вы считаете, что Логинов собирается его купить?

Оксана надула щеки и, задержав дыхание, вероятно, сосчитала до десяти, прежде чем ответить.

- Неужели не видно, что Донина и Логинов при посредстве Натали попросту окрутили Лину. Она делает все, что те хотят.

- И чего же они хотят?

- Все оставить, вроде бы по-прежнему, только с другим составом. Вместо Леона – его сестра, номинально, конечно, потому что всем будет заведовать Логинов. Лицом Дома, разумеется, станет Донина. Тоже мне топ-модель! – не сдержалась от презрительного замечания Оксана.

- Поэтому вы подозреваете в причастности к убийству Донину и Логинова?

- Ну а кому еще была выгода? – злобно усмехнулась девушка. – Сначала Донина отправила Ингу, а потом они вместе убили Леона.

- Именно вместе?! – решил уточнить Мелентьев. – Вы не допускаете, что Логинов мог обойтись и без помощницы.

- Нет, не допускаю! Они в сговоре! Эта их нежная дружба, перемигивания, перешептывания!.. Дом

Тиана Веснина

Шафранникова погиб!.. Все, что сделал Леон, уничтожат эти твари!..

- А между Логиновым и Дониной могут быть сексуальные отношения?

Оксана опять задержала воздух в щеках.

- Нет! – шумно выдохнула она. – Насколько я знаю, Логинов – чистый гомик, и женщины его не волнуют.

- У него есть постоянный друг?

Оксана задумалась.

- Последнее время был какой-то студент. А вообще-то, наш Руди глаз не сводит с Берзиньша, – ядовито заметила она.

- А у Дониной?

- У той нет постоянного партнера. Ищет принца и поэтому всегда свободна.

- Ну а какой смысл Дониной убивать Леона? Ведь было достаточно устранить Ингу.

- Так вот в этом и вся загвоздка! – воскликнула Оксана. - Уверена, что Инга успела сказать Леону то, что не сказала мне! Ну и уйду из Дома, - неожиданно перескочила она на волнующую ее мысль. – Что здесь теперь делать?! Куда Логинову до Шафранникова!

- Донина всерьез решила вас выжить?

- Абсолютно! Хотя, вполне понятно, я же была подругой Инги, и всякий раз глядя на меня, она будет невольно вспоминать о своем преступлении!.. Найдите, слышите, найдите эти... как их?.. Улики!.. Докажите, что они – убийцы!.. – одновременно просила и требовала Оксана.

«Заманчиво, конечно, ухватиться за то, что на поверхности. Но слишком уж преднамеренно оставлены отпечатки пальцев на кубке... Тут-то и ловушка для детектива. Ведь то, что явно привлекает, тут же настораживает своей нарочитостью. Сыщик, стараясь выявить тайное, уходит от видимого, и ловкий убийца вполне может именно на этом построить успех своего преступления».

Всегда важен мотив

- Итак, если я вас правильно понял, - подвел итог беседы детектив, - вы утверждаете, что Донина отравила Ингу, а затем одна или в сговоре с Логиновым убила Шафранникова, несмотря на то что тем самым лишилась возможности работать в Париже. На основании ваших подозрений можно построить версию, будто Леон сказал Дониной, что более не нуждается в ее услугах. Она же, осознав, что ее карьера топ модели обречена, находит единственный способ спасти ее – устраниТЬ Шафранникова!

- Да, именно так я думаю, – с вздохом подтвердила девушка.

- Что ж, одной версией больше, – произнес Кирилл и, попрощавшись с манекенщицей, вышел в коридор.

Дверь в студию Логинова была открыта: Руди, возбужденный, со спутавшимися волосами, ходил кругами вокруг Милы, примеряя на нее какую-то дымчато-голубую идею. Казалось, он втыкал булавки в воздух, а не в ткань, которая от его прикосновений трепетала, принимая всевозможные формы.

- Здравствуйте! – войдя, громко сказал Кирилл.

Логинов и его топ модель вздрогнули от неожиданности.

- А!.. – обернувшись, воскликнул Рудольф. – Здравствуйте! Вы ко мне?

- Да, хотелось бы с вами поговорить. Но можно не сейчас.

- Лучше бы завтра. Мне надо закончить, – несколько растерянно указал он на Милу.

- Хорошо, – тут же согласился Кирилл, расхаживая по студии и пытаясь незаметно стащить какой-нибудь эскиз, сделанный Руди.

«Если заметят, – вызовут охрану, – усмехаясь, думал он, – и обвинят в шпионаже в пользу конкурента».

Но модельер был настолько поглощен своей идеей, что тут же забыл о детективе. Зато Мила просто стреляла глазами. Кирилл дождался, когда Рудольф повернулся к

Тиана Веснина

окну, и быстро поднял с пола лист, свернул его в трубочку и спрятал под пиджак.

- До свидания! – громко попрощался он, бросив насмешливый взгляд на Милу, которая так дернулась, что булавка чуть ли не по самое ушко вошла в ее атласно-упругую грудь.

Мила дико взвизгнула, а Кирилл, задержавшись в дверях, заметил:

- Хорошо, что булавка, а не ножницы!

Теперь вздрогнул Рудольф. Мелентьев зафиксировал в своей памяти манекенщицу, скривившуюся от боли, и модельера, застывшего с выражением испуга в глазах.

«Еще одна ловушка для детектива, - подумал он. – Преступника всегда представляют расчетливым, холодным, умеющим владеть собой. А он – неловкий, краснеющий, покрывающийся потом от малейшего волнения. Ведь преступник – тот же человек и ничто ему не чуждо».

Глава X

Вкрадчивый голос Натали, раздавшийся из телефонной трубки, сразу напомнил Кириллу, что он давно не встречал Эву после репетиций.

«Что же случилось с Эриком? – подумал он. – Вроде бы я негласно передал ему право встречать нашу чаровницу».

- Конечно, Натали, я как раз свободен, не волнуйтесь, – заверил он заботливую мать.

Чаровница легкой танцующей походкой появилась на ступенях театра и помахала Кириллу рукой, щурясь в лучах солнца.

- Привет! – задорно восклекнула она и скользнула свежими губами по щеке Мелентьева, слегка задев его губы. – Как хорошо, что ты пришел!

Всегда важен мотив

- Натали доверяет свое сокровище только мне или Эрику. Но он сегодня, судя по всему, занят.

- Фу!.. Причем здесь Эрик? – мило гrimасничая, обиженным тоном произнесла девушка. – Он, скажу по секрету, немного нудный. Все учит!..

- Наверное, хочет, чтобы его будущая супруга, принимая гостей, поражала их своим целомудрием и утонченными манерами.

- Ты так полагаешь?

- Скорее, это вы с Натали так полагаете.

- Ну, не знаю... – протянула она и хотела этим и ограничиться, но, встретив сверкающий иронией взгляд Кирилла, продолжила: - Да!.. Да!.. Так надо!..

- Кому?

- Конечно же, мне!.. Ах, Кирилл, не будь занудой, ты все прекрасно понимаешь. Я стану звездой балета, ничуть не меньшей, чем твоя Купавина! Но на взлет мне необходимо время и...

- Деньги, – услужливо подсказал Кирилл.

- Да, и деньги!

- Кстати, где работает твой миллионер?

- Он не миллионер, но вполне обеспеченный человек. Он – коммерческий директор «Камий интер».

- Что ж, мне надо спешить, пока этот обеспеченный человек не стал твоим мужем.

Эва тяжело вздохнула.

- Выйти замуж – это совсем неплохо, но вот иметь мужа...

Кирилл рассмеялся.

- Едем ко мне!

- С удовольствием! – вкрадчивым движением Кошечки из «Спящей красавицы» прижалась она к нему.

«Все-таки хореографию Петипа отличает утонченность и красота форм!» – заметил про себя Кирилл, вспомнив, как блистала Марина в роли Авроры, и как, не выходя из нее, она грациозно «возлегала с ним на ложе удовольствий».

Тиана Веснина

В лифте Эва вакханкой из «Вальпургиевой ночи» с игривой дерзостью скользила руками по его бедрам и, закрыв глаза, требовала поцелуй.

- Я в душ! – сразу сказала она и, сбросив жакет, скрылась в ванной.

«Так, - прошел Кирилл к холодильнику, - угощать балерину – одно мучение! «Отбивная из васильков» — значит, ветчина; «салат из гиацинтов» — значит, овощи; «десерт из лепестков роз» — значит, клубника. Ни одна балерина не признается, что любит, а главное, с аппетитом ест телятину. Но, как посвященный и вроде бы негласно давший клятву хранить их кулинарные пристрастия в секрете, я делаю вид, что и впрямь не вижу ни ветчины, ни отбивных».

Эва появилась, как и следовало, в одеянии Эвы (Евы). Золотистые волосы великолепно смотрелись на загорелой коже.

- Как я проголодалась! – воскликнула она и, подобно гетере, возлегла на диван.

Кирилл не без удивления поймал себя на том, что сравнивает ее с Мариной. Даже не сравнивает, а видит вместо нее Марину.

«Опасный симптом! – одернул себя Мелентьев. – Марина – звезда! Быть все время рядом с ней простому смертному не под силу. Да и не нужен ей простой смертный. Ведь богини лишь забавляются! Земная девушка, только мечтающая стать зездой, куда лучше!»

Девушка пахла клубникой, которую она держала за щекой, и оказалась ненасытной в поисках радости бытия.

- Знаешь, приезжай ко мне в Париж! – приподнявшись на локте, предложила она. – Через полтора месяца стажировка окончится, мама останется в Москве...

- А Эрик?.. – напомнил ей Кирилл.

- Что Эрик?! Я люблю тебя!

- И я люблю тебя в данный момент и в данном пространстве, - подхватил он.

- Какой ты!.. – надулась и тут же расхохоталась Эва.

Всегда важен мотив

- Кстати, а как Натали оказалась в Париже? – спросил Мелентьев.

- Очень просто! Вышла замуж за папу! – все еще смеясь, объяснила она.

- Ты встречаешься со своим отцом?

- В тебе заговорил детектив, – целуя его, проворковала Эва. – Но если тебя интересует, - то я никогда не видела моего отца. Они развелись спустя год после моего рождения.

Эва хотела продолжить свои ласки, но Кирилл неожиданно отстранился.

- Скоро ехать, – взглянул он на часы.

- Ну и что?.. Мы еще разок успеем!.. Как это поется? «Эх, раз!..»

- Эва, мне надо с тобой поговорить.

- О!.. Как ты это серьезно сказал, – вся заискрилась от подступающего смеха девушка. – Уж не предложение ли ты мне собираешься сделать?

- Ты угадала! Предложение! – ответил Кирилл. – Я предлагаю тебе рассказать, с какой целью ты была у Леона в тот вечер, когда его убили.

- Что?! – Эва явно растерялась. – С чего ты взял? – заставила она себя рассмеяться.

- Если ты собираешься утверждать, что не встречалась с Леоном, то, послушай моего совета, не трать времени попусту. Я знаю, что ты была у него в кабинете, – сказал детектив, будучи уверен в этом лишь процентов на пятьдесят, не более. Но главное – не самому быть уверенным, главное – уметь уверить других.

В ответ Эва испустила пренебрежительное междометие: «Хм!..» и стала одеваться.

Кирилл, последовав ее примеру, все же сказал:

- У меня есть доказательство твоего пребывания в кабинете Шафранникова.

- Интересно, какое?

- Так, мелочь... кусочек канифоли, выпавший из твоей сумки.

Тень смущения скользнула по лицу Эвы.

- Ты решил, что он принадлежит мне только потому, что я ношу с собой коробочку с канифолью?

- Это не я решил, - застегивая молнию на брюках, солгал Кирилл, - а экспертиза.

Эва села в кресло и принялась покусывать ногти.

- Вообще, поразительно! – всплеснула она руками. – Заниматься любовью с девушкой, а потом чуть ли не обвинять ее в убийстве!

- Одно другому не мешает, - заметил Мелентьев. – Ты собираешься замуж за Эрика, а проводишь время со мной.

- Значит, ты хочешь сказать, что я тебе абсолютно безразлична?! – с трудом сдерживая ярость, воскликнула Эва. – Если бы ты узнал, что я убила Леона, то, не задумываясь, сдал бы меня полиции!

- Нет, отчего же, я бы подумал и только потом – сдал! - отозвался Кирилл.

- Невероятно!

- Что ж здесь такого невероятного?.. Ты бы, к примеру, смогла ради меня отказаться от сцены?!

- Причем здесь это?

- Ну если бы я тебя умолял: «Не танцуй!» Что бы ты мне ответила?.. Что ты – балерина и не можешь не танцевать. Вот так и я – детектив. Я не могу не преследовать преступника.

- Очень мило!.. Ну что ж, сдавай меня полиции!.. – гневно выкрикнула Эва. – А я еще его любила!..

- Сегодня ровно два с половиной часа, – уточнил Мелентьев. – Все-таки женщины чересчур самонадеянны, они полагают, что если переспали с мужчиной, то он должен полностью подчиниться им.

- Успокойся, ты доказал обратное!..

- Увы, нет, – вздохнул Мелентьев. – Поэтому и предлагаю тебе рассказать мне правду.

- Нет уж, сдавай меня полиции, или как она у вас называется?.. Милиция?!

Всегда важен мотив

- Раз ты так настаиваешь, пожалуйста. Только хуже от этого будет тебе. Если Леона убила ты – это докажут, а если нет, то ты все равно очень рискуешь.

- Чем же это я рисую, если я не убивала? – поинтересовалась Эва.

- Есть такое выражение: утечка информации. Если до убийцы дойдет, что ты вызвана на допрос, он насторожится. Ведь ты можешь рассказать о случайной встрече с ним. Тогда ты не придала этому значения, но теперь, когда вокруг тебя будут кружить оперативники и требовать восстановить в памяти малейшие подробности, ты и в самом деле припомнишь, что столкнулась в коридоре Дома моды с неким «Х». Поэтому убийца будет вынужден ликвидировать тебя.

- Но я ни с кем не сталкивалась!.. – всем своим существом возмущенно выкрикнула Эва. – Коридоры были пусты!..

Кирилл зашел за стойку и подготовил кофе. Разлив его в темно-фиолетовые чашки, он сел на диван и сказал:

- Я слушаю.

- О чем?

- О том, как ты никого не встретила в коридорах Дома моды Шафранникова.

- Нет, ты мне все-таки можешь объяснить, с какой стати я должна тебе что-то рассказывать?

- Охотно! Я просто хочу тебе помочь.

- Но мне не нужна твоя помощь!

- Это как посмотретьть. Если ты не убивала Леона, но была у него, ты должна мне рассказать о вашей встрече как свидетель. Ведь вы были дружны с ним! Неужели тебе безразлично: будет найден убийца или нет?

- А если убила я? – устремив на Кирилла провоцирующий взгляд, спросила она.

- А если убила ты, то тем более нуждаешься в моей помощи.

- Неужели ты станешь помогать убийце?!

- Но ведь убила ты его не просто так! У тебя же была причина!

Эва, закинув голову, расхохоталась.

- Что я слышу?! Детектив оправдывает убийство причиной!

- Не оправдываю, а объясняю. Допустим, ты убила Леона. Но каков был мотив? Может, он сам пытался тебя убить, а ты лишь защищалась? Может, он угрожал тебе разоблачением какой-то тайны...

- Если я правильно поняла, то хороший мотив очень важен для убийства.

- Хороший мотив всегда важен! – вскользь заметил детектив и, прежде чем поднести чашку к губам, повторил:

- Я слушаю!

Эва взяла сумку, вынула из нее коробочку с канифолью и, держа ее перед собой, взглянула на Кирилла.

- Я в сердцах бросила сумку на его стол, коробка раскрылась и, как оказалось, несколько кручинок выпало, - задумчиво произнесла она. – Знаешь, если бы Леона убили раньше, я бы очень горевала, но после одного разговора, состоявшегося незадолго до убийства, я даже довольна, что его больше нет. – Эва сделала паузу, ожидая реакции со стороны Мелентьева. Не дождавшись, продолжила: - Действительно, за несколько часов до его смерти, а точнее в начале одиннадцатого, я была у него. Мы побеседовали, и приблизительно без четверти одиннадцать я ушла. Заметь, я никого, кроме Леона, не видела ни в его кабинете, ни в коридорах.

- Каким образом ты вошла в Дом?

- Я позвонила Леону и попросила встретиться со мной.

- Его не удивила твоя просьба?

- Думаю, нет, но и не обрадовалась. Однако он согласился и сказал, чтобы я прошла через приватный вход. Подъехав к Дому моды, я вызвала его по сотовому, он спустился и открыл мне дверь. И точно так же проводил обратно, – подчеркнула Эва.

Всегда важен мотив

- Зачем тебе понадобилось столь срочно встречаться с Шафраном?

- А вот этого, мсье детектив, я вам не скажу! – с очаровательным высокомерием воскликнула Эва.

- Тем не менее, я продолжаю полагать, что лучше сказать мне, чем давать письменные показания на Петровке.

- Что это еще за Петровка?

- Это ваша набережная Орфевр.

Эва задумалась.

- Понимаешь, то, о чем я говорила с Леоном, касается не только меня.

- И все же, как говорят и русские и французы – из двух бед выбирают наименьшую. Лучше – один я, чем вся Петровка!

Девушка нервно провела рукой по волосам и прошептала:

- Mon dieu!.. C'est terrible! (Господи!.. Это ужасно!)

- Preferes-tu que nous continuions notre conversation en français? (Ты предпочитаешь продолжить наш разговор по-французски?)

- Я предпочитаю молчание на всех языках.

- Не всегда молчание – золото!

Эва слегка подалась корпусом вперед и уже хотела произнести слово, но, бессильно всплеснув руками, простонала:

- Ну пойми, я не могу!..

- И я не могу утаивать от следственных органов твою встречу с Шафранниковым за час до его смерти, – спокойно ответил ей детектив.

- Вот так живешь и думаешь, что ты никому ничего не должен, а потом вдруг – раз! И оказывается, что не то, что должен, а обязан откровенничать с тем, кто взял на себя право судить о вещах, в которых ничего не понимает.

- Свобода – это призрачное ощущение, – попытался ее утешить Кирилл. – Большинству людей всегда приходится чему-то покоряться. До образования государства – воле

Тиана Веснина

более сильных, сейчас – законам, которые устанавливают все те же сильные.

- Хорошо! Я скажу, только умоляю, пусть все останется между нами. К тому же, нет никакого смысла привлекать меня в качестве свидетеля: никого и ничего подозрительного я не видела.

- Согласен, – кивнул детектив.

- Ох!.. – тяжело вздохнула Эва и на несколько секунд прикрыла глаза, чтобы восстановить ход недавних событий. – Тридцатого мая вечером я позвонила Леону и попросила о встрече. Было около половины десятого, – прилежно припоминала девушка. – Он попытался уклониться, но я настояла по причине... по причине срочности. Все дело в том, что совершенно случайно я услышала разговор мамы с Леоном, - они были в салоне, а я – в кабинете. Одним словом, Леон приходил сказать, что решил перенести свое дефиле из маминого бутика в один из залов отеля «Империал». Мама, естественно, воспротивилась и принялась уговаривать Шафрана все оставить, как было обговорено заранее. Тем более что композиция была построена именно с расчетом на камерное помещение. Но после подписания договора с Дюроком Леона потянуло на большие пространства. Для него – это был всего лишь каприз, а для мамы – вопрос существования. Она взяла большие кредиты под это дефиле и, главное, под обещание Леона поставлять эксклюзивные модели и прет-а-порте из Парижа только в наш бутик. Ты же знаешь, насколько хрупка репутация. Одна неудача может погубить все. Я тут же поняла, что, если Леон не проведет дефиле у нас и будет поставлять свои модели кому-то другому, бутик потеряет престиж. Тем более что многие знали об этой договоренности между мамой и Шафраном. А он пришел и сказал, что решил все поменять! Ты пойми, бедность ужасна, стыдна, она безжалостно убивает все лучшее, на что способен человек!

Всегда важен мотив

- Помилуй, Эва! – не выдержал Кирилл. – Ты и бедность! Неужели ты хочешь сказать, что вы знакомы?

- Представь себе, и даже очень хорошо, – спрятав лицо в ладони, ответила она.

«Н-да, и в самом деле вмешиваться неприятно, но...»

- Когда я родилась, родители расстались, и я ни разу не видела моего отца. Едва ли не с самого рождения меня отдали кормилице в одну из нормандских деревушек. Мама ко мне приезжала очень редко. По всей видимости, дела у нее шли с попперменным успехом. То мне привозилась одежда, игрушки, сладости, то меня из милости кормили хлебом и молоком. Потом произошло чудо!.. – ресницы Эвы встрепенулись, пытаясь удержать слезы. – Мне исполнилось семь лет, и уже год как я жила и училась в одном пансионе. И вдруг появилась мама и забрала меня из этого холодного, ненавистного заведения, где я считалась одной из самых бедных учениц. Это была сказка!.. Мы приехали в Париж!.. Я стала ходить в школу, хорошо одеваться, а главное, я была с мамой, которую безумно любила. Она была такая красавица!.. – девушка замолкла, поддавшись воспоминаниям.

Кирилл, выждав паузу, кашлянул.

- Ну а потом, сказка, как и следовало ожидать, кончилась. Мама встретила его!..

- Уж не Алексея ли Круглоффа, афиши которого недавно появились у концертного зала Чайковского?

- Его!.. Его!.. Она ошалела, одурела от своей любви к этому провинциальному мальчишке с залихватским чубчиком. Привезла его из Москвы, где он учился в консерватории. И началось!.. Все было для него и во имя него! Преподаватели, рубашки от Валентино, туфли от Кельяна, парфюм от Диора. Она ослепляла его своими финансовыми возможностями, чтобы он женился на ней, и добилась своего. Бракосочетание состоялось в Мальмэзоне. На невесте было такое глубокое декольте, что мэр все время сбивался во время церемонии. Жених лопался от гордости, что теперь сможет получить вид на

Тиана Веснина

жительство во Франции и станет одним из лучшихтеноров современности. О, моя мать убеждала его в этом с утра до вечера. Впрочем, он особенно и не нуждался в подобной моральной поддержке. Он сам уверял всех, что еще год-два и весь мир заговорит о нем. Вот таким образом сорокатрехлетняя Натали вышла замуж за двадцативосьмилетнего Алексея Круглова. Я, понятно, тут же была отправлена подальше, в один из пансионов Лиона. Все деньги тратились только на любимого и единственного. О моем существовании было забыто. Я опять оказалась одна. По выходным к ученицам приезжали родители, на праздники они разъезжались по домам. Лишь я оставалась в стенах пансиона. Чтобы скрасить свое существование я танцевала... как могла. На занятиях хореографии мои способности были замечены нашей преподавательницей, бывшейбалериной. И в один из редких приездов мамы, она ей сказала, что я не лишена таланта. Мама очень удивилась. Протянула длинное: «Да?!» Слегка отстранила меня и внимательно оглядела. Потом уехала. А когда мне исполнилось двенадцать, неожиданно появилась мама с серо-синими кругами вокруг глаз и, страстно прижав меня к себе, сообщила, что отныне мы будем жить вместе. «А он?!» – спросила я. – «Его больше нет!» – сухо ответила она. Жили мы очень бедно, но, несмотря на это, она платила за мое обучение у одного из лучших хореографов Парижа. Это стоило дорого. Откуда она брала деньги, я не знаю. Мы во всем отказывали себе, чтобы я имела возможность учиться танцевать. Потом неожиданно возникла идея бутика в Москве. Кто-то помог маме, и наше финансовое положение резко изменилось. Мы купили квартиры в Париже и Москве. Но окрыляет нас надежда, что я стану известной балериной. Мама все положила на это, впрочем, как в свое время она все положила на Круглова. Но я оправдаю ее затраты! – вскинув голову, с вызовом сообщила Эва.

Всегда важен мотив

- Следовательно, ты попросила Леона о встрече, чтобы убедить его не переносить дефиле из бутика в отель.

- Да! – тут же подхватила Эва. – Мы сейчас не можем оказаться в положении банкротов. Мне нужны деньги, чтобы меня заметили. Ты же знаешь, как это делается. Несколько пышных пресс-конференций, несколько интервью, статей и - твое имя на устах. Можно танцевать как сама Терпсихора, но если никто не знает твоего имени - это равносильно тому, что тебя как бы и нет.

- Однако Натали, видимо, не исключая такой ход событий, подыскала тебе покровителя. Ты выйдешь замуж за Фавьера, и ликвидация бутика тебя коснется лишь косвенно.

- Боже мой! – Эва всплеснула руками. – А репутация?! Одно слово, один неверный шаг и все!.. Все вокруг начнут шептаться, избегать встреч, презрительно выражать сочувствие. К тому же, решится ли Эрик сделать предложение дочери обанкротившейся предпринимательницы?!

- Если он тебя любит...

- Как ты старомоден, а если сказать правду, то я не подозревала, что ты настолько, прости, глуп! Какая любовь?.. Эрику импонирует наше положение в Париже, Москве. Ты же знаешь, как мама умеет общаться с людьми, как она умеет, даже против желания, затянуть к себе в бутик нужную ей особу, затем пригласить ее на вечер. У нас в Париже небольшой, но очень достойный круг знакомых. А уж в Москве и говорить нечего!.. И вдруг, здравствуйте! Мы – банкроты!..

- Исходя из твоих слов, можно сделать только один вывод – Шафранникова убила ты.

- Ты прав, было несколько ужасных минут, когда внутренний голос нашептывал мне: «Убей! Убей эту тварь!.. И все станет хорошо!» Но, во-первых, я не была готова, - усмехнулась Эва. – У меня не было оружия. Во-вторых, мне не хватило бы куражи.

Кирилл плеснул немного коньяка в бокалы и сказал:

Тиана Веснина

- То, что преступник воспользовался ножницами как орудием убийства, можно расценивать, что он, идя к Шафранникову, вовсе не намеривался его убивать. Он пронзил его неожиданно для самого себя, вероятно, в минуту ослепления гневом.

Эва вдохнула аромат коньяка и чуть коснулась губами нежной золотисто-коричневой, пронизанной теплом жидкости.

- Значит, ты мне не веришь? – спросила она.

- Я не могу тебе верить до тех пор, пока не найду убийцу, - признался Кирилл. – Итак, Шафранников встретил тебя у приватного входа, - сделал он рукой поощряющее движение.

Эва передернула плечами и продолжила:

- Мы поднялись по лестнице, вошли в кабинет и я, чуть ли ни с порога, принялась убеждать его, что дефиление, изначально рассчитанное на бутик, потерянется в большом пространстве зала. Я унизилась до того, что в ужасающих красках стала расписывать наше с мамой будущее, если он не снизойдет к моей мольбе. Но наш очаровательный Леон ничего не хотел слушать. Слова отлетали от него, как от стены. Вот, наверное, тогда я со злостью бросила на его стол сумку и заявила, что пока он не переменит решения, никуда не уйду!

- Каким же образом ему удалось выпроводить тебя? – поинтересовался Кирилл.

- Я поняла, что все бесполезно!.. Разразилась на прощание страшными проклятиями и ушла.

- Точнее!

- Ну, последнее, что я сказала: пусть с ним кто-то поступит точно так же, как он поступил с нами! Но Шафран лишь нетерпеливо махнул рукой и попросил меня из кабинета. Мы молча спустились по лестнице. Он открыл дверь, и я очутилась на улице.

- И куда же ты направилась?

- Остановила такси и попросила отвезти меня в первый попавшийся ночной клуб. Я была в ужасном состоянии.

Всегда важен мотив

Лишь много музыки и немного шампанского могли вернуть меня к жизни. Не помню точно, сколько я там пробыла. Домой вернулась около часа ночи.

- Кто-нибудь может подтвердить, что видел тебя там?
- О боже! Какой протокольный вопрос! – с неприязнью воскликнула Эва. – Откуда я знаю?.. Кстати, я даже не имею понятия, в каком была клубе.
- Превосходное, исчерпывающее алиби! – заметил Кирилл.
- Плевать мне на твое алиби!
- Не скажи! Особенно теперь, когда в бутике Натали Круглофф прошло несколько дефиле памяти Шафранникова, когда строятся грандиозные проекты сотрудничества с Линой Рюс и Руди Логиновым. И Натали так опекает Лину, что та без нее шагу не ступит.
- Не ищи в проявлении человечности подводных камней! Мама давно знает Лину. Еще с тех пор, когда та была топ-моделью.
- Кстати, почему Лина столь быстро окончила свою блестящую карьеру? Я тут просмотрел журналы за вторую половину восьмидесятых и начала девяностых годов. С восемьдесят пятого по девяносто первый Лина, прозванная французами Рюс (русская), была на вершине, но едва ей исполнилось двадцать четыре года, как она неожиданно оставила подиум и исчезла из поля зрения. Потом, спустя некоторое время, появилась в России, где ее былая слава вновь обрела свой золотой нимб. Отечественные журналы, игнорируя настоящее положение вещей, писали о ней, как об одной из действующих топ моделей. На гребне всеобщего восхищения русской манекенщицей международного уровня она помогает двадцатидвухлетнему Леону открыть свой первый скромный Дом моды. Она делает ему рекламу, снабжает эксклюзивными тканями, и спустя семь лет Леон подписывает контракт с Дюроком.
- Представь себе, история жизни Лины Рюс меня никогда не интересовала. Мама общалась с ней. Изредка

Тиана Веснина

она бывала у нас на вечерах. Как-то она пригласила нас на прием, устроенный ею и все! Если честно, то мы были более близки с Леоном. – Эва помолчала, посмотрела на часы. – Ну и что ты собираешься делать с тем, что я тебе рассказала?

- Ничего, – улыбнулся Кирилл.
- Нет, правда?
- Построю версию о твоей причастности к убийству Шафрана.
- И какова же она будет? – усаживаясь на подлокотник кресла, поинтересовалась Эва.
- Ты хочешь, чтобы я нарисовал виртуальную картину убийства Леона?
- Да, пожалуйста! – с некоторым вызовом отозвалась она.
- Но в главной роли будешь ты, – предупредил Мелентьев.
- Послушаю и с удовольствием!
- Хорошо. – Кирилл на пару секунд задумался. – Итак, ты звонишь Леону и договариваешься о встрече. У тебя только два варианта: либо убедить его провести дефиле в бутике, либо, если он откажется наотрез, убить его.
- Но тогда я должна была на всякий случай взять пистолет, – не удержалась от ремарки Эва.
- Зачем?.. Ведь ты не раз была в кабинете Шафрана и знала о его «платиновых» ножницах. Почти не сомневаюсь, что даже вынимала их из спиральной подставки и, шутя, разрезала ими воздух.
- Слушай, ты меня представляешь каким-то монстром. Одно дело убить человека выстрелом из пистолета и совсем другое – пронзить насеквоздь ножницами, брр... - Эва передернулась. – Да у меня и силы бы не хватило!
- Хватило бы!.. У тебя руки балерины – внешне хрупкие, будто из фарфора, но на самом деле очень крепкие. Иначе как бы вы делали все эти поддержки. К тому же, где бы ты взяла пистолет? Времени, чтобы выйти на нужных людей, у тебя не было да это и опасно, - свидетели. А так!.. Тет-а-

Всегда важен мотив

тет, один выпад вперед, будто в фехтовании, и нет Леона. Ведь ты занималась фехтованием, не так ли?..

- О!.. – глаза Эвы выразили полнейшее недоумение. – С чего ты взял?..

- Я видел, как на одной из репетиций ты в шутку фехтовала с исполнителем роли Меркуцио, и, надо сказать, делала это весьма профессионально.

- Ну и память...

- Так вот, я продолжу: сначала ты пытаешься переубедить Леона. Он отвечает решительным отказом. Смею предположить, что на какое-то мгновение между вами возникло молчание, и ты погрузилась в свой мысленный монолог: «Вот от этой сволочи в образе человека, - могла думать ты, - зависит наше будущее!.. Никто не довлеет над ним, кроме его же прихоти. Он отталкивает нас, зная, что мы скатимся в бездну. Ему выгодно провести дефиле в большом зале, а нам – в бутике. Каждый из нас стремится к своей выгоде. Хотя с его стороны – это всего лишь каприз избалованного судьбой человека».

Гнев охватывает тебя, кровь пульсирует в висках. Ты со всего размаху бросаешь на стол сумку, из баночки выпадает несколько крупинок канифоли. Твой взгляд устремлен на Шафрана. Если ты избавишься от него, все пойдет, как хочешь ты. Если же нет, все случится, как пожелает он. «Почему моя жизнь должна зависеть от этого гея?» – задаешь ты себе вполне справедливый вопрос. Леон же, либо проявлял к тебе абсолютное равнодушие, либо язвительно подшучивал, наслаждаясь своей маленькой властью. Твой мозг лихорадочно работает, пытаясь найти единственно верную модель поведения, точно определить способ достижения своей выгоды. Ты начинаешь, прохаживаясь, что-то говорить, придавая своему голосу нотки умиротворения. Останавливаешься напротив постамента с ножницами и вынимаешь их. На твоих руках перчатки под тон одежды. Леон в это время сидит за столом, занятый эскизами. Ты подходишь, крепко

Тиана Веснина

зажав в руках ножницы. Насмешливо бросаешь в лицо Шафранникову какую-нибудь дерзость и угрожающе направляешь острье в его сторону. Шафранников ошеломлен, испуган, он вскакивает с кресла, и в этот момент ты вонзаешь в него лезвия!

Эва с напряженным вниманием слушала Кирилла.

- Затем спускаешься вниз... и все! – пришлось ему повысить голос, чтобы она очнулась.

- Ну наговорил, нагородил! – устало усмехнулась Эва. – Если я такая отчаянная, отчего же ты не боишься, что я и тебя убью?

- Почему же не боюсь? Боюсь! Поэтому предупреждаю, что в одном из банков Москвы у меня есть сейф, где в письменном варианте хранится все то, что я тебе рассказал. Если со мной что-нибудь случится, документы из сейфа на другой же день заберет мой друг, майор милиции.

- Ах, вот как!.. Спасибо за предупреждение!..

Она подошла к двери и, задержавшись на минуту, произнесла в пространство:

- Однако, как измельчали мужчины. Они не доверяют женщинам, с которыми занимаются любовью. Неужели это имеет значение, что я кого-то там убила?

- Печальный опыт Олоферна нас многому научил. Мне совсем не улыбается, чтобы и моя голова, сверкая мертвым оскалом, лежала на позолоченном блюде, пусть даже и в руках красавицы Юдифи.

- О! Какие тонкие аллюзии. А вот Шафран не извлек никакого урока из этой легенды, несмотря на то что поучительная картина была у него каждый день перед глазами. А вообще, было бы чрезвычайно эффектно – положить отрубленную голову на золоченое блюдо! – Эва ласково потрепала Кирилла по волосам. – Неужели ты допускаешь мысль, что я действительно убила Леона, ведь у тебя нет никаких доказательств!

- Я допускаю все! Поэтому буду искать улики.

Всегда важен мотив

- Что ж, ищите и обрящете, - язвительно рассмеялась она. – А между прочим, Шафран, гигантским мотыльком насаженный на иглу, смотрелся вызывающе роскошно!.. – бросила Эва последнюю фразу и ушла.

«Вот тебе и милая девушка!.. – глядя ей вслед, подумал Кирилл. – Сколько цинизма видавшей виды женщины!.. Попробуй, исключи ее из числа фигурантов!.. В стремлении обрести выгоду столкнулись двое... и «Никто не обязан воздерживаться от вмешательства во владения другого, если этот другой не дает ему гарантии, что он будет воздерживаться от такого же вмешательства» /И. Кант/, – вспомнилось Мелентьеву высказывание одного неординарно мыслящего человека. - Леон таких гарантий Эве не дал. Он отказался от проведения дефиле в бутике и от будущего сотрудничества, то есть сознательно толкал Натали к разорению. Следовательно, Эва могла применить принуждение к тому, кто угрожал ей таким же принуждением. Таким образом, они вошли в неправовое состояние, в котором никто не гарантирован против насилия над своим «я». Несомненно, именно с этой точки зрения и надо строить версию убийства Леона Эвой».

Кирилл сделал несколько шагов по направлению к столу, чтобы убрать чашки, и вдруг одна мысль заставила его остановиться посреди студии.

«Как это она сказала? – «Гигантским мотыльком, насаженным на иглу!..» Это вызывает ассоциацию с модными аксессуарами... В витрине одного бутика я видел стрекозу, обильно украшенную драгоценными камнями, а сама она была проткнута золотым стержнем! А что, если... убийство Шафрана – новая дизайнерская разработка Берзиньша? Его творческое видение нашло необычный материал для создания дорогостоящей безделицы. Скорее, даже бесценной!.. Он взял ножницы, выполненные из металла, имитирующего платину, и насадил на них шафран!.. Лилово-сиреневый цветок!.. Чем не украшение?! Тонкая работа изощренной фантазии и садизма!.. Браво Берзиньш!.. – мысленно воскликнул

Кирилл. – Его безграничая уверенность в собственном превосходстве над всеми вполне могла подтолкнуть его к преступлению, которое он, вероятно, расценивает как очередной шедевр из нового материала – человеческой плоти, отождествленной у него с цветком. Берзиньш уверен, что никто не разгадает его утонченного намека, а если и дерзнет, то его лишь позабавит беспомощность сыщика, который, будучи уверенным, что убийца – он, ничего, кроме своих догадок, предъявить не сможет».

Кирилл в волнении принялся ходить по студии. Задыхаясь в четырех стенах, он вышел на лоджию...

«Но почему Эва произнесла эту фразу? Одно из двух: либо сработала чисто женская интуиция, либо она все-таки в тот вечер видела Берзиньша в Доме моды Шафранникова!»

Глава XI

Слабым голосом Руди приносил свои извинения Кириллу, умоляя отложить встречу.

- Поймите, у меня совершенно нет времени. Я даже на ночь не покидаю студию.

- В отличие от вас, я, наоборот, на ночь прихожу в студию, - пошутил Мелентьев и тоном, не допускающим возражений, добавил: - К сожалению, Рудольф, сегодня я буду вынужден похитить у вас полчаса.

Логинов понял, что более уклоняться от встречи у него не получится.

- Хорошо, приезжайте. Часам к десяти вечера. Остановитесь неподалеку от главного входа, позвоните мне, и я спущусь.

- Договорились, – бросил детектив.

«Итак, следующий фигурант - Рудольф Логинов, под скромной оболочкой которого, несомненно, бушуют амбициозные страсти. Если то, что я предположил, правда... это грандиозный скандал!..»

Всегда важен мотив

Кирилл вышел из джипа и набрал номер телефона Логинова.

- Одну минуту, пожалуйста, – торопливо ответил тот.

Он появился на углу Дома моды и, помахав рукой, предложил детективу следовать за ним.

- Не хочу, чтобы охранники видели, что вы приходили ко мне, - пояснял Логинов. – Здесь, конечно, ничего такого нет, но я считаю: чем меньше будут знать служащие, тем лучше!

Они подошли к приватному входу. Руди достал электронную карточку и вставил в замок.

По узкой лестнице они поднялись на третий этаж. Коридор был приглушенно освещен несколькими светильниками, и только из студии лился мощный поток света. Лампы, подвешенные к потолку на длинных шнурках, были расположены по всей длине большого стола, на котором лежали эскизы, образцы тканей, наклеенные на плотные листы бумаги, с краткими описаниями состава материала и почти посередине стояла коробка с разноцветными флакончиками.

- Прошу вас, садитесь, – выдвинул Руди кресло на колесиках, а сам сел напротив детектива.

Кирилл взял в руки лист с набросками.

- Красиво, – заметил он.

- Согласен. Но все дело в цвете!.. Ищу цвет!.. – высказал Руди занимавшую его в данный момент мысль.

- А я ищу улики.

Словно серый флер покрыл лицо Логинова. Он помрачнел, но, поймав на себе внимательный взгляд детектива, торопливо пробормотал:

- Да, да!.. Безусловно!..

Кирилл оперся локтями на стол и спросил:

- Что вы думаете об убийствах Шафранникова и Инги Крутовой?

Вопрос явно смущил Руди.

- Да в принципе, ничего. То есть, я думаю, конечно...

Тиана Веснина

- Ну а вас, скажем, не волнует, кто их убил и зачем?
Логинов задумался, машинально перебирая образцы тканей.

- Как вам ответить? Несомненно, волнует, но у меня, если честно, голова сейчас занята совсем другим. Лина решила возглавить Дом моды и предложила мне стать главным дизайнером с правом создания своей марки. Поэтому я ни о чем, кроме этого, не могу думать.

- Ну а все-таки, — не спуская пристального взгляда с Логинова, который щурился от него, словно от яркого света лампы, продолжал Кирилл, — вы кого-нибудь подозреваете в убийстве Крутовой?

- Нет! Никого! — с излишней поспешностью ответил Рудольф.

- А в убийстве Леона?

- Тоже никого!

- Странно... Вы больше всех проводили время с Шафранниковым, зачастую засиживались до утра... Неужели вы говорили только о работе?.. Неужели ни разу Шафранников не пожаловался вам на неприятно сложившиеся обстоятельства?.. Не сказал, хотя бы, между прочим, о том, что его волнует?

Рудольф криво усмехнулся.

- Леон не вступал со мной ни в какие личные разговоры. Чтобы вы уяснили почему, — объясню! Я — человек из ниоткуда, провинциал, который только его милостью смог стать стилистом в Доме моды. Он — мэтр, а я — всего лишь служащий. Леон великолепно держал дистанцию! Да мне и не нужны были его душевизлияния! — фыркнул Логинов.

- Что ж, понятно, — Кирилл поднялся с кресла.

Руди облегченно вздохнул, решив, что детектив уходит. Но Кирилл лишь прошелся вдоль длинной передвижной вешалки и вновь вернулся к столу.

- Понимаете, Рудольф, в чем дело, — сказал он. — У меня есть все основания подозревать вас в убийстве Шафранникова.

Всегда важен мотив

Логинов резко вскочил, возмущенно открыл рот, но не смог произнести ни звука.

- В столе Леона я нашел вот это, – детектив положил перед Руди три смятых листа и пояснил: - Это эскизы, которые были выполнены вами!

Рудольф взглянул на них и тяжело выдохнул:

- Ну и что?..

- Зачем Шаффранникову понадобилось перерисовывать их, чтобы вложить в папку с другими набросками? Не проще ли было положить ваши?..

- Ну, это его дело, – отведя глаза в сторону, будто он что-то пытался найти, ответил Руди.

- Но зачем Шаффранникову понадобилось ставить свою подпись под тщательно скопированными чужими эскизами?

- Я... Я не знаю!.. – Логинов от возмущения затряс головой. – Спросите... - он осекся.

- Вот именно, спросите, но у кого? – Кирилл снова сел в кресло.

Логинов бессильно упал в противоположное, но не рассчитал центр тяжести: кресло выскользнуло из-под него, и он осел на пол.

Не глядя на детектива, Руди, поднялся, пододвинул кресло и осторожно сел в него.

- Мне пришлось, чтобы понять принцип работы Дома моды, обратиться к специальной литературе и выстроить для себя схему на примере Дома моды Ив Сен Лорана. Ведь именно по его образцу был создан Дом Шаффранникова, - начал Мелентьев. – Лет за пять до своего ухода из высокой моды Сен Лоран пригласил к себе молодого стилиста Альбера Эльбаза. В интервью, данном одному крупному парижскому журналу, директор Дома моды Ив Сен Лорана пояснил, что при выборе кандидата они придерживались определенных требований. Кандидат должен был быть талантливым, молодым, готовым работать исключительно для Сен Лорана.

Тиана Веснина

Таким образом, стилист был ангажирован не для того, чтобы создавать собственные коллекции, а для того, чтобы следовать концепциям мэтра. Понятно, это будет не подлинный Сен Лоран, но это будет сделано специально для Сен Лорана. Стилист должен был найти золотую середину и понравиться клиентам Дома.

Мэтр предоставил Эльбазу свой архив, чтобы тот смог ознакомится с невоплощенными идеями и лучше усвоить его стиль. Как я понял, - заключил детектив, - задача стилиста - подстроиться под стиль мэтра. У вас же с Леоном все вышло с точностью наоборот: Леон подстроился под вас. А если точнее, то ваши эскизы, идеи, разработки он стал выдавать за свои.

Дом моды Шафранникова в том виде, в каком он приобрел известность, существует пять лет. В начале Леону очень помогла Лина Рюс: деньгами, новыми материалами, стилистом французом, визажистом итальянцем. Вокруг первой коллекции Шафранникова был поднят умелый ажиотаж. С кем его только не сравнивали и каких только надежд на него не возлагали! Показ второй коллекции прошел под сдержанные аплодисменты. Пресса, поощряемая валютными вознаграждениями, выступила с хорошими, но, тем не менее, спокойными отзывами. И тут появились вы! Третья коллекция сразила всех! Дом приобрел множество клиентов. Шафранников фонтанировал идеями. Были созданы духи «Шафран», туалетная вода «Леон», линия нижнего белья, вечерние аксессуары. Но ваше имя нигде упомянуто не было. Шафранников умело создавал впечатление, что все он делал лично сам!.. Но, как оказалось, все его оригинальные находки и идеи сводились к точному копированию по ночам ваших эскизов.

Рудольф молчал, в отчаянии кусая губы.

- Я не знаю, может быть, Леон брал у вас только модели одежды, а все остальное действительно разрабатывал сам...

Всегда важен мотив

- Да ничего он не разрабатывал!.. – неожиданно, сверкая бессильной яростью в глазах, вдруг вскричал Руди. – Ничего! Да и зачем? Если есть я!..

- Но вы же не станете отрицать, что все это делалось с вашего согласия?

- С моего согласия?! – с негодованием выкрикнул Руди и, будучи не в силах сидеть, вскочил с места. – Да вы что, меня за полного идиота принимаете?!

- Но тогда почему?..

Рудольф ерошил волосы, нервно потирал ладони, доставал из кармана платок и вновь прятал.

- Я промолчал, – наконец сказал он. – Думаю, вам этого не понять!..

- Постараюсь, – обнадежил его Кирилл.

Руди сник. Подошел к мини бару и налил себе стакан воды.

- Вам, может быть, чего-нибудь покрепче? – обратился он к детективу.

- Нет, спасибо, лучше тоже воды.

Они молча выпили по стакану и вновь сели напротив друг друга.

- Простите, вы родились в Москве? – задал неожиданный вопрос Руди.

- Да, – ответил Кирилл и тут же добавил: – Я, кажется, уже понял причину вашего молчания: провинциал в столице.

Логинов кивнул.

- Когда я переступил порог Дома Шафранникова, что, конечно же, говорило о моей уверенности в своих способностях, я тем не менее не рассчитывал, что он сразу возьмет меня на работу. Шафран просмотрел эскизы, поговорил со мной. А надо заметить, что уверенность в себе мне придавали три приза, полученные на конкурсах модельеров в Смоленске, Ростове-на-Дону и Краснодаре. Леон тогда сказал, что может взять меня в качестве стилиста. И точно так же, как Сен Лоран, передал мне несколько объемных папок с набросками своих

Тиана Веснина

нереализованных идей, которые, между нами говоря, никуда не годились. Но я понял, как бы ему хотелось это видеть, и сделал свои собственные эскизы. Он их взял и вдруг неделю спустя приходит в ателье и кладет на стол несколько моих рисунков, линия в линию, скопированных им. Мастера пришли в восторг. Но одно дело эскиз, а другое дело разработка кроя! Техника кроя – это ноу-хау! – возбужденно говорил Логинов. – Я в тот момент как раз был там. Леон довольно небрежно глянул в мою сторону и бросил: «Руди, зайди ко мне!» Я, признаюсь, едва дождался, когда он выйдет из ателье, и поспешил следом за ним, надеясь получить разъяснения. «Модели мне понравились! – развались в кресле, сказал он. – Разработай крой, и как будет готово, вечером, когда все уйдут, принеси мне». Я хотел было задать вопрос, а как же мое имя? Но он опередил меня. «Руди, – мягко сказал он, – если тебя не устраивает такое положение вещей, то ты вправе тут же покинуть мой Дом. Москва – большая, пойди попытай счастье. А у меня ты сможешь работать только на таких условиях: ты разрабатываешь модели, крой, а я ставлю под ними свое имя. – Признаюсь, был порыв возразить и уйти. Но Шаффран все рассчитал. – «Хотя, должен тебя предупредить: так как я доверился тебе – отдал папки со своими нереализованными идеями, то ты, конечно же, кое-что позаимствовал из них и в будущем не преминешь воспользоваться...» – Вот подонок!.. – не удержался Логинов. – Что?.. Я спрашиваю? – наклоняясь к Кириллу, воскликнул он. – Что там можно позаимствовать?! – «Поэтому я бы не хотел, чтобы ты оставался в столице. Думаю, если мы не договоримся, тебе будет лучше вернуться назад. Наши провинции – необъятны, и ты сможешь в полной мере проявить там свои неплохие возможности. Сколько прекрасных, – не скрывая своей усмешки, подчеркнул он, – модельеров работает в провинциальных городах. Уверен, в одном из них и ты найдешь свое место». – То есть он мне давал понять: раз уж так случилось, и ты попал мне в лапы, то либо ты

Всегда важен мотив

работаешь на меня, либо я своею властью, так или иначе, выставлю тебя из белокаменной. Я был вынужден согласиться. Тогда я думал: «Лишь бы зацепиться в Москве, а там посмотрим...» - Логинова смолк.

«Здесь напрашиваются две версии, - в возникшей паузе размышлял детектив. - Первая – Рудольф сам убивает Шафрана. Вторая – вговоре с Дониной».

Кирилл перевел взгляд на бессильно свесившего руки Логинова. На вид ему было лет двадцать семь. Пепельные волосы с осветленными концами слегка завивались в полукольца. Длинные черные ресницы. Тонкий профиль и красивые чуть припухлые губы.

«С точки зрения гомика – он, наверное, красавица! – ухмыльнулся про себя Мелентьев. – Да!.. Оксана мне говорила, что он неровно дышит к Берзиньшу. А Берзиньш не обращает на него внимания. Желание стать вровень с недосягаемым Андрэ могло подтолкнуть Руди к преступлению. Ведь на самом деле Шафран – это всего лишь вывеска. И Логинов решил ее сменить. Почти не сомневаюсь, что Дом моды Шафранникова просуществует недолго. Рудольф сумеет заставить Лину продать его. Вот только развернется пошире. С одной стороны, Логинов мог размышлять, что он пошел на убийство Шафрана ради торжества справедливости. Но, с другой, понимал, что выбрал не самый лучший способ. Уверен, если бы его разум смог подсказать ему что-нибудь менее кровавое, он с радостью ухватился бы за эту идею. А может, все произошло спонтанно?.. Вспыхнула ссора, и с тихим Руди произошла метаморфоза: ярость, дерзость, отчаяние, доведенные до опасного предела, фуриями вырвались из него и схватились за ножницы!..»

- Скажите, пожалуйста, - вернул Рудольфа к разговору Мелентьев, - где вы находились в момент убийства Шафранникова?

- Я вышел из Дома примерно в двадцать три часа... - неуверенно начал Логинов. – Но, прежде чем уйти, я хотел поговорить с Леоном. Поэтому около одиннадцати

Тиана Веснина

подходил к его кабинету, однако, услышав голос мэтра, понял, что у него кто-то есть, и решил отложить разговор.

- Вы не задумались тогда, кто бы это мог быть: мужчина или женщина, знакомый или незнакомый вам человек?

- Нет! Я только понял, что Леон не один, и тут же ушел. Но теперь догадываюсь, в кабинете, вероятно, находился убийца.

- Голос Леона был взволнован?

- Да!.. По-видимому, он что-то пытался доказать... но я не стал подслушивать...

- Понятно. И куда вы направились?

- В клуб «Жано».

- В котором часу вы вошли в клуб?

Рудольф пожал плечами.

- Думаю, в четверть двенадцатого. Так как от Дома моды до клуба на машине минут десять-пятнадцать.

- Кто-нибудь сможет подтвердить, что вы действительно были в клубе?

- Конечно!

- Покидая Дом, вы воспользовались приватным выходом?

- Да, мы с Леоном старались, как можно меньше давать повода для домыслов и сплетен персоналу.

- Скажите, у кого кроме вас и Шафранникова могла быть электронная карта от двери?

- Ни у кого! – твердо ответил Рудольф.

- Шафранников не говорил вам, что его карта куда-то пропадала, а потом нашлась?

- Нет! И сразу замечу, что моя карта все время находилась при мне. Я ношу ее во внутреннем кармане пиджака.

- Как вы думаете, вы были последним, кто покинул Дом, не считая Леона и убийцы?

- Не знаю. Я тогда не обратил на это внимание.

- А вы случайно не видели, как Шафранников спускался вниз, чтобы открыть приватную дверь? Потому что по

Всегда важен мотив

словам охраны после девяти вечера никто не входил в Дом ни через главный, ни через служебный входы.

Рудольф грустно улыбнулся.

- Вы имеете в виду, что Леон сам провел в кабинет убийцу?

- Получается именно так.

Логинов поправил стопку листов на своем столе, кашлянул и сказал:

- Нет. Я не видел, – и, словно в оправдание, добавил: - Понимаете, я был очень занят!..

Кирилл немного помолчал, потом встал и попросил Рудольфа проводить его.

Шагая по устланному мягким ковровым покрытием коридору вслед за изящно семенящим стилистом, детектив четко представил механизм убийства Шафранникова Логиновым.

«Леон провожает Эву и возвращается к себе в кабинет. На часах – начало двенадцатого. Открывается дверь, входит Рудольф с листами в руках, заводит разговор о дефиле. Леон, возбужденный предстоящим показом, делится своими мыслями. Руди, кивая в знак согласия, расхаживает по кабинету, замедляет шаг около постамента с ножницами, вынимает их, делает вид, что рассматривает, подходит к Леону. Тот, почувствовав что-то недобroе, вскакивает, и Рудольф вонзает в него острия.

– Кирилл молча пожал на прощание руку Логинову и вышел на улицу. - Но также можно предположить, - машинально продолжал размышлять он, - что Рудольф все-таки хотел каким-то образом договориться с Шафранниковым, чтобы его имя более не умалчивалось. Леон в ответ, несомненно, нагло расхохотался. Вспыхнула скора, и разъяренный, ослепленный несправедливой обидой Руди убивает Шафранникова...

Теплый ветер ласково скользнул по лицу Мелентьеву. Он вздохнул и подумал, что надо бы отвлечься от расследования. Взглянув на часы, позвонил Регине.

Тиана Веснина

Кирилл познакомился с ней год назад на одном шумном дефиле, где в качестве моделей выступали известные женщины, в том числе и актриса Регина Дымова.

- Кирюша, ты?! – раздался знакомый, переливающийся игривыми нотками голос. – Как я рада!

- Ты дома?

- Нет! На съемках в Кусково!.. Сиреню пахнет!..

- Когда заканчиваете?

- Даже Бог не знает этого!..

- Тогда я еду!

Съемочная группа расположилась в саду. Снимали сцену дуэли. Регина, задыхаясь от волнения, должна была неожиданно выбежать из-за деревьев и умолить дуэлянтов разойтись.

В ожидании своего выхода актриса сидела на круглом табурете, чтобы не помять необыкновенную шелковую юбку. Высокий белый пудреный парик и мушка на левой щеке делали ее совершенно очаровательной, но взгляд Кирилла остановился на окаймленной кружевом пышной груди.

Регина чуть приподнялась и хотела сказать: «Сейчас, еще немного!», как Мелентьев подхватил ее на руки и скрылся в источающих амурный аромат кустах сирени.

Сцена дуэли не удавалась. Дубль сменялся дублем. Наконец: «Молодцы! Выход Регины!.. Регина! – разнесся громовой голос режиссера. – Черт возьми! Где она?!..»

Ветки сирени вздрогнули, и, поправляя грудь и отряхивая платье от мелких травинок, появилась Регина, с огромными хмельными от любви глазами. Она остановилась. Вздохнула. И решительным мелким шагом, покачивая кринолином, направилась к дуэлянтам.

- Прекратите! – приказала капризно.

Над площадкой зависла пауза. Кирилл притаился в кустах. Регина чуть втянула голову в плечи. Печальный пример мадам Дюбарри научил женщин в нужный момент прятать шею.

Пауза разрасталась.

Всегда важен мотив

- А знаешь, - глубокомысленно произнес режиссер, - ты права!.. Именно!.. Именно так и должна была появиться графиня. Она прослышала о дуэли, направилась, чтобы ее прекратить, но тут некто, в ком она узнала светлейшего князя, преградил ей дорогу... Однако, будучи женщиной сердобольной, она о дуэли не забыла и вовремя развела дуэлянтов! – сам себе и всем остальным объяснил режиссер. – Отлично! Снимаем! Мотор!

«Все-таки Регинка – великая актриса!» – улыбнулся Кирилл и повалился в смятые кусты сирени.

Глава XII

Оставив джип на стоянке рядом с домом Берзиньша, Кирилл почувствовал легкое волнение.

«В чем дело? – удивился он и тут же улыбнулся. – Вероятно, императорский облик Берзиньша произвел на меня большое впечатление. Вывод один – в моем роду императоров не было, и, следовательно, вполне естественно, что я испытываю генетический трепет перед венценосной особой. Но, дорогие мои предки, вынужден вас разочаровать. Я навсегда заставлю умолкнуть этот трепет, и более он не будет передаваться в нашем роду по наследству!»

Кирилл нажал на клавишу домофона и назвал свое имя. На лестничной площадке третьего этажа его ожидал высокий юноша в узких брюках и рубашке-блузе с логотипом Андрэ.

- Прошу вас, - приветливо улыбаясь ярко-розовыми губами и подрагивая черными ресницами с золотистой тушью на кончиках, произнес он и широко открыл дверь.

Детектив вступил во владения мэтра Берзиньша. Он ожидал чего-то необыкновенного, вызывающего, подчеркивающего царивший здесь культ геев. Но не пульсирующих знаков пола, изваянных в мраморе, ни эротических рисунков Жана Кокто он не обнаружил.

Тиана Веснина

- Андрэ просит его извинить и подождать четверть часа в гостиной, – приглашая Кирилла в просторную комнату, между тем говорил его сопровождающий. – Что я могу вам предложить: «Мартини», «Гран Марнье», апельсиновый сок?..

- Если вас не затруднит, минеральной воды, пожалуйста, - сказал Мелентьев и сел на лиловый диван с черно-золотистой окантовкой.

Юноша появился через минуту, поставил на низкий стеклянный стол серебряный поднос с высоким, покрытым холодной дымкой стаканом и вышел.

Гостиная была погружена в полумрак. Диван, кресла, столик находились посредине, как бы на квадратном островке, слегка утопленном по сравнению с остальным помещением. Стены были обиты бледно-сиреневой тканью с золотистыми искрами, на одной из них висела картина в массивной золотой раме, на противоположной – большое прямоугольное зеркало. Из соседней комнаты доносились музыка.

Кирилл поднялся и пошел на звуки сороковой симфонии Моцарта.

Он увидел мужчину в черном трико, закрепленном на плечах двумя пряжками, темно-русые волосы его были туго стянуты лентой. Мужчина самозабвенно отдавался музыке, телом ощущая каждую ноту. Он замирал в отточенных аттитюдах, Кирилл знал в этом толк, взлетал в не высоких, но точных прыжках. Его импровизация была насыщена внутренним ощущением звуков и своим осмысливанием их. Пот струился по его обнаженному торсу, делая его еще красивее. Танцор стремительно пролетел по залу в шене, и Кирилл увидел в зеркале танцкласса лицо Андрэ с глазами, устремленными в только ему ведомый мир. Душой он был где-то там, а здесь, в музыкальном водопаде звуков, нежилось его тело. Аккорд, нарастание... и последняя – глубокая бархатная нота!.. Берзиньш замер. Кирилл тоже не смел шелохнуться.

Всегда важен мотив

Подойдя к палке у зеркала, Андрэ взял полотенце и тут заметил Мелентьева.

- Простите, что заставил вас ждать! Прошу еще ровно пять минут. Приму душ и буду в вашем распоряжении, - сказал он и скрылся в ванной комнате.

А Кирилл, ошеломленный тем, что увидел, рассматривал танцкласс - просторную комнату с обыкновенным дощатым полом, зеркалом вдоль стены, палкой и коробкой с канифолью под ней.

Андрэ появился в эластичных подчеркивающих совершенную форму его ягодиц брюках и рубашкой, расстегнутой на груди и туго стянутой узлом на талии. Его влажные волнистые волосы спускались чуть ниже плеч. Он сел на диван и жестом пригласил Кирилла. В дверях появился юноша. С неловким очарованием покачивая худыми бедрами, он поднес Андрэ стакан сока.

- Спасибо, - поблагодарил тот и успел уловить саркастический взгляд своего гостя, но ничего не сказал.

Кирилл, несколько задетый, что его мысль была прочитана, попросил еще воды.

- Чем же я могу быть вам полезен? – улыбаясь, спросил Андрэ.

- Мне хотелось бы знать, где и с кем вы были в момент убийства Леона, то есть...

- Не надо уточнять, я помню, – лениво повел рукой Берзиньш и, прищутив светло-голубые глаза, произнес: - Убийство Леона!.. Как, однако, это устарело. Вам еще не надоело заниматься им?..

- А вам не надоело заниматься балетным станком? Насколько я могу судить – это весьма однообразное времяпровождение.

- Все зависит от настроения!.. И потом, это необходимо, чтобы быть в форме. Кто-то предпочитает силовые тренажеры, кто-то плавание, а я - балетные экзерсисы.

- Не только! Я видел вашу импровизацию! Вы классно танцуете!..

Тиана Веснина

- Ваш комплимент не может оставить меня равнодушным, – слегка насмешливым тоном ответил Андрэ, явно намекая на близость Кирилла с Купавиной. – Вы в этом знаете толк!

- Прежде чем, снова повторить мой вопрос, я отвечу на ваш. Мне отнюдь не надоело заниматься расследованием убийств Шафранникова и Крутовой. Это помогает мне держать хорошую форму. И потом, у каждого из нас свое занятие – вы ведете игру с клиентами: устраиваете дефиле, заманиваете яркими витринами и в результате одеваете их по своему вкусу. Я же веду игру с преступниками и, как следствие, избавляю от них общество.

- Сформулировано верно, хотя несколько пафосно... - и Берзиньш вновь предстал в обличии скучающего императора. – Тем не менее, - продолжил он, - как заметил один мыслящий человек: «Если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности!» /И. Кант/.

- А почему вы не пошли по стезе балета? – неожиданно для самого себя задал вопрос Кирилл.

- Знаете, в чем заключается удача? В том, чтобы вовремя угадать свою стезю. Я мог бы быть актером, танцовщиком, поэтом, но я никогда бы не стал первым. А избрав своей судьбой моду, я стал первым среди дизайнеров в России и скоро стану одним из первых в мире!.. Хотя профессионализм убивает творчество!.. Вы об этом не задумывались? – поинтересовался Андрэ.

- Нет, как-то был недосуг, – довольно сухо ответил детектив, давая понять, что пора бы вернуться к тому вопросу, ради которого он сюда пришел.

- А я вот задумался и решил поставить спектакль с дивертишментом. Одно представление, как дефиле! Профессиональный актер спокоен, он уверен, что завтра сможет лучше произнести тот монолог, который не удался сегодня. Не сегодня, так завтра!.. Нивелируется острота ощущений - включается автопилот. А если ты играешь и

Всегда важен мотив

знаешь, что этот спектакль, как жизнь, без повтора — это возбуждает, опьяняет...

- В чем-то я согласен, - невольно поддался дискуссии Кирилл. – Однако, чем маститее актер, тем интереснее его игра.

- Но мастерство притупляет чувства!..

- А дилетант на сцене — смешон!

- Вот вы приходите и посмотрите! Премьера через неделю!.. – Знаете, - Берзиньш в раздумье замолчал, чтобы найти более вескую аргументацию своей точки зрения, - в институте научат правилам стихосложения. Но ведь талант — это исключение из правил! – он сделал долгую паузу, ожидая ответа. Кирилл промолчал. - Жаль, что мы поздно с вами познакомились, – с искренним вздохом произнес он. - Я бы обязательно пригласил вас участвовать в своем спектакле.

Мелентьев непроизвольно вжался в кресло.

- Я – не артист! И никогда не желал, даже в тайне, выйти на сцену!

- Тем лучше! – Берзиньш, улыбаясь, слегка подался вперед, и Кирилл отчетливо уловил в глубине его взгляда тонкую иронию. – Я бы открыл для вас сцену! Вы удивительно пластичны и великолепно сложены. – Он жестом руки попросил Мелентьева подняться. Тот, словно находясь под гипнозом, повиновался.

Берзиньш подошел к нему и слегка провел рукой по его спине.

- У вас прекрасные ягодицы, - опытным взглядом рассматривая Мелентьева, продолжал он, – небольшие, упругие, на них великолепно бы смотрелось золотое трико.

Андрэ вернулся на свое место и, закинув ногу за ногу, сказал:

- Все мы бисексуалы, и только случай дает нам возможность узнать это.

- Не согласен! – твердо отрезал Мелентьев. – Меня никогда не привлекали мужчины!

- Отчего же?.. Вы настолько не любите себя?

- Я догадываюсь, о чём вы...
- Да, все о нем, о «вздыбившемся фаллосе».
- Но для него я предпочитаю другие ножны! – с надменной усмешкой ответил Кирилл.
- Это только оттого, что вы не пробовали этих... - улыбка Берзиньша искрилась от иронии.
- Не имею ни малейшего желания!..
- Наши желания так непостоянны, - как бы, между прочим, бросил Андрэ. – Но самое главное, что мы очень плохо умеем разбираться в них. Вот как раз пример к нашему разговору. Я ставлю спектакль «Голубой господин» по драме Александра Блока «Незнакомка».

Плечи Кирилла в бессилии поникли.
- Какая связь между Блоком и геями?! – уже теряя терпение, воскликнул он.
- Ну как же? – с ласковым спокойствием продолжал Берзиньш. – Когда эту пьесу первый раз читали по ролям, то Александр выбрал роль Голубого!.. Заметьте, не Звездочета, не Поэта, а Голубого!
- Я, к сожалению, не столь большой знаток поэзии, но хочу напомнить вам, что романтикам вообще было свойственно увлечение голубым цветом.
- Вот, вот!.. Именно!.. «Голубой цветок», «голубое томление». «Нежный! У ласковой речки. Ты – голубой пастушок!» – с ироничной улыбкой процитировал Берзиньш. – А уж это вообще недвусмысленное заявление: «Я – голубой, как дым кадила...»

- Ну так можно весь мир поставить с ног на голову! – резко высказался Кирилл. - Если художник использует голубые краски, значит, он гей?!

- Неосознанный. Внутреннее ощущение себя наталкивает его на голубые оттенки. Он может безумно влюбиться в женщину и через час отвергнуть ее. Может хаотично менять женщин, но оставаться одиноким. И только в творчестве высказать свои сводящие с ума и мучающие плоть мысли. Ведь в чём драма Незнакомки? Она спрашивает Голубого: «Ты хочешь меня обнять?» –

Всегда важен мотив

«Я коснуться не смею тебя!» Но он не смеет ее коснуться не оттого, что благоговеет перед ней, а оттого, что она не влечет его. – Воодушевленный своими мыслями Андрэ встал, прошелся по гостиной и облокотился на комод. - А в заключение я хочу дать очаровательный дивертишмент – несколько сцен из «Сна в летнюю ночь». (Пьеса В.Шекспира)

- Но это уже будет совмещение несовместимого! – не удержавшись, воскликнул Кирилл.

- Изящно и убедительно совмещать несовместимое и есть стиль Берзиньша, – рассмеялся Андрэ и, открыв комод, вынул пачку сигарет.

- Не желаете?! – садясь напротив детектива, спросил он и протянул сигареты «Мэтр Бельфе».

Глаза Мелентьева на мгновение замерли.

«Нет никакого сомнения, что Берзиньш и Донина – сообщники. Каким-то образом она провела его в Дом моды и спрятала в кладовой на третьем этаже. Коротая ожидание, Андрэ выкурил сигареты, а вместо пепельницы использовал кубок, который подала ему Донина. Когда все ушли, Берзиньш вошел в кабинет Леона и убил его! В суматохе Донина, вероятно, забыла выбросить окурки или вообще не придала этому значения...»

Кирилл улыбнулся и взял сигарету.

- Позвольте, все-таки, вернуться к цели моего визита, – обратился он к Андрэ с наслаждением вдыхающему ароматный дымок.

- Пожалуйста! Я вас отвлек своими мыслями о новом прочтении знаменитой драмы.

- А мой вопрос по-прежнему тот же. Где вы находились на момент убийства Шафранникова?

- Я был дома с другом, – подрагивая углами губ от сдерживаемого смеха, ответил Берзиньш. – И друг может это подтвердить.

«Естественно, - злился Кирилл, - любой из геев мечтает попасть в твою кровать. За эту милость каждый подтвердит, что угодно!»

- Алиби у вас необыкновенно прозрачно, – заметил детектив.

- Это мой любимой оттенок! – не сводя с него плотоядного взгляда, вскользь обронил Андрэ. – Ну, если слова другого человека ничего для вас не значат, то я больше ничем не могу вам помочь.

- Позвольте мне воспользоваться вашей необыкновенной проницательностью и спросить: кому, на ваш взгляд, была выгодна смерть Леона?

Андрэ расхохотался.

- Имею все основания предполагать, что мне!.. Дюрок, как Буриданов осел, мучился между мной и Шафраном. Поверьте, он остановил свой выбор на Леоне, основываясь отнюдь не на его профессиональных качествах. Тот привлек француза своим восприятием мира. Дюрок очень чутко улавливает флюиды, исходящие от человека. Я для него оказался непроницаемым, и это его насторожило. Но теперь, когда проблема выбора отпала, Дюрок, несомненно, предложит подписать контракт мне.

- Отчего вы так уверены?

- А с кем же?.. Кто, кроме меня, сможет удивить и привлечь избалованных клиентов Европы?!.. Хотя, конечно, задача, признаюсь, не из легких. – Он встал и, подойдя к бару, спросил: - Могу ли я вам предложить коньяка?

- Не откажусь.

Андрэ поставил перед гостем бокал с широким дном и суживающимися кверху стенками, чтобы можно было лучше оценить аромат напитка.

- «Хенnessи», - не без удовольствия отметил Кирилл.

- Так вот, - возвращаясь к прерванному разговору, продолжил Берзиньш. – Задача, как я уже отметил, не из легких, но чрезвычайно интересная. В Париже, естественно, все будет выглядеть скромнее, чем в Москве. Я имею в виду сам Дом моды, который по моему представлению должен походить на очаровательный салон времен Людовика XV. Такого размаха и площадей

Всегда важен мотив

как здесь... - он широко развел руками... - там Дому Андрэ пока не светит. Но пусть мой первый шаг будет скромен, однако, уверяю вас, его не смогут не заметить!..

- А в Москве? – поинтересовался детектив.
- В Москве все останется по-прежнему. Поставлюдельного директора. Да хотя бы Елизавету.
- А если все-таки Дюрок не предложит вам подписать контракт?

Берзиньш поднес бокал к губам, сделал небольшой глоток и, слегка прикрыв свои сверкающие глаза, произнес:

- Эта идея о создании в Париже совместного Дома моды с русским модельером слишком въелась в его сознание. Он уже не может остановиться. А своим спектаклем «Голубой господин» я его околдую. Он будет просто счастлив, что судьба позаботилась о нем и вовремя убрала Шафранникова.

- Что ж, спасибо за откровенность, – не удержался от колкого тона Кирилл. – Итак, вы сами предлагаете себя в качестве главного фигуранта!..

- А как вы хотели? – удивился Андрэ. – Берзиньш и на втором плане?

- Простите, но, мне кажется, что вы слишком заигрались. Смерть человека – это отнюдь не дивертишмент.

- Смерть – это действие, а действие – это и есть спектакль, то есть игра!

Между собеседниками возникла долгая пауза. Кирилл смотрел на Берзиньша, Берзиньш - на него.

«Ну что, детектив? – с озорною насмешкой говорил его светло-голубой взгляд. – Поиграем?! Вы слишком серьезно относитесь к такой мелочи, как смерть. Ну будь она явлением редкостным, а то каждый день, час, минуту то там, то здесь она разыгрывает свое мрачное действие. Шафран был убит и весьма оригинально. Бог с ним! Это уже в прошлом!.. Теперь давай позабавимся мы! Я – первый фигурант, но, чтобы устроить спектакль с

Тиана Веснина

приглашенной на главную роль Фемидой, тебе нужны улики. А их нет!..»

«И все-таки, мэтр Андрэ, вы слишком легко перешагиваете грань между жизнью и театром!.. Пусть будет спектакль, но он имеет обыкновение заканчиваться третьим действием. И вот когда вы соберетесь переходить из одного спектакля, разыгрываемого вами, в следующий, в это краткое, как вздох, мгновение, раздастся холодный щелчок браслетов на ваших холеных руках. И тогда, если вам так того захочется, вы сможете играть свои дивертины, но только в одном весьма отдаленном месте...»

«О! Куда хватили! – лучились глаза Андрэ. – Мне нравится ваша самоуверенность, да и все остальное тоже...»

Детектив прервал красноречивый обмен взглядами. Он поднялся с дивана и поблагодарил Берзиньша за то, что тот смог уделить ему время.

- Но ведь вы ничего не выяснили! – воскликнул Андрэ.

- Я сделал первую примерку. И она оказалось удачной! – с насмешливой вежливостью ответил Мелентьев.

- Однако!.. – покачал головой Берзиньш и вынул из пачки новую сигарету.

- Не откажите в любезности, - обратился к нему Кирилл.

- Еще немного коньяка.

- С удовольствием, – Берзиньш положил вынутую сигарету на пачку и отошел к бару.

Кирилл мгновенно накрыл эту сигарету платком и спрятал в свой карман, а на ее место положил другую.

* * *

Расставшись с Берзиньшем, Кирилл заехал в экспертную лабораторию и попросил сделать дактилоскопический анализ сигареты «Мэтр Бельфе».

Поужинав, он отправился в ночной клуб «Жано» проверить алиби Рудольфа Логинова, который утверждал,

Всегда важен мотив

что в ночь убийства Шафранникова он приехал в клуб в четверть двенадцатого.

Не успел Мелентьев войти в клубный зал, как перед ним возник высокий стройный юноша лет двадцати. Он с такой нежностью взглянул в глаза Кириллу, что тот судорожно постарался припомнить, где они могли раньше встречаться.

- Привет! – улыбнувшись, сказал он. – Меня зовут Тео. А тебя?

- Кирилл, - в некотором замешательстве буркнул детектив.

Тео ободряюще взял его за руку.

- Пойдем к нашему столику.

В голове Мелентьева забегались мысли.

«Черт, а что, если вправду прикинуться начинающим гомиком?!.. И, между прочим, поинтересоваться, был ли Логинов здесь в момент убийства Шафрана? А что потом?!.. Ладно, как-нибудь разберусь!..»

Он дал возможность Тео увлечь себя к столику, за которым сидели еще два гея. Каждый из них представился Кириллу, но Тео послал своим друзьям недвусмысленный взгляд: «Не старайтесь! Он – мой!»

Кирилл заказал белый «Мартини».

- Ты в первый раз здесь? – с ласковой игривостью заглядывая в глаза детективу, спросил его новый друг.

- Да!.. –

Тео провел ладонью по его колену.

Принесли «Мартини».

Кирилл одним глотком осушил полбокала.

- Ты кого-то ищешь или просто так пришел? – продолжал Тео.

Один из геев, внимательно оглядев Мелентьева, что-то шепнул своему другу. Тот в ответ спокойно пожал плечами: «Ну и что?! Каждый волен!»

«Наверное, подозревают во мне гетерофила!» - верно угадал Кирилл.

- Ищу! - ответил он.

Тиана Веснина

Положив подбородок на красиво изогнутую руку, Тео, блестя глазами, спросил:

- Секрет, кого?
- Нет, – улыбнулся Мелентьев. – Руди Логинова.
- А!.. – протянул юноша. – Ты что, с ним?
- Да … нет, – замялся с ответом Кирилл, соображая, что делать дальше.
- Забудь! – вмешался белокурый гей в сиреневой блузе.
- Все знают, что Руди влюблен в Берзиньша! А сейчас у него… этот, как его?.. - защелкал он пальцами.
- Виктор, – подсказал ему Тео.
- Был, – кивнул Мелентьев, чем заинтриговал своих собеседников.
- Вот как… – протянул Тео. – Значит, теперь Руди с тобой?..
- Не совсем…
- Поясни!
- Сначала вы мне скажите: правда ли, что тридцатого мая в четверть двенадцатого, как то утверждает Рудольф, он был в клубе?!
- Геи пожали плечами.
- Зачем тебе такие подробности?
- Потому что если он солгал, то у него все по-прежнему с Виктором. В тот вечер я не смог приехать сюда. Но Руди обещал мне быть здесь ровно в четверть двенадцатого.
- Белокурый гей поправил волосы и вздохнул:
- Ну кто вспомнит, что было тридцатого мая?!
- О!.. Какой красавчик! – раздался хрипловатый голос, и на правое плечо Кирилла легла пышная грудь. Он слегка отклонился и увидел эффектную брюнетку, испускающую только одну сексапильную волну. – Пойдем, потанцуем!
- Мелентьев поднялся и взялся за худые бедра travesti.
- Меня зовут Лель, – прошептал он. – Плюнем на них, поехали ко мне!..
- Нет, мне надо кое-что узнать.
- Он – новенький и со мной! – подлетел к ним Тео.
- Подумаешь! – фыркнул Лель.

Всегда важен мотив

Они втроем вернулись к столику.

- Собственно, он с Руди Логиновым, - решил пояснить Тео. – Но если узнает, что Руди изменяет ему, то бросит его. – Я правильно тебя понял? – обратился он к Мелентьеву.

- Угу.

- Лель, а ты не помнишь, тридцатого мая Рудольф заезжал в клуб? И вообще, что у нас было в тот день?

- Тридцатого мая?! – длинный малиновый ноготь был несколько раз укушен зубами. – Ну как же!.. В тот день была премьера «Греческого любовника». И мы после спектакля, захватив Зитку и Клару, приехали сюда.

- Точно? В котором часу это было?

- В полночь! Мы еще припарковались почти одновременно с Руди, и я ему крикнула, что зря он не был на спектакле! Так что твой Руди был здесь тридцатого мая, – провел рукой Лель по щеке Кирилла.

- Был! Но в полночь! – радостно подхватил Тео и обнял Кирилла за плечи.

Мелентьев уже не обращал ни на кого внимания.

«Значит, Логинов солгал! Где же он находился эти сорок пять минут... если не в кабинете Шафрана?! Сначала разговор на повышенных тонах, потом точный удар закройщика!»

- Мне надо позвонить! – высвободил свои плечи детектив и быстро вышел из зала.

«Итак, Логинов солгал! – мысленно повторил он несколько раз. – В принципе, это для меня не явилось неожиданностью».

ЧАСТЬ II

Глава XIII

Утром Кирилл заехал в лабораторию и получил заключение экспертов, которое тоже не оказалось для него неожиданным. Отпечатки пальцев на окурках сигарет, обнаруженных им в кубке Шафранникова, и отпечатки на сигарете, которую он взял у Берзиньша, оказались идентичными.

Хотя детектив и был готов к подобному, но внутреннее волнение мешало ему сосредоточиться. Он вошел в бар и заказал большую чашку кофе эспрессо.

«Каким образом окурки с отпечатками пальцев Берзиньша могли оказаться в кубке, который побывал в руках Милы Дониной? – задал он себе вопрос, дал время на размышление и построил несколько версий. - Версия первая: Донина убивает Шафранникова, кладет окурки с отпечатками пальцев Андрэ в кубок, чтобы навести подозрение на него. Версия вторая: Берзиньш и Донина – сообщники. Коротая время до убийства, они спрятались в кладовой. Андрэ курил, сбрасывая пепел в кубок, который Донина взяла с полки и поставила на подлокотник дивана. Затем она, конечно же, намеривалась выбросить окурки, но что-то ей помешало. Нет, - покачал головой Кирилл, - первая версия никуда не годится. Если Донина хотела сделать так, чтобы подозрение пало на Берзиньша, зачем она столь беспечно оставила на кубке свои отпечатки?.. Значит, версия номер два: Донина и Берзиньш – сообщники!.. Но каким образом они смогли столкнуться друг с другом? Насколько мне известно, их не связывают дружеские отношения... любовные - тем более!.. – мысленно подчеркнул Мелентьев. – Гей Берзиньш никак не стыкуется с Дониной!.. Что-то здесь не так, но что?!..»

Кирилл вышел из бара, сел в машину и поехал в Дом моды Шафранникова.

Всегда важен мотив

Милу Донину он нашел в студии Логинова. Она сидела на высоком табурете у открытого окна и курила.

- Здравствуйте! – поздоровался Кирилл.

Манекенщица повернулась, но, увидев его, тут же выразила свое разочарование:

- Такой приятный тембр голоса!.. А это вы...

- А это я – неприятный детектив, – закончил Кирилл ее фразу.

- Ну что, у вас опять вопросы? – она поднялась с табурета.

- Да! Есть один.

- К Руди? – растерянно оглянулась Донина и торопливо добавила: - Он в шоу рум.

- Нет! – словно палач топором на солнце блеснул детектив жестоким словом, и, будто священник, дающий последние напутствия перед уходом в мир иной, мягко уточнил: - К вам.

Девушка нервно затушила сигарету и ногой придинула к себе кресло.

Мелентьев присел на край стола.

«Самое главное, так подать вопрос, чтобы ей дышать трудно стало!.. Тогда попал в точку!»

- Что вас связывает с Андрэ Берзиньшем? – спросил он.

Вопрос, точно стрела, попал в грудь манекенщицы: дыхание ее пресеклось, глаза округлились, рот приоткрылся и судорожно глотнул воздух.

- В каком смысле? – пробормотала Мила. - Мы с ним знакомы!.. Модельный мир...

Кирилл движением руки прервал ее объяснение о том, что в мире моды почти все знакомы.

- Я имею в виду другое.

Мила тянула паузу: пожала плечами, вынула из пачки новую сигарету.

- Что другое? – с некоторой развязностью спросила она.

- Что другое может нас связывать? Не секс же!.. – жестко рассмеялась манекенщица.

Тиана Веснина

Кирилл с интересом смотрел на Донину и поражался ее невероятной способностью к метаморфозам. Он никак не мог позабыть ту восхитительную женщину на подиуме, будто излучающую золотистое сияние. А сейчас перед ним сидела угловатая, злобная девушка.

- Хорошо, - миролюбиво произнес детектив. – Я задам тот же вопрос, только по-другому: - Каким образом в ночь убийства Шафранникова вы оказались в «шкафу», то есть кладовой, что на третьем этаже, вместе с Андрэ Берзиньшем?

Лицо Дониной словно превратилось в гипсовую маску... но ... опять метаморфоза...

Глаза манекенщицы осветились каким-то затаенным огнем, она пленительно тряхнула белокурой гривой и рассмеялась низким голосом.

- С чего вы взяли?..

В уголках ее прекрасных лживых глаз засверкали слезинки от якобы сдерживаемого смеха.

«Поистине, женщина во лжи – великолепна!» – как тонкий ценитель не мог не восхититься Кирилл.

- Экспертизой установлено, что отпечатки пальцев на призовом кубке Шафранникова принадлежат вам, а на окурках сигарет «Мэтр Бельфе», которые были обнаружены в этом кубке, - Берзиньшу, - охотно пояснил Мелентьев.

- А вы!.. – она шутливо погрозила пальцем. – А вы... сыщик дотошный... то есть, простите, детектив!.. Менты внимания не обратили... а я давно забыла.

- Может, и забыли... – не стал с ней спорить Кирилл.

Она сделала неопределенное, слегка негодящее движение рукой.

- Да, это я положила окурки в кубок.

Мелентьев, поощряя ее, кивнул: «Продолжайте!»

- Уверена, для вас не секрет, что у меня с Шафраном не складывались профессиональные отношения. Он превозносил Ингу из-за своих дел с Салатко, а меня ... черт его знает, почему?.. Меня он не жаловал и при всяком

Всегда важен мотив

удобном случае старался унизить, указать на шаткость моего положения, несмотря на то что я считалась у него второй манекенщицей. Ну вот...однажды я не выдержала: злость, обида, ярость... все вместе ударили мне в голову. Сейчас не вспомню, на какой-то презентации, я потихоньку взяла из пепельницы окурки, оставленные Берзиньшем – главным и самым опасным соперником Шафрана, и бросила их, как в урну, в один из его призовых кубков. Отомстила!.. Мелко, бездарно?.. Ну а как еще может женщина отомстить гомику?.. – устремила она взгляд на детектива.

- В самом деле, как? – посочувствовал он ей и подсказал: - Убить!..

Мила презрительно усмехнулась.

- Спасибо за совет.

- Что ж, из-за вашего опрометчивого поступка придется обеспокоить мэтра Берзиньша.

- Зачем? – удивилась Донина. – Он же не знает, что я бросила его окурки в кубок Шафрана.

- Теперь узнает.

- Прошу вас!.. – с тревогой в глазах и голосе, восхлинула Мила. – Подумайте, в какое ужасное положение вы меня поставите, если Берзиньшу станет об этом известно!.. – голос Дониной пресекся. - Только я избавилась от ненавидящего меня Шафрана... только все стало налаживаться... как вы хотите поссорить меня с Андрэ! Нет, нет! – быстрыми легкими шагами бегая вокруг стола, молила девушка. – Ничего не говорите ему!.. Он пригласил меня принять участие в его спектакле «Голубой господин» - и вдруг эти окурки!..

- Ах вот как!..

- Что значит это ваше «Ах вот как»? – не на шутку встревожилась Донина. – Я ведущая манекенница Дома моды...

- Конкурирующего!.. – подметил Кирилл.

Мила рассмеялась:

Тиана Веснина

- Теперь нет! Какого угодно, только не конкурирующего! - она немного успокоилась. – Точно также, как после смерти Екатерины Великой, Павел Первый склонился в восхищении перед своим кумиром Фридрихом Прусским, Руди склонился перед Андрэ.

- Вы неплохо знаете историю.

- Я не так необразованна, как кажусь, – усмехнулась она. – Так вот, в нашем случае даже больше - Руди любит Андрэ!.. Пока безответно, но кто знает?!.. – опустив глаза, добавила девушка.

- Берзиньшу известно об этом?

- Конечно!..

- А кого любит он? Только не советуйте мне спрашивать это у самого Андрэ. Услуга за услугу!.. Я не стану сообщать мэтру о вашем безрассудном поступке, а вы расскажете мне о его интимном друге.

- Насколько я знаю, - несколько неуверенно произнесла Мила, - его любовник Ник. Он живет у Берзиньша...

- Чем он занимается?

- Художник.

- А что это Берзиньшу пришла идея ставить спектакль?..

- Каждый расслабляется по-своему!.. Андрэ – артист!.. Во всем!.. Даже в минуты отдохновения! – несколько выспренно объяснила Донина.

- Позвольте полюбопытствовать, кого же вы будете у него играть, Незнакомку?

- О нет!.. Эта призрачность доверена Эве.

- Однако!.. Артисты мне знакомы!..

- Яучаствую в дивертисменте. Буду играть Гермию, если помните такой персонаж.

- Не помню, но на спектакль приглашен.

- Вам повезло!.. Попасть в число приглашенных Берзиньшем!.. – она даже не договорила, не найдя нужного определения.

- И давно он задумал переделку «Незнакомки» в «Голубого»?

Всегда важен мотив

- Точно не могу сказать, но репетиции идут уже три месяца.

- А дивертишмент, он тоже был задуман сразу со спектаклем?

- Не знаю. Правда, репетировать его мы стали чуть позже.

- Понятно, мысль Андрэ в вечном движении!

В дверях появился Рудольф. Увидев Кирилла, он задержался на пороге, словно спрашивая разрешения, можно ли ему войти в свою студию.

«Какие-то они все зажатые», – невольно отметил детектив.

Он пригласил Логинова отойти в сторону и сказал:

- К сожалению, ваше алиби не выдержало проверки.

Логинов хотел что-то произнести в ответ, но Кирилл уже попрощался с ним и Милой.

Рудольф понурым взглядом проводил его.

- Только все стало налаживаться!.. – с раздражением бросила Донина.

- Раньше, казалось, будь у меня возможность открыто стать тем, кто я есть на самом деле, и я сожму в своих ладонях счастье, - думая о своем, проговорил Логинов.

- А что же не так? – отозвалась Мила, выдохнув белую струйку дыма.

- Андрэ!..

- Да!.. Я и забыла. Что, все по-прежнему? Он с тобою холоден?

- Это такой ужас!.. – не выдержал Руди. – Вот здесь, в груди, так больно!.. Я люблю, люблю его!.. – он уперся руками в край стола и опустил голову.

Мила подошла, обняла его за плечи.

- Если бы ты могла знать, как больно!.. Голубая любовь – это атомный взрыв!.. Это такое мучение!.. Андрэ холоден! Неприступен! Он словно бы и не видит меня!.. что, я настолько непривлекательна?!

Девушка похлопала своего друга по плечу и сказала:

Тиана Веснина

- А ты думаешь, любовь мужчины и женщины – это подарок неба? Это не тот же взрыв, после которого атомы продолжают расщепляться всю жизнь?.. Ты думаешь, что это не мучение?.. Все то же... так же, Руди!..

Логинов покорно кивнул.

- Но мы с тобой не должны унывать! – воскликнула она.
– В конце концов, мы, два провинциала, достигли одной из вершин. Ты – главный дизайнер, имеющий право на создание собственной марки. Ведь только на этом условие ты подпишешь контракт с Линой! А я – супермодель Дома Шафранникова. Ничего!.. Уверена, пройдет немного времени и Дом Шафранникова сменит вывеску!..

Логинов загоревшимися глазами посмотрел на приятельницу.

- Думаешь, так будет?!

- Счастье коснется твоих ладоней, Руди! – твердо пообещала ему Донина.

* * *

Кирилл сидел за столом и внимательно изучал план дома графов Азолиных. В 18-м веке здесь была усадьба обруссевшего немца фон Бендериха. Во время московского пожара 1812 года главный дом усадьбы почти не пострадал и граф Василий Александрович Азолин купил его у потомков фон Бендериха.

После красной революции товарищи основательно поиздевались над великолепным домом: чего в нем только не было! И жилтоварищество под управлением одного из «братьев Швондеров», и общежитие трамвайного депо, и детский дом.

В 1960 году было решено передать здание под магазин: на первом этаже сделать продуктовый отдел, на втором – промтоварный, а на третьем обустроить дирекцию. В таком виде дом графов Азолиных просуществовал до 1995 года, когда его купил Шафранников.

Всегда важен мотив

Несомненно, попав в руки модельера, дом вздохнул и улыбнулся стеклами окон. Он вновь стал красавцем: его лестницы вновь покрыли ковры, на его потолках заискрился хрусталь, а стены засверкали серебряной гладью зеркал.

«Эх, если бы научиться понимать безмолвный разговор стен! – по-мальчишески мечтательно подумал Кирилл. – Сколько бы они могли рассказать!..»

Мелентьева странным образом привлекали старые дома. Ему казалось, что если прийти в старинный дом ночью, когда лунный свет, проникая через окна, рисует на стенах фантасмагорические картины, то, приглядевшись к ним, можно увидеть события прошлых лет. Он все собирался однажды провести такой эксперимент, но пока, читая старые документы, пытался выведать тайны, зашифрованные между их строк.

По его просьбе люди Салатко отыскали все, что могло относиться к дому Шаффранникова. Сохранилось, правда, немного. В основном это были копии постановлений о передачи дома в ведение дирекции магазина № 23; сметы о проведении ремонтных работ; несколько пачек накладных; протокол общего собрания с повесткой: «ЧП в нашем магазине. Разбор и осуждение поступка продавщиц отдела промтоваров: Беловой М.А., Марковой З.Б., Козельковой И.И.».

«Что же натворили эти три продавщицы? – заинтересовался Кирилл. – А!.. Спекуляция!.. Год-то 1972!.. Импортный товар – нарасхват! – Он бегло просмотрел протокол. – Однако надо отметить четкую работу людей Салатко! – мысленно воскликнул детектив. – Даже копии документов, составленных работниками ОБХСС, приобщены к делу. – Странно! – перевернув еще несколько листов, заметил он. – Согласно повестке дня, собирались осуждать трех продавщиц, а по документам ОБХСС проходят только две: Белова и Маркова. А где же Козелькова?.. Торговали французской косметикой... Так!..

Тиана Веснина

Да тут и механизм их действий описан», – покачал головой Кирилл и углубился в чтение.

В магазин поступал товар, как-то: французские духи, пудра, лак для ногтей, кремы и т.д. Сначала товар раскупала дирекция. До отдела доходило немного, но магазин это не волновало, так как план по продаже был уже почти выполнен. Однако для отвода глаз французской косметикой все же надо было поторговать.

Итак, в какой-то день в отдел поступало пятьсот пудрениц, триста флаконов духов, столько же помады и лаков. У прилавка – столпотворение!.. Но три приятельницы посчитали слишком несправедливым негласное распоряжение дирекции, дающее персоналу право приобретать себе дефицитный товар в количестве не более одной единицы. И возник заговор!

Обычно дефицитом начинали торговать после перерыва. Ровно в два часа магазин закрывался. И тогда кассир Белова пробивала чеки на половину поступившего товара и вместе с продавщицей Марковой они относили коробки в бухгалтерию, расположенную тут же – на втором этаже. Экономист Козелькова прятала товар, так как главный бухгалтер во время перерыва всегда обедал вместе с директором в соседнем ресторане.

По окончании перерыва толпа женщин врывалась в магазин и кидалась к кассе, протягивая деньги. Кассир Белова быстро пробивала чеков двадцать – тридцать, затем на несколько минут закрывала кассу и шла в отдел к Марковой, якобы выяснить какое-то неожиданно возникшее недоразумение. На самом же деле она за спиной Марковой вынимала из кармана выбитые во время перерыва чеки и лихо накалывала их на стержень. Все! Операция завершена! Спустя полчаса у отдела уже почти никого не было. Вечером после закрытия магазина Белова и Маркова с нарочито маленькими сумочками выходили на улицу. Экономисту Козельковой зачастую приходилось засиживаться допоздна. Но самое интересное происходило потом.

Всегда важен мотив

Спустя часа два, то есть около девяти вечера, приятельницы вновь появлялись у магазина, но только не у главного входа и даже не у служебного, а у подвала с большим навесным замком на двери. Маркова, контролируя обстановку, оставалась во дворе, а Белова ключом открывала замок и заходила в так называемую отопительную рамку. В это же время экономист Козелькова подходила к большому камину, который, естественно, в советское время утратил свое прямое назначение и там, где раньше золотился огонь, стояли корзины для бумаг.

Камин был большой, с колоннами, завитушками и двумя пухлыми амурями, которые поддерживали мраморную крышку. Козелькова крепко охватывала руками голову амура, расположенного с правой стороны, и нещадно принималась ее выворачивать. Две из четырех массивных колонн, обрамлявших камин, сдвигались, образуя узкий проход. Схватив сумки с дефицитным товаром, которые еще с перерыва стояли на узкой площадке тайного хода, Козелькова приведением слетала вниз, дергала за рычажок в стене, и та слегка приоткрывалась. Быстро передав сумки Беловой, Козелькова стремглав поднималась в бухгалтерию, возвращала голове амура первоначальное положение и, прижимая к груди маленькую сумочку, проходила мимо охранника через служебный выход.

Затем подруги быстро сбывали товар в три раза дороже цены и делили прибыль. Но!.. однажды их, казалось бы, совершенно безопасный бизнес попал под прицел чужих глаз.

Один из рабочих, здорово перебрав, заснул в подвале за ящиками. Его подельник, будучи более крепким, вышел из подвала, позабыв о своем приятеле, и навесил, как полагается, на дверь большой замок.

И вот заснувшему снится странный сон: будто приоткрывается часть стены, и в тусклом свете лампочки он видит девушку, очень похожую на их экономиста,

Тиана Веснина

которая что-то передает другой девушке, чрезвычайно похожей на их кассиршу со второго этажа.

Утром, когда его разбудил пришедший на работу подельник, он рассказал ему о своем сне. Они посмеялись, потолкали друг друга в плечи, мол, вот перебрали, и пошли опохмелиться.

По дороге встретили уборщицу Степановну, давясь со смеху, рассказали той о странном сне. «Во выпили! Даже стены начали по ночам двигаться!» и пошли дальше. А Степановна, грузно переваливаясь с боку на бок, поспешила в приемную директора: пыль с цветов стереть. Там, между прочим, обмолвилась о сне рабочего секретарше, которая не преминула сообщить об этом директору.

Директор, пышная и ушлая дама, сразу поняла в чем дело. Устроила засаду из своих доверенных работников, и вскоре взяли троицу с поличным.

Расследованием деятельности предпримчивых подруг занялся ОБХСС. Белову, Маркову и Козелькову вызвали по повестке. Но с повинной явились только Белова и Маркова. Козелькова же пропала. Был объявлен розыск. Через месяц ее труп обнаружили в Москве-реке.

Белову и Маркову приговорили к пяти годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии общего режима. Часть стены в подвале, оказавшейся на самом деле потайной дверью, замуровали. Директору был вынесен строгий выговор, но, учитывая ее заслугу в поимке преступной банды, через полгода выговор сняли.

«Прямо-таки детективный рассказ! – развел плечи Кирилл. – Надо бы проверить: действительно ли потайной ход замуровали навечно. А что, если нет?! И кто-то, вот так же случайно, как я, узнал о его былом существовании?.. Ведь Белова и Маркова, несомненно, живы. Сколько им сейчас?.. – детектив посмотрел на даты рождения. – Обеим по шестьдесят. Кстати, то, что раньше считалось преступлением, в наши дни воспринимается как предпримчивость, и они вполне могли похвастаться

Всегда важен мотив

перед кем-нибудь былыми подвигами. Да к тому же об этом потайном ходе было известно ведшим дело работникам ОБХСС и всем сотрудникам магазина!.. Правда, прошло уже тридцать лет со дня разоблачения преступной банды... Нет, это несерьезно! – решительно опроверг Кирилл зарождающуюся версию. - Какой потайной ход после капитального ремонта, сделанного Шафранниковым?.. Глупости!..»

Однако сомнение было заронено. Камин, который теперь находился в спальне Шафранникова, не выходил из головы детектива. Он понял: пока не выведает тайну потайного хода у дома графов Азолиных, не упокоится.

Вечером детектив подъехал к Дому моды с тыльной стороны. Спустился по небольшой лестнице к двери, ведущей в рамку отопления. Большой навесной замок сменил внутренний, и сама дверь из железной превратилась в стальную, декорированную темно-коричневым деревом.

Кирилл подошел к служебному входу и нажал на кнопку видеофона. Охранник, взглянув на экран, узнал его.

- Мне надо еще раз осмотреть кабинет Шафранникова, - сразу объяснил Мелентьев цель своего визита.

Охранник пожал плечами, поморщил лоб, но, помня указания Салатко - оказывать всяческое содействие детективу, молча протянул ключи.

Кирилл поднялся на второй этаж, открыл дверь и, миновав большое пространство кабинета, освещаемое светом уличных фонарей и рекламой дома напротив, очутился в спальне; включил свет и замер перед мраморным камином с двумя амурями.

«Неужели никто из строителей не наткнулся на потайной ход? – недоумевал Мелентьев. – Впрочем, если он просуществовал до 1972 года, когда предприимчивые подружки случайно обнаружили его, то почему ему не сохраниться до настоящего дня?! При условии, конечно,

Тиана Веснина

что разгневанная дирекция на замуровала его навеки цементом».

Кирилл обхватил голову лукаво грозящего пальчиком амура и повернул, как это было указано в протоколе. Ему показалось, что хрустнули шейные позвонки пухленького шалуна: две витые колонны, подобно дверце купе, сдвинулись, образовав узкий проход.

Не без внутреннего трепета, включив фонарик, детектив переступил порог потайного хода.

«Никогда бы не поверил, что потайные ходы сохранились до третьего тысячелетия!.. Просто фантастика!.. Однако теперь нет никакого сомнения, что преступник воспользовался им», - сделал вывод Мелентьев, наводя сильный луч фонарика на ступеньки, покрытые толстым слоем пыли по краям, и тщательно вытертые посередине убийцей, чтобы не остались отпечатки следов.

Кирилл спустился на два с половиной пролета и оказался перед дверью.

«Где-то должен быть тот самый рычажок. А вот!»

Мелентьев нашупал его на стене и опустил вниз: дверь потайного хода приоткрылась, и он вошел в рамку отопления.

«Отлично, - пробормотал Кирилл. – Дальше что? Вероятно, и с этой стороны есть такое же приспособление!»

Ему пришлось минут двадцать ощупывать и осматривать все углы, пока, наконец, за трубой его рука не нашупала рычажок. Он поднял его, и проем закрылся.

Повторив все в обратном порядке, Кирилл вновь очутился в спальне Шафранникова.

«Интересно, знал ли Леон о наличии потайного хода?!.. Вопрос! Но вот что кто-то другой знал о его существовании – не подлежит сомнению».

Мелентьев попрощался с охранником и вернулся к машине.

Всегда важен мотив

«Придется разыскать Белову и Маркову», - определил свои дальнейшие действия детектив.

Отыскать их удалось очень быстро. Белова даже не сменила фамилию.

- Вот, – разверла она руками. – Раньше карали за подобную предприимчивость, а теперь чуть ли не награждают! А вы, значит, хотите написать книгу о старинных московских домах?

- Да, – подтвердил Мелентьев.

- Что ж, был такой ход, да только его, по-моему, после нашей деятельности замуровали.

Маркова поведала Кириллу приблизительно то же самое.

- Замуровали! – заключила она свой рассказ.

«Согласен, – заказав кофе и удобно расположившись за столиком, думал Кирилл. – Но ведь как и кто муровал! Советские строители по советскому методу – значит, кое-как! Наверное, заставили какими-нибудь коробками, а потом и вообще забыли. Тем более что директора магазина после инцидента перевели управлять столовой. Но кто-то вспомнил или случайно узнал о существовавшем потайном ходе и воспользовался им.

Например, Логинов мог пройти через него и убить Леона. Точно так же могли поступить и Донина с Берзиньшем. Стоп!.. А что это там Донина говорила о Павле Первом и Фридрихе Пруссском, сравнивая их с Логиновым и Берзиньшем?.. Что если Логинов убил Леона, чтобы расчистить путь в Париж перед Андрэ? Чтобы тот, наконец, смог осознать всю силу его любви. Но тогда Руди должен каким-то образом намекнуть Берзиньшу о своей бесценной услуге... Донина, Берзиньш, Логинов...» - мешая ложкой остывающий кофе, напряженно думал Мелентьев.

Глава XIV

Вечер за окнами переливался яркими огнями рекламы, розовым светом фонарей и покрытыми золотистой пыльцой подсветкой зданиями.

Оставшись с одной из продавщиц, оформлявшей витрину к завтрашнему дню, Натали сидела за элегантным дамским письменным столом и напряженно вглядывалась в экран ноутбука.

Усталость к концу дня отразилась на ее лице, очертив опущенные уголки губ и глубокие носогубные складки. Негустые светлые волосы были подстрижены под каре. Как с тонкой грустью шутила Натали: «Но мне осталось, мне осталось «моих» волос стеклянный дым и глаз осенняя усталость...» Вот что действительно осталось от прежней Натали - лишь силуэт.

Она откинулась на спинку кресла.

«Дела пошли в гору. Поистине: смерть иногда приходит очень вовремя!.. Чужая!.. – уточнила, спохватившись. – С Руди – никаких проблем. Он счастлив сотрудничать со мной. Лина, та вообще уехала и лишь звонит, из вежливости исполняя обязанности главы Дома моды. Мой бутик имеет все шансы стать одним из самых престижных. С Берзиньшем у меня прекрасные отношения. А если Дюрок заключит с ним контракт, то этим он косвенно поднимет и мои акции. Все не так уж и плохо!.. Даже наоборот, хорошо!» – допустила она смелую мысль, но тут же трижды постучала кулаком по столу при этом в ее глазах мелькнуло удивление, так как стук отзывался в дверь.

Натали замерла. Дверь открылась, и на пороге появился он!.. Тот, кого она больше никогда не хотела видеть, тот, кого она мечтала увидеть!..

- Привет! – скользнула улыбка по его губам.

Натали вздрогнула. И как можно более равнодушным тоном спросила:

- Ты приехал?!

Всегда важен мотив

- А ты не ждала?! Афиши – по всей столице!..
- Ты, как всегда, преувеличиваешь! – с едкой иронией заметила она.
- А ты, как всегда, преуменьшаешь! – небрежно бросил Алексей Круглофф и сел в кресло напротив нее.
- Значит, на гастроли, – ощущая волнение, спросила Натали.
- Всего несколько концертов... – он с кокетливой игривостью посмотрел на нее. – А ты не рада?
- Нет, отчего же? И на концерт приду!
- Еще бы не пришла! – высоким голосом воскликнул Алексей. – Ты, как никак, – моя жена!..

Натали мягко, чуть прикрыв глаза, усмехнулась.

- Только на бумаге!
- Но ты же понимаешь!.. – нервно вибрируя голосом, вновь воскликнул он.

Натали смотрела на него, ничего не желая понимать. Она любила эти шелковистые волосы, этот мягкий подбородок, нежно очерченный профиль, эти серые с голубоватым отливом глаза.

А он продолжал со сценической легкостью расхаживать по ее небольшому кабинету, что-то припоминая, обвиняя в не сложившихся отношениях по очереди то себя, то ее... Впрочем, все объясняя своим талантом, который не может находиться в одной и той же обстановке и общаться с одной женщиной... Талант принадлежит миру, а мир, соответственно, принадлежит таланту!..

Остановившись у магнитофона, он, не удержавшись, нажал на клавишу.

- Что слушаешь? – сверкнув неожиданной нежностью во взгляде, спросил он, уверенный, что сейчас раздастся его голос.

Натали поджала губы и виновато опустила глаза.

Лицо Алексея от возмущения порозовело, но он сдержался.

- И ты?! – произнес он с нескрываемым презрением. – Слушаешь этого «золотого» мальчика?!..

Тиана Веснина

Его черты исказила ярость. А золотой мальчик пел, одаривая тишину чудесными звуками. Никогда еще этот мир не слышал столь прекрасного голоса.

Вместо того, чтобы резко нажать на клавишу и прекратить свою пытку, Алексей, словно завороженный, стоял и слушал. Сказано же: «имеющий уши да услышит». Наконец, выйдя из оцепенения, Круглофф выключил магнитофон.

- Ему еще работать и работать!.. Голос хороший, - быстро говорил он, - но масса недостатков...

- Не надо мне, Алексей, ничего объяснять, – спокойно перебила его Натали. – Если Орфей пел так, как он, то я понимаю Олимпийских богов. Я не вкусила их нектара, но я услышала их певца!

Алексей, кипя, словно грехи в адском котле, зло проскрежетал:

- Глупости! Все это глупости!.. Подумаешь!.. Собрал большие залы!.. Подумаешь, в один день стал знаменитым!.. Подумаешь!.. – он растерялся, но тут же уцепился за спасительную мысль. – У каждого своя ниша! – победоносно выдохнул он.

Натали чуть вскинула голову и нарочито четко произнесла:

- Ниши эти изобрели бездари, которые прячутся в них, словно улитки. Талант не может находиться в нише, своей мощью он тут же разрушит ее жалкие стены.

- Ах!.. Вот как ты?! Вот ты как, значит?! – не мог успокоиться Круглофф.

- Что? – с презрительным недоумением спросила она, и вдруг размытые временем черты ее лица обрели былые линии, и Круглофф онемел, увидев красивую, гордую женщину.

Поистине, сильные чувства старят, но иногда краткой вспышкой возвращают утерянное.

- Что поделаешь? Тебе, к сожалению, «посчастливилось» быть современником гения! И все, хотят они того или нет, окажутся в его тени. Но это вовсе

Всегда важен мотив

не означает, что больше никто не должен петь! Пой, пой в своей нише, – сама, чувствуя его боль, тем не менее жестоко говорила Натали.

Круглофф сник. Поискал глазами бар. Открыл.

- Тебе налить?

Натали кивнула.

- Ладно, поговорили, – примирительно протягивая ей бокал, сказал Алексей.

Их пальцы чуть соприкоснулись. Он этого не заметил, она же ощутила давно забытый жар в крови. Глаза замутились легкими слезами.

- За встречу! – произнес он со столь любимой ею улыбкой.

Бокалы, издав радостный звон, сдвинулись и разошлись.

Они сидели и смотрели друг на друга. Натали погрузилась в выборочные воспоминания. Она отгоняла все черное и отдавалась розово-голубому. Алексей немного нервничал, несколько раз украдкой поглядывал на часы.

- Наташа! – поднявшись и зайдя ей за спину, произнес он.

«Наташа!..» – отозвался его голос в ее сердце. Ей стало трудно дышать.

«Наташа!..» – кружило ей голову. Она закрыла глаза, ощущив прикосновение его рук к своим плечам.

Пауза тянулась. Она не хотела и боялась ее окончания!.. И неугомонная надежда уже успела шепнуть ей: «Он вернулся!..»

Пауза кончилась глубоким вздохом и словами:

- Мне нужны деньги!

Ее плечи поникли, пальцы задрожали. Она торопливо поставила бокал. В одно мгновение, она это умела, быстро собралась. Тряхнув волосами, сухо ответила:

- У меня сейчас нет.

- Но мне надо, – спокойно пояснил Алексей.

- Понимаешь, дела идут не блестяще. Я вообще была на грани разорения.

Тиана Веснина

- Но ты же заключила контракт с Домом Шафранникова! – раздраженно воскликнул он. – Берзиньш дает тебе эксклюзивные модели. А эти имена сегодня стоят очень дорого!.. Я уже не говорю об отличных коллекциях прет-апорте Мюглера, Монтана!..

- Несмотря на твою осведомленность, я повторю: денег у меня нет.

- Ах, ну да, конечно! Ты все тратишь на Эву, воспылав к ней материнской страстью. Но не забывай, я – твой муж!.. И ты вовлекла меня в эту парижскую авантюру, которая требует больших денег!..

- Так выйди из нее, если не можешь зарабатывать сам!

- Ты же знаешь, если выйду – я погиб!.. Что?.. Что мне тогда делать?! Только пулю в лоб!..

- Тебе уже тридцать восемь. И потом, когда ты решил оставить меня, ты был настолько уверен в себе!..

- Хватит! Хватит!.. – запротестовал он, резко взмахнув руками. – Это я уже слышал!.. Все!.. То, что случилось, уже случилось!.. Хватит!.. Наташа, мне сейчас позарез нужны деньги!.. Я прошу!..

- Нет, Алексей! Нет! – опустив голову, говорила она, борясь с ненормальным желанием помочь ему, отдать почти последнее. – «Бред! Эта любовь – бред! – с трудом вырываясь из-под магии его обаяния, убеждала она себя.

– Мне надо думать об Эве!.. Эве!.. Я должна сделать все, чтобы моя дочь стала звездой!..»

Алексей налил себе еще и, резко запрокинув голову, выпил.

- Эвка!.. Все для нее!.. Эвка!.. Но учти, мы не разведены!..

- Пусть это тебя не волнует! – уколола его Натали. – Завещание я составила в пользу дочери.

- Причем здесь завещание? – побледнев, пробормотал Алексей.

Охваченный гневом и обидой он, то садился в кресло, то, подпрыгнув, принимался нервным шагом ходить по кабинету.

Всегда важен мотив

Натали, не отрывая глаз, смотрела на него.

«Все такой же, молодой, с кудрявой прядью на лбу... – Она слегка тряхнула волосами и словно услышала кристальный перезвон закрашенной седины. – Да... пятнадцать лет разницы... Но что поделать, если я его все так же люблю! Или почти так же...»

- Но ты должна была подумать и обо мне! – наконец произнес он.

- То есть упомянуть тебя в завещании?

Он слегка приподнял брови: «Мол, сама сообрази!»

- Я тебе завещала наш альбом и кольцо, что ты подарил мне! Вот это! – Натали подняла руку, на безымянном пальце которой сверкала бриллиантовая дорожка.

- Щедро!.. – искривилось его лицо. – Тебя всегда отличала щедрость по отношению ко мне!..

Натали не выдержала:

- Как ты можешь меня в чем-то упрекать?! Я отдала тебе все, что имела!.. Даже дочь отправила в Нормандию! Знаю, в глубине души она никогда мне этого не простит!.. Кто виноват, что все так бездарно сложилось?.. Кто виноват?.. – сверкнув гневом и слезами в глазах, восхлинула она. – Я делала все, что было в моих силах. Стала твоим импресарио! Бегала, унижалась, договаривалась, умоляла...

- Трахалась! – презрительно бросил он сквозь зубы.

У Натали перехватило дыхание.

- Да!.. – кивнула она. – Тогда я еще могла в обмен на получение ангажемента для тебя заплатить своим телом.

- Боже!.. Как мелодраматично и пошло: заплатить своим телом!.. Платила бы деньгами!..

- Но ты же знаешь, все, что было, я отдала!..

- А я, как полный идиот, пошел у тебя на поводу и женился! – брызгая слюной, прокричал Алексей. – Мне было двадцать восемь лет! У меня была возможность сделать карьеру в Москве. Но ты, отлично понимая, что в Москве ты мне не нужна, убеждала меня остаться на стажировку в Париже. «Уж если начинать, то здесь! Москва

Тиана Веснина

– это только Москва, а Париж – это сразу весь мир!..» Видишь, я запомнил твои слова, как молитву. Ты выставляла напоказ свои важные знакомства и подводила меня пожать руку господам со связями, большая часть из которых оказалась твоими бывшими любовниками. Они, сострадая твоей влюбленности в молодого парня, снисходительно беседовали со мной, а ты шептала: «Вот сколько я смогу сделать для тебя!» И я, глупый, клюнул. Женился!.. Но не прошло и полгода, как началось: «Денег нет!»

- Да потому что за полгода все, что я накопила за десятилетия, ушло на тебя!

- Значит, плохо копила, а скорее всего, зажала!.. Как же, вспомнила об Эвке и себя не забыла!.. Короче, мне нужны деньги! Даю тебе три дня!.. – Он смерил ее грозным взглядом и, бормоча: - Завещание она составила, - хлопнул дверью.

Натали, словно сталагмит (сталагмит – известковое образование, поднимающееся вверх в виде большой сосульки со дна пещеры), замерла посреди кабинета.

«Мальчишка!.. Капризный, злой, но... такой любимый мальчишка!..»

Она села на диван, взяла бокал, из которого пил Алексей, и налила в него «Мартини».

«О боже!.. Неужели все это было?.. Это сумасшествие, эта необъятная любовь... скатившаяся в пропасть... - она поежилась. – И эти стихи, когда душа переворачивалась и рвалась за ним: «Я думала, пришла весна – оделась в белое. Проклятая моя судьба, что ж ты наделала? Мосты не в сроки развела, нарушив правила. По разным жизни берегам ты нас оставила...» /Л. Соколова/ Нет, все как раз было по правилам! Женские сорок три и мужские двадцать восемь – несовместимы!» - глубоко сердцем вздохнула она.

Словно кадры замелькали воспоминания. Натали отгоняла их, но они становились все ярче и настырнее.

Всегда важен мотив

* * *

Франция!.. Запретный плод!.. Рай на земле, для живущих за занавесом из советского железа. Как выскользнуть из-под него? Только поменяв форму состояния. Вода при нагреве превращается в пар, золото плавится, а человек?..

Натали нашла свой способ превращения, - и вырвалась за занавес и зажмурилась от света и красок, от воздуха и простора. Франция!.. «Это ад на земле», - сотрясаясь в истерике, прочитала она ровно через месяц.

Ненавистный муж, предельная экономия и витрины, переполненные недоступными для нее сокровищами. Получив вид на жительство, Натали покинула мужа. Она скиталась по сверкающим улицам, смотрела на довольные лица других и отправлялась ночевать на задворки какого-нибудь магазина. Потом случайно познакомилась с одним, другим... пятый устроил ее работать продавщицей в шикарный бутик.

Отражаясь в зеркалах, учтиво подсказывая состоятельный покупательницам, что им больше к лицу, она успевала перемигнуться с мужем или спутником дамы, если таковые имелись.

Натали завела знакомства с влиятельными мужчинами: кто-то снимал ей квартиру, в которой она изловчалась принимать и других, кто-то оплачивал счета за продукты, кто-то – за одежду, кто-то возил ее отдыхать, кто-то купил подержанный, но очень приличный автомобиль, кто-то просто давал деньгами. От одного из них родилась Эва. Но так как Натали была замужем, то, поигрывая перед носом супруга купюрами, она сумела уговорить того признать ребенка в обмен на ее согласие на развод с ним с условием, что она отказывается от положенных ей с дочерью алиментов.

Наконец, наступил самый значительный день в ее жизни в Париже: она купила квартиру, состоящую из салона, спальни и кабинета, и была так счастлива, будто приобрела особняк на авеню Фош.

Дни шли своим чередом. Натали стала подолгу задерживаться перед зеркалом: ночные кутежи, обилие мужчин порядком поизносили ее плоть. Очаровывая остатками былой красоты, она торопилась увеличить счет в банке и обеспечить себе спокойную старость. Но тут случилась любовь...

Однажды приехав в Москву, она увидела его!.. Сероглазого, с волнистой прядью на лбу, профилем херувимчика, поющего приятным тенорком. Натали была приглашена на музыкальный вечер, где и услышала его «просьбу»: «Скажите девушки подружке вашей, что я не сплю ночей, о ней мечтаю...»

«Познакомь меня с ним!» – попросила она приятельницу.

Алексей Круглов не пришел в восторг от знакомства с дамой из Парижа. Вернее, от Парижа он заочно был в восторге, а вот от дамы... Но Натали принялась обхаживать его так, будто была в родстве с самими Ротшильдами. Особенно красиво и убедительно у нее это получалось на словах. На деле тоже пришлось потратиться. Глаза провинциального херувимчика загорелись. А Натали ласково щекотала его слух умело подобранными фразами: «Что тебя ждет в этой стране?.. В Москве по окончании консерватории не оставят, ты ведь из провинции... туда и пошлют... А я тебе предлагаю Париж!..» Он неуверенно возражал: «Мне обещают дать направление в столичную филармонию...» – «Обещают!» – смеялась Натали и дивилась его доверчивости. – «А, впрочем, что говорить попусту! Я сделаю тебе приглашение во Францию. Приедешь, посмотришь, встретишься с нужными людьми, потом решишь».

Она очень рассчитывала на Париж, и он ее не подвел. Опутал Алексея гирляндами огней, опоил нежным ядом вин, сразил витринами и голосом Натали убедил, что все это будет его, если они поженятся. Они поженились!..

Натали наняла ему учителей, оплачивала записи в студиях. Крутясь без передышки с утра до вечера, она доставала деньги, но все чаще из ее уст Алексей слышал:

Всегда важен мотив

«Это дорого!» Круглова начали раздражать и эти слова, и ее обрюзгшие прелести, и легкий, но постоянный храп по ночам. Он отпросился на две недельки в Москву - и пропал!.. Прождав месяц, Натали бросилась вдогонку.

Она объездила город из конца в конец в поисках супруга. А тот, дорвавшись до молодых тел, мчался от одного к другому. Научившись у Натали, Алексей оплетал девушек сказками о Париже и предложением сделать вызов. Париж помогал, ни разу не сделав осечки! «Какое великое слово!» - хитро улыбаясь и отводя глаза в сторону, ухмылялся он.

Наконец, в одной постели с розовыми подушками, Натали увидела свое сокровище, спавшее, приоткрыв рот. Хозяйка постели в неглиже, сползвшем с плеча, мило скривилась, узнав, что перед ней жена тенорка, и сказала, махнув рукой: «Забирайте!»

Натали принялась будить супруга. Но тот лишь отмахивался от нее не в силах открыть глаз.

- Алексис! - начала она наставительно, но, склонившись, прошептала: - Лешик, вставай!.. – выпрямилась и четко сквозь зубы бросила: - Сволочь!

- Да оставьте, пусть высится, – позевывая, обратилась к ней молодая до неприличия хозяйка. – А мы с вами кофе выпьем.

Натали растерялась.

- Вы не стесняйтесь, - продолжала та. – Садитесь. Вот печенье, конфеты, угощайтесь!

- Спасибо, – пробормотала Натали, не зная куда ей деть глаза.

Она сняла плащ, поправила волосы и неловко улыбнулась.

- Просто вчера, - облизывая пальцы, перепачканные в шоколаде, объясняла девушка, – Лешка перебрал. Все какие-то коктейли готовил. Но он у вас молодец, ночь продержался отлично, только часов в пять заснули.

Натали молча пила кофе.

Тиана Веснина

«Какой позор! Сидеть и выслушивать откровения этой девчонки, будто Алексей не мой муж, а сын!.. Сволочь!.. Какая же он сволочь!» – она изо всех сил сдерживала слезы.

Девушка еще что-то говорила, потом пошла в душ. Вернулась розовая, свежая. Надела свитер, короткую юбку, тряхнула спиралевидными локонами и сказала:

- Мне надо идти. Когда он проспится, дверь закроете, ключ отадите в соседнюю квартиру. Ну, пока!

Едва она ушла, как Натали опять бросилась к Алексею. Но тот ни в какую не хотел просыпаться. С усилием открыв глаза, он тут же зажмурился, увидев ее.

- Наташка, ты, что ли?

- Я!.. Я!.. Вставай, пошли... хватит!

- Какого черта, ты врываешься в мою частную жизнь?!..

Она не ответила, а с размаху, от всего сердца влепила ему пощечину. Он тут же все понял. Оделся и пошел с ней.

Но отъезды в Москву не прекратились. Тогда она стала ездить с ним. Ей удалось сотворить чудо: и миловидный, с кудрявой прядью, теперь уже Алексис Круглофф, появился на экране телевизора. На какое-то время Натали показалось, что так пойдет и дальше: он будет петь, она - заниматься организацией концертов. Афиши с тенором ее сердца замелькали по Москве.

Во второй раз удалось пробиться на телевидение в качестве гостей какой-то музыкальной передачи. Алексея уже представили, как известного в Европе певца, а ее как импресарио. Их даже попросили оставить автографы в альбоме для почетных гостей.

Но обман длился не долго. Европа стала ближе, и все поняли, что эта самая Европа даже не подозревает о существовании своего знаменитого тенора. Все рухнуло. Алексей решил начинать заново, но без Натали. Тогда она вспомнила об Эве. С ней оказалось намного легче. Девочка действительно была талантлива.

Потом неожиданно улыбнулась удача: Натали встретила старого любовника, который предложил на

Всегда важен мотив

процентных условиях открыть в Москве бутик. Она собрала все, что осталось, и вложила в дело.

* * *

Телефонный звонок вывел ее из бесконечных лабиринтов воспоминаний.

- Кирилл!/? Вы хотите заехать? Нет, я не против. Жду!..
- Рада вас видеть, - протянула руку Натали. – Но что случилось?..
- Вынужден просить вас о помощи, – улыбаясь, ответил детектив.

- Все, что в моих силах! Прошу вас, садитесь. Выпьем кофе?

- Не откажусь, – ответил Кирилл, с затаенным интересом наблюдая за ней.

«Насколько появление мужчины преображает женщину!.. Вся переливается, как индийский шелк, а ведь была чем-то сильно расстроена».

Натали сервировала стол и села.

- Слушаю!
- Чувствую, что без вашей помощи мне не разобраться в деле Шафранникова.
- Вот как?!
- Поведайте, что вы знаете о Дюроке. Почему свой выбор он остановил именно на Шафранникове?

- В юности, насколько мне известно, он сам мечтал стать кутюрье, однако у него ничего не получилось. Но, по-видимому, модельный бизнес настолько заинтересовал его, что расстаться с ним оказалось для мсье Дюрока выше сил. Сейчас он увлечен новым проектом: открыть в Париже Дом моды русского дизайнера. Он очень внимательно следил за работами наших модельеров. Объездил всю европейскую часть России, даже побывал за Уралом. Но в результате пришел к тому, от чего уехал: лучше Леона Шафранникова, - она глубоко вздохнула и скороговоркой пробормотала: - Царство ему небесное! И

Тиана Веснина

Андрэ Берзиньша ему найти не удалось. Он долго не мог решить, кому из двоих отдать предпочтение. Но почему все же остановил свой выбор на Леоне?.. Полагаю, возник бы точно такой же вопрос, выбери он Андрэ.

- А что собою представляет сам Дюрок?

- Сложный вопрос, - Натали вынула из пачки сигарету. – Если бы он был стопроцентным мужчиной, мне было бы проще ответить. Но Дюрок – стопроцентный гомик!

- Может, у него с Леоном сложились близкие отношения?

- Не исключено!.. Хотя, скажу честно, окажись я на месте Дюрока, я бы тоже металась в сомнении: на ком остановить свой выбор.

- А вы попробуйте, представьте себя на его месте! – загорелись огоньки в глазах Мелентьева.

- Ну тогда... – протянула Натали. – Пожалуй, я бы выбрала Берзиньша!

- Почему? – тут же спросил детектив.

- Ну, мне он ближе. Как бы объяснить?.. – она затушила окурок. – Меня привлекает некоторый элемент театральности, если хотите, сюрпризности, преподносимый им с необыкновенным вкусом. Леон больше тяготел к элегантной повседневности, а Берзиньш – это вкрапление великосветских вечеров в нашу жизнь. Но подчеркиваю, очень талантливое!..

- А вот, кстати, объясните мне, что это за спектакль он задумал?

- Понимайте это, как хотите! – улыбнулась она. – «Король забавляется!» У каждого – свое отдохновение. Андрэ – вообще талантливый человек. Он, между прочим, делал костюмы к двум театральным постановкам и получил за них призы. И вот теперь задумал поставить спектакль. Причем, самое дорогое – костюмы и декорации он собирается сделать из оставшихся от прошлых коллекций материалов. Андрэ так может сфантастизировать кусок обыкновенного ситца, что вы будете убеждены,

Всегда важен мотив

будто весь вечер любовались каким-нибудь китайским шифоном.

- Но почему всего одно представление?.. Ведь это нерентабельно!..

- Кирилл, пытаясь выявить логику в поступках талантливого человека, это все равно, что пытаясь выяснить: есть ли Бог! Талант можно принимать или отвергать, но понять!.. – Натали пожала плечами.

- Но почему тогда Шаффранников сделал свое модельное шоу «Прощание Марии Стюарт» с намерением демонстрировать его в течение нескольких месяцев?!

- Леон – более pragматичен. Андрэ же!.. Вообразите, что сейчас творится! Каждый, представляющий собой что-то весомое, всеми правдами и неправдами стремится заполучить приглашение или приобрести билет на спектакль Берзиньша!.. Этим единственным представлением Андрэ бросает вызов обществу и дает понять его удельным князьям, что он – первый среди равных!

- Весьма рискованный шаг.

- А вы разве не заметили страсть Андрэ к риску?

- Нет!.. – с двусмысленной улыбкой покачал головой Кирилл. – Я заметил его пристрастие к мужчинам.

Натали рассмеялась.

- Значит, Андрэ Берзиньш собирается пригласить на свой спектакль квинтэссенцию столичного бомонда со своей точки зрения и нажить этим множество врагов. Я правильно понял? – уточнил Мелентьев.

- Полагаю, что вас среди его врагов не будет.

- Откуда такая уверенность? – удивился Кирилл.

- Андрэ – тонкий ценитель мужской красоты и он просто не сможет пройти мимо вас.

- Сожалею, но ему придется.

- И тем не менее я уверена, что вы уже приглашены на спектакль.

- От вас ничего нельзя скрыть! Однако, судя по тому, что написано в приглашении: «Спектакль и дивертишмент для

Тиана Веснина

моих друзей», он ловко завуалировал свое желание раздразнить бомонд столицы. Друзья – это уже ограничение.

- Не забывайте, что людей, которые считают себя друзьями Андрэ значительно больше, чем тех, кого он почитает таковыми.

- А некоторые, наоборот, только узнали, что попали в их круг, как я, например.

- Вам исключительно повезло! – Натали не удалось скрыть улыбку.

- Как сказать?! – рассмеялся Кирилл.

Глава XV

Мелентьев подъехал к зданию театра «Багатель», построенному в стиле позднего ампира. У подъезда дежурный швейцар в темно-синей куртке с золотыми позументами садился за руль и отводил автомобиль на стоянку. Другой швейцар с поклоном открывал двери.

Посреди фойе из мраморной чаши фонтана взмывали вверх посеребренные подсветкой струи воды. По стенам были развешаны картины, изображавшие озорные забавы в духе Боккачо.

Официанты в белых смокингах предлагали гостям шампанское и разнообразные канапе. Музыканты, повинувшись дирижерской палочке в руке статного молодого человека, исполняли то галантные менюэты Куперена, то чарующие вальсы Штрауса.

Кирилл заметил встревоженное лицо Натали и поспешил подойти к ней.

- Здравствуйте! – воскликнула она. – Я так переживаю за Эву!..

- Ну что вы! Эва прекрасно исполнит Незнакомку.

- Ax!.. Это настолько важное для нее выступление!.. Ax!.. – ломая руки, не могла успокоиться она.

- Может, шампанского?

Всегда важен мотив

- Нет! Пойду загляну за кулисы!..

Кирилл с интересом рассматривал друзей Андрэ Берзиньша. Их набралось около двухсот человек.

Музыканты заиграли грустную, завораживающую мелодию, померкло пламя в канделябрах, на плечи гостей посыпались световые снежинки. Завьюжило, подул ветерок и начался настоящий снегопад. Двери в зрительный зал распахнулись.

Ряды кресел, обитых вишневым велюром, были составлены полукругом. В ложах зажглись свечи. Сцена была мистически непроницаема.

Кирилл развернул программку, с одной стороны - звездно-синюю с силуэтами Незнакомки и Голубого господина. С другой – солнечно-виноградную с персонажами дивертишмента в бесстыдно-грациозных позах Ренессанса.

«Таинственные голубовато-серые лучи осветили темный мост через реку. В воздухе порхал и звездился снег. По небу, описывая медленно дугу, скатилась яркая звезда». /А. Блок/ На мосту возник тонкий женский силуэт в мерцающем одеянии. Из темной аллеи вышел Голубой в плаще, осыпанном снежинками. Он подошел к Незнакомке. Плащ соскользнул с его плеч, и яркий луч, поданный снизу, высветил идеальную фигуру Берзиньша в темно-синем трико и голубом колете. Его пепельные волосы, перевитые светлыми прядями, были подхвачены лентой с серебряным бантом. Музыка, струившаяся словно медленно падающий снег, завьюжила. Незнакомка сделала шаг к Голубому и протянула ему навстречу руки. Он подхватил ее, будто упавшую звезду, и бережно снес с моста.

Эва была восхитительна: изящные пируэты, умело вплетенные в модерн; жесты рук, молящих, требующих, бессильных; большие жеты, для которых, казалось, было мало пространства сцены.

Тиана Веснина

Холодный танец Голубого, всеми силами стремящегося очнуться от своего сна, ощутить тепло женского тела в исполнении и постановке Берзиньша потряс публику.

И вдруг в неверном синеватом отсвете раздался звонкованный голос:

«Ты можешь сказать мне земные слова? Отчего ты весь в голубом?

- Я слишком долго в небо смотрел: Оттого голубые глаза и плащ.

- Ты хочешь меня обнять?» – устремилась к нему Незнакомка.

Долгая пауза заворожила зал и, наконец, прозвучал ответ Голубого:

«Я коснуться не смею тебя!»

Незнакомка, горя желанием, стремительно приблизилась к нему и, раскрыв руки, обняла лишь голубоватый снежный столб. Она в растерянности оглянулась и заметалась в поисках. Испуганная, что потеряла его навсегда, она не заметила его грустную фигуру у моста. Снег, падая все сильнее, замел одинокого Голубого.

Несколько мгновений в зале царила тишина, казалось, было слышно, как падали световые снежинки. Потом раздались аплодисменты и крики «браво».

Мерцая серебряным гримом, вышла на поклон Эва. Ее волосы, уложенные в высокую прическу, отливали синевой, грудь обрамляло глубокое декольте, переходящее в высокий воротник.

При появлении Берзиньша рукоплескания усилились. Несколько наэлектризованных созерцанием своего кумира геев прорвалось на сцену с огромной корзиной голубых роз.

В нарушение театрального порядка перед дивертишментом был устроен антракт.

Публика, находясь под влиянием «Голубого господина», с серьезными лицами обменивалась впечатлениями, философски вздыхала, пила исключительно белое вино.

Всегда важен мотив

Андрэ Берзиньш, приоткрыв дверь служебного входа, украдкой взглянул на своих гостей. В его светло-голубых глазах зажегся коварный огонек. Он был доволен реакцией зрителей. Он чувствовал витавшую среди них мысль о недоступных разуму причудах природы, о превратностях столкновений розовой и голубой любви, о невозможности их слияния. Губы Андрэ тронула озорная улыбка: «Погодите!»

Мелентьев не удержался и прошел за кулисы. Первой, на кого он натолкнулся, была Донина в костюме Гермии, представлявшем собой соединение греческой туники с пышным одеянием эпохи Ренессанса.

Детектив улыбнулся девушке и поспешил в гримерную к Эве. Он постучал, услышал ее звонкое: «Войдите!», вошел и был вынужден пожать руку Фавьеру, который с букетом цветов уже был там.

- Гримерная тесновата для всех поклонников, – с улыбкой заметил Эрик, открывая дверь, чтобы выйти.

Эва задержала его каким-то вопросом, и Кирилл случайно увидел, как в зеркале промелькнула встревоженная Мила.

«Интересно, куда так спешит Гермия?» - детектив, извинившись, проскользнул мимо удивленного Эрика в коридор.

Под прикрытием декоратора, несшего большую вазу, Кирилл пошел следом за Милой. Она же, кусая от досады губы, быстро оглянулась и скрылась в гримерной Берзиньша.

Мелентьев приник к двери. На его удачу Донина была сильно взволнована и довольно громко принялась виниться перед Андрэ.

- Я не хотела тебя волновать перед спектаклем, но...

- В чем дело? – раздался стальной голос мэтра. – Говори быстрей, мне надо сосредоточиться!

- После того, что я тебе скажу, ты не сосредоточишься... Мне кажется... да, нет!.. Я уверена: этот детектив обо всем догадался!..

Тиана Веснина

- С чего ты взяла? – живо поинтересовался Берзиньш.
- Ну помнишь, кладовая, окурки в одном из кубков Шафрана... я забыла их выбросить... милиция не нашла, а он...
- Так что ж?
- Он отдал их на экспертизу... короче, установил, что это курил ты...
- Мило!.. – усмехнулся Андрэ. – Главное, как вовремя!.. Я не говорю уже о спектакле... Дюрок!.. Ради чего все затеяно!.. – он молчал ровно секунду, молниеносно оценивая ситуацию. - Ладно! Успокойся!.. Дивертизмент должен быть сыгран блестяще! Поняла?! И к тому же, я давно хотел бросить ему вызов!..

Кирилл прислушивался изо всех сил, но в коридоре стоял несмолкаемый шум: с озабоченными лицами сновали участники дивертизмента, гримеры, костюмеры, декораторы. Удивительно, но никто не обратил внимания на странно привалившегося к двери гримерной высокого молодого человека, с увлечением читавшего газету. Раздался звонок.

Детектив поспешил скрыться за ближайшим углом. Дверь открылась, и встревоженная Гермия прошла в левую кулису.

«Вызов! Кому? Дюроку? Мне?!» - размышлял Мелентьев, возвращаясь в зрительный зал.

На этот раз сцену закрывал тяжелый занавес. Под звуки тамбуринов и лютен он медленно раздвинул, и перед зрителями предстала картина достойная сладострастной кисти художников эпохи Возрождения. Эффект кракелюр /кракелюры - трещины на картине/ создавал золотисто-коричневый тюль, за которым располагались фигуры.

Посредине, на троне, сидел Оберон – Андрэ в колете с буфами, сверкающими рубинами, и телесного цвета, с золотыми вкраплениями, трико; мантия шелковой волной ниспадала с его плеч на ступени. Голову украшала корона в виде венка.

Всегда важен мотив

Левой рукой он обнимал за талию, слегка склонившуюся к нему Титанию – Эву в лиловом корсете, обильно обшитом кружевами, и пышной юбке из шифона, поддерживаемой невидимым каркасом.

На правом колене красавца Оберона, откинув голову назад, сидела Гермия – Мила в лимонной, трепещущей от малейшего дуновения тунике, с высоким воротником, расшитым драгоценными камнями.

Облокотившись о спинку трона, стояла Ипполита – Ник. На нем было роскошное иссиня-черное бархатное одеяние, покрытое алмазной пылью. Высокий черный парик украшала сверкающая диадема.

Лизандр – Марк, модель Дома Берзиньша, в серожемчужном костюме и Елена – Елизавета в платье из затканного золотом шелке, с декольте, почти полностью обнажавшем ее пышную грудь, стояли чуть поодаль трона, сплетя руки за спинами. Тольк словно растворился, и фигуры ожили.

Во второй картине розовые лучи озарили Гермию и Деметрия, которого тоже играл Берзиньш, блуждающих в таинственном лесу. Их разговор - перебранка, неожиданно перешел в обвинения. При этом голос Гермии-Милы испуганно вздрогнул:

- Да, ты его убил! Не надо слов:

Глядишь убийцей, мрачен и суров.

- Гляжу убитым я... Убийца же прекрасна и горда!» – бросил он ей в ответ и, выдергав паузу, пробормотал: - «Отдать бы труп его собачьей своре!

- Так ты убил, злодей?» – вся изогнулась от боли и негодования Гермия. – Отныне будь ты проклят средь людей!

- Ты сердишься... Но гнев твой беспричинен,

И я в крови Лизандра неповинен!

Кирилл понял, кому Берзиньш бросает вызов. Всего несколько мрачных реплик с потаенным смыслом и... началась другая картина.

Тиана Веснина

Персонажи пришли в радостное возбуждение. Свет заливал их лица, они пили вино, танцевали и сладострастно касались друг друга.

Праздник чувственности перешагнул через рампу и охватил зрителей, в их глазах зажглось желание. Они с ужасом осознали, сколько драгоценного, точно влага в пустыни, времени они потратили напрасно и невозвратно, когда надо было наслаждаться любовью.

А тамбурины били, сопровождаемые звуками лютен и флейт, настойчивыми аккордами клавесина, страстными стонами виолончели. Костюмы трепетали на актерах, словно плоть в предчувствии ласк. Лилово-сиреневые цветы весенним дождем сверху посыпались на сцену.

Кирилл со странным чувством вспомнил: «Если смотреть на самых обыкновенных актеров, выступающих на усыпанных шафраном подмостках, с определенной точки зрения, то они являются самым совершенным, самым идеальным инструментом Искусства». /О.Уайльд/

«Усыпанных шафраном подмостках...» - не в силах оторвать очарованного взгляда от Берзиньша, пробормотал детектив. – Зачем они это делают? – отрешенно думал он, глядя, как каблуки актеров весело топчут нежные цветы шафрана. - Браво Андрэ! Прибегнув к аллегории, вам удивительно тонко удалось изобразить уничтожение Леона Шаффранникова!.. Берзиньш растоптал Шафрана!..»

Глаза Андрэ были пьяны от счастья. Колет распахнулся на его груди. Волосы разметались. Ник-Ипполита не мог оторвать от него влюбленного взгляда. Андрэ был великолепен!.. Его последнюю реплику на сцене заглушили аплодисменты.

- Андрэ! Андрэ! – раздалось со всех сторон.

Кириллу показалось, что ему одному удалось отвести взгляд от сцены. Он взглянул на озаренные восторгом лица, устремленные на Берзиньша.

«О! И Дюрок в полном восхищении!» – заметил Мелентьев яростно аплодировавшего француза.

Всегда важен мотив

В фойе ворвалась опьяненная вожделением публика, которая только что, после представления «Голубого господина» задавалась вечным вопросом: «Что важнее душа или плоть?», спустя час уже решила его для себя. «Плоть!» – кричали глаза, шептали губы, сплетались руки.

К своим друзьям вышел Андрэ. Сразу с полсотни бутылок шампанского отсалютовали его триумфу.

В гомоне восторженных похвал пересеклись взгляды Кирилла и Андрэ. Губы Берзиньша чуть дрогнули в двусмысленной улыбке, он поднял бокал и через воздух соприкоснулся с бокалом Мелентьева.

* * *

После фуршета в честь Андрэ Натали с Мелентьевым у выхода из театра поджидали Эву.

- А где же Эрик? – спросил он.

- У него завтра важная встреча и ему надо как следует подготовиться, - объяснила Натали.

- Андрэ опечалился бы, узнав об этом. Он так старался разбудить заснувшие в нас инстинкты сладострастия!..

Мадам Круглофф глубоко вздохнула:

- Что поделаешь? Теперь, вероятно, более актуален вопрос: ни душа или плоть, а бизнес или...

Сзади них раздались голоса Андрэ, Эвы, Руди, Милы и модной журналистки Клары, которая поставила перед собой цель сделать потрясающий репортаж о Берзиньше.

- О! Все в сборе! – радостно воскликнул Андрэ. – У меня отличная идея!.. Мы все равно не уснем, - кивнул он в сторону своих актеров, – поэтому предлагаю поехать ко мне. Нет, лучше в Дом моды, в гостиную Людовика!..

- Великолепно! – подпрыгивая и пытаясь поцеловать его в щеку, крикнула Эва.

- Но где Ипполита? – оглянулся Берзиньш. – И где душа моя Елизавета?

Он подошел к лестнице, ведущей наверх, и крикнул:

- Елизавета!..

Тиана Веснина

- Идем, идем! – раздался голос. – Нельзя же все бросать как попало, - поправляя на ходу пышные рыжевато-золотистые волосы, говорила она.

Ник-Ипполита подскочил к Андрэ и нежно обнял его за плечи.

- Все в сборе!

Дом моды Берзиньша, освещенный матовыми бра, гулким эхом ворчал на потревоживших его сон гостей. Охранник в ливрее и белом пудреном парике, высоко подняв канделябр, провел шумную компанию наверх, где был накрыт большой круглый стол.

Кирилл с любопытством оглядел знаменитую гостиную в стиле Людовика XV. Белая мебель с позолоченными гирляндами, синий шелк обивки, затканный золотыми цветами, высокие канделябры с хрустальными подвесками, сверкающий паркет из редких пород дерева.

Пока гости, отражаясь в зеркалах, любовались амурями, грозившими им с картин своими острыми стрелами, Андрэ уже переоделся и появился в батистовой рубашке с пышно собранными у манжет рукавами и бархатном жилете. Ноги его были обтянуты светлыми панталонами; белые чулки и туфли с пряжками завершали изящный туалет мэтра моды.

Первый тост, сияющими глазами глядя на Андрэ, произнес Ник. Руди, будучи не в силах осознать в полном объеме свое счастье, оттого что Берзиньш пригласил его к себе, подхватил эстафету и, задыхаясь от восторга, наговорил массу пышных слов.

Все были сильно возбуждены и болтали без умолку, почти не слушая своих собеседников. Но, когда возникла легкая пауза, неожиданно раздался упрек:

- По сути дела, вы соединили несоединимое!.. Грубо говоря, сварили картофель с фруктами! – с вызовом бросила журналистка Клара. – Уверена, критика будет ужасной!..

Всегда важен мотив

- Ну и пусты! – беззаботно улыбнулся Андрэ. – Это ее проблемы!

- Вы не правы! К критике необходимо прислушиваться!.. Она помогает увидеть недостатки, избежать банальных повторов, пошлых реминисценций...

Андрэ громко рассмеялся и со свойственной ему иронией произнес:

- Если бы Северянин в свое время прислушался к критике Толстого, он бы не написал более ни строчки. Может быть, для вас – это небольшая потеря, но для меня – поэзия Северянина – это возможность увидеть восхитительный, великолепный ракурс мира, недоступный взгляду и пониманию посредственности.

- Но ведь существует мера! От нее ни в коем случае нельзя отходить! Может нарушиться баланс!

Андрэ переглянулся с Кириллом. Детектив прочел в его взгляде, что он был лучшего мнения о журналистке.

Не удостаивая ее особым вниманием, сидя вполоборота к ней, он сказал:

- Мера – божок посредственности. Она должна существовать, но лишь как точка отсчета.

Журналистка оглядела присутствующих в поисках поддержки, но все абсолютно искренне были согласны с Андрэ. Однако это не охладило ее желания раззадорить Берзиньша и заставить его высказать свои самые затаенные мысли.

Кирилл, потеряв интерес к разговору, только сейчас обратил внимание, что портреты дам в высоких белых париках, украшавших гостиную, были искусно стилизованными фотографиями знаменитых моделей: Клаудии Шиффер, Линды Евангелисты, Синди Кроуфорд и Линны Рюс.

Затем детектив перевел взгляд на сидевших вокруг стола. На какой-то миг у него возникло ощущение, что он заметил призрак Белой Дамы, витавшей среди гостей и искающей свою жертву. Чей-то громкий смех спугнул ее, она затаилась, но не ушла. Кирилл горящими глазами

Тиана Веснина

вглядывался в лица и почувствовал: убийца Леона и Инги – здесь!.. Но кто?.. Бросивший ему вызов Андрэ? Изворачивающаяся Мила? Рассыпавшая канифоль Эва? Сославшийся на ложное алиби Рудольф? Натали, избежавшая банкротства только благодаря смерти Леона?

Мелентьев не мог ответить. Но через воздух чувствовал - убийца здесь!..

Неумолкающий гул голосов заставил его вернуться в реальность.

- Однако не так давно вы утверждали, что основа лицедейства – это профессионализм, скрытый легкой тканью импровизации. А теперь поставили спектакль, в котором участвовали, кто угодно, только не актеры! – не могла угомониться журналистка.

Брови Андрэ взметнулись в искреннем удивлении.

- Да, я противоречу самому себе. Мое «я» - многогранно. Сегодня – это только сегодня. А завтра - мы все будем другими!.. Только бездарность держится за раз и навсегда вбитый стержень, объявляя его своим убеждением.

- Но ведь без стержня нельзя!

Натали надоела эта въедливая особа. Пожав плечами и пьяно моргнув накрашенными ресницами, она повернулась к ней и многозначительно произнесла: «Умеренность – роковое свойство. Только крайность ведет к успеху». (О. Уайльд)

- Браво! – воскликнул Мелентьев. – Призвав на помощь Оскара Уайльда, мы, надеюсь, получим возможность веселиться, а не дискуссировать! Предлагаю тост за множественность и неординарность стержней!

- Неплохо сказано! – шумно усмехнулся Андрэ и разлил шампанское в взметнувшиеся бокалы.

Кирилл основательно набрался, и его глаза бегали от хрупкой Эвы к пышногрудой Елизавете. Милу он отверг сразу. Она вновь казалась ему угловатой и неприятной.

Елизавета поднялась, и Кирилл понял: она. Рыжеволосая красавица неторопливо прошествовала в смежную с гостиной комнату. Он направился за ней.

Всегда важен мотив

Когда Мелентьев открыл глаза, то сразу не сообразил, где находится. Но взметнулись жалюзи, и пышноволосая Елизавета поздравила его с началом дня:

- Пора завтракать, уже полдень!

Она поставила на кровать поднос с кофе и печеньем.

- Ничего себе, - пробормотал Кирилл. – Выходит, я заночевал прямо в Доме моды Берзиньша.

- Выходит, – расхохоталась Елизавета, плавно вздрогнув грудью под белой блузкой.

Приняв душ, он отправился бродить по Дому моды, чтобы отыскать Берзиньша и поблагодарить того за гостеприимство. Заглянув в первую попавшуюся дверь служебной части здания, он поинтересовался, где может быть мэтр.

- Наверное, в своем кабинете. Прямо по коридору, – ответила ему девушка, стоявшая перед зеркалом в длинном вечернем платье, в то время как другая, склонившись, расправляла на нем складки.

Кирилл прошел в указанном направлении и, открыв дверь, оказался в небольшой приемной. Секретаря на месте не было.

«Наверное, у мэтра! Подожду», – решил Мелентьев и опустился в кресло.

Дверь из кабинета приоткрылась, будто кто-то собирался уже выйти, но что-то его задержало, и до Кирилла донесся голос Берзиньша:

- Значит, держись своей версии! Я об этих окурках ничего не знаю!

- Понятно, – отозвалась Мила Донина и, возникнув на пороге кабинета, не сумела скрыть замешательства, увидев благодушно улыбавшегося детектива.

- Я-то думал, что один злоупотребил гостеприимством Андрэ, – словно размышляя сам с собой, громко пробормотал Мелентьев.

На его голос вышел Берзиньш.

- Кирилл?! – удивился он.

Тиана Веснина

- Пришел поблагодарить за ночлег, – улыбнулся тот.
 - Какие пустяки! – слишком поспешно, не помпимператорски, ответил Андрэ.
 - Мила, наверное, тоже заглянула с этой целью.
- Донина презрительно взглянула на детектива и, бросив: «Всего хорошего», покинула приемную.
- Прошу! – широким жестом Андрэ пригласил Мелентьева к себе.

Кабинет мэтра был выполнен в темно-синих тонах с золотой окантовкой.

- Собственно, я на минуту, - начал Мелентьев. – Хочу спросить, известно ли вам о найденных мною окурках в одном из призовых кубков покойного Шафранникова?

Тонкая интуиция Берзиньша безошибочно подсказала ему, что запираться глупо.

- Известно! – открывая новую пачку сигарет «Мэтр Бельфе», ответил он.
- И для вас не секрет, каким образом они там оказались?..

Возникла пауза.

- Отнюдь! Мила мне все рассказала и извинилась за глупую выходку.

- Да?! Странно, значит, вы забыли, как накануне убийства Шафранникова при содействии Дониной проникли в Дом моды и закрылись с ней в кладовой на третьем этаже?

Берзиньш от души рассмеялся.

- Но что я делал в этой кладовой? – рассматривая эскизы на своем столе, без особого интереса спросил Берзиньш.

- Ждали!
- Чего?
- Момента! – с раздражающей однозначностью ответил детектив.
- Какого? – в голосе Берзиньша зазвучали нотки нетерпения.
- Удобрного для убийства Леона Шафранникова.

Всегда важен мотив

Верхняя губа мэтра презрительно вздрогнула.

- Если вы надеетесь услышать от меня пылкие заверения, что я не убивал Леона, то попусту теряете время. Заверяют виновные или слабые.
- Вы же предпочитаете топтать цветы шафрана на сцене!

- Но во времена Шекспира было принято посыпать сцену цветами шафрана... - Андрэ склонил голову набок. – Хотя, конечно, некоторая аллегория просматривается. – Но, уверен, ее заметили только вы!

- Допустим!.. – согласился Мелентьев. - Но все же, что вы делали в так называемом «шкафу» Логинова? Уж не Мила Донина стала причиной вашего ночного визита? Но почему в Доме моды Шафранникова, да еще в кладовой?!

- Не был я ни в какой кладовой! – теряя терпение, повысил голос Андрэ и посмотрел на часы.

Кирилл усмехнулся.

- Вы сами затеяли игру: «Убийца Леона, - почему бы не я?..» Вы уверены, что нет никаких улик. Но точно так же, как вы забыли об окурках, вы забыли и о кое-чем другом. Вы хотите поиграть, пожалуйста!

В кабинет заглянул встревоженный секретарь.

- Андрэ, приехал мсье Дюрок с адвокатами.
- Простите, я вынужден закончить наш разговор.
- Конечно, надо как следует принять мсье Дюрока, которого вы заполучили только благодаря убийству Шафранникова, - с тяжелой усмешкой проговорил детектив и оставил Берзиньша.

Глава XVI

Июльское утро, растушевывая сиреневые сумерки розовыми проблесками, просыпалось над Москвой...

Резкий, неприятный звон будильника заставил подскочить мирно спавшего Кирилла.

Тиана Веснина

«Какого черта, – спросил он себя, – я согласился на этот утренний прием?.. Не поеду!» - и, сладко потянувшись, опустил голову на подушку.

Но настойчивый телефонный звонок не дал ему погрузиться в сон.

- Кириуша, вставай! – раздался свежий голос Эвы.

- Не хочу!.. Я передумал.

- Немедленно в душ! – не принимая отказа, командовала девушка. - Вот и мама тебе велит: в душ!..

- Ну раз мама Натали... – вздохнув, нехотя подчинился Кирилл и отправился в душ.

«Н-да, приятельницы сыщика – его же фигуранты. Не хочется, конечно, думать, что воздушная Эва могла убить Леона... - он подставил лицо под прохладные струи, – или ее изысканная мама Натали... А вот возьму и расслаблюсь!.. Не буду ни о чем думать!..»

По шоссе, ведущему в сторону Сергиева Посада, в это время ехало немало дорогостоящих иномарок.

Известный бизнесмен-меценат приобрел в Подмосковье старинную усадьбу, остатки дворянского гнезда!.. И по завершении реставрации бального зала решил устроить утренний прием в парке. Разосланные приглашения были приняты с восторгом. Всем хотелось взглянуть на роскошный зал и провести субботу на лоне природы.

Бизнесмен-меценат встречал гостей под высоким каменным порталом. Обслуживающий персонал отгонял машины, и гости, вдыхая чудесный воздух, по аллее, обсаженной соснами, неторопливо направлялись на лужайку перед особняком, на которой, приветливо помахивая разноцветными флагами и переливаясь шелковыми складами, раскинулась огромная палатка с накрытыми столами.

Когда завтрак окончился, хозяин любезно пригласил всех пройти в бальный зал.

Всегда важен мотив

Едва гости переступили порог, как почти одновременно к раззолоченному лепному потолку взлетело единое в своем порыве восхищенное «Ax!!!»

Ветерок бесцеремонно ворвался в широко открытые окна и принялся заигрывать с надменными гардинами, которые тут же утратили свою аристократическую выдержанку и беспечно взметнулись вверх.

Оркестр заиграл вальс. Среди гостей произошло замешательство. Всем хотелось танцевать, но почти никто не умел.

Эва с Эриком первыми закружились по залу. Ее хрупкая фигура, казалось, сейчас вырвется из объятий партнера и вместе с ветром унесется в парк. Натали с Берзиньшем уверенно вступили за ними. Потом не выдержали все!.. И, кто как умел, принялись танцевать вальс: раз-два-три...

После импровизированного бала в парке подавали кофе и мороженое. Натали села в шезлонг и прикрыла глаза. По всему телу прошла приятная истома покоя.

«Неужели?! – не знающая отдыха мысль, тем не менее задала вопрос. – Неужели я у тихой гавани достатка и спокойствия? Господи!.. – не смогла сдержать она вздоха. – Как все на удивление сложилось! Лина – во главе Дома моды, Рудольф - его душа и созидатель. У меня с ними подписан контракт. Но главное – Берзиньш!.. Как только Андрэ окажется в Париже, мои связи станут ему просто необходимы, и если я поведу дело с умом, то смогу наконец-то уехать из Москвы. Бутик оставлю на старшую продавщицу. Она толковая. А сама буду наезжать в Москву: сначала раз в два-три месяца, а потом... – Натали открыла глаза. – Невдалеке весело беседовали Эва, Кирилл и Эрик. – Боже, какие они молодые и красивые!.. – Она невольно улыбнулась. – Эва будет звездой балета!.. На достижение этой цели я положу все!.. Кстати, когда приеду в Париж, надо будет навести более точные справки об Эрике. Он вполне подходит для ее первого мужа, а там... Талант Эвы откроет двери многих домов... Между прочим, и для меня тоже!.. Хотя, конечно, я уже... - от этой

Тиана Веснина

мысли лицо Натали покрылось пятнами досады. – Но для Москвы я еще вполне!.. Когда прекращу безвыездно сидеть в русской столице, а буду лишь наезжать, принося в складках своей одежды воздух Парижа, я стану чрезвычайно интересной для многих молодых людей. Может, даже для Кирилла. – Опытный взгляд мадам Круглофф устремился к молодому человеку и с наслаждением раздел его. – Отлично сложен!.. Какие плечи!.. Ноги!..» – легкие уколы желания заставили ее прекратить мысленный осмотр.

Ветер доносил до Натали серебристый отзвук смеха Эвы. Девушка взяла молодых людей под руки, и они скрылись за пышными кустами жасмина. Натали потянулась и погрузилась в сладостное забытье.

* * *

Эва с соперничающими в учтивости кавалерами пожелала вновь заглянуть в бальный зал.

- А что там? – взмахом руки указала она на высокую белую дверь, расписанную золотом.

- Вероятно, еще не отреставрированные апартаменты – высказал предположение Кирилл.

- Пойдем посмотрим! Что если там еще сохранился дух веков?!

- Ты имеешь в виду приведения? – рассмеялся Эрик.

- Было бы здорово! – воскликнула девушка и подошла к двери.

Кирилл повернул ручку, и они вошли в комнату, вдоль стен которой были возведены высокие подмостки для художников. Потолок был уже полностью расписан. Оставалось окаймить его бордюром из гирлянд.

- Какая красота! – прошептала Эва. – Как гулко звучит голос!.. – радостно удивилась она и закружилась с запрокинутой к потолку головой. – Позови Эрика! Пусть посмотрит!

Всегда важен мотив

Кирилл вернулся в бальный зал и не сразу увидел Фавьера, стоявшего в углу у рояля.

«А он - меломан», – подумал Мелентьев, заметив движение, каким тот провел ладонью по крышке, а затем, подняв ее, пробежал пальцами по клавиатуре, легко наиграв волшебную мелодию из Нины Рота.

- Ты, оказывается, умеешь играть, – неожиданно для Фавьера возник за его спиной Кирилл.

Он как-то резко отдернул руку от клавиш и пробормотал:

- Когда-то умел.

- Пойдем! Эва зовет посмотреть расписной потолок.

- Какое великолепие! – не удержался от возгласа Эрик, еще раз окинув взглядом зал.

- Да, жили люди, – с ностальгическим вздохом подхватил Мелентьев. – Как говорит наш гостеприимный хозяин, раньше эта усадьба принадлежала графам Шуваловым.

- Все когда-то кому-то принадлежало, - отозвался Эрик.

Эву они нашли вальсирующей.

- Смотри, какая прелесть! – крикнула она Фавьеру. – Своим вращением я заставляю богинь на потолке двигаться вслед за мной! Попробуйте и вы тоже!

- Осторожней, закружится голова! – рассмеялся Кирилл.

- У меня?! Никогда!..

- Даже от славы?

Эва остановилась перед ними с приоткрытыми от глубокого дыхания губами.

- Ну, может быть, чуточку! Но больше, мне кажется, она закружится у мамы. Она грезит во сне и наяву о моей блестящей карьере. Но мы собирались к озеру!.. Так пойдемте!..

Они вышли из особняка и еще раз полюбовались его великолепием. По дорожке углубились в тенистый парк и подошли к широкой каменной лестнице, балюстрада которой была увита диким виноградом. Молодые люди замерли на площадке. Перед ними сиял золотой горизонт, плавно уходящий в синеву почти круглого озера.

Тиана Веснина

Предавшись созерцанию, Мелентьев прислонился к широким перилам, Эрик и Эва замерли рядом.

То, что произошло несколькими минутами позже, представилось фантасмагорическим наваждением. Словно Черномор на Людмилу, налетела на Эву черная масса и, отбросив Фавьера в сторону, повлекла ее вниз.

Хрупкая фигурка девушки стремительно катилась по ступеням, в конце которых черная масса неожиданно выпрямилась и, приняв мужской облик, широкими шагами устремилась прочь.

Кирилл опомнился первым.

- Позови кого-нибудь! Вызови скорую! – крикнул он Эрику и помчался вслед за бандитом.

Поравнявшись с Эвой, он на миг задержался и взглянул на ее помертвевшее лицо.

Бандит с ловкостью спортсмена пересек небольшую лужайку и скрылся в густом кустарнике. Мелентьев не отставал от него. Но тот с разбегу вскочил на ожидавший его мотоцикл. Детектив по инерции пробежал за ним несколько метров и, скав от отчаяния кулаки, остановился.

Когда он вернулся к месту трагедии, то увидел склонившегося над Эвой Фавьера.

- Она жива, – сдавленным голосом произнес он. – Я не стал ее трогать...

- Скорая?!

- Вызвали!..

Эва что-то бессвязно шептала и звала: «Мама!..»

Натали слегка приоткрыла глаза и сладко, но элегантно потянулась. На сине-зеленом фоне неба и леса она увидела торопливо приближавшегося Мелентьева.

- Наверное, Эва послала его за шляпкой, – подумала она. – Ах, как торопится!..

Но по мере приближения Кирилла ее лицо принимало все более удивленное выражение.

Всегда важен мотив

Рубашка на нем была порвана, лицо расцарапано.
«Господи! Неужели они подрались из-за Эвы?..
Мальчишки!..»

Она приподнялась на шезлонге.
- Кирилл, что...
- Эва жива, – поспешило сообщил он.
- Что?! – испуганно вскрикнула Натали.
- Не волнуйтесь! – подавая ей руку, сказал он. – Несчастный случай!.. Но она жива!..

Тенты на лужайке, ажурные столики и стулья закружились перед глазами Натали. Она пошатнулась, но Кирилл вовремя поддержал ее.

- Вам надо к ней! Скорую уже вызвали.
Натали помчалась к дочери.
- Господи! – ледяным от ужаса голосом пробормотала она, взглянув на ее вывернутую от бедра ногу. – Господи!..
Скорая, оправдывая свое название, уже подъезжала к лужайке. Отовсюду сбегались встревоженные гости.

Врач быстро осмотрел Эву и дал знак санитарам уложить девушку на носилки.

- Я с ней, – шептала Натали, опираясь на руку Кирилла.
- Да, конечно, – поддерживая ее, отвечал он.
Потрясенный Фавьеर шел рядом с носилками.
- Эва!.. – глухо воскликнул он, пытаясь дотронуться до ее руки.

Как только машина уехала, все гости во главе с хозяином-меценатом дружно набросились на Фавьера и Мелентьева.

- Что случилось?.. Как можно было так покалечиться?..
Кирилл попросил всех замолчать.
- На Эву было совершено нападение! Случайное или преднамеренное – это предстоит выяснить.
Хозяин ухватил за руку детектива, пытавшегося вырваться из людского окружения.
- Нападение? У меня?.. Объясните все толком!..

Тиана Веснина

Мелентьеву пришлось подробно рассказать о произошедшей на его глазах трагедии.

Гости притихли и, тяжело повздыхав, поспешили к столам, чтобы успокоить растревоженные души шампанским.

Оставшись один, Кирилл поднялся по лестнице и проследил весь путь преступника, появившегося из-за кустов жасмина.

«В ожидании Эвы, он прятался здесь», – отметил детектив, глядя на сломанные ветки.

Затем он спустился вниз, пересек лужайку, прошел через заросли кустарника и вышел к проселочной дороге, по которой скрылся преступник. Предусмотрительно одетый в прочный спортивный костюм, тот не оставил ни ниточки. Только следы от кроссовок сорок третьего размера.

«Кстати, номера на мотоцикле не было, – возвращаясь обратно, размышлял Кирилл. – Что ж, все ясно: костюм, кроссовки полетят в первый же попавшийся водоем. Виртуозно выполнено!.. Но зачем?..»

* * *

Под громкие аплодисменты Алексей Круглофф завершил концерт своей любимой серенадой «Скажите девушки подружке вашей...» и склонился в красивом поклоне. Огромную корзину цветов, оплаченную им заблаговременно, ему преподнесла его давнишняя московская приятельница.

Алексей взглядом искал в зале Натали. Она всегда приходила на его концерты и дарила изысканно составленные букеты.

Позавчера он послал ей билет: третий ряд, пятнадцатое место. Но оно оказалось занято восторженной старушкой, одной из тех, которые постоянно обретаются около театров и бесплатно заполняют собой пустое пространство.

Всегда важен мотив

«Неужели Наташка и в самом деле решила расстаться со мной?.. – одаривая зал профессиональной улыбкой, с некоторой тревогой подумал он, но тут же успокоил себя, мысленно адресовавшись к ней: - Ничего у тебя не выйдет, милая, слишком дорого я заплатил за твою блажь – стать моей женой. Всю жизнь, а главное, карьеру исковеркала!»

Его губы дрогнули, спина изогнулась:

- Благодарю!.. Спасибо!.. – прикладывая руку в то место, где обычно находится сердце, говорил Круглофф.

Аплодисменты дружно оборвались, едва он скрылся за кулисами. Зрители не стали утруждать певца просьбами о повторном выходе.

Симпатичная девушка с разноцветными прядями волос подала ему полотенце.

- Отлично!.. Бесподобно!.. Ты пел, как никогда!.. – быстро произнесла она заученную тираду.

- Наташка не пришла, – озабоченно сообщил он своей подруге.

- А что ты хотел? Чтобы после всего...

Но она не успела договорить, так как за кулисы вплыла пышнотелая дама, организатор выступлений Круглоффа в Москве.

- Как всегда, браво, Алексей!..

Он послал молящий о сочувствии взгляд своей пестроволосой подружке, но та уже отошла в сторону.

«Жизнь артиста!.. – вздохнул Алексей с горечью. – Выложился на все сто!.. Устал!.. Сейчас бы отдохнуть!.. Так нет, придется с этой толстухой тащиться в ресторан, где она, опрокинув пару рюмок, примется остервенело кокетничать со мной. – Он устало улыбался, отбрасывая со лба волнистую прядь. – И все из-за Наташки!.. Стерва!..»

- ... За все надо платить... - между тем сетовала дама, жалуясь на растущие расходы.

Алексей по инерции кивнул и подхватил мысль: «Да! За все надо платить!.. Наташке придется раскошелиться! Сама приползет!.. Я ведь муж!..»

Как он и предполагал, дама, обдав его густым сладким облаком духов, выдохнула ему в ухо горячим напором:

- Столик заказан! – и жеманно выжижательно опустила глаза.

Алексей подавил идущий из глубины души протест и, заставив себя улыбнуться, ответил:

- Великолепно!

После ресторана, что в принципе само по себе было очень неплохо, если бы убрать толстуху, он был вынужден ехать платить по счетам. Алексей уговаривал себя, что это в последний раз, что больше он никогда не увидит эту сластолюбивую корову. Но на его мужское достоинство эти уговоры действовали очень плохо. С большим трудом он кое-как исполнил то, к чему его призывали весь вечер и, сославшись на нечеловеческую усталость, отпросился домой.

«Все!.. – жадно вдыхая чуть влажный воздух ночи, думал он. – Все, хватит!.. Времена изменились!..»

Вызванное такси ожидало его у массивных ворот. Он сел в машину и чуть задремал.

- Приехали, – сообщил шофер.

Алексей расплатился и вышел. До подъезда было всего шагов пять, как вдруг что-то горячее скользнуло по его руке, которая тут же заныла от саднящей боли. Чувство самосохранения в одно мгновение бросило его за угол дома.

«В меня же стреляли! - ощупав рукав, понял он. – Пуля чудом прошла рядом!..» Ухарский чубчик его зашевелился от страха. Он вынул телефон и позвонил своей подруге, которая сонным голосом на вопль, что его чуть не убили и что надо вызвать милицию, глухо буркнула:

- Меньше надо коров ублажать! Не валяй дурака, поднимайся!

На что он емко ответил одним словом: «Дура!..»

Всегда важен мотив

Пять минут спустя сонная дура в развеивающемся пенюаре спустилась к вжавшемуся в стену дома Алексею и, взяв его за руку, доставила на квартиру.

- Немедленно, надо немедленно сматываться отсюда! – бросая вещи в чемодан, прочитал Круглофф.

- Да это чистая случайность! – пыталась убедить его девушка. – Подростки баловались!

- Ничего себе баловались! – осторожно проводя пальцами по забинтованной руке, огрызнулся он. – А если бы чуть выше?!

- А если бы чуть ниже?

- Дура!.. Ты просто дура!..

- Ладно, Леха, хватит, – лениво проговорила она. – На какие шиши мы уедем?

- Билеты у нас с открытой датой. А там посмотрим!

- Ха! – взметнулась разъяренной коброй пестроволосая.

– Надоело мне голодными глазами на витрины смотреть и сидеть за неуплату без света и горячей воды.

- Пожалуйста, не неволю! Оставайся в благословенной, где в любую минуту у собственного подъезда тебя могут пришить!..

- Да уж лучше в благословенной с водой и светом, чем в твоем дрянном Париже! – рявкнула она и тоже принялась складывать свои вещи в сумки.

- Уходишь?

- А ты думал?

- Ну и проваливай!

Подруга от всего униженного сердца хлопнула дверью. Алексей бессильно опустился на диван.

«Как не крути, она права!.. Без денег там делать нечего!.. Но кто мог в меня стрелять?.. – он подскочил и, засунув руки в карманы брюк, несколько раз прошелся по комнате. – А вдруг это она, стерва?.. Эх, надо было мне подстроить ей несчастный случай!.. Все равно, пусть пятьдесят процентов, но я бы у Эвки отсудил, несмотря ни на какие завещания. Я – законный муж!..»

Тиана Веснина

* * *

Мелентьев оставил машину на стоянке и по широкой аллее поспешил к корпусу клиники. Двери приветливо разъехались перед ним: «Добро пожаловать!»

«Нет, вы уж лучше как-нибудь без меня», – оглядывая сверкающий вестибюль, мысленно ответил он.

- Я хотел бы узнать о состоянии Эвы... - Кирилл не успел договорить, как медсестра сокрушенно вздохнула:

- Пришла, пришла в себя, бедняжка. Ужас, как покалечилась!..

- Ее можно навестить?..

- Пока врач не разрешает.

- А ее мать? Она...

- Там!

- Мне надо ее увидеть.

- Пожалуйста. Третий этаж, триста одиннадцатая палата.

Кирилл поспешил наверх. В коридоре, на диване сидела Натали. Около окна стоял Эрик. Заметив Мелентьева, Натали приподнялась:

- Как хорошо, что вы пришли, – протянула она ему навстречу руки. – Сейчас Эву осматривает доктор. Я подняла на ноги всех знакомых и мне посоветовали обратиться к нему. Он спасал безнадежных!..

- Положение Эвы столь опасно?! – встревожился Кирилл.

- Нет-нет!.. Бедняжка моя, конечно, ужасно страдает, но ведь она – балерина!.. Для нее жить – значит танцевать! И я уверена, - Натали нервно терла ладонью о ладонь, – все будет хорошо!.. Она вернется на сцену, а иначе... это слишком... это бесчеловечно...

- Да, конечно, – обняв ее за плечи, прошептал Кирилл, видя, что она не в себе. – Будем ждать, что скажет врач.

На его слова обернулся Эрик, и Мелентьев прочел в его взгляде безнадежность!.. Он подошел к Фавьеру.

- Что?.. Неужели?.. – голос детектива по-мальчишески пресекся.

Всегда важен мотив

Эрик кивнул:

- Натали в шоке и принимает желаемое за действительность. Эва никогда уже не сможет танцевать. Это ясно и без врача. Сотрясение мозга... - он махнул рукой, мол, это пустяки, – перелом шейки бедра правой ноги, перелом голени левой и перелом правой руки. Слава богу, что позвоночник не пострадал!..

Кирилл опустил голову, и перед его мысленным взором возникла яркая картина: три фигуры на площадке лестницы - двое здоровых мужчин и хрупкая девушка. Одно движение, один шаг и можно было бы, если не предотвратить, то смягчить последствия нападения.

- Ты что-нибудь выяснил? – без особой надежды спросил Эрик.

- Нет. Скорей всего, это заказ.

- Может, я чего не знаю... но кому понадобилось калечить Эву?.. Это абсурд!..

- Тому, для кого она могла представлять опасность.

Эрик непонимающе взглянул на Мелентьева.

- Я знаю!.. – как бы давая обет самому себе, произнес Кирилл.

Фавьер рванулся вперед, чтобы поддержать Натали, так как из палаты вышел врач.

- Доктор!.. – глядя на него сверкающими от слез глазами, учащенно дыша, произнесла Натали.

- Все хорошо!.. Организм молодой!.. Но танцевать, я имею в виду, профессионально, она не сможет.

- Неужели нельзя ничего сделать?.. Ну не у нас... а в Америке... - в отчаянии воскликнула Натали.

- Господи, да что вы все так цепляетесь за Америку? – пожал плечами врач. – Можно подумать, у них нет калек!.. В Америке живут люди, а не волшебники. Вашей дочери, кроме феи из сказки, никто не сможет помочь! Поймите это сами и помогите понять ей: она не будет танцевать! Радуйтесь, что вообще осталась живой!.. Что позвоночник не поврежден, что она будет в состоянии вести нормальный образ жизни.

Тиана Веснина

Эрик, заметив, что глаза Натали закатились, вовремя подхватил ее и усадил на диван.

- Все!.. Все кончено... – шептали ее посиневшие губы. – Зачем?.. За что так?..

- Вам лучше поехать домой, – посоветовала медсестра мадам Киуглофф, растирая ей виски нашатырным спиртом. – Эва будет спать. Опасности для жизни нет. А вам необходимо отдохнуть.

- Я отвезу Натали, – сказал Кириллу Эрик.

- Хорошо. А вечером я заеду к ней, – бросил Мелентьев и быстрым шагом поспешил вниз.

«Кто?.. Кто столь безжалостно мог расправиться с Эвой? – бился в его голове вопрос. – Скорее всего, преступник, который видел, как она выходила из кабинета Леона, и который допустил мысль, что она тоже могла его заметить. – И что это?.. Неудавшееся убийство или грозное предупреждение: «Молчи!». А может, это предостережение для Натали?..»

Кирилл вынул заливавшийся переливчатой трелью сотовый.

- Алло!.. Кирилл Мелентьев?..

- Слушаю.

- Мне посоветовали обратиться к вам друзья. Меня зовут Алексей Круглофф, я муж Натали.

- Вы насчет... - начал было Кирилл, но ему не дали договорить.

- Я насчет того, что сегодня в четыре часа утра в меня стреляли!..

- Вы ранены?

- Нет! Так, царапина на руке.

- Сколько раз стреляли?

- Слава богу, один!..

- Где?

- Я возвращался домой и прямо около подъезда. Я в растерянности, не представляю, что мне делать... ведь попытку могут повторить!..

Всегда важен мотив

- Никуда не выходите, оставайтесь дома, немного позже я вам позвоню.

«Так, на семейство Круглоффых кто-то основательно ополчился!..» – покачал головой детектив.

* * *

Вечером Кирилл навестил Натали.

- На вашего мужа сегодня в четыре часа утра было совершено нападение. В него стреляли, - сообщил ей Мелентьев.

- И, конечно же, не попали! – саркастически усмехнулась она. – Садитесь, выпьем виски.

- Виски не прибавит меткости, – заметил детектив.

- О!.. Уж не меня ли вы подозреваете?

Кирилл выдержал небольшую паузу.

- Эва мне как-то рассказывала о ваших отношениях с мужем. Поэтому, если вы сделали завещание в ее пользу, то и в Круглова стреляли вы!..

- Что ж, если вы такой проницательный, то, значит, поняли, что именно он нанял того подонка, чтобы искалечить мою девочку. Не убить, а искалечить!.. – В ее полных слез глазах заметались искры бессильной ярости.
– Он рассчитал и попал в цель!..

- Ну, во-первых, если бы на Эву напали по заказу Круглова, то ее убили бы! Зачем ему делить с ней наследство?.. А во-вторых, Алексею выгоднее ваша смерть!..

Натали захохотала.

- Вы ни черта не понимаете в людской психологии, господин детектив! Алексею выгодно, чтобы я жила и содержала его! Потому что то, что он получит по завещанию, он промотает за полгода!

- Хорошо, – кивнул Мелентьев. – А теперь давайте поговорим серьезно и без излишних эмоций. Не хочу вас пугать, но тем не менее должен предупредить: вам грозит опасность!..

Тиана Веснина

- А мы эту опасность опередим! – хватая сумку, выкрикнула Натали. – Вы, сильный мужчина, неужели вы не сможете припереть этого подонка к стенке, чтобы он сознался в покушении на Эву?

- Припереть можно... но вы ошибаетесь!.. Круглов не организовывал покушения.

- Да откуда вы знаете?.. А впрочем, как хотите!.. Я и сама справлюсь!.. – Натали решительно двинулась в сторону прихожей.

Детектив понял, что пока она не уверится в непричастности Круглова, не успокоится.

- Хорошо, едем! – нагнал ее у двери Мелентьев.

Натали достала сотовый.

- Если вы – Круглову, то он дома.

- Откуда такая осведомленность? - вызывая лифт, спросила она.

- Он мне звонил...

- А!.. Испугался, тварь!.. А кто же заплатит вам гонорар?.. У него ведь ни сантима!..

- Вне всякого сомнения, он полностью рассчитывает на вас.

Они подъехали к дому Круглова.

- Ты?.. – раздался по домофону удивленный голос Алексея. – Поднимайся!..

У Кирилла возникло такое ощущение, будто он был поднят на третий этаж ураганом. Столько ярости испускало биополе Натали.

Не успел Круглов открыть дверь, как она схватила его за горло и закричала:

- Подонок!.. Как?.. Как ты мог?.. За все!.. Девочку!..

Мелентьев развел ее руки и, обратившись к оторопевшему Круглову, посоветовал:

- Налейте ей виски!..

Круглов автоматически повиновался, но, подав стакан, взвизгнул:

- Ты что, с ума сошла, ведьма?! В меня сегодня стреляли, чуть не убили...

Всегда важен мотив

Натали стукнула зубами о край стакана, настолько дрожали ее руки.

- Могу вас успокоить: больше покушений не будет, – сказал Мелентьев.

- Откуда такая уверенность?.. – проскрежетала она.

Детектив не успел ответить.

- Подонок! – и в Круглова полетел стакан.

- Да что случилось? – обращаясь к Мелентьеву, взмолился он. – Объясните!..

- Вчера утром было совершено покушение на Эву. Ее столкнули с лестницы, и она получила множественные переломы...

- Что?! – вскричал пораженный Круглов. – На Эву?! На нее тоже?..

- Не разыгрывай из себя агнца! – бросилась к нему Натали. – Ведь это твоя работа!.. Ты нанял того подонка, чтобы убить мою дочь и сесть мне на шею!.. Она тебе мешала!..

Круглов резко отбросил ее на диван, проговорив:

- Дура!.. – секунду поразмышлял и добавил: - Дура!..

- Вы знаете, кто это сделал? – спросил он у детектива.

- К сожалению, пока нет.

Он обернулся к Натали.

- Как ты можешь меня подозревать в этом?.. Да, у нас с Эвой отношения далеко не нежные. Мы терпеть не можем друг друга! Но чтобы я нанял киллера!.. Это ты хватила!.. – он неприятно рассмеялся. – У меня же нет денег.

- Я тебе не верю, – едва разжимая губы, прошептала Натали.

- Да пожалуйста, не верь! Твое дело!.. Но ведь Эва жива? – обратился он к Мелентьеву.

- Жива, – подтвердил тот.

- Но она больше не сможет танцевать!.. – с отчаянием выкрикнула Натали. – И ты мне за это заплатишь!.. – она открыла сумку и выхватила пистолет.

Тиана Веснина

- Ненормальная! – фальцетом выкрикнул Круглов и одним прыжком оказался за спиной детектива. – Так это ты в меня вчера стреляла, психопатка!.. Я так и подумал!..

- Жаль, что промахнулась!..

- Все!.. – поднимая руки, взмолился Кирилл: – Хватит!

Он подошел к Натали, взял у нее пистолет и сказал:

- Поехали, я отвезу вас домой.

- Я не смогу жить, пока не отомщу!.. – прохрипела она.

- Сначала надо разобраться. Поспешность в деле со смертельным исходом ни к чему. Если я предоставлю вам факты участия Алексея в организации покушения, тогда... тогда мы и решим, что делать, – говоря это, Мелентьев заговорчески подмигнул Круглову. – А сейчас надо успокоиться. Ну, представьте, как вы будете мучиться, если убьете его, а потом узнаете, что он невиновен. И самое главное, вместо того чтобы сделать все, чтобы защитить себя и Эву от нового нападения, вы попусту потеряете время. Поехали домой!..

Испепеляющий взгляд Натали прожег Круглова. Он не выдержал:

- Наташка, клянусь, чтоб мне больше ни одной ноты не взять: я невиновен в покушении на Эву!..

- Заедем в клинику, – попросила она Мелентьева.

Увидев у палаты дочери крепкого охранника, Натали вздрогнула.

- Что он здесь делает?..

- Это я поставил охрану, на всякий случай.

- Господи!.. За что?! – простонала она и приоткрыла дверь. – Спит...

- И вам надлежит сделать то же самое, - заметил детектив. – А завтра я заеду к вам, и мы побеседуем.

- О чём?! – опустошенно вздохнула она.

Глава XVII

Мелентьев позвонил Эрику Фавьеру и сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить о случившемся.

- Может быть, ты что-то заметил, но не придал этому значения.

- Да, конечно!.. Если не против, приезжай ко мне.

Кирилл приехал по указанному адресу.

- Здравствуй, – по-русски приветствовал его Фавьер. – Это пока все, что я выучил, чертовски трудное слово, – переходя на родной французский, улыбнулся он.

- Язык не простой, но богатый нюансами, – улыбнулся в ответ Кирилл.

- Выпьешь чего-нибудь?..

- С удовольствием!..

- «Шато-Гривье»?

- Отлично.

Эрик вышел. Кирилл сел в кресло и принялся перелистывать лежавшие на столе книги, авторы которых ему были так хорошо знакомы: Кант, Гораций.

«Кара не спускает глаз с гордо шагающего впереди нее преступника и неотступно следует за ним, пока не поймает его на месте преступления. Преступление не может остаться неотмщенным; если кара не настигает самого преступника, то (за его преступление) должны расплачиваться потомки».

Очень интересная мысль, - отметил детектив, - исходя из которой, можно предположить: Натали что-то скрывает, а Эва расплачивается... Но больше преступлений быть не должно. Я обязан опередить убийцу!..»

- Прошу, – поставил Эрик на стол бокалы с вином темно-рубинового цвета, пронизанного легким черепичным оттенком. – Ветхозаветное право – тальон! – указал взглядом хозяин на книги. - Око за око, зуб за зуб! Сейчас им уже не пользуются.

- Как сказать, – пробормотал Кирилл, отвечая на свои мысли. – Отличное вино! – не удержался он от похвалы.

Тиана Веснина

- Ты был у Натали? – первым задал вопрос Фавьеर.
- Да, мы еще заезжали к Эве, но она спала. Я поставил у ее палаты охранника.
- Думаешь, что преступник может возобновить попытку?.. Значит, по-твоему, ее хотели убить?! – боясь поверить в то, что он говорит, произнес Фавьеर. – Но за что?.. Она же еще почти ребенок!.. Восемнадцать лет!.. Кому она могла помешать?..
- Вот в этом я и должен разобраться.
- Сложная задача.
- Вспомни, пожалуйста, всю нашу прогулку, – попросил Мелентьев. – Я хочу сравнить твои наблюдения с моими!.. Эрик протянул своему гостю сигареты и закурил сам.
- Ну что?.. Приехали: фуршет, танцы в зале, потом Эва ела мороженое... и предложила пойти посмотреть на озеро, о котором говорил хозяин. Но мы сначала еще раз зашли в зал, я остался, ты с Эвой заглянул в соседнюю комнату, потом она кружилась, закинув голову к потолку. Мы вышли, взглянули на фасад и направились к озеру. На площадке лестницы задержались, любуясь открывшейся картиной. Ты - чуть в стороне, я и Эва – рядом. Неожиданно меня кто-то сильно толкнул, я отлетел в сторону, а Эва покатилась вниз. На долю секунды мы опешили. Ты очнулся первым, крикнул: «Позови кого-нибудь!» и помчался за преступником. Я поспешил к Эве. Ты вернулся с Натали. Приехала скорая помощь. Эву положили на носилки... и все...
- Вот и я ничего кроме этого не заметил.
- А может быть, это жестокая шутка каких-нибудь хулиганов?..
- Нет, – покачал головой детектив. – Это вполне серьезно.
- Бедная девочка!.. Что будет, когда она узнает правду?.. Ведь для Эвы балет – смысл жизни. Ужасно!.. И главное, мы были рядом... Казалось, могли бы предотвратить!..

Всегда важен мотив

- Такая возможность еще будет, во всяком случае, у меня, – грустно усмехнулся Кирилл.

- Значит, ты уверен: преступник не остановится?! – взволнованно спросил Эрик.

- Есть такое предположение.

- В таком случае, Эву надо немедленно увезти в Париж!..

- Это будет самым лучшим!..

- Как только врачи разрешат, я сам отвезу ее домой.

На душе у детектива было так тошно, что даже «Шато-Гривье» со сложным букетом – вишни, листьев смородины, перца, имбиря и кожи не смог улучшить настроения. Он попрощался с Фавьером и поехал домой.

«Как все запуталось! – с досадой на неповоротливость своих мыслей думал он. – Вроде бы преступник – налицо!.. Только-то и нужно, что взглянуться в него!.. – Машина сзади неистово сигналила Кириллу, что уже зеленый свет. Он нажал на газ. – Нет, я должен разобраться!.. Должен!.. И поможет мне в этом несравненная мадам Круглофф!..»

* * *

Но прежде Кирилл встретился с мсье Дюроком, который на несколько дней приехал в столицу. Француз явно хотел избежать разговора с детективом, однако был вынужден сдаться.

- Сразу должен предупредить вас, что мой день расписан буквально по минутам, - скороговоркой начал он, но, взглянув на вошедшего Мелентьева, сменил гнев на милость. – Прошу садитесь! Выпьете чего-нибудь?

- Нет, спасибо.

- Итак, мсье Мелентьев, чем я могу быть вам полезен? – с интересом глядя ему в глаза, спросил он.

«Никогда не предполагал, что буду иметь успех у геев! Забавно.

- У меня к вам всего несколько вопросов.

Тиана Веснина

- Пожалуйста, – с интонацией, в которой звучала повышенная доброжелательность, воскликнул Дюрок.

- Будьте столь любезны, вспомните, не говорил ли вам Шафранников, что кто-то угрожает ему?

- О, нет! В свои последние земные дни Леон был чрезвычайно весел и всем своим существом выражал бодрость и устремленность в будущее!..

- А вы сами, случайно, не заметили чего-нибудь необычного?

Дюрок слегка задумался.

- Знаете, у меня есть предложение!.. Давайте перенесем наш разговор на вечер. Поужинаем в ресторане, там и побеседуем, – играя взглядом, предложил он.

«Мне только этого не хватало: интимной беседы с педерастом».

- К сожалению, у меня тоже очень мало свободного времени, – сухо ответил Кирилл и поднялся, чтобы уйти.

Лицо Дюрока вытянулось. Он взмахнул рукой, как бы пытаясь удержать Мелентьева.

- Да, нет же, постойте!.. – растерявшись, воскликнул он.

– Я кое-что заметил тогда...

Детектив взглянул на Дюрока, но, увидев, что тот хочет лишь задержать его, сказал:

- Не буду вас более отвлекать от дел.

Дюрок заволновался. Этот синеглазый брюнет ему чрезвычайно понравился. «Да, он – гетерофил, но чего не бывает, когда опытный гей начинает ухаживать за взволновавшим его мужчиной» - мысленно приободрил он себя.

- В самом деле, вы совершенно правы, – поднявшись и обняв Кирилла за плечи, горячо произнес он. – После генерального прогона шоу со мной произошел любопытный случай.

Он вновь усадил своего ускользающего гостя на диван.

- Во время банкета ко мне подошла одна манекенщица... - Дюрок усиленно затрепетал пышными

Всегда важен мотив

ресницами, стараясь вспомнить имя девушки. – Ну та... что была в платье Елизаветы!..

- Мила Донина?! – оживившись, подсказал Мелентьев.

- Да, кажется. Она меня как-то очень ловко вывела из зала и, буквально прижав к стенке, принялась нести полную чушь. Утверждать, что все модели этого шоу были созданы не Леоном, а его стилистом Руди Логиновым... Что вообще Леон – зеро, именно так она и сказала, – зеро!.. Я, конечно, не поверил ей!.. И оказался прав. Так как все тут же разъяснилось. Очень кстати появилась другая манекенщица, та, которую потом отравили. И объяснила мне, что эта девушка давно влюблена в Руди и не знает, что сделать, чтобы заслужить его внимание. – Дюрок замолчал, и вдруг какая-то мысль встревожила его ясный лоб. – Что же получается? – в удивлении развел он руками. – На следующий же день эта, вторая, была отравлена... а потом был убит Леон!.. Так все же ясно!.. – устремил он на Мелентьева ошелевший взгляд. – Это она и убила их!.. Вы должны немедленно арестовать ее!..

Кирилл покачал головой.

- К сожалению, для ареста Дониной у меня недостаточно улик.

- Так соберите их скорее!

«Тоже мне – советчик нашелся! – мысленно пробурчал Кирилл.

- Большое спасибо, что уделили мне время, – произнес он и поднялся.

- Куда же вы?! – не скрывая своего разочарования, воскликнул Дюрок.

- Собирать улики, – усмехнулся Мелентьев, скрываясь за дверью.

* * *

Кирилл заехал за Натали в клинику и отвез ее домой.

- Сегодня Эва спросила меня: сможет ли она танцевать?.. Таким слабеньkim, детским голоском... Я

Тиана Веснина

ответила: «Все будет хорошо!..» Я ей пообещала, что она выйдет на сцену!.. Кирилл, что делать, когда она узнает правду?..

- Поскорее увезти Эву в Париж!..

- Да!.. Эрик мне сказал, что как только будет возможно, он отвезет ее.

- Кстати, о чём вы все время хотите со мной поговорить? – открывая дверь квартиры, устало спросила Натали. – Я едва держусь на ногах.

- Все, что я могу посоветовать – это выпить кофе и удобно устроиться на диване.

- Хорошо, – покорно вздохнула Натали. – «Уж не руки ли Эвы он решился просить, теперь, когда она стала, как все?.. Раньше была недоступной, а теперь... Господи!.. – Натали вся похолодела. – А что, если это он, Кирилл, подстроил нападение, чтобы получить возможность жениться на Эве?.. Нет, не может быть... совсем с ума сошла... Такой милый, умный ... Нет-нет!..» – разливая кофе, отогнала мадам Круглофф нелепую мысль. – Прошу, – поставила она перед гостем чашку и вазу с печеньем.

- Благодарю. Не хочу вас задерживать, но дело обстоит так, что покушение на Эву можно рассматривать как предупреждение ей или вам!..

Натали закашлялась.

- Не понимаю!.. Какое предупреждение?..

- Я предположил две версии: в ночь убийства Шафранникова вы или Эва видели преступника в Доме моды.

- Сразу скажу, что ни меня, ни Эвы там не было, – спокойно возразила Натали.

- Ошибаетесь!.. Эва была у Шафранникова, она мне сама об этом сказала.

- Вернее, была вынуждена сказать, не так ли?..

- Вы совершенно правы.

- Глупышка, я и не знала!.. Наверное, ходила упрашивать Леона не отменять дефиле в моем бутике?

Всегда важен мотив

- Да!.. Но ее миссия не увенчалась успехом. И когда Леон провожал ее, может быть, она видела преступника или же наоборот - он видел ее!.. Но это, как я заметил, первая версия.

- Какова же вторая? – чуть надменно приподнялись тонкие брови мадам Круглофф.

- Вторая — это вы!.. Вы видели преступника или же опять — он вас!..

- Но каким образом я могла его видеть? – отказываясь понимать, усмехнулась она. – Я-то, как могла попасть в Дом моды?.. Леона убили, если не ошибаюсь, около полуночи. Ну и как же, по-вашему, я ухитрилась войти в охраняемый со всех сторон Дом моды известного кутюрье?..

- Через потайной вход!..

- Что?! – воскликнула Натали. – Какой вход?..

- А тот, что ведет из спальни Леона в рамку отопления, - подсказал детектив.

- Простите, Кирилл, но я ровным счетом ничего не понимаю.

- Это вам может обойтись очень дорого!.. Повторяю: ваша жизнь в опасности!

- Господи! – расправляя плечи, воскликнула она. – Ну откуда я могла узнать о потайном ходе, который вырыл себе Леон, царство ему небесное!

- Трудно не потерять терпения!.. – бросил вскользь детектив. – Натали, к вашему великому сожалению, мне известно, что до замужества вы носили фамилию Козелькова и звали вас Ирина!..

Мадам Круглофф не сумела сдержать судорогу, исказившую ее лицо, но ничего не ответила.

Кирилл продолжил:

- Вы работали экономистом в магазине номер двадцать три. Вас вместе с продавщицей Марковой и кассиром Беловой уличили в махинации с дефицитным в семидесятые годы товаром. Но привлечены к уголовной ответственности были только двое: Маркова и Белова, так

Тиана Веснина

как труп экономиста Козельковой месяц спустя был обнаружен в Москве-реке. Именно так было записано в протоколе.

- Вы хорошо информированы!.. Но кто вас просил ворошить прошлое?.. Вы что, хотите отдать меня под суд?

- Я хочу помочь вам! Поймите, вам с Эвой угрожает реальная опасность!

- Да с чего вы взяли?.. Впрочем... - она резко оборвала фразу. – Без виски не обойтись.

Натали налила себе и своему мучителю.

- Ну и что вы от меня хотите?.. Какое имеет отношение то, давнее, к этому, сегодняшнему? Если кто и жаждет меня прикончить, так это Лешка!..

- Это было бы слишком просто.

- Все гениальное – просто!

- Трудно не согласиться, но, тем не менее, если вы хотите предотвратить следующее преступление, вы мне расскажите, каким образом вам удалось скрыться от советской Фемиды.

- О, господи!.. Испугалась, спряталась. Помогли люди!..

- Понятно, а теперь поточнее, пожалуйста!..

Натали пристально посмотрела в глаза детектива и криво усмехнулась:

- Когда директриса с общественным активом застукала нас при выносе товара, то, наоравшись вволю, отпустила по домам. Утром Маркова и Белова явились в магазин, а я – нет. Воспользовавшись краткой отсрочкой, я спряталась у знакомой. Она уже умерла, - предупреждая вопрос, уточнила Натали. – Эта же знакомая опознала меня в случайно выловленном трупе какой-то женщины. Благодаря своим связям она помогла мне с новым паспортом, а потом мне повезло: познакомилась с французом, вышла замуж и уехала. Все!..

- Как легко у вас все получилось!.. Подозрительно легко!.. В то время, чтобы уехать из страны, надо было пройти не одну проверку. Как же вышло, что КГБ так оплошало?..

Всегда важен мотив

- Всякое случается, – философски протянула Натали. – Мне просто повезло.

- Тогда вот вам третья версия: некто, кто помогал вам с получением паспорта, оформлением документов на выезд, случайно увидев вас теперь респектабельной дамой, принялся кусать свои локти, что некогда оказал вам услугу, и решил отомстить!.. Зачем? Чтобы самому легче дышалось... есть такой сорт людей. Не иначе, это какая-нибудь бывшая приятельница или друг...

- Все уже умерли! Я узнавала!..

- Значит, вы отвергаете эту версию?

- Полностью!

- Но остаются первая и вторая. Первая связана с Эвоц, вторая - с вами! Вы, точно так же, как и она, решили поговорить с Леоном: упросить его не отменять дефиле в бутике. Но разговор не удался, и тогда вы прибегли к крайнему средству – убийству! Через потайной ход вы проникли в спальню Шаффранникова, дождались, когда все уйдут и, неожиданно появившись перед ним, пронзили его ножницами!..

Каждая черточка лица Натали напряглась, взгляд остановился. Однако она собралась с духом и пришла в себя.

- Черт с вами!.. – выдохнула с осторвенением. – Я чуть не умерла от страха, увидев насаженного на ножницы Шаффрана. Да! – с вызовом подтвердила Натали. – Я воспользовалась забытым ходом. Я проникла в кабинет Леона, но хотела только пригрозить ему пистолетом. Клянусь, не более!.. А теперь представьте мое состояние, когда я, крадучись, вышла из спальни и увидела этот ужасный труп. Я едва успела зажать себе руками рот!.. Несколько секунд вообще не могла двинуться с места, а потом бросилась бежать!.. Никто меня не видел, и я никого не видела!.. – закончила свою страшную исповедь мадам Круглофф.

- Следовательно, остается только одна версия: кто-то мстит вам из прошлого!..

Тиана Веснина

- Глупости! – раздраженно бросила Натали. – Все уже умерли!..

- А если нет?.. – продолжал настаивать детектив.

- Ну кто и за что будет мне мстить?! Что я миллионершой стала или кинозвездой?..

- Но как объяснить нападение на Эву?

Натали взяла стакан с виски и отошла к окну.

- Москва!.. И надо было мне договариваться о стажировке в Большом!.. Черт, тянет этот город!.. Тянет!.. Думала, пусть и Эва увидит белокаменную!.. Увидела!.. Вы знаете, Кирилл, когда я немного пришла в себя после случившегося, то подумала, что разъяснить нам все сможет только сама Эва. Вполне вероятно, что кто-то очень настойчиво добивался ее внимания, а она не ответила. Мало ли ненормальных на свете, вот он и отомстил!..

- Вы склонны таким образом объяснить случившееся?..

- Ну, а каким еще?.. Все ваши версии, простите за откровенность, надуманны! Но это и понятно! Вы – детектив, вам хочется чего-то необычайного, какой-то сложной, запутанной, тянувшейся с давних времен интриги!.. Но в жизни все проще и банальнее: вместо захватывающего детективного романа вы получаете бульварную повесть в мягкой обложке. Не ищите сложностей там, где их нет!.. В одном, смею надеяться, вы правы – Алексей не причастен к нападению на Эву. Но я была в шоке!.. Поэтому и стреляла в него. Ладно, что там!.. Главное, Эва осталась жива. Я сделаю все возможное, чтобы она вернулась на сцену!.. Повезу ее в Штаты... – она грустно улыбнулась, встретившись с взглядом Кирилла. – Понимаете, я должна верить в то, что она будет танцевать! Если она заметит малейшее сомнение, она не выздоровеет.

Мелентьев молча смотрел на Натали. Ей было неприятно его молчание, красноречивее слов говорившее о несогласии детектива с ее версией трагедии.

Всегда важен мотив

- А... как только Эве станет лучше, - тем не менее продолжала мадам Круглофф, - вы с ней поговорите и найдете преступника.

- Хорошо. Но, несмотря на ваше нежелание прислушаться ко мне, я все же сделаю еще одну попытку.

Натали покачала головой.

- Ну что?.. Что вы от меня хотите?..

- Хочу попросить вас подробно рассказать мне о том, каким образом вам удалось получить новые документы, выйти замуж за француза и о том, как сложилась ваша жизнь в Париже.

Натали нервно рассмеялась.

- Мой рассказ может побить рекорд Шахерезады!.. Но, поверьте, ничего особенного, экстраординарного в моей жизни не было. Пожалуй, только несколько моментов: смерть Козельковой, «утопившейся из-за угрозений совести», появление Натальи Ивановой, вскоре вышедшей замуж за француза... И моя встреча с Алексеем, приведшая, как оказалось, к новому неудачному браку... Остальное – как у всех: день сменял ночь...

- Вы просто не хотите меня услышать! – поднимаясь, сказал Кирилл. – Мне остается только надеяться, что я ошибаюсь в своих предположениях.

Он попрощался и направился к двери, но, остановившись, сделал последнюю попытку.

– Поймите, даже если вы думаете, что вам удалось отречься от прошлого, оно все равно настигнет вас.

- Да что вы заладили: «Прошлое, прошлое!..» – неожиданно развеселилась Натали. – В конце концов неприлично так явно намекать женщине на ее возраст.

- К сожалению, я пока не располагаю никакими фактами, чтобы убедить вас в реально существующей опасности.

- Полагаю, вы ошибаетесь. Негодяй, искалечивший мою девочку, совсем не заинтересован в ее смерти. Уверена, он хотел только одного, чтобы всю жизнь Эва помнила о нем. И ему это удалось! Чего ж еще?..

Тиана Веснина

- В самом деле, чего ж еще?.. – с нескрываемым сожалением улыбнулся Кирилл и, пожелав Натали спокойной ночи, ушел.

«Что-то я упустил из виду!.. – размышлял Мелентьев за вечерней чашкой кофе. – Но что?..» Он попробовал вновь вернуться в атмосферу вечера в Доме моды Берзиньша, когда будто бы само пророчество обострило его интуицию, и он почувствовал, что убийца в гостиной.

Детектив закрыл глаза и снова увидел мебель, обитую сверкающим шелком, канделябры с дрожащими хрустальными подвесками, белоснежную рубашку Андре, жарко спорившую журналистку, радостно улыбавшуюся Эву, игривую Натали, пышногрудую Елизавету, Рудольфа, влюбленно смотревшего на своего кумира, Милу, не угловато-колючую, но царственно прекрасную... круглый стол, вокруг которого все сидели... потом опять Андре, отвечавшего на нескончаемые вопросы журналистки... Он ходит по гостиной... кружевной воротник широко распахнут на груди, бедра облегают бархатные юбочки, на ногах белые чулки... Он ходит и говорит... взгляд Рудольфа неотступно следует за ним... Кирилл напрягся, взглядываясь в картину недавнего прошлого, и его мысленный взор увидел... увидел убийцу!..

«Черт!.. Как же это я?.. – напустился на себя Мелентьев. - Решил устроить себе уютный детектив!.. Раскрыть преступление, сидя на диване, не обратив внимания на главное... не столь очевидное, но и не скрытое настолько, чтобы его не заметить!.. Хотя убийца, надо отдать ему должное, создал великолепную декорацию!.. Но всего лишь один телефонный звонок – и все его ухищрения оказались бесполезными».

Кирилл припомнил свой разговор со студентом, которого он навещал в больнице. Юноша тогда отчаянно сожалел, что ничем не смог быть полезен сыщику. Но вчера раздался звонок: «Я кое-что вспомнил!.. – задорно, по-

Всегда важен мотив

мальчишески, воскликнул он. – Не уверен, что это поможет, но...»

«Невероятно помогло, мой юный друг! Вы даже не догадываетесь, насколько! Теперь дело за уликами. Необходимо точно воссоздать механизм преступления и найти слабое звено. - Кирилл довольно улыбнулся. - Однако, как приятно разгадать хитроумную партию, которую преступник намеривался сыграть сам с собой, ловко передвигая и белые и черные фигуры. Не вышло!.. Теперь белыми буду играть я!..»

Глава XVIII

Лето расцветало. Бомонд столицы готовился к отъезду. Натали задумала использовать последний шанс для оживления замиравшей торговли. Она поговорила с Берзиньшем, Логиновым, несколькими влиятельными дамами и было решено устроить большой вечер перед тем, как все разлетятся по островам.

Для *soiree* /вечер (франц.), который Берзиньш предложил назвать «Римская вечеря», арендовали огромное помещение в одном престижном высотном здании. Сам Андрэ занялся дизайном. Натали подготовила очаровательные летние коллекции из моделей Берзиньша и Логинова. По ее замыслу кое-что, ненавязчиво прохаживаясь между столиков, продемонстрируют девушки, а остальное будет на манекенах, установленных по всему залу.

Утром, накануне «Римской вечери», Кирилл поехал проведать Эву.

«Однако, как все получилось. Леона убил один человек, а выгоду от его смерти получило сразу несколько. Вот что значит быть личностью!.. Шаффранников многим мешал», - размышлял по дороге детектив.

Тиана Веснина

В палате он столкнулся с Натали.

- А, здравствуйте!.. – улыбнулась она Мелентьеву и поспешила сообщить новость: – Недели через две врачи позволят Эве покинуть клинику, и мы тут же поедем в Париж. Да?! – склонилась она к дочери.

- Конечно, мама. Мне здесь все противно!..

- Ну, ладно, милая, я побежала. Сегодня большой вечер! Хочу блеснуть летними нарядами в надежде, что кто-то ими заинтересуется и обязательно купит. Так что с тобой увидимся только завтра. А с вами, сегодня, – слегка коснулась она плеча Мелентьева и поспешила по делам.

Кирилл сел на стул рядом с кроватью Эвы.

- Ты хорошо выглядишь!.. Если бы не гипс...

Эва отрешенно кивнула и произнесла то, о чем думала:

- Мама уверяет, что я смогу танцевать. Врачи тоже лгут, но не так умело. А ты, что скажешь?..

- А я скажу, что бывает все!..

- Нашла, у кого спрашивать, - дрогнули в слабой улыбке губы девушки. – Детектив – это же мастер лжи!..

- Ошибаешься!.. Мастер лжи – это фигурант. Вот кто плетет, путает, пока не закрутится так, что дышать нечем. Натали почему-то уверена, что на тебя напали по заказу какого-то отвергнутого тобой кавалера.

- Глупости! Она мне это тоже говорила. Никого я не отвергала. Просто идиотская выходка какого-то ублюдка.

Они еще немного поговорили. Кирилл старался по возможности развеселить Эву.

- Выздоровливай поскорей, – прощаясь, сказал он.

- Угу! – по-детски старательно кивнула девушка.

* * *

Вечер, срежиссированный Натали и оформленный Андрэ, приятно поразил гостей.

Зал был превращен в римский дворец с колоннами, статуями, еще не попорченными временем. Смотрящая

Всегда важен мотив

сквозь века в недоступную для смертных вечность Венера Милосская была с руками, крылатая Артемида с головой.

Золотисто-тревожный свет факелов, курительницы, источающие томный аромат сандала, девушки в воздушных белых одеяниях, подносящие гостям для омовения рук воду с лепестками роз...

Хозяева вечера, изо всех сил стараясь воссоздать атмосферу римской оргии, были неподражаемы.

Андрэ в одежде римского императора с золотым лавровым венком на голове, Натали в платье, стилизованном под пеплу (пепла – типичная женская греческая одежда без рукавов, прихваченная поясом, сильно присборенная и касающаяся земли), Елизавета и Мила в туниках, ярко подчеркивающих достоинства каждой.

Волнующая, притягивающая взоры грудь Елизаветы вздымалась из серебряных чашечек, поддерживаемых широкой искрящейся лентой; пышные рыжие волосы девушки были перевиты жемчужными нитями.

Неровные края розовой туники Милы стыдливо касались ее ног и тут же отлетали от малейшего дуновения, дерзко открывая еще большие совершенства.

Руди Логинов, следящий за тем, чтобы все по возможности шло по сценарию, метался по залу. Дружок Андрэ, Ник встречал приглашенных в образе величественно-игривой матроны.

Гостям, правда, не предложили устроиться на ложах согласно римскому этикету, а пригласили за столики, расположенные в полубеседках, увитых искусственным виноградом и шиповником.

Зазвучали тамбурины: появился главный виночерпий – необыкновенной красоты мальчик лет шестнадцати в белой тунике, скрепленной на левом плече фибулой /фибула (лат). – декоративная булавка/. Он подошел к возвышению, на котором с врожденной грацией императоров возлежал Андрэ, и налил в стоявшую перед ним чашу вино.

Тиана Веснина

Мелентьев посмотрел в сторону Ива Дюрока. Восхищенный взгляд француза красноречиво говорил, что он сделает все возможное, чтобы имя Берзиньша засверкало на авеню Монтењ.

В зал стайкой вбежали наложницы и, принимая позы музейных статуэток, начали танцевать

Гости занимали места согласно указанным на приглашениях номерах. Дюрок и Берзиньш, конечно же, оказались рядом. К ним были допущены Натали и одна важная дама.

Кирилл сел за столик с Эриком, Милой и, волнующей сердце и все остальное, Елизаветой.

Фавьер по сравнению с Мелентьевым оказался в затруднительном положении. Если главное достоинство Елизаветы – ее пышная, упругая грудь была прямо перед глазами Кирилла, и он вовсю наслаждался ее созерцанием, то Фавьеру приходилось время от времени что-то ронять, чтобы убедиться: неужели ноги Милы и вблизи столь же красивы, как казались издали. Он наклонялся и чувствовал, что если склонится еще раз, то не найдет сил выпрямиться.

Атмосфера вечера слегка кружила головы, подстрекая к сладким безрассудствам. Манекенщицы, ненавязчиво демонстрирующие модели, прохаживались по залу. Дамы подзывали девушек и со вниманием рассматривали пляжные костюмы, парео, вечерние платья. Натали зорко следила за перемещением моделей и считала заказы, сделанные гостьями вечера.

- Отлично! – шепнула она Андрэ, занятому чарованием Дюрока.

- Завтра у меня в бутике будет маленькое светопреставление, - подошла она к Логинову.

Рудольф прерывисто вздохнул.

- Самая непостоянная вещь на свете – это любовь!.. – попыталась успокоить его Натали. – Кто знает, может, завтра ты займешь место Дюрока.

- Ах, - покачал головой Руди. – Андрэ меня не замечает.

Всегда важен мотив

- Ошибаешься, он мне сегодня несколько раз сказал:
«Как хорош собой Руди!..» – мастерски соглашалась Натали.

- Правда?! – встрепенулся Логинов.

Взгляд Натали выражал обиду за такое недоверие.

А потом все смешалось... Кирилл с Елизаветой вышли в соседнее помещение и упали на кипу чехлов и покрывал. Волосы Елизаветы, злые, колючие щекотали Кирилла, губы, напротив, были необыкновенно нежны, грудь и живот ласковой волной ходили под ним.

Когда они, наконец, вернулись в зал, то нашли свой столик опустевшим, Мила с Эриком скрылись.

Кусочки льда, плавающие в коктейле, вначале вернули ясность мыслям, но потом они исчезли и больше не возвращались. Было весело, было бездумно, было хорошо быть. Что? Как? Куда? Когда? – не имели большего значения. Рыжие волосы, сладкие губы, гладкие бедра и горячий смех. «Душа моя, Елизавета», – шептал в маленькое ушко Кирилл, глядя белые плечи.

А действительность менялась, словно хрусталики в мозаике: мягкий мрак, смех, музыка, белые туники, факельное шествие мальчиков, разноцветные огни...

В два часа после полудня Кирилл открыл глаза и первым делом прошептал:

- Елизавета!..

- Я здесь, – раздался свежий, не знающей усталости голос рыжеволосой красавицы.

- Мы у тебя? – приподнимаясь с подушки, спросил Мелентьев.

- У меня, – сверкая улыбкой, ответила она и протянула ему стакан холодной минеральной воды.

- Ты – чудо!.. – глядя на обнаженную Елизавету, восхищенно проговорил он.

Солнечные лучи, преломившись в оконном стекле, свились в сверкающий ореол вокруг нее: волосы искрились, тело ослепляло... Казалось, она сошла с полотна великого мастера.

Тиана Веснина

* * *

Утром бригада рабочих вошла в зал, еще хранивший остатки римской оргии.

- Ну погудели! – усмехались они.

- Быстро наводим порядок: собираем манекенов, надеваем на них чехлы, укладываем в ящики, но так, чтоб ни одна голова не отвалилась! Демонтируем колонны, составляем столы, собираем стулья! – отдал команду старший.

Работа закипела. Старший зорко следил за укладкой декораций. Затем спустился на грузовом лифте во двор и громко выругался, увидев, что из одного ящика неловко торчала нога манекена в расшитой золотыми нитями туфле.

- Вот, сволочи!.. Предупреждал же!.. – он быстро подошел к ящику, заглянул в него и отскочил назад с остекленевшими от ужаса глазами. Немного постоял и заглянул снова: потусторонний взгляд манекена вызвал неприятный холодок, который ручейком пробежал по его широкой спине. – Ни черта не поймешь, то ли манекен, то ли живая... была, - слготнув ком, пробормотал старший и громко позвал одного из рабочих:

- Иди сюда!

В ответ донеслось раздраженное:

- Чего?!

- Иди сюда! – прикрикнул старший.

- Ну, чего? – вытирая лоб, спросил крепкий парень в ярко-синем комбинезоне.

- Глянь-ка в ящик! Не пойму: манекен или живая, то есть...

- Ну ты даешь! – хрюплю захохотал парень и заглянул в ящик. – Мать честная!.. Покойник!.. Ей богу!.. – отпрыгнув, крикнул он. – Давай-ка вместе!

Они вновь заглянули в ящик и отчетливо увидели лицо убитой женщины с пулевым отверстием почти посередине лба, вокруг которого кровь запеклась в причудливом

Всегда важен мотив

рисунке, исполненном всемирно известным дизайнером – Смертью.

- Надо это... - не в силах сообразить, проговорил старший.

- Ага!.. Это... - подхватил парень: - Милицию!..

Всем стало жутко и интересно. Слух разлетелся мгновенно. Все спустились во двор и со страхом, сладко возбуждающим нервы, заглядывали в ящик, потом тихо переговаривались, рассматривая неловко торчащую оголенную ногу в расшитой золотыми нитями туфле.

- Кто-нибудь знает ее? – спрашивал старший.

В ответ лишь пожимали плечами, сплевывали, закуривали.

* * *

Кирилл блаженствовал с Елизаветой на острове любви, имевшем четкие очертания большой кровати, где «лунь лимонных рощ» имитировали простыни.

Телефонный звонок пропел голосом заморской птицы. Словно разгребая волну, Елизавета отвела руку и подняла трубку.

- Алло, – сладко выдохнула она.

- Елизавета, – раздался встревоженный голос Андрэ. – Натали Круглофф убили!..

- Что?!

- Сегодня утром рабочие обнаружили ее труп в одном из ящиков с реквизитом.

- Господи, что творится!.. Бедная девочка, она уже знает?..

- Понятия не имею!.. Но мы опять в совершенно дурацкой роли фигурантов.

Елизавета положила трубку и мягко отвела голову, целовавшего ее в шею Кирилла.

- Натали Круглофф убили!.. – сообщила она.

- Черт!.. Я же предупреждал!.. – со всего размаха ударил он кулаком по кровати.

Тиана Веснина

- Теперь и ты фигурант!.. Будешь давать показания!..
- Черт!.. Я же предупреждал ее!.. Все тайну сохранить хотела, вот и получила...
- Каждый свое, рано или поздно, все равно получит, — спокойно заметила Елизавета.

Старшему оперуполномоченному МУРа майору Леониду Петрову пришлось нелегко: только приглашенных на роковой для Натали вечер оказалось около пятидесяти человек. Но он приятно порадовался, встретив в списке имя своего друга Кирилла Мелентьева.

- Ну что скажешь, детектив? — приветливо пожимая ему руку, спросил Петров.

- Признаться, не думал, что окажусь в гостеприимных стенах твоей конторы в качестве свидетеля. Но если серьезно, то есть у меня предположения, кто мог убить мадам Круглофф.

Кирилл поведал майору, все, что узнал о прошлом Натали, и о недавнем покушении на Эву.

- Основываясь на этом, ты полагаешь, что Круглову убил кто-то из ее бывших знакомцев?

- Думаю, да. Но, конечно, ни в коем случае не отвергаю версии, связанные с ее профессиональной деятельностью и убийством Леона Шаффранникова.

- Ого!.. Запутано!.. Ну, а что ты можешь сказать по поводу этой вашей римской оргии?

- Признаюсь, Леня, ничего!.. Вечер, одним из организаторов которого была Натали, получился отличным.

- То есть ты ничего особенного не заметил.

- В начале она вместе с Андрэ встречала приглашенных, потом после демонстрации моделей подходила к гостям, как бы между прочим напоминая им перед отъездом на отдых заглянуть к ней в бутик... и больше я ее не видел...

Всегда важен мотив

- Ну, понятно, были объекты поинтереснее, -
ухмыльнулся Петров.

- Как и где это произошло?

- В соседнем помещении, там стояли коробки, ящики, ну и тому подобный хлам. Круглова была убита выстрелом в лоб из пистолета ТТ с глушителем.

В начале третьего утра она вышла из зала, то ли по какой-то надобности, то ли ее вызвал сам убийца. Преступник выстрелил, и Круглова упала в ящик из-под реквизита. Пистолет был, кстати, обнаружен в соседней коробке: никаких отпечатков, совершенно новый.

Утром грузчики принялись освобождать помещение, не обратив внимания на торчащую из ящика ногу, несомненно, приняв ее за конечность манекена. Погрузили ящик в лифт, спустили во двор и только там обнаружили труп. Вот так!.. Кто-то всерьез решил отомстить Кругловой: сначала нападение на ее дочь... Кстати, ты оказался прав, приставив к ней охрану. Теперь сама мадам...

- Я пытался предотвратить летальный исход событий: как мог уговаривал Натали довериться мне. Но, по-видимому, тайна была настолько страшной, что она предпочла молчать и унести ее с собой.

- Да, интересное дело - как следует запутанное, с добротным налетом времени...

- Эву жаль!.. Такие потрясения!.. – вздохнул Кирилл. – Как она выдержит?..

- Ладно, появятся идеи, звони! – протянул руку Леонид.

* * *

Церемония прощания: Натали в розах, с локоном, скрывающим пулевое отверстие во лбу. Эва с остановившимся взглядом в инвалидном кресле, Лина Рюс, обнимающая ее за хрупкие плечи. Испуганное лицо Логинова, печальные глаза Андрэ, безразлично-спокойная Мила Донина, вытирающая слезы Елизавета. Траурный флер дам, белые букеты, черные костюмы мужчин.

Тиана Веснина

Супруга покойной с трудом отыскали на Лазурном побережье Франции. В качестве штатного певца и альфонса он гостил у одной богатой пожилой дамы на беломраморной вилле, омываемой волнами Средиземного моря. Круглофф ограничился телеграммой в несколько строк, сообщавшей о скорби по незабвенной Натали.

- Опять мы встретились с вами на похоронах, - заметила Лина Мелентьеву и тут же вздохнула: - Бедная девочка!.. Я забрала ее к себе. А послезавтра Эрик отвезет ее в Париж.

- Каким образом вы оказались в Москве? - удивился Кирилл.

- Рудольф замучил меня звонками. Накопились какие-то бумаги, нужна моя подпись, мое присутствие... Я только позавчера приехала. И, едва увидев в аэропорту Руди, подумала: «Что-то случилось!» И точно, он мне сразу сказал: «Натали убили!..» У меня, признаюсь, земля чуть не ушла из-под ног. Сели в машину, и он мне рассказал о нападении на Эву! Господи, да что же это такое?.. Леон, Натали... - Лина дрожащими пальцами провела под глазами и, склонившись к Эве, что-то сказала. Но Эва ее не услышала и продолжала смотреть в одну точку.

Церемония прощания окончилась, гроб медленно опустился для кремации.

Фавьер взялся за кресло с безучастной Эвой и повернул его к выходу.

Лина оперлась о руку Мелентьева.

- Ну, а Леон?.. Вы что-нибудь нашли?.. - спросила она.

- Сложное дело, - признался детектив.

Лина согласно опустила голову:

- Я не могу избавиться от мучительного для меня вопроса: кто?.. Кто его убил?! Перебираю в уме всевозможные варианты... Неужели все так безнадежно?.. Неужели справедливость торжествует только в романах?!

Всегда важен мотив

Хотя это, если можно так выразиться, Пиррова справедливость, убитого не вернешь... Но, тем не менее, она нужна!..

- Я отрабатываю версии. Не стоит терять надежду. Как сказала одна моя знакомая: «Каждый свое, рано или поздно, все равно получит!»

- Но вы знаете, бывает так, что, действительно, поздно... .

- Бывает, – согласился Кирилл. – Но имею основания предполагать, что не в случае с вашим братом.

- Дай-то бог!.. Такое преступление должно быть наказано!..

Они вышли на улицу: летний ветер с озорством набросился на траурный флер Лины, заставив его трепетать в своих игривых дуновениях. Придерживая шляпку, она направилась к машине, в которой уже сидели Эва и Фавье.

- Значит, до послезавтра, – сказал Кирилл. – Я приеду проводить Эву.

Он приехал, но провожал не Эву, а восковую фигуру, выполненную с некогда веселой, непоседливой девушки, которая легко делала тридцать два фуэте, взлетала в жете и замирала в арабесках.

Эва не видела, не чувствовала. Она сидела в кресле все с тем же остановившимся взглядом и прижимала к груди урну с пеплом.

- И вот так все дни, – шепнула Лина детективу. – Эрик отвезет ее к моим друзьям.

Кирилл наклонился, поцеловал Эву в щеку. Она не шелохнулась.

- Я постараюсь хотя бы неделю побывать с ней. Все так неожиданно!.. – словно оправдывался Эрик. – Я все бросил!.. Руководство фирмы, конечно, будет недовольно. Но... - не найдя слов, он рукой показал на девушку.

- Вам пора! – целуя Фавье, напомнила Лина и склонилась к Эве.

- Я тоже постараюсь приехать ее проводить, - сказал Кирилл, пожимая руку Эрику.

Глава XIX

Кирилл сидел на высоком стуле перед стойкой и, заглядывая в книгу с рецептами экзотических напитков, готовил себе коктейль. Торжественно-кокетливо звучал «Сюрприз» Гайдна, серебрясь, сбегали по стене хрустальные струи искусственного каскада.

Мелентьев заставил себя полностью отвлечься от всех дел и даже подумывал немного отдохнуть.

Телефонный звонок вторгся в тревожно-грустное начало «Лондонской» симфонии, которая после первых настороженных тактов обрела сияющий блеск и утонченное звучание изысканной эпохи.

Кирилл взял трубку.

- Добрый вечер, — услышал он любезный голос Рудольфа Логинова. — Прошу простить за беспокойство, но мне надо срочно с вами увидеться!

- Приезжайте, — Мелентьев назвал адрес.

Полчаса спустя в рубашке цвета бирюзы Руди уже сидел на диване перед детективом. Он был взволнован. Его длинные, подкрашенные ресницы трепетали, пальцы с перламутровым лаком на ногтях чересчур сильно сжимали бокал с коктейлем.

- Понимаете, то, что я вам хочу сказать, это моя догадка... - с трудом начал Логинов. - Но, с другой стороны, может, вам она покажется необоснованной...

Кирилл выразил нетерпение поскорее услышать суть.

- Одним словом, около моего дома вот уже третий день крутится какой-то весьма подозрительный тип. Вчера, когда я зашел в подъезд, отключился свет, хорошо, я не успел войти в лифт. А сегодня за моей машиной следовали какие-то «Жигули», я не разбираюсь в их моделях, - небрежно пояснил он.

Всегда важен мотив

- Что ж, ваши опасения вполне объяснимы. После всего случившегося...

Но Логинов перебил детектива, воскликнув:

- Не надо меня успокаивать! Я знаю, кто убил Натали!..

- О!.. – Кирилл замер.

Руди тоже.

- Ну, что же вы?!?

Логинов безжалостно теребил жемчужную пуговицу на рубашке.

- Уф!.. – замотал он головой. – Мое признание можно рассматривать как некое предательство... – ища моральную поддержку у детектива, произнес он. – Но моей жизни тоже грозит опасность!

- О каком предательстве вы говорите?! – не выдержав, бросил Мелентьев. – Назвать имя убийцы?!

- Да, но... все дело в том, что... – Руди осекся. Однако тут же собрался и произнес, бледнея от ужаса. – У меня есть все основания предполагать, что Натали убили Андрэ и Мила!..

- Вы... вы ведь догадывались... - торопливо продолжил он. – Вы ведь уже знаете, что это они?!

Кирилл невесело усмехнулся.

- Ну... тогда почему вы их не арестуете?! – немного переведя дыхание, спросил Логинов и вдруг разразился нервным смехом. – О чём я? Андрэ в тюрьме – это же немыслимо!.. Это же кощунство!..

- Не более кощунственно, чем отправить в тюрьму Оскара Уайльда, – заметил Кирилл.

- Ой! Плесните чего-нибудь! – взмолился Рудольф. – Иначе я рискую сойти с ума.

- Успокойтесь и объясните толком, – наливая ему виски, посоветовал детектив.

- Да ведь вы ничего не понимаете! – пушинкой взметнулся он с дивана. – Я ведь люблю!.. Люблю Андрэ!..

- А он вас - нет!

Тиана Веснина

- А он меня нет... – словно эхо повторил Руди и взорвался: - В этом-то и суть дела! Он любит Милу!..
- Значит, я верно подметил!
- Вот из-за того, что вы подметили, и была убита Натали!.. А может быть, и Леон и Инга!.. И мне грозит та же участь!
- И все замыкается на Дюроке!
- Естественно! Дюрок – гей, который не потерпит бисексуала!.. Если бы он узнал, что Андрэ увлекся женщиной, то ни за что не подписал бы с ним контракт!
- Но он уже подписан! Следовательно, это обстоятельство не сможет изменить ход событий.
- Сможет!.. – сделав большой глоток из стакана, воскликнул Руди. - Что такое контракт? Пока только бумага!.. Андрэ без помощи Дюрока ничего не добьется в Париже!
- Каким образом вы узнали, что у Андрэ изменилась ориентация, если вообще вся его эта ориентация не блеф? – попросил уточнить детектив.
- Все случилось в Доме Берзиньша! Помните, после спектакля «Голубой господин» мы поехали к нему. Ужинали!.. Было так весело!.. Потом все разбрелись кто куда. Андрэ тоже исчез. Я было подумал, что он уединился с Ником, но тот болтал с журналисткой. Вот тогда-то я решил воспользоваться моментом: поговорить тет-а-тет с Андрэ. Вышел в коридор, и вдруг впереди, в шагах десяти от меня, открылась дверь, и я увидел Берзиньша, с обхватившей его бедра ногами Милой... ну, они, вы меня понимаете... Тут кто-то слегка охнул и захлопнул дверь. Это была Натали! Думаю, она совершенно случайно открыла эту дверь. Но Берзиньш успел ее заметить!.. А теперь у меня есть все основания предполагать, что он заметил и меня, - печально закончил Руди.
- Так-так!.. Можно сделать вывод, что о его тайных отношениях с Милой каким-то образом узнали Леон и Инга!

Всегда важен мотив

- Совершенно верно! – кивнул Логинов. – И поплатились за это жизнью! Вы же не знаете, что вначале Дюрока больше интересовал Андрэ. И вдруг совершенно неожиданно Берзиньш как бы ушел в тень. Уверен, Леон, узнав об увлечении Андрэ Милой, недвусмысленно попросил того освободить дорогу. Берзиньшу ничего не оставалось. Он ушел, но зорко наблюдал за развитием событий. И, выбрав подходящий момент, убил Шафрана. Однако страсть к Миле настолько овладела им, что он опять забыл об осторожности. Ах, как все это!.. Ведь поймите, мы же с Милой были друзьями!.. Поддерживали друг друга в непростой атмосфере Дома. Она знала о моей любви к Андрэ, о том, как меня использует Шафран. И предала!.. Мало ей мужчин!.. Нет, понадобился Андрэ! А для меня он единственный! И я его предаю!.. Господи, что же я наделал?

- Вы сообщили о своих подозрениях. Только и всего.

- Да!.. Теперь Андрэ арестуют!.. Но ведь они пытаются убить меня!.. –сосредоточенно разговаривал сам с собою Логинов, позабыв о детективе. - А я только защищаюсь!..

- Чтобы арестовать Берзиньша и Донину, – прерывая монодиалог Логинова, произнес Кирилл, – необходимы улики!

- А что, их нет? – встрепенулся Рудольф.

- Есть! Почему же? Но для того чтобы предъявить обвинение в убийстве, недостаточно. Даже, если учесть ваши показания!

- Мои показания... – ошелело повторил Рудольф. – Ужас!.. Что же будет?.. Что же мне делать?..

- Насколько мне известно, Берзиньш и Донина отправляются в Париж.

- Да!..

- Ну так вот, ваше молчание, думаю, убедило их в том, что вы им не повредите. Донина считает вас своим другом, а Берзиньш знает о вашей любви. Если бы вы вздумали добиться его ответа на ваши чувства шантажом, вы бы уже

Тиана Веснина

не преминули это сделать! Но ведь вы не показываете вида, что вам известно об их отношениях?

- Естественно! Но тогда, как же так случилось с Натали?.. Постойте, кажется, я понял: это они подстроили несчастный случай Эве!.. – Логинов подпрыгнул на диване от страшной догадки. - Вы правы!.. Натали, несомненно, принялась шантажировать их, и тогда они расправились с Эвой. Но Натали это не остановило, и она продолжила свой шантаж, тем самым давая понять, что ничего не боится и им придется ей уступить. Мало ли чего она могла добиваться от Берзиньша?! Эксклюзивного предоставления права торговли маркой «Берзиньш – Дюрок», открытия нового бутика, или даже участия в делах Дома моды!..

- Ну вот, вы сами себе и ответили, что вам нечего опасаться преступной пары. Они убили Натали только потому, что она стала их шантажировать. К тому же, можно предположить, что Берзиньш вас, скорее всего, не заметил.

- Тогда как же объяснить подозрительного типа у моего дома, преследование «Жигулей», погасший свет в вестибюле?..

- Просто!.. Подозрительный тип, например, влюбленный, ожидающий выхода своей пассии; за рулем «Жигулей» - пенсионер, живущий недалеко от вас, которому ни к чему было обгонять вашу машину, ну а свет!..

- Обыкновенная поломка!.. – как-то не очень доверяя предложенным детективом объяснениям, подсказал Логинов.

Кирилл, поняв, что Рудольфу больше нечего сказать, постарался завершить его визит.

- Думаю, у вас сейчас очень много работы. Приехала Лина!..

- Да-да, Лина!..

- Отбросьте свои опасения и занимайтесь делами Дома моды. - Скоро!.. Скоро все разъяснится!.. – постарался приободрить его Мелентьев. – Но, конечно, необходимо

Всегда важен мотив

быть очень осторожным, – добавил он. - К тому же, в том, что поиски преступников так затянулись, отчасти виноваты и вы сами, - сказал на прощание детектив.

Логинов обмяк, будто обреченный на приношение, и пробурчал:

- Ну уж нет! Причем здесь я?

Кирилл от удивления даже не сразу нашелся.

- Как же? Ведь вы солгали! Вы утверждали, что были в клубе «Жано» уже в четверть двенадцатого. А на самом деле вас видели на автостоянке клуба ровно в полночь. Это могут подтвердить небезызвестные вам Тео и Лель. Я все проверил, вы солгали мне приблизительно на сорок пять минут. Если учесть, что от Дома моды до клуба на машине минут десять-пятнадцать, то получается, что вы покинули Дом не в двадцать три часа, а в двадцать три сорок пять.

- Ах это... - прислонившись к стене, проговорил Логинов.

- Это не имеет никакого значения...

- Как сказать! – с тихой яростью в голосе отзывался детектив.

- Ну, а что бы вы хотите?! – не выдержав нервного напряжения, сорвался на крик Руди. – Да, я сдвинул временные рамки, ну и что? Представьте, мне совсем не хотелось из-за дурацкой игры случая, который подтолкнул меня к двери кабинета Шаффранникова чуть ли не в момент убийства, стать фигурантом номер один!

Кирилл только покачал головой.

- Один солжет на полчаса, другой - на сорок пять минут, третий - на сутки, а в результате убийца разгуливает на свободе и наводит на вас же страх.

- Хорошо! Согласен! Виноват! – пробубнил Руди. – Но теперь, когда все выяснилось...

Кирилл, усмехнувшись, продолжил:

- Как бы не стать четвертой жертвой?

Руди не ответил, только шумно сглотнул, жалостливо глядя в глаза детективу.

Тиана Веснина

- Не волнуйтесь! Все будет в порядке! – похлопал он по плечу Руди, слегка подталкивая того к двери.

* * *

Визит к Мелентьеву не принес Рудольфу желанного облегчения. Он страдал от страха и от того, что предал Берзиньша с Дониной.

«Но ведь и они – хороши!.. Убийцы!.. Хотя... однозначно обвинять их все-таки нельзя. Их шантажировали, - они защищались!.. Тем более что ставка была высока!.. – пояснил сам себе Рудольф. – Но Натали!.. Такая с виду была умная, прожженная дама и так неловко сыграла партию!.. Хотя шантаж – игра обреченных. Рано или поздно от шантажистов избавляются. Грубо играют, нагло... А что, если построить свою игру? Очень тонко, продумать не только атаку, но и отступление в надежное укрытие?..» - эта мысль увлекла Руди.

Несколько дней Логинов был погружен в размышления. Он жаждал сыграть с Андрэ рискованную партию, сделав ставкой не деньги, а любовь! Он отлично знал, насколько это опасно. Жертвы были налицо. Но он также знал, что Андрэ сумеет по достоинству оценить бесстрашие и ловкость влюбленного в него противника.

- Руди!.. – потеряв терпение, воскликнула Лина. – Руди, вернись из своих далей! Осень!.. Слышишь, за летом наступит осень!.. Наш Дом в отсутствии Берзиньша должен и может полностью завладеть столицей. Мы обязаны держать марку «Шафранников» на том уровне, на который ее поднял Леон.

- Конечно! – встрепенувшись, соглашался Руди. – Вот, - он протянул несколько эскизов. – Вчера набросал. Идея не нова, но всегда интересна: игра на шахматной доске!..

Лина разложила эскизы.

- И впрямь, очень неплохая идея, - взглянула она него и, не удержавшись, стукнула от досады ладонью по столу. – Руди, какого черта?.. Ты где?

Всегда важен мотив

- Прости, устал!.. Так как насчет моей игры?..
- Мне нравится. Если ее эффектно подать, то...
- Значит, я продолжу работу в этом направлении.
- Продолжай, – пристально глядываясь в него, ответила Лина. – Только приди в себя. Отдохни!.. Поехай куда-нибудь!.. Потому что так дальше нельзя! Ты где угодно, только не в студии.

Руди согласно кивнул, собрал свои эскизы и ушел. Лине осталось только тяжело вздохнуть и обратить свой взгляд к портрету брата.

* * *

«Мне-то и надо немного – только, чтобы он увидел меня! Больше не могу выносить его прозрачно-невидящий взгляд. Если бы не Мила, я ни за что не был бы приглашен к нему после спектакля!.. Андрэ не желает замечать меня!.. Но я заставлю!.. Он будет вынужден признать тот факт, что я существую и люблю его! – ворочаясь на кровати, думал ночи напролет Руди. – Даже самый отчаянный трус бывает однажды в жизни отчаянно храбр!» – решил он для себя.

Но все же голос предательски дрогнул, когда секретарь соединил его с Берзиньшем.

- Слушаю, – донеслось до него как сквозь сон.
- Здравствуй... Андрэ!..
- Привет. Что-то случилось?.. Прости, я очень занят, – небрежный тон Берзиньша вернул Руди отвагу.
- Думаю, нам надо увидеться, – повлекла его в бездну произнесенная фраза.

Эффект удался. Андрэ не скрыл своего замешательства.

- То есть?.. Прости, что ты сказал?..
- Пришло время нам увидеться! – с нагловатой усмешкой повторил Руди.
- Не вижу оснований! – отпарировал Берзиньш.

Тиана Веснина

- Уверен, ты не будешь разочарован! – продолжал атаковать Логинов. –

Просто мне хочется, чтобы удача не отвернулась от тебя и в Париже!..

- Куда ей деться! Она прикована ко мне!.. Я – баловень!..

- Вот я и хочу, чтобы цепь не порвалась!.. Ведь удача, как женщина, а это всегда опасно! Она имеет склонность менять любовников!..

- Если я правильно понял, все дело... - Андрэ взял паузу, но Руди не стал слушать тишину и закончил фразу Берзиньша:

- Все дело в Миле!..

- О!.. Какая редкая осведомленность.

- Не такая уж и редкая! – совершенно охмелев от небывалой отваги, дерзко ответил Руди. – Некоторые за нее уже поплатились, поэтому я предпринял меры предосторожности.

Андрэ вновь взял паузу. На этот раз Логинов не прерывал ее.

- Что ж, нам и в самом деле будет небезынтересно встретиться, – произнес он. – Послезавтра, в девять, у меня. Я пришлю за тобой машину.

- Согласен!

- Договорились, – с легкой насмешкой, от которой Руди все же похолодел, сказал Андрэ и положил трубку.

Рудольф придирчиво смотрел на себя в большое овальное зеркало. Блузы, рубашки летели куда попало. Руди метался по комнате, не в силах удержать вырывающееся из груди сердце.

«Неужели сегодня я увижуся с Андрэ?.. Неужели сегодня я смогу рассказать ему о своей любви?.. Пусть даже за это признание мне придется заплатить жизнью! – с храбростью обреченного добавлял он. – Но Андрэ, наконец, узнает, как я его люблю!..»

Снизу позвонили и сообщили о прибытии машины.

Всегда важен мотив

В майке пепельного цвета, эластичных брюках леопардовой окраски, с цепочками на груди и браслетом на руке Руди спустился вниз.

Шофер открыл дверцу, Логинов сел на заднее сиденье. Глянул на себя в ретроспективное зеркальце и нашел, что красив.

«Вызывающе красив иексуально неотвратим! Андрэ не устоит!.. Разве можно сравнивать голубую любовь с примитивным обладанием женщиной?.. Первое – это утонченное наслаждение, даруемое Природой избранным! Второе – это кусок, брошенный всем!»

Руди предчувствовал Андрэ: кровь бешено пульсировала, дыхание – быстрое, стесненное.

Шофер остановил машину, вышел, открыл дверцу. Как во сне, Рудольф поднялся на третий этаж. Дверь квартиры была приоткрыта. Он вошел и двинулся на свет.

В гостиной, задрапированной синим бархатом, они появились одновременно. Андрэ был в черном. Только на открытой груди на золотой цепочке сверкала рубиновая капля.

- Прошу, - указал Берзиньш на стул перед столом, покрытым расшитой синими звездами скатертью. Сам сел напротив.

Рудольф смотрел на него восхищенными глазами, напрочь забыв об опасности. Впрочем, зачем о ней помнить? Роковой шаг сделан и изменить что-либо уже нельзя.

Андрэ поднял бокал.

- За встречу!

Руди с жадным восторгом, несколько по-театральному воскликнув: - «Пью за тебя!» – одним глотком осушил бокал.

- Итак? – вопросительно приподнял брови Берзиньш.

- Итак! – с влюбленной дерзостью глядя на модельера, ответил Логинов: – Я наконец-то добился, что ты увидел меня!

Андрэ поморщился.

- Что же дальше?

Но уже ничто не могло обескуражить Рудольфа.

- Я хочу, чтобы ты узнал, как я люблю тебя, Андрэ!.. Я хочу, чтобы ты узнал, как страдаю от твоей холодности!..

- Это вполне понятно, ведь я-то тебя не люблю! – устремил на своего собеседника пронизывающий взгляд Берзиньш.

Эти слова обозлили Логинова.

- Не любишь?! – воскликнул он и поднялся со стула. – Ты просто мучаешь меня!.. Тебя это забавляет!.. Я не верю тебе!.. Невозможно не любить меня! – с вызовом продолжал Рудольф. – Я красив, нежен, сексуален!..

Он приблизился к Андрэ. Берзиньш насмешливо смотрел на своего гостя.

- Но это правда – я действительно не люблю тебя!

Руди почувствовал, как кровь ударила ему в голову.

- Может, это и правда, но кратковременная, – путаясь в мыслях, бросил он. – Ты заблудился, Андрэ!.. – горячо дыша, он сел на пол у его ног. – Тебе вскружила голову Мила!..

- Ах, вот как!.. И с чего ты взял?..

- Но я не виню тебя, - не слушая его, продолжал Логинов. – Я все понял, ты был вынужден защищаться от шантажа Леона, Инги, Натали! Ты не убивал их, ты просто ответил им!.. – все более возбуждаясь, быстро говорил Руди.

- И что ж, теперь на смену им пришел ты?!

- Нет! – взмахнул руками Рудольф. – Нет!.. Я – другое!.. Мне не нужны деньги! Я не хочу мешать твоей карьере в Париже! Я хочу только твоей любви!.. – в его глазах сияла мольба.

Берзиньш расхохотался.

- Любовь стоит дороже денег, следовательно, не имеет цены. Ты желаешь невозможного!

- Невозможного?! – подскочил с пола Логинов. – Желаю невозможного?! – как бы переспрашивая себя и Андрэ, повторил он. – Ну что ж... - прищутив глаза, тихо

Всегда важен мотив

рассмеялся, - тогда я ее потребую! И ты не расправишься со мной, как с другими! Я все предусмотрел!.. Учи!.. – приближая свое лицо к лицу Берзиньша, многозначительно произнес он. – Если меня вдруг убьют, - все узнают, что это сделал ты!

- Каким же образом? – совершенно спокойно поинтересовался Андрэ.

- О!.. Способов много!.. Но будь спокоен, я выбрал самый надежный!

- Да я и не волнуюсь.

- Ну так что? – положив Андрэ руку на плечо, спросил Рудольф.

Берзиньш насмешливо глянул на него.

- Попусту теряешь время, Руди!

- Значит, так?.. – угрожающе прошипел Логинов.

- Так!.. Хотя, признаюсь, мне импонирует твое безрассудство!.. Вот так прийти и сказать обо всем!.. – Андрэ неторопливо прошелся по гостиной. – Но ведь, все-таки, — это шантаж! Согласись!

Под взглядом Берзиньша Руди был вынужден кивнуть.

- Ну а разве можно ответить любовью на шантаж? – с обволакивающей, лишающей самосознания ласковостью продолжал рассуждать Андрэ. – Вот если бы ты сделал что-нибудь такое...

- Что?! – глядя на него совершенно безумными глазами, воскликнул Логинов.

Андрэ сыграл задумчивость.

- Да хотя бы... взял ответственность за убийство известных нам лиц на себя!

Губы Руди дрогнули в блаженной улыбке, но тем не менее он произнес:

- Но тогда меня посадят в тюрьму.

- Совсем не обязательно, – возразил Берзиньш. – Просто мне хотелось бы иметь доказательство твоей любви, вот и все!.. Ты бы мог написать признание и отдать его мне.

- Но ведь ты им не воспользуешься?!

Тиана Веснина

- О, конечно же, нет!.. Быть может, завтра я его даже порву, но сегодня я хочу его иметь! – при этих словах рука Берзиньша скользнула по бедру Логинова. – Однако я вижу, что ты в затруднении!

Руди не ответил.

- Выпьем!.. Давай выпьем за любовь! – разливая вино по бокалам, предложил Андрэ. – Несмотря на самое скептическое отношение к вопросу о ее существовании, она все-таки есть!

- Да! – горячо поддержал его Руди. – И я это докажу!

Он одним залпом выпил вино и потребовал бумагу.

Берзиньш протянул ему папку.

Рудольф сел за стол и, не задумываясь, написал: «Я, Рудольф Логинов, признаюсь в том, что убил Леона Шаффранникова, Натали Круглофф и Ингу Крутову». Поставил подпись и отчаянно замотал головой.

Тяжелый пепельно-серый туман заволок всю гостиную. Руди попытался приподняться, но ощущил в теле такую слабость, что не смог пошевелить даже рукой. Обрывки сознания еще позволяли ему видеть происходящее, похожее на сон.

Он увидел Милу в ядовито-желтом комбинезоне и вздрогнул: на ней были точно такие же туфли, как и на шоферке, который привез его сюда. Донина слегка потрепала бывшего друга по волосам и ласково произнесла: «Не ожидала я такого от тебя, Руди!»

«Ведьма! – пролетело в отуманенной голове Логинова. Берзиньш, обняв Милу, весело смеялся и пил вино. – Да они же меня отравили!!!» – с неожиданной отчетливостью подумал Рудольф и провалился в бездну небытия.

Тем временем ничего не подозревающий Кирилл Мелентьев проходил паспортный контроль. Детектив летел во Францию, чтобы проведать Эву и немного отдохнуть, как он полагал, перед своим блистательным решающим ходом, который завершит хитроумную партию, начатую убийцей.

Глава XX

Несколько дней Кирилл провел в Париже. Затем позвонил Эве, которая гостила у одной из подруг Лины на Лазурном побережье, и сказал, что скоро приедет с ней повидаться.

Мелентьев решил отправиться на юг на машине, но не устоял перед искушением проехаться по Нормандии и Бретани. Понежиться на бесконечных песчаных пляжах, сверкающих на солнце и обдуваемых прохладным ветром. Таким образом, его путешествие несколько затянулось.

Под вечер, когда розовый свет заката окрасил Лазурное побережье, машина Мелентьева остановилась перед ажурными воротами мило увитой зеленью небольшой виллы.

- Могу я видеть Эву? – спросил он по домофону.
- Простите!..
- Меня зовут Кирилл Мелентьев.
- Ах, да, конечно!

Ворота раздвинулись. Кирилл въехал на дорогу, ведущую к дому. На пороге стояла молодая, но не очень привлекательная женщина.

- Здравствуйте! Меня зовут Николь, я подруга Лины и была немного знакома с Натали. Все, что произошло – ужасно!.. Бедная Натали и несчастная Эва. Она так медленно поправляется! – сокрушилась Николь, сопровождая Мелентьева. – Это оттого, что она знает: ей больше не танцевать!.. Какая ужасная судьба!..

- Кириллу оставалось только кивать в знак согласия.
- ... Мы думали: южный воздух, солнце, море отвлекут бедняжку от мрачных мыслей, но... - она разверла руками.
 - Поговорите с ней!.. В конце концов, она молода, красива!.. А чтобы быть счастливой, совсем не обязательно танцевать.
 - Конечно, Николь! Я тоже очень хочу, чтобы Эва поправилась и по возможности смогла забыть о балете.

Тиана Веснина

Молодая женщина остановилась перед широко открытыми дверями и шепнула:

- Она там!

Они вышли на большую полукруглую веранду с великолепным видом на море. Около перил, которые любовно обвили стебли вьюющихся роз, в инвалидном кресле сидела Эва. Девушка услышала шаги вошедших, но не обернулась.

- Эва! – нежным колокольчиком пропела Николь. – К тебе гость!

Кирилл подошел к ней и протянул руку.

- Здравствуй! Ты отлично выглядишь!

Эва улыбнулась.

- Уже пытаюсь ходить, правда... - она кивнула в сторону, где стояли костыли.

- Но это временное средство передвижения, - заметил Кирилл.

Эва покорно кивнула. Несомненно, ее уже утомил хор утешителей, и она сочла за лучшее со всеми соглашаться.

- Ничего нового? – пытливо взглянула она в глаза детектива.

- Увы!.. – развел он руками. – Могу только сказать, что выстрел был из прошлого!..

- То есть?

- То есть, кто-то отомстил твоей матери. Знаешь, есть такое понятие – тальон.

- И что оно означает?

- Око за око, зуб за зуб!..

- Но за что?..

- Не знаю!.. Скажу честно, я предчувствовал опасность. Просил Натали довериться мне, чтобы избежать несчастья, но она наотрез отказалась. Может, тебе что-нибудь известно о ее прошлом?

Эва пожала плечами.

- Мама никогда не пускалась в воспоминания, особенно если я спрашивала о ее жизни в России.

Всегда важен мотив

- Вот видишь, за давностью лет вряд ли я сумею добраться до истины.

- Значит, убийство мамы останется не отомщенным?

Последние лучи солнца скользнули по искаженному болью, бессилием и ненавистью лицу девушки. На веранде зажглись светильники.

- Увы!.. Скорее всего, так!.. Да и к чему может привести отмщение?.. Только к чьей-то смерти!

- Не к чьей-то, а убийцы! – оживившись, воскликнула Эва.

- Да, конечно, – согласился Кирилл. – Но, к сожалению, найти его будет непросто.

- Но ты попытаешься? Я тебя очень прошу!.. Я уже разговаривала с Эриком, он обещал оплатить все расходы!

- Благородно с его стороны.

- Он очень хорошо относился к маме, – вздохнула Эва. – Он скоро приедет сюда и отвезет меня к своим родителям в Штаты. Он хочет, чтобы я побыстрее поправилась.

- Вот и отлично!.. Но начать поправляться можно и здесь. Было бы чудесно, если бы к его приезду ты уже не сидела бы в этом кресле.

Они еще долго беседовали под яркими звездами Лазурного побережья. Пришла Николь и предложила аперитив. Кирилл остался на ужин.

Когда он вернулся к себе в отель, было около полуночи. Спать совсем не хотелось. Легкие всплески моря, перешептывание пальмовых ветвей...

Кирилл отправился в бар. Сел за столик и заказал виски с содовой. Его внимание тут же привлекла эффектная брюнетка лет сорока пяти. Она была чем-то раздражена. Кирилл пригляделся и понял: ее раздражало одиночество.

Несомненно, дама была весьма богата: на столике лежала сумочка от «Шанель»; платье со шнурковкой на спине тоже было куплено в бутике знаменитой Мадемуазель.

Тиана Веснина

Дама лениво помешивала соломинкой коктейль в высоком стакане и с затаенным презрением поглядывала по сторонам. Заметив внимание Кирилла, мадам оживилась, чуть изогнула спину и повернулась всем корпусом в его сторону. Грудь, прикрытая чашечками платья, сладко колыхнулась. Искушенная дама достала из сумочки зажигалку и ловко имитировала ее поломку. Она усиленно щелкала, но высекала лишь искры. Знак был послан. Мелентьев его принял. Поднялся и предложил скучающей мадам огня.

* * *

Лина сидела за рабочим столом своего брата и раздраженно выговаривала секретарше, которая не могла разыскать Рудольфа.

- В конце концов, если не отвечает ни сотовый, ни домашний, поезжайте к нему домой, расспросите консьержку, соседей!.. Не мог же он уехать, не предупредив меня!.. Это просто черт знает что такое!.. Я же не в состоянии одна управляться со всеми делами!

Девушка потихоньку двигалась к двери и, улучив момент, когда Лина раскрыла очередную папку с эскизами, удалилась.

Посещение дома, где жил Логинов, оказалось безрезультатным. Консьержки не имелось, соседи, неохотно открыв двери, пожимали плечами.

- Ну что прикажите делать?! – не на шутку разволновалась Лина. – В милицию обращаться?..

«Еще одна смерть в Доме моды Шафранникова и Дом рискует погибнуть!.. Если с Руди и впрямь что-то случилось, это грозит катастрофой! Дизайнера такого уровня я не найду! Июль в разгаре. Дефиле в октябре!.. Это конец!»

Ее взгляд в поисках поддержки обратился к портрету брата.

Всегда важен мотив

* * *

Кирилл вернулся в Москву с эксклюзивным загаром Лазурного побережья. Открыл дверь своей студии, и она показалась ему тесной. Вышел на лоджию – столица раскинулась перед ним безбрежным тяжело дышащим океаном. Душно. Мелентьев плотно закрыл окна, включил сплит-систему. Прохладные струи оживили воздух.

Он сделал фруктовый коктейль и прилег на диван. Вскоре ему предстояло встретиться лицом к лицу с убийцей и передать того, как было заранее оговорено с заказчиком, Вадимом Салатко, прямо тому в руки.

Детектив закрыл глаза, и в который раз принялся выверять свою окончательную версию. На первый взгляд, она казалась чудовищной, на второй – тоже. Но, по сути, она таковой и была. Кирилл почувствовал, что ему необходимо отключиться. Он попытался заснуть, - не удалось. Тогда надел наушники и поставил лазерный диск. Торжественно-утонченная музыка Люлли вновь унесла его во Францию.

Вечер заглянул в окна и нашел Кирилла по-прежнему лежащим на диване. Он приоткрыл глаза, посмотрел на часы и поднял телефонную трубку.

- Алло, Эрик! Это Кирилл. Я сегодня вернулся из Франции. Виделся с Эвой!..

- О!.. Как она?

- Намного лучше, но с кресла встает неохотно. Она потеряла желание жить.

- Я постараюсь найти мотивацию!

- На данный момент ее способна вернуть к активной жизни только возможность отомстить убийце Натали.

- Неужели ты напал на след преступника? – взволнованно спросил Эрик.

- Можно сказать, что так!

- Но кто он?.. Хотя прости, это, наверное, тайна следствия.

- Да, конечно. Но мне необходима помощь. И я подумал, что как раз ты и смог бы быть мне полезен.

Тиана Веснина

- Охотно! Что я должен сделать?..
- Надо... - начал было Мелентьев. – Знаешь, это не телефонный разговор, нам лучше увидеться. Если я через пол часа заеду к тебе?
- Конечно.

Эрик не скрывал своего волнения, едва Мелентьев перешагнул порог его квартиры, тут же спросил:

- Неужели тебе удалось разгадать тайну убийства Натали?
- Почти. Остались кое-какие неясности. Но имя убийцы мне известно!

- А чем я могу тебе быть полезен?
- Сейчас объясню, - ответил Кирилл, садясь в кресло перед журнальным столиком, над которым на длинном шнуре висел стеклянный абажур.

Эрик предложил гостю Мартини. Тот согласно кивнул.
- Итак, как я сразу и предположил, смерть пришла к Натали из прошлого, - начал детектив. - Я зывал к ее рассудку, но она не хотела меня слушать. Теперь понимаю почему.

Карие глаза Эрика, не мигая, смотрели на Мелентьева.
- Слишком чудовищным, другого слова и не подберешь, оказалось ее прошлое, вернее, она сама. Все началось с привлечения к суду за спекуляцию французской косметикой экономиста магазина № 23 Ирины Козельковой. Козелькова – это девичья фамилия Натали, - пояснил детектив. - Тебе, я думаю, известно, что в 70-е годы в Советском Союзе практически ничего нельзя было купить в магазинах...

Эрик кивнул.
- Ну так вот, после того как преступная группа, в которую входила Натали, была раскрыта, она в ту же ночь исчезла. Но куда?.. Кто помог ей изменить фамилию, кто опознал труп, выловленный из Москвы-реки, как труп экономиста Козельковой?.. Она ответила одним словом – друзья!..

Всегда важен мотив

Мне пришлось поинтересоваться, какие именно. И вот что я узнал: был всего один друг – офицер КГБ.

В ночь разоблачения, используя кратковременную отсрочку перед арестом, полученную благодаря уверенности директора магазина, что от советского правосудия уйти невозможно, она бросилась к своему любовнику офицеру. Тот мгновенно составил план действий и Натали исчезла.

Месяц спустя в Москве-реке был найден труп неизвестной, и какая-то, словно из-под земли появившаяся женщина, опознала в нем свою подругу Ирину Козелькову. Все это я обнаружил в архивах благодаря содействию одного очень влиятельного человека, так что сведения – достоверны, – подчеркнул Кирилл. – Далее, Ирина Козелькова превратилась в Наталью Иванову, которая вскоре познакомилась с французским инженером, приехавшим на несколько месяцев в СССР. Будучи весьма привлекательной, она очаровала француза и вышла за него замуж. При выдаче документов на выезд КГБ не стало чинить ей препятствий. Таким образом, Наталья Иванова стала мадам Вернье.

Но жизнь с французом не сложилась. Зная отчаянный характер Натали, не сомневаюсь, что она сочла за глупость, попав в Париж, всю жизнь прозябать на среднюю зарплату мужа. Она подала на развод. Не исключено, что, став свободной, Натали занялась проституцией. И тут, в прямом смысле слова, раздался стук в дверь... Здесь нам надо немного, совсем немного, пофантазировать, – быстро проговорил Мелентьев. – Предположим, вошел мужчина в сером: сером плаще, шляпе и с серым лицом. Он, насколько смог, приветливо улыбнулся и сел. Натали с нескрываемым удивлением смотрела на него. Открыв портсигар, незнакомец закурил и только после этого представился, сказав, что он хороший знакомый ее друга, офицера КГБ. «Нам нужна ваша помощь!» – тут же перешел к делу серый товарищ. Натали тяжело опустилась на стул.

Тиана Веснина

- Конечно, не имеет ни малейшего смысла, вам, умной женщине, говорить, что у вас нет никакой возможности отказаться. Но я все-таки поясню, - как бы оказывая любезность, произнес он. - В случае отказа, ваше преступное прошлое будет предано огласке и советское правосудие потребует вашей экстрадиции в СССР... или же может произойти несчастный случай... Это уже на выбор и вкус наших сотрудников.

Глаза Натали словно остекленели.

- Что вам от меня нужно? – глухим эхом донесся до нее собственный голос.

- Не скрою, весьма серьезная услуга!.. Вот! - он положил на стол пистолет.

Натали так резко отпрянула, что едва не упала со стула. Ее рука, сжимавшая ворот халата, бессильно повисла, обнажив грудь.

- Я не умею... - жалобно пропищала она.

- Это очень просто, – успокоил ее серый товарищ. – Главное, не в этом. Главное – суметь войти в доверие к очень осторожным людям!.. Они – предатели! – неожиданно злобно вззвизгнул Серый. – Они хитростью сбежали на Запад и попросили политического убежища. Он – физик, она – журналистка. Родина взрастила их, дала образование, жилье, работу, а они бежали! – товарищ нервно задергал головой и попросил воды. Выпив два стакана, продолжил: - Вам надлежит познакомиться с ней, стать вхожей в их дом и, улучив удобный момент, - убить! – Натали сидела, не шелохнувшись, будучи не в состоянии поверить в реальность происходящего. Серый между тем полез в потайной карман пиджака, вынул портмоне, открыл и положил на стол перед Натали две фотографии.

– Она, - пояснял товарищ, - Ольга Шувалова, урожденная Бекетова. Он – Сергей Шувалов. Два года тому назад они получили французское гражданство и теперь проживают по адресу: Фобур Сент-Антуан, 23. По субботам их можно встретить в парке Монсо. Там есть небольшое кафе «У Луизы», где они обычно пьют кофе. Но лучшим вариантом,

Всегда важен мотив

я считаю, сначала познакомиться с ней одной. Почти каждый день она гуляет со своим ребенком в Люксембургском саду. - Натали была в состоянии близкому к обмороку. – Да вы слушаете меня?! – грозно прошипел Серый. Голова Натали бессильно упала на грудь. – Слушай, киска, со мною эти номера не пройдут! Не надейся, что я исчезну из твоей жизни раньше, чем ты выполнишь твое задание. Слышишь, – он приподнял ее за подбородок, — это твое задание!.. И ты должна его выполнить! К тому же, заметь, в случае удачного исполнения ты получишь определенную сумму, что позволит тебе перебраться в более приличную квартиру и даст возможность изменить жизнь к лучшему!.. Другие бы и не подумали оплачивать твои услуги, потому что ты нам кругом должна, но мы – щедрые, мы ценим хороших, исполнительных и немногословных работников.

- Но я... я... - Натали с трудом двигала губами, - я не могу убить людей...

- Дура!.. Это же не люди – это предатели родины!.. И вообще, что это я тебя уговариваю? Тут все ясно как дважды два – или ты их, или мы тебя, понятно? – Натали не шелохнулась. – Понятно? – вскипел Серый.

- Да.

- Теперь твоя легенда. Ты – Мария Алексеевна Иевлева, потомственная дворянка. Твои предки сразу же после революции сбежали в Соединенные Штаты, мать твоя вышла замуж за русского эмигранта из Австрии и покинула Америку. Ты вышла замуж за француза, разошлась и теперь живешь одна. Приманкой будет твоя ненависть к Советам, лишившим твою семью состояния и родины.

Перед Натали блеснул обманчивый луч надежды.

- Но я еще очень плохо говорю по-французски. Она сразу поймет, что я ее обманываю.

- Не поймет! Зачем вам, соотечественницам, говорить на чужом языке?.. И вообще, все надо сделать быстро!

- Легко сказать!

Тиана Веснина

- А легко было спрятать тебя, выдать новые документы, подыскать мужа?.. Так что отрабатывай, Мария Алексеевна Иевлева. Вот тебе деньги. Наймешь квартиру по этому адресу, - он протянул листок. – Оденешься соответственно потомственной дворянке, а не шлюхе с улицы Сен-Дени. Пистолет положишь в укромное место. Через неделю, ровно в два часа, встретимся в бассри «Лувр».

Серый исчез, а в студии остался мерзкий запах. Натали широко открыла окно и задумалась. Впрочем, что было думать? Товарищ сформулировал на редкость ясно: «Или ты их, или мы тебя!»

Около полудня Натали прогуливалась по главной аллее Люксембургского сада. Выбрав пустующую скамейку, она села и достала из сумки книгу. Невдалеке от нее уже сидела молодая, красивая шатенка, с улыбкой наблюдавшая за игрой своего ребенка. Все произошло быстро и ловко, словно сам Серый подстроил. Мяч выскользнул из рук малыша и подкатился прямо к ногам Натали. Она наклонилась, подняла его и протянула шалуну.

- Ну что же ты? - обратилась к нему по-русски Ольга Шувалова. – Мадам тебе предлагает взять мячик. Ну давай же! - подтолкнула она сына. – И не забудь сказать мерси.

По лицу Натали пробежало радостное волнение, не укрывшееся от Ольги Шуваловой.

- Боже, вы русская!.. – торопливо подошла к ней Натали.

Ольга настороженно взглянула на соотечественницу и очень сухо ответила: «Да».

- О, конечно, я знаю, это не совсем тактично знакомиться на улице, но мне так хотелось поговорить с настоящей русской! Или вы, быть может, как и я, увы, уже не настоящая? – с отлично сыгранной печалью, уточнила Натали.

Всегда важен мотив

- Я не совсем понимаю вас! – удивленно воскликнула Ольга. – Что значит не настоящая?

- Потомок эмигрантов из России, - вздохнула Натали. – Ах, как бы мне хотелось хоть на единый миг увидеть мою родину. Как бы хотелось!.. Помните, у Зинаиды Гиппиус?.. «Господи, дай увидеть! Молюсь я в часы ночные. Дай мне еще увидеть Родную мою Россию».

Ольга помрачнела. Ребенок теребил ее за руки и звал: «Мама! Мама!..» Она вздрогнула и, погладив его по голове, сказала:

- Возьми мячик и поиграй.

Натали села рядом.

- Вы видели Россию? – с приподыханием спросила она.

Ольга помолчала и тихо ответила:

- Мне бы не хотелось об этом говорить.

Но Натали совершила невозможное: растопила трехлетнюю бдительность беглянки из страны Советов. Они разговорились. Потом пошли в кафе.

- Так одиноко здесь! – призналась Ольга. – Так одиноко!.. Но и жить в той лжи было уже невозможно. Нам пришлось уехать, - вздохнула она. - Сейчас я работаю в редакции одной русской газеты. Но там все либо напуганные, либо затаенно озлобленные...

Натали, конечно, оказалась полной их противоположностью: она излучала доброжелательность. Они стали встречаться и вместе гулять в Люксембургском саду. Затем сходили в кино, в цирк-шапито. Однажды Натали пригласила ее к себе в гости. Ольга насторожилась, но рискнула прийти.

- Я так благодарна случаю, который познакомил нас! – растрогавшись, произнесла она, поднимая бокал шампанского.

Серый торопил Натали, но Шувалова все никак не приглашала ее к себе. Наконец, этот день настал: Натали переступила порог дома своих жертв. Любовь и забота друг о друге царили в нем. Сидя за круглым столом, уставленным русскими блюдами, Натали позабыла обо

всем. Ее сердце, никого не любившее, вдруг оттаяло, и она подумала: «Как славно, что я познакомилась с ними. Теперь мне есть куда прийти, есть кому пожаловаться, попросить помощи». Слезы признательности за такое радушие выступили на ее глазах. Опьяненная вином, согретая вниманием она вернулась к себе и, сладко улыбаясь, заснула.

Глава XXI

Утро было мрачное. Утро безжалостно осветило все, как есть.

«Господи! – взмолилась Натали. – Что же мне делать?.. Бежать! – тут же вспыхнула мысль. – Но куда?.. Разве от серых товарищей можно скрыться? Они же следят!.. Притом, очень умело, я не вижу их, но чувствую!.. А что, если они хитрят со мной? И после выполнения задания убьют меня?.. Но зачем? Ведь я могу им еще пригодиться!.. Надо отметить, что свое слово они умеют держать. Скрыли меня от милиции, сделали новые документы, отправили сюда... Нет, нет... не то!.. Ведь я должна убить добрых, милых людей... Как же это?..»

Часы на стене пробили половину второго. – Черт возьми, у меня же встреча с этой крысой!.. – воскликнула она и, натянув платье, метеором вылетела на улицу.

Каждую неделю Натали встречалась с Серым, или как она его прозвала - крысой, в различных кафе.

- Вы опоздали! – сухо выговорил он ей. Всмотрелся в нее и добавил: - Да вы не в себе!.. Что еще такое?!

Натали затравленно оглянулась и попыталась непослушными руками оправить на себе платье.

- Я не могу, - упав на стул и закрывая лицо ладонями, простонала она. – Милый, хороший, я не могу их убить!

Крыса как-то очень буднично пожал плечами и совершенно спокойно ответил:

- Ваше дело.

Всегда важен мотив

Натали осторожно глянула на него в щелочку между ладонями.

- Ваше дело, - повторил он, затягиваясь сигаретой. – Их все равно убьют!.. Но и вас мы не можем оставить в живых. Вы слишком много знаете. Одно дело, если бы вы сами ликвидировали их. Таким образом вы как бы подписали обет молчания. А теперь... Признаюсь, мне жаль! – неожиданно теплым, искренним голосом произнес крыса и даже слегка зарумянился, как человек.

Натали подняла на него удивленные глаза.

- Да, мне жаль вас! Такая молодая, красивая и, к тому же, вы ведь здесь оказались не по своему желанию. Ну, преступили закон!.. Оно понятно, хотелось немного побольше денег, только и всего. Но ведь вы не предавали Родину, и она это оценила. А чем вы ответили на ее доброту и всепрощение?.. Она взывает к вам, просит отомстить, а вы пригрелись возле иуд!.. Требуется-то немного — только нажать на курок. Вас же не заставляют их душить, пытать. Только-то положить ваш наманикюренный пальчик на курочек, нажать на него - и все!.. Быстро так, раз-два — и вы тут же испаритесь. Получите деньги, смените квартиру, начнете новую жизнь...

Шуваловы пригласили Натали на воскресный обед по случаю какого-то церковного праздника. Ольга и Сергей вернулись из храма. Дверь им открыла няня. Сдав своего питомца родителям, она ушла. Минут через пятнадцать позвонила Натали.

Она была совершенно спокойна. Глаза светились радостью.

«В конце концов, их все равно кто-то убьет, так почему не я?.. Они — предатели родины... милые люди... но предатели, - так сказал крыса, а он-то знает!.. Всего два тихих выстрела, - поглаживая сумку, которую она держала под мышкой, - зомбировала сама себя молодая женщина. – И я — свободна... ну, или почти... Не моя вина, что

Тиана Веснина

судьба сложилась именно так. Волей-неволей я стала сотрудничать с КГБ, значит, это моя работа. Главное, как говорит Серый, не расслабляться!»

Посредине гостиной был накрыт праздничный стол.

- Сережа сейчас выйдет, - сказала Ольга, обнимая Натали за плечи. – Пойдем, пока есть время, я тебе покажу мое новое платье!

Они зашли в спальню. Ольга открыла шкаф, вынула платье, повернулась и изумленно уставилась на подругу, которая наставила на нее пистолет. Выстрел прозвучал, будто открыли бутылку шампанского. Ольга покачнулась и ничком упала на кровать. Натали хотела сделать контрольный выстрел, как учил ее серый товарищ, но не успела. Дверь неожиданно открылась, и на пороге появился Сергей. Увидев свою жену, ничком лежавшую на кровати, он вопросительно взглянул на Натали и все понял, но изменить уже ничего не смог. Перепуганная Натали всадила в него по крайней мере три пули, четвертой, - сама вылетела из квартиры.

Опомнилась она уже на улице. Огляделась. Все было безмятежно: прохожие, воздух, солнце и серебристый звон, доносившийся с колокольни православной церкви. Она поправила ворот платья, выпрямила спину и смешалась с толпой.

На следующий день ровно в два часа Натали встретилась с крысой в шумном бассри. Он пришел раньше нее и пил пиво. Она присела рядом. Официант принес кофе.

- Итак? – обратилась она к товарищу.

- Итак, я с удовлетворением отмечаю, что мы не ошиблись в вас, - сказал Серый и положил перед ней книгу. – Здесь деньги, - пояснил он. – Да, кстати, а почему вы не ликвидировали ребенка?

- Вы же мне сказали – убить только их, - прошептала Натали.

Всегда важен мотив

- Я и не отрицаю, но наше ведомство приветствует инициативных товарищей. Вам стоило побеспокоиться о собственной безопасности. Вдруг он вас запомнил?

- Его не было в квартире! Он гулял с няней! – уверенно ответила Натали. – Я проверила!

- Ну, что ж, тогда проблема исчерпана, - слегка зевнул Серый и, приветливо кивнув, ушел.

Натали вернулась на старую квартиру, быстро собрала вещи и в тот же день переехала в более респектабельный район Парижа, где и началась ее новая жизнь.

Кирилл немного помолчал и заключил:

- Вот, приблизительно так, я представляю то, о чем Натали даже под угрозой смерти не хотела вспоминать.

- И какой же вывод ты из этого сделал? – спросил Эрик.

- Вывод, как говорится, напрашивается сам собой, - невесело произнес Кирилл. – Ты убил Натали и организовал покушение на Эву.

На краткий миг последняя фраза детектива повисла в воздухе.

Фавьеर, устремив взгляд на Мелентьеву, не двигался, а потом громко рассмеялся.

- Ну, ты даешь!.. Хотя, если честно, я не нахожу здесь повода для шуток.

- А я не шучу и тебе не советую. Я знаю, что ты убил Натали.

- Нет, ты ошибаешься! – не выдержав напряжения, воскликнул Эрик и вскочил с дивана.

- Предупреждаю! Без глупостей! – Кирилл выхватил из наплечной кобуры, скрытой под пиджаком, пистолет и навел его на Эрика. - Сядь и давай во всем разберемся!

Эрик усмехнулся, посмотрел на пистолет и сел.

- В чем же ты хочешь разбираться, если уверен, что убийца я?!

- Как психологу, каковым я являюсь по образованию, мне бы хотелось уточнить некоторые детали.

- А мне бы хотелось узнать, с чего ты решил записать меня в преступники?

- Ты допустил ряд грубых ошибок!.. Признаюсь, я не сразу обратил на них внимание, так как заподозрить тебяказалось просто абсурдом.

- И какие же ошибки я допустил? – с повышенным интересом обратился Эрик к детективу.

- Не умея говорить по-русски, ты вызвал скорую помощь, когда произошло нападение на Эву.

- Здесь нет ничего удивительного!.. – ответил Фавьер. - Ты погнался за бандитом, а я поспешил к гостям и попросил одного господина вызвать машину.

- Не правда! – покачал головой Мелентьев. – Я опросил всех гостей. Никто из них не звонил в больницу! Вызов сделал ты! Кстати, думаю, мы можем говорить по-русски.

- Как пожелаешь, - с мягким акцентом отозвался Эрик. – Но скорая помощь – это еще не повод обвинять меня.

- Может быть, но я вспомнил, как испуганно ты отдернул руки от рояля, когда я вошел в бальный зал. Я понял, что ты умеешь играть, но почему-то скрываешь это. Меня заинтриговала твоя скрытность, и я стал внимательнее приглядываться к тебе. Собственно, вот эти зацепки и вывели меня на след питомца одного из пансионов Британии – Эрика Фавьера, настоящее имя которого – Алексей Шувалов. И тогда стало ясно, кто выстрелил в Натали, и стало ясно почему. В газетах за тот период много писали о жестоком убийстве эмигрантов из СССР Сергея и Ольги Шуваловых. Кстати, на твоем столе я видел книгу Канта, как раз его размышления о тальоне.

- Однако, какой ты внимательный! Но Канта, хочу заметить, читаю не я один.

- Полагаю, что даже не читаешь, а вычитываешь строки, в которых идет речь о тальоне.

Эрик презрительно хмыкнул и подлил себе Мартини.

- Ну и что ты хочешь услышать от меня? – наконец спросил он после затянувшейся паузы.

Всегда важен мотив

- Правду!.. Расскажи, что случилось с тобой после того, как Натали убила твоих родителей. Если честно, мне хочется понять, как за столько лет идея отмщения не потухла в тебе. Ну, пока ты был подростком, — это понятно. Ты грезил о дне, когда появишься перед Натали, подобно графу Монте-Кристо, и произведешь выстрел торжествующей справедливости. Но потом, когда ты познакомился с Эвой, неужели тебе не было жаль девочки? Зачем же ты и ее покалечил?

- Зачем? — глубокая морщина перерезала лоб Фавьера.
— А вот ты послушай!.. — он тяжело перевел дыхание. — Странно, я никому об этом не рассказывал, а тебе, человеку, который хочет отправить меня в тюрьму, расскажу. Ты все верно предположил. Думаю, так оно и было, я имею в виду, как она втерлась в доверие к маме, как вошла в наш дом. Она была очень милой: играла со мной, читала книжки, помахивала рукой, когда я катался на карусели...

В тот день, седьмого августа, родители вернулись из собора после праздничной службы. Няня, как обычно, поцеловала меня и ушла. Удобно устроившись на родительской кровати, я принялся читать книжку. Когда я услышал, что пришла Натали, то спрятался за большое кресло и накрылся полой широкого пеньюара, свисавшего со спинки. Я придумал с победным кличем индейцев выскочить из засады и напугать маму и Натали. Они вошли вместе. Мама открыла дверцу шкафа, вынула платье, повернулась, и тут раздался выстрел... Мама упала на кровать. Я остолбенел, я не мог пошевелиться, крик застрял в моем горле. Быть может, еще несколько секунд и я разразился бы плачем, но тут вошел отец, и она несколько раз подряд выстрелила в него. Как не был я тогда мал, мне было шесть лет, чувство самосохранения заставило меня притаиться. Натали громко позвала меня. Я не ответил. Она побежала в мою комнату. Еще раз окликнула и скрылась.

Тиана Веснина

Сколько прошло времени, не помню. Я был, наверное, в состоянии шока. Очнуться меня заставили только чьи-то шаги и душераздирающий крик, на который я уже ответил истеричными всхлипами. Оказалось, что это вернулась моя няня. Я выскоцил из-за кресла и очутился в ее объятиях. Она подхватила меня и, испуганно оглядываясь, выбежала на улицу. Ту ночь я провел у нее. Она была наполовину русская наполовину француженка. Однокая, усталая, бедная женщина. Я на всю жизнь сохранил о ней самые нежные воспоминания. Ее звали Надя. Так вот она поняла, что мне тоже грозит опасность. Французская полиция начала расследование, которое не увенчалось успехом. Меня посчитали пропавшим без вести. А я звал маму, умолял отца прийти и забрать меня... Насколько было возможно, Надя объяснила мне, что отныне я остался один, и что я никому и никогда не должен называть свое настоящее имя. «А кто же я теперь?» – удивленно спросил я. - «Теперь ты - Эрик Фавьер, родители которого погибли в автокатастрофе, - печально сказала она и, крепко прижав к себе, добавила: - К сожалению, Алешенька, у меня нет возможности дать тебе надлежащего воспитания и образования, как хотели бы твои родители. Спасибо добрым людям, я не могу назвать их имен, скажу только, что они – потомки русских эмигрантов. Это они позаботились о тебе. Скоро я отвезу тебя в пансион. Обещай мне, что будешь хорошо учиться и никому не рассказывать о том, что произошло». – Я зарыдал, судорожно обнимая няню за шею. Потом она отвезла меня в пансион, - Эрик запнулся.

- «Святой Терезы», - подсказал Мелентьев.
- Браво, господин детектив! – криво усмехнулся Фавьер.
– Ну что мне тебе рассказывать, каково после домашней ласки, маминой безграничной любви оказаться в ледяном пансионе, продуваемом бretонскими ветрами? Каково шестилетнему ребенку оказаться один на один с уже обвыкшимися питомцами? Я был очень замкнут. Ни с кем не хотел ни играть, ни разговаривать. Меня показывали

Всегда важен мотив

врачам, те прописывали какие-то лекарства, - Эрик махнул рукой. – Но неожиданно я нашел отдохновение. Я до блаженного восторга полюбил, ощутил музыку. Меня нельзя было оттащить от рояля. Все свободное от уроков и обязанностей время я проводил в классе пения. Учитель обратил внимание на мое недетское желание заниматься музыкой. По-видимому, у меня были определенные способности, потому что он специально возил меня к какому-то профессору в Брест. Мне исполнилось двенадцать лет, когда по ходатайству все того же учителя меня должны были перевести в пансион с музыкальным уклоном. Но за месяц до перевода произошли два важных события.

Ко мне приехала няня Надя, она и до этого изредка навещала меня, но в тот раз она потихоньку протянула мне конверт, в котором была фотография моих родителей и... ты не поверишь, контейнер с пленкой!.. -«Я нашла это в кармане твоей курточки», - пояснила она.

Дело в том, что в одну из своих командировок отец привез из США маленький «шпионский» фотоаппарат. Я был увлечен им и постоянно всех фотографировал. Как-то, когда у нас была Натали, я навел на нее объектив, она ужасно испугалась и закрыла лицо руками. И мама, чтобы успокоить ее, сказала, что это игрушечный аппарат. Таким образом я ее все-таки сфотографировал.

Получив от няни контейнер с пленкой, я отнес его в мастерскую и мне напечатали фотографии. И что ты думаешь?.. Среди жирафов, тигров, обезьян, которых я снимал, когда мы с мамой ходили в зоопарк, оказался снимок Натали!.. Последний!.. Эту пленку я сохранил до нынешнего дня. Сейчас покажу! – Фавьер поднялся, но, вспомнив о предупреждении детектива, вопросительно посмотрел на него. Мелентьев кивнул. Эрик подошел к письменному столу, открыл ящик и вынул альбом. – Вот! Для проявления этого кадра я использовал новейшие достижения техники. – Кирилл открыл альбом.

Тиана Веснина

- Она почти не изменилась! – не удержался он от замечания. – Хотя, конечно, здорово постарела, но узнать можно с первого взгляда!

- Обрати внимание! На шее все тот же кулон: золотой банттик с сапфиром, который она носила до последнего.

Мелентьев грустно кивнул.

- Да!.. Так вот... - опустив голову, пробормотал Эрик. – Надя была очень больна и, видимо, предполагая, что больше меня не увидит, передала мне фотографию родителей. Это все, что у меня от них осталось. Я хранил ее в нотах Чайковского и украдкой разрешал себе смотреть на дорогие лица. Это заметил один из учеников. Его разобрало любопытство, и он спросил, что я там прячу. Я ответил, что это не его дело. Тогда он подговорил своих товарищей напасть на меня. Надо сказать, что несмотря на почти семь лет, проведенных в пансионе, я так ни с кем и не сошелся. За это меня не любили, но я не страдал от этого. Мне было все равно!..

Ночью, а в дортуаре спало шесть человек, неожиданно включился ночник, и несколько рук прижало меня к кровати. «Показывай, что прячешь в нотах!» - потребовали нападавшие. Я изо всех сил пытался вырваться. «Да я знаю, в каких нотах он прячет свое сокровище!» - давясь от смеха, сказал зачинщик и потянулся к стопке нотных тетрадей. Тут я, совершенно обезумев от ярости, вырвался из рук обидчиков. Я не мог допустить, чтобы они коснулись святой для меня фотографии родителей. Я был сильным и разбросал их. Тогда зачинщик нападения схватил толстую палку и изо всех сил ударил меня по правой кисти руки, которой я прикрыл стопку нот. Я лишился сознания. Последние слова, какие остались в моей памяти, были: «Вот тебе, поиграй на своем рояле!» – Эрик замолчал, задумчиво глядя на свою правую руку. – Было сломано два пальца и повреждено сухожилие. Я потерял свою великолепную растяжку и не мог больше играть. Меня, правда, все равно, чуть позже, перевели в другой пансион с математическим уклоном. Но математика

Всегда важен мотив

не сумела заменить мне музыки. Я безмерно страдал. И вот, по-видимому, именно тогда возникло отчаянное, маниакальное, не оставляющее меня ни на минуту, желание отомстить. Становясь старше, я увлекся философскими трудами. Кант был моим кумиром. Я узнал слово тальон и понял: пока не отомщу, не смогу жить. Но как найти убийцу родителей?

Окончив университет во Франции, я уехал на стажировку в США. Поверь, какое-то время даже пытался убедить себя все забыть, не поддаваться снедающему меня желанию мести. Ничего не получалось. Я вернулся в Париж и принял разыскивать следы убийцы. В моем распоряжении имелась только одна зацепка – та страшная женщина была русской. Следовательно, мне было нужно проникнуть в общество русских парижан. Я хорошо зарабатывал, никто обо мне ничего не знал. Для всех я был французом американского происхождения. Я говорил, что мои родители живут во Флориде.

Ее я узнал сразу!.. Сам себе не поверил. «Неужели такое может быть?..» – отчетливо услышал я голос сомнения. «Это она, Алеша, это она!..» – будто со стороны кто-то прошептал мне.

Мы познакомились, что оказалось совсем не трудно. Натали была в поисках хорошей партии для своей дочери. Она бредила о ее грядущей славе, несомненно, при этом не забывая и о своей выгоде. Когда я взглянул на Эву, то невольно вспомнил свое погружение в музыку: «Она так же мечтает стать балериной, как я мечтал стать пианистом! Но ее мать лишила меня родителей и погубила мой талант». Быть может, музыка спасла бы меня от всепоглощающей жажды отмщения... кто знает?.. – Эрик поднялся, открыл бар и, взяв бутылку виски, поставил ее на стол. – Такие воспоминания лучше сдабривать выпивкой, - глядя мимо Кирилла, произнес он. – На чем я остановился?

- Ты познакомился с Натали и Эвой!

Тиана Веснина

- Да!.. Так вот я познакомился... Натали бредила звездностью Эвы. И мне пришла мысль разрушить, уничтожить их будущее. Но, признаюсь, в последний момент спасовал. Стало жаль девчонку. Как ты догадываешься, я связался с ребятами, оказывающими всевозможные услуги. Я никого не видел. Договорились по телефону. Аванс и фотографии Эвы были оставлены мною в камере хранения на вокзале. Я точно не знал, когда это произойдет, но почувствовал, что они постараются воспользоваться приемом в усадьбе Шуваловых. Странное стеченье обстоятельств, - задумчиво произнес он. - Когда мы пошли смотреть на озеро, и я увидел лестницу, то попытался как-то защитить Эву, но нападающий оказался профессионалом. Одним движением он оттолкнул меня и со всей силой обрушился на Эву. Я понял — это рука Провидения. Это произошло помимо меня. Тогда я уже не хотел мести. Но когда она случилась, - восторжествовал. Я смотрел на Эву не как на покалеченную девочку, а как на разбитую надежду Натали. Да, мне доставляло удовольствие возить ее в инвалидном кресле, ибо я вез груду развалин, оставшихся мадам Круглофф от некогда лелеянной мечты. Натали воздалось по делам ее, но меня мучило то, что она этого не осознавала. Она, то кого-то проклинала, то молилась Богу, не ведая, что это тальон за ее злодеяние. И тогда я решил открыться. Я долго думал и пришел к выводу, что убивать ее уже не имеет смысла... во всяком случае, пока... Пока, размышлял я, пусть она вдоволь насытится страданиями при виде покалеченной дочери. Но она должна знать автора своих мук.

Все произошло, как произошло. На той вечеринке, увидев, что Натали вышла в соседний зал, где временно складировали ящики от реквизита, я поспешил следом за ней. Вошел и тихо закрыл дверь на замок. Натали, облокотившись на высокий ящик, курила. Заметив меня, она устало улыбнулась. Освещение было тусклым, но я отлично стреляю, - подчеркнул Эрик. – Я подошел и

Всегда важен мотив

остановился в шагах пяти от нее. Она продолжала улыбаться. Я сказал по-русски: - «Вам привет от Ольги и Сергея Шуваловых». Если бы ты видел, как она вздрогнула, как исказилось ее лицо. Не сводя с меня глаз, она, тем не менее нашла силы и глухим голосом произнесла: «Не понимаю!» - «А выглядитесь внимательнее в меня! Вспомните маленького Алешу Шувалова, родителей которого вы убили!» - «Не понимаю!» – оцепенев от страха, произнесла она. - «Я повторю: вы убили моих родителей! И я, их сын, должен вам отомстить! Теперь вы знаете, по чьему заказу была искалечена Эва!» Она вскрикнула так, что стены ухнули: - «Чудовище!» – ее глаза вылезли из орбит. - «Чудовище? – усомнился я. – А кто же тогда вы?» Я достал пистолет и навел на нее. «Сейчас для вас все закончится!» – произнес с наслаждением, решив, однако, не убивать ее. Мне в голову пришла мысль отомстить ей способом знаменитого пушкинского Сильвио. Сзади нее, чуть левее, стояла бутафорская статуя Венеры Милосской. Я навел дуло пистолета, целясь в глаз Венере, - мне хотелось превратить жизнь убийцы в мучение, - нажал на курок, но тут Натали, которая только что стояла не шелохнувшись, неожиданно резко дернулась, и пуля угодила ей прямо в лоб. Она вскрикнула и повалилась в ящик. Я оглянулся, бросил свой пистолет в соседнюю коробку, снял перчатки, спрятал их в карман и вернулся в зал.

Кирилл сидел глубоко задумавшись.

- Ну, и что ты собирался делать дальше? – спросил детектив.

- Если бы ты не влез в мои дела, то через несколько дней, я бы покинул Москву с паспортом на имя гражданина Австралии. Я давно уже все подготовил. Эрик Фавьер исчез бы точно также, как некогда пропал без вести Алеша Шувалов. Но учти, то, что я тебе рассказал, я никогда не повторю. Доказать, что именно я заказал нападение на Эву и убил Натали, тебе вряд ли удастся.

- Да ведь дело-то не только в этом! – покачал головой Мелентьев и взглянул в глаза Эрику. – Дело-то еще и в тебе! Сумеешь жить дальше?.. Напыщенный вопрос?! – невесело усмехнулся он. – Но когда в жизни сталкиваешься с этими, столь любимыми писателями вопросами, неожиданно понимаешь, что они есть. Ну и как?..

Эрик потер ладонями лицо.

- Думаю, что сумею!..

- Что ж, - поднимаясь, сказал Кирилл, - попытайся.

Фавьеर вздрогнул.

- Так ты отступаешь?.. Ты даешь мне возможность уехать?..

- Я даю тебе возможность полностью насытиться плодами твоего тальона. Уверен, они окажутся такими, что ты не раз будешь искать пятый угол и со сладким ужасом смотреть на веревку.

- А вдруг ты ошибаешься, и я прекрасно заживу, забыв о случившемся, будто его и не было?!

- Ты в это веришь?! – не скрывая изумления, спросил Мелентьев.

Эрик опустил голову.

- Я должен в это верить.

- Ну-ну... - пробормотал детектив и, бросив: - Не провожай! – направился к двери.

Глава XXII

Слабый проблеск света скользнул в погруженном во мрак сознании Руди. Он с трудом открыл глаза, потом поднял руку и несколько минут рассматривал свои пальцы.

«Что же это такое, я жив?.. Они не отравили меня?.. - Логинов с усилием оторвал голову от подушки и огляделся. - Господи, где я?..» – удивленно моргая ресницами, тщетно пытался сообразить он.

Низкий бревенчатый потолок, ситцевые занавески на маленьких окнах, грубо сколоченный деревянный стол,

Всегда важен мотив

несколько табуреток. Он выглянул в окно: какая-то пожилая женщина ходила по двору.

Руди встал с кровати, сделал несколько шагов и едва не упал. От слабости подгибались колени. Тем не менее он все-таки добрался до двери и вышел на крыльцо. Завидев его, женщина улыбнулась и участливо спросила:

- Ну, как ты себя чувствуешь?!

Руди покачал плечами.

- Где я? – заплетающимся языком спросил он.

Но хозяйка не расслышала его.

- Бедный, совсем оголодал, даже говорить не можешь. Давай-ка я тебе помогу сойти. Сядешь, вон там под навесом, а я молочка принесу. Полегчает.

Она подошла к Логинову, крепкой рукой обняла его за талию и проводила под навес. Легкий ветерок обвевал туманную голову дизайнера.

«Где я?!» - вновь задался он вопросом.

Хозяйка поставила перед ним огромную кружку с молоком.

- Объясните, где я? – поднял на нее глаза Рудольф.

- У меня! – рассмеялась женщина, садясь напротив.

- Но где это? И как я сюда попал? – голос Логинова зазвучал более уверенно.

- Да как!.. Друзья твои привезли! Оплатили постой. Объяснили, что припадок у тебя какой-то нервный. В сон ты впадаешь, а как проснешься, так лучше тебе на воздухе пожить. А то, сказали, что ты в столице много работаешь.

- А где столица? Далеко? – встрепенулся Рудольф.

- Километров двести будет.

- Я должен немедленно вернуться! – горячо воскликнул он и резко поднялся со скамьи.

Полянка с деревьями закружилась, небо поплыло. Женщина ухватила его за руку.

- Сядь! Отдохни! Куда тебе ехать?.. Да к тому же автобус будет только дня через три. И то, если шофер не запьет.

Логинов осторожно опустился на скамью. Выпил полкуружки холодного молока и спросил:

- А какие они были, мои друзья?
- Да парень, красивый такой, но странный... Волосы бантом, как у девки, подвязаны. И девушка, тоже красивая, но худая... - женщина закатила глаза, - смотреть страшно.
- Понятно! – опустил голову Рудольф.
- Вспомнил? Вот и хорошо! Ты посиди еще немного, пусть ветерком пообвеет. А как устанешь, пойди приляг в избу.

Она поднялась и, тяжело шагая, скрылась за сараем.

Руди потер виски руками.

«Значит, они меня не отравили!.. Почему?.. – задумался он, и тут же огненная волна ударила ему в голову. – Да потому, что я, как последний идиот, написал собственноручное признание в убийствах. Я им нужен живой! Они специально отвезли меня к черту на кулички, чтобы у милиции возникло подозрение, будто я пытаюсь скрыться. Да, ловко все подстроили!.. Как теперь докажешь, что я писал, находясь в состоянии аффекта? Пока в милиции разберутся, да и то, если разберутся, меня возьмут под стражу. – Мурашки побежали по изнеженному телу Рудольфа. – Ну уж нет! В тюрьму я не пойду!.. Но что же тогда мне делать?.. – От волнения Логинов окончательно проснулся и попытался найти выход из положения. – Да что тут думать, остается одно – уехать на время. Пусть все уляжется, пусть милиция разберется и выяснит, что убийцы Мила и Андрэ, тогда я прескокойно вернусь, а если нет?.. – он почувствовал легкое головокружение и тошноту. – Вот подонки!.. Ну ничего, они думают, что я здесь провалаюсь еще по меньшей мере дня три, а я завтра же чуть свет исчезну. Пешком пойду!.. Куда-нибудь дойду же!.. – тяжело вздохнул Руди и неторопливо направился к избе. – Все пропало... карьера... квартира... столица... Как личность, я погиб...» - пролетело в отяжелевшей голове дизайнера.

Всегда важен мотив

Проснулся Руди рано утром, когда розовеющее небо еще было покрыто холодной дымкой. Он осторожно встал с кровати и вышел во двор. Собака недовольно заурчала, но тем и ограничилась.

«Главное, уйти так, чтобы хозяйка, в случае чего, не могла бы указать в какую сторону я направился», – крадясь к калитке, размышлял Логинов.

Он вышел на проселочную дорогу, посмотрел направо, налево и пошел, как ему показалось, по направлению выезда из села. Вглядываясь в глубокую колею, оставшуюся, по-видимому, от трактора, Руди только дивился, как вообще здесь может ездить автобус.

Дорога углубилась в рощу, потом поднялась на горку, потом спустилась вниз к ветхому мосту через реку. Руди шел быстро. Часа через два вконец обессиленному столичному дизайнеру удалось выйти к шоссе. Он облегченно перевел дыхание, отряхнул пыль с брюк и, завидев грузовую машину, замахал руками. Тяжело затормозив, грузовик остановился.

- Мне бы в сторону столицы... - смутившись угрюмым видом шофера, неуверенно пробормотал Рудольф. - «Несомненно, со стороны я кажусь полным идиотом», - успел отметить он.

- Я еду только до Мокрого! - бросил водитель.

- Ну хорошо, давайте до Мокрого!.. – сказал совершенно растерявшийся Руди. – «Какое еще Мокрое?.. Но, может быть, там есть вокзал?»

Он сел в кабину. Несколько минут суровый шофер хранил молчание, а потом спросил:

- Как ты здесь оказался?

- Да вот, друзья пошутили, - стараясь придать голосу некоторую веселость, начал Логинов. – Был на дне рождения, перебрал немного... а они шутку выкинули: завезли меня в какую-то деревню и бросили. Теперь приходится выбираться.

Шофер громко расхохотался.

- Вот это да!.. Погулял!..

Тиана Веснина

- А как мне из этого Мокрого до столицы добраться? – тут же поинтересовался Логинов.

- Просто! Сядешь на поезд и через пять часов будешь в Москве.

Около семи часов вечера Логинов вышел из вагона. Домой, естественно, сразу идти не решился.

«Дождусь темноты. Осмотрюсь... - думал он, но сердце сжималось от страха. – А что, если там засада? Однако другого выхода все равно нет. Я должен взять документы, деньги. Хорошо еще, что у меня оформлена шенгенская виза. Хотя, если объявили розыск, меня повяжут в Шереметьеве. - С невыразимой тоской Руди огляделся вокруг и зашел в кафе. – Поем, может быть, в последний раз, как человек», - решил он.

Стараясь держаться подальше от уличных фонарей, Рудольф остановился под аркой недалеко от своего дома.

«Только бы не встретить никого! Только бы не встретить!..» – как заклинание повторял он, открывая дверь и входя в подъезд.

Логинов вызвал лифт и поспешил спрятаться за угол. Двери лифта раздвинулись. Никого. Рудольф влетел в кабину и испуганно отшатнулся, увидев в зеркале свое перекошенное от страха лицо.

Только оказавшись в квартире, он смог свободно вздохнуть. Засады не было, значит, был шанс ускользнуть. Он позвонил в аэропорт и заказал билет на десять часов утра в Вену. Приняв душ, расслабился и грустным взглядом обвел свою уютную квартиру. Руди припомнилось, как он радовался, когда смог ее купить. А теперь – все под откос. И самое чудовищное – это осознание того, что он в своей беде виноват сам.

«Как я мог до такой степени расслабиться, поддаться на обольщение Андрэ? Ведь мне-то было хорошо известно, что он – преступник!.. Господи, что же я наделал?.. Весь горизонт был открыт для меня! Я подписал бы новый

Всегда важен мотив

контракт с Линой, обязательно указав в нем, что имею право на создание собственной марки... - лицо Руди невольно осветилось радостью, - марки Рудольфа Логинова... - он схватился за голову руками и пробормотал, корчась от боли: - Самого большого идиота на свете!»

* * *

Солнечные лучи, пронзая огромные окна аэропорта, гонялись за пассажирами, которые недовольно щурились и поспешно отворачивались от них.

Руди в джинсах и строгой, не свойственной его стилю, рубашке, безуспешно боролся с дрожью, стоя в длинной очереди к таможенному досмотру.

«Все могут решить последние секунды! Я подам паспорт и тут по связи объявили розыск...»

Мелентьев он заметил сразу, словно ожидал его появления. Детектив шел будто бы один, но зоркий глаз Руди определил, что те два крепких парня в светлых рубашках и темных очках – с ним. «Это конец!»

Кирилл вглядывался в лица отъезжающих. Логинов не ошибся. Двое крепких, следовавших за Мелентьевым, были парнями Вадима Салатко.

Эрик Фавьер, тоже стоявший в очереди на досмотр, оглянувшись назад, замер.

«Детектив сыграл со мною скверную шутку! – спокойно констатировал он. – Да я-то не особенно и поверил ему... впрочем, нет, поверил. Что ж, поборемся г-н Мелентьев. Я свою вину не признаю ни за что!..» Их глаза встретились.

«Кажется, Провидение, подстраивая столь неожиданную встречу с Фавьером, задумало взвалить на меня свою прямую обязанность – вершить правосудие, когда предстоит сложный выбор - виновен или не виновен. Нет уж, пусть занимается этим само!» - подумал Кирилл и, повернувшись, пошел в другую сторону.

Тиана Веснина

Ничто ему не подсказало, что он должен задержать Фавьера. Провидение отпустило Мелентьева, не воспользовавшись им. Значит, оно задумало что-то другое.

Детектив остановился, внимательно рассматривая силуэты пассажиров. Руди, бессильно опустив руки, не двигался с места.

- Вы же задерживаете очередь! – обратилась к нему усталая от благосостояния дама, презрительно окинув сжавшуюся фигуру дизайнера. Не получив ответа, она больно ударила его по колену углом своей дорожной косметички и прошла вперед.

Мелентьев приближался к Руди, не глядя на него. Логинов понял, детектив маневрирует. Неожиданно Кирилл остановился рядом с высокой женщиной и осторожно взял ее за локоть.

- Ах, это вы? – осветилось улыбкой лицо пассажирки. – Вы тоже уезжаете?

- К сожалению, нет! И вынужден задержать ваш отъезд.

- Что-нибудь случилось? – встревожилась женщина. – Вы нашли Руди?

- А разве он пропадал? – поинтересовался Кирилл. И, не дожидаясь ответа, продолжил: - Мы нашли убийцу вашего брата!

- Неужели?.. – вскрикнула Лина. – Правда?..

Детектив кивнул.

- И кто же он?

- Вы!

Лина покачала головой и, не скрывая раздражения, сказала:

- Такими вещами не шутят.

- Совершенно верно! – согласился Кирилл. – Поэтому предлагаю вам не устраивать комедию, а проследовать за мной. Вот ордер на ваш арест, - показал ей детектив бланк, - точную копию настоящего.

Всегда важен мотив

Лина дернулась в сторону, но двое крепких парней довольно галантно взяли ее под руки. Мелентьеву достался чемодан.

* * *

Они вышли из здания аэропорта и сели в машину. Лина сочла за лучшее хранить молчание. «Сказывается заграничная привычка, - отметил Кирилл, - ничего не говорить в отсутствии адвоката, только придется...»

Они ехали уже более часа.

- Куда вы меня везете? – взъярившись, спросил Мелентьев.

- Ну, в Москву, в милицию!..

- Еще успеем! Милиция никуда не денется.

- Но вы мне хотя бы объясните, что все это значит?! – гордо вскидывая голову, потребовала она.

- Да все очень просто! Я, как вам известно, частный детектив. Мне предложил провести расследование, и это вам тоже известно, Вадим Салатко. Расследование свое я завершил и теперь во исполнение договора должен доставить преступника моему заказчику.

- Это что, вы меня везете к Салатко? – изумилась Лина.

- Совершенно верно.

- Но зачем?

- А вы припомните, как впрыснули яд в пирожное, которое по игре случая досталось манекенщице Инге Крутовой, подруге Салатко. Вот поэтому он и обратился ко мне. Ему был нужен убийца Инги, но никак не вашего брата.

Лина расхохоталась.

- Ну я-то здесь причем?..

- Это мы вскоре выясним! – улыбнувшись упрямству, свойственному большинству преступников, бросил Мелентьев и отвернулся.

Дорога пролегала между сосен, березовых полян и дубовых рощиц. Показались симпатичные своей ценой и комфортом особняки. У одних ворот машина остановилась. Водитель нажал на клаксон. Ворота открылись. Охранник внимательно взглянул в кабину. Тут же на пороге дома появился взволнованный Вадим. Он торопливо спустился по ступенькам и поспешил навстречу прибывшим. Протянул руку Кириллу, устремив при этом взгляд на выходящих из машины. Увидев своих ребят и Лину, Вадим непонимающе посмотрел на детектива.

- А где же убийца?
- Что, не нравится? – совершенно серьезно спросил у Салатко Мелентьев.

Тот осталбенел.
- Да ты что?.. Неужели?.. И Леона тоже? – почему-то шепотом решил уточнить Вадим.

- И его!
- Круто!.. Ну, пошли в дом! Разберемся!..

Галантно поддерживая Лину под руки, двое крепких парней проводили ее в гостиную и усадили на диван. Салатко грузно опустился в кресло напротив. Один охранник встал около двери, другой - позади задержанной, которая хранила надменное молчание. Кирилл прохаживался вдоль увитого зеленью простенка.

- Итак? – теряя терпение, обратился к детективу Вадим.
- Итак, я выполнил наш договор! Перед тобой убийца Инги.

Лина вскипела.
- Господин детектив, будьте так любезны, изложите вашу версию. А потом я изложу свою.

- Вы меня заинтриговали! У вас есть версия?
- И она очень простая – шантаж! Вы хотите, чтобы я вам заплатила за ваши сфальсифицированные изыскания! Дайте мне мою сумку, я хочу закурить.

Салатко кивнул одному из парней.
- Думаю, все не так просто, - тяжело глянув на Лину, веско произнес Вадим. – Послушаем детектива!

Всегда важен мотив

- В самом деле! - нервно дернувшись, с наигранным весельем поддержала она его.

Кирилл подошел к журнальному столику, который находился между задержанной и хозяином дома.

- Теперь я могу точно сказать, что Инга стала жертвой случая. Отравленное цианидом пирожное предназначалось Леону Шафранникову.

- Простите, можно поинтересоваться, когда была убита эта несчастная девушка? – задала вопрос Лина.

- Пятнадцатого мая!

- Великолепно! А Леон тридцатого мая. Неужели вы не потрудились узнать, что в это время я находилась на Лазурном побережье, в гостях у своей подруги, за тысячи километров от России?..

- В том то и дело, что потрудился и выяснил, что как раз в эти числа вы были в Москве.

Лина глухо охнула и поднялась.

- Ну он, ладно... - указала она рукой на Мелентьева, обращаясь к Салатко, - но вы – деловой человек, как вы можете верить этим рассказням?

- Вероятно, вам неизвестно, но у господина Мелентьева репутация серьезного сыщика.

- Значит, я обязана выслушать весь этот бред до конца?

- Отличная мысль! – подхватил детектив. – Если вы перестанете меня перебивать, я быстро изложу факты, и мы освободимся!

Лина, еле сдерживая себя, вновь села на диван.

- Итак!..

Однажды Кирилл поехал проведать Эву, жившую у подруги ее матери, Николь, в одном из городков Лазурного побережья. Как то, проведя с ними почти целый день, детектив вернулся в свой отель. Войдя в сверкающий зеркалами вестибюль, он уже подошел к лифту, но неожиданно передумал подниматься в номер и зашел в

Тиана Веснина

бар. Сел за отдаленный столик и заказал виски. Сделав несколько глотков, он огляделся. Его внимание привлекла одна явно скучающая дама. Детектив присмотрелся к ней и не поверил своей удаче.

В процессе расследования он заинтересовался подругой, у которой столь часто гостила Лина Рюс. Он видел ее издали на похоронах Леона и на дефиле в бутике мадам Круглофф. Как-то, заведя разговор с Натали, он невзначай спросил о ней. Натали достала альбом и с удовольствием принялась показывать фотографии.

- Ее зовут Эстель Делонэ. Она невероятно богата!.. – почтительным шепотом, выдохнула мадам Круглофф. – Бывают же такие счастливые женщины!.. Она происходит из очень зажиточной семьи, но состояние ей сделали ее мужья. Первый – красавец, бизнесмен, погиб на глазах у всех, не справившись с управлением водного мотоцикла. В трауре она выглядела потрясающе. Спустя два года – новый брак. На этот раз с совладельцем авиакомпании, судоверфи и целой сети промышленных магазинов. Они были великолепной парой. Их фотографии не сходили со страниц светской хроники. Он умер от почечной недостаточности. Эстель была безутешна. И вот уже семь лет вдовеет. Хотя лично я отдала бы десять мужей за такое вдовство, прости меня, Господи! – заключила свой рассказ Натали.

Детектив оказался прав. Невдалеке от него скучала мадам Делонэ. Она заметила его взгляд и ответила благосклонной улыбкой.

«Такую удачу упускать нельзя, – взъярившись, подумал Кирилл. – Я перебрал множество вариантов, чтобы под каким-то предлогом попасть к ней в дом, узнал ее излюбленные места посещения и, как видно, не ошибся... а тут еще дама сама предлагается. Что ж, я тоже буду скучающим, но не столь богатым. - Вдова тщетно щелкала зажигалкой. - Несомненно, она специально носит с собой сломанную, чтобы иметь предлог для знакомства!»

Всегда важен мотив

Мелентьев поднялся и поднес свою зажигалку. Язычок пламени сверкнул между ними и погас, но уже произошел обмен улыбками. Кирилл подозвал официантку и заказал два Мартини.

- Эстель! – глядя прямо в синие глаза детектива, произнесла вдова.

- Алекс! – ответил ей Кирилл.

Они выпили Мартини и повторили заказ. Потом вздумали прокатиться на катере. Пристань переливалась огнями, которые вместе со звездами отражались в темном, волнообразном зеркале моря.

Эстель была весьма соблазнительна, что не только облегчало задачу детектива, но и вносило в ее выполнение определенную долю прелести.

Они решили продолжить знакомство в доме мадам Делонэ. Катер причалил у частной пристани. Кирилл подал руку вдове. Она встала и, обхватив его за шею, одарила умелым поцелуем.

По широкой лестнице, обсаженной с двух сторон деревьями, они поднялись к дому.

«А и в самом деле, – подумал Кирилл, – хорошо быть богатой вдовой!»

Спальня была шелковой и прохладной, под окнами плескалось море...

Вдовушка оказалась ненасытной. Сколько раз Кирилл, думая, что она уже уснула, осторожно поворачивался, чтобы выйти из спальни, как ее рука начинала ласково скользить по его спине. Наконец он услышал ее мерное дыхание и тоже решил отдохнуть несколько минут, но почувствовал, что засыпает. Осторожно, чтобы не разбудить стосковавшуюся вдову, он поднялся и скрылся в ванной комнате. Принял холодный душ и, обвязавшись полотенцем, вышел в коридор.

Кирилл запомнил, как Эстель, между прочим, показывая ему дом, небрежно махнула рукой в сторону левого крыла:

- Там апартаменты для гостей. Но лучшую комнату временно занимает моя подруга, кстати, русская, как и ты.

Тиана Веснина

Бывшая манекенщица. Вообрази, у нее в Москве убили брата! Да ты, несомненно, слышал о нем – Леон Шаффранников.

- Модельер! – подтвердил Мелентьев.

- Да! И вот теперь Лина большую часть времени проводит в Москве. Я один раз поехала вместе с ней, на похороны. Это ужас!.. Мне не понравилось!..

- Похороны или Москва?

- И то и другое! Бедная Лина она вынуждена жить в этой несуразной стране.

- Почему? – глядя ее плечи, спросил Мелентьев голосом, в котором звучала только вежливость, желающая поддержать приятный для дамы разговор.

- А все потому, - искрясь от смеха, воскликнула она, - что мужчины просто монстры. Пользуются женщинами, затягивают их в свои сети, обещая жениться, даже устраивают помолвки, а потом начинают тянуть время...

- Зачем? – излучая наивность, поинтересовался Мелентьев.

- А затем, чтобы довести невесту до предела, чтобы она поставила вопрос ребром: мы женимся или нет?!.. – Эстель разрубила рукой воздух и повалилась на подушки.

- Но зачем? – вновь спросил детектив.

- Мой милый мальчик, - запустив пальцы в волосы Кирилла, смеясь, продолжила она, - все это делается ради одной фразы, которая звучит так: «Ты сама вызвала меня на этот разговор!!» Потом следует разъяснение: «В данный момент наша женитьба невозможна!» - «Но почему?!» восклицает истомившаяся невеста. - «Мое настоящее финансовое положение таково, что я не смогу соответственно обеспечить тебя». Невеста начинает, конечно, уверять его, что все это пустяки, что можно довольствоваться и небольшим, но он, как истинный джентльмен, готов разорвать помолвку, только бы не обречь возлюбленную на бедность, - икая от смеха, закончила Эстель. Кирилл протянул ей стакан воды. – Запомни эту уловку, Алекс, может пригодиться!..

Всегда важен мотив

- Теперь все понятно! Жених твоей подруги передумал на ней жениться!

- Какой догадливый!

- И поэтому, чтобы как-то отвлечься, она занялась делами брата!

- Нет, здесь другое, она вынуждена заниматься ими! – отозвалась с легким возмущением Эстель. – Да это наследство - спасение для Лины. Я даже не представляю, чтобы она делала без него. Робер, так зовут ее экс-жениха, сейчас увивается за двадцатилетней наследницей крупного финансиста. Лина осталась совершенно без средств. Сколько времени она потратила на него!.. А я предупреждала: он слишком молод и слишком жаден, чтобы жениться на бесприданнице.

- И что же, она часто гостила у тебя? – окончательно освобождая от одежды Эстель, спросил детектив.

- Последнее время она вообще жила у меня. Я отдала ей угловые апартаменты. У нее совсем не было денег. Не могла же она снимать какую-нибудь студию в Париже. Воображаю, какой это ужас!

«Угловые апартаменты, – мысленно повторил Мелентьев. – Интересно, на каком этаже?»

- И где же эти апартаменты?

- Тебе зачем?.. Если понравишься мне, будешь занимать вот эти! – обвела рукой вокруг Эстель, все страстнее приникая к Кириллу.

- Да так...

- На третьем, на последнем... Кстати, оттуда великолепный вид на море...

И вот теперь, ублажив вдову, Мелентьев направился проверить, действительно ли так великолепен вид из угловых апартаментов.

Дверь оказалась запертой, пришлось воспользоваться балконом. Очнувшись в комнате, Кирилл зажег свет и приступил к поискам. После рассказа Эстель, он был уверен, что не ошибся в своих предположениях. А навел его на мысль о виновности Лины студент, которого он

Тиана Веснина

навещал в больнице. Некоторое время спустя парень позвонил ему и сообщил необыкновенно интересную деталь.

В тот день, когда была отравлена Инга, он обратил внимание на одну из официанток. Лица не запомнил, но не мог отвести взгляда от потрясающих своей красотой ног. «Я просто был не в силах оторвать глаз, - признался парень. – Однако меня поразило то, что девушка слегка прихрамывала на правую, нет, вру, на левую ногу. Я потом, когда вернулся из больницы, все пытался ее разыскать... по ногам, конечно. Не нашел! Тогда обратился к старшему официантке. Она посмеялась и сказала, что никаких новеньких на работу не принимали. Вот тут я и подумал, что это могла быть сама отравительница!»

Кирилл вспомнил свой первый визит к Лине Рюс. Шел дождь, и Лина, жалуясь на слякоть, время от времени массировала левое колено. В день убийства тоже шел дождь! Несомненно, сломанная нога, из-за которой, как рассказывала Мелентьеву Натали, Лине пришлось завершить свою карьеру модели, чутко откликавась на изменение погоды. Это был штрих, но он не давал детективу покоя. К тому же, кто, как не Лина, мог сделать дубликат электронной карты от приватного входа Дома моды? Леон часто приезжал в Париж. Лине ничего не стоило потихоньку вытащить карту и обзавестись дубликатом. Это в Москве Шафранников мог хватиться ее, а в Париже, естественно, он был занят другим.

Кирилл уже обследовал комнату и гардеробную – ничего!.. «Если Лина убила брата, то она должна была воспользоваться фальшивыми документами. И, судя по всему, вряд ли она от них избавилась. Случай с Ингой подсказал ей, что спешить не стоит. Пока все не уляжется, документы могут понадобиться вновь».

Детектив подошел к книжному шкафу, оглядел его и открыл нижние дверцы. Там стояли две картонные коробки, он заглянул в них и обнаружил книги на русском

Всегда важен мотив

языке. «Прекрасное место для тайника, ведь никто кроме Лины здесь не владеет русским». Кирилл быстро перебрал их. Томик стихов Есенина и оказался тайником.

Руки детектива немного подрагивали от удачи. Он вынул паспорт на имя Милен Рипон. Взглянул на фотографию эффектной брюнетки и узнал Лину. А удача преподнесла еще сюрприз: на дне коробки он обнаружил черноволосый парик. «Отлично!» Положив паспорт и парик в пакет, Кирилл поставил коробку на место, закрыл дверцы и вышел на балкон.

Ранние лучи утреннего солнца уже вовсю освещали сад. «Не хватало, чтобы меня увидел садовник или прислуга», - осматриваясь вокруг, подумал он и перелез на соседний балкон.

В доме царило предрассветное сонное безмолвие. Мелентьев спустился на второй этаж, осторожно приоткрыл дверь и, подойдя к кровати, убедился, что Эстель мирно посапывает. «В таком замке можно заблудиться и попасть в чьи угодно объятия». Он положил свой пакет с уликами под подушку и, с наслаждением потянувшись, уснул.

Его разбудили прикосновения Эстель, которая, сверкая каплями воды на загорелой коже, смеясь водила пальцем по его лицу.

- Иди, прими душ, и мы окончательно проснемся!

Кирилл не без удовольствия последовал ее совету и освеженный вернулся в объятия ненасытной вдовушки.

- Оставайся у меня на весь день! – сидя на балконе за столиком, покрытым упругой шелковой скатертью, предложила Эстель.

- К сожалению, не могу! Мне надо встретиться с друзьями, но вечером, если ты свободна...

- Хорошо, в семь мой катер будет ждать тебя у пристани!

- Отлично!

Кирилл взял первый попавшийся журнал и, улучив момент, когда Эстель отвернулась, положил на него свой пакет с уликами и, свернув его трубочкой, сказал:

- Меня заинтересовала одна статья в этом журнале, я взыму?..

- Пожалуйста! – ответила вдова.

Они спустились к пристани, детектив сел в катер, а Эстель красиво помахала ему рукой.

Глава XXIII

Мелентьев достал из спортивной сумки два пакета и положил их на стол перед Линой. В одном был парик, в другом - паспорт на имя Милен Рипон.

- В результате дактилоскопической экспертизы на паспорте и парике были обнаружены ваши отпечатки пальцев.

Лина, побледнев, тем не менее нашла в себе силы криво усмехнуться.

- Мало ли кто жил у Эстель!.. Я могла взять этот паспорт в руки совершенно случайно.

- Но ваша фотография не могла оказаться в паспорте случайно, - резонно заметил Кирилл.

- Как же ей удалось убить Ингу, Леона и скрыться? Ведь ее отсутствие было бы замечено в доме подруги? Или та была с ней заодно? – не выдержав, воскликнул Салатко.

- Да все не так уж сложно! Я полностью изучил разработанный мадам Рюс механизм убийства Леона Шафранникова. Первый раз произошла роковая для нее осечка. По игре случая была отправлена Инга Крутова, и вы, - обратился детектив к Салатко, - пригласили меня вести расследование. Вторая попытка, как мы знаем, удалась. Но лучше расскажу все по порядку, - заметив беспокойство Вадима, подчеркнул Мелентьев.

Всегда важен мотив

- Инга была отравлена около полудня в понедельник, пятнадцатого мая, в кафе «Сладкий Роман». В принципе, Лина выверила все и вполне могла рассчитывать на успех. В своих интервью Инга не раз подчеркивала, что вообще не ест сладкого. Хорошо зная обычную компанию брата и изучив все его привычки, мадам Рюс не сомневалась, что кроме Леона никто не будет заказывать гато руайяль. К тому же ей, несомненно, было известно время, когда в кафе начинают продажу знаменитых пирожных.

Как-то раз, когда Лина гостила в Москве, Роман пригласил своих друзей на открытие кафе и устроил маленькую экскурсию по подсобным помещениям, заодно объясняя технологию изготовления сладостей и их подачу. Так что, может быть, именно эта информация и подкинула мадам идею как избавиться от брата.

Итак, четырнадцатого мая Лина объявила Эстель, что едет в Париж к своему жениху Роберу, отлично зная, что тот только что улетел в Мексику. Приехав утром в воскресенье в Париж, вечером она уже вылетела в Москву с паспортом на имя Милен Рипо. На ночь остановилась в отеле «Спутник». На следующий день, скажем, в четверть двенадцатого Лина была уже около кафе «Сладкий Роман». Дождавшись привоза первой партии гато руайяль, в белом форменном халате и шапочке, прихрамывая, ввиду дождливой погоды, на левую ногу, она вошла через служебный вход в раздаточную.

Доставив первый шкаф с пирожными, студенты отправились за вторым. Лина хорошо запомнила технологию раздачи сладостей: первое пирожное слева. Она вынула шприц, удостоверившись, что ее никто не видит, впрыснула через целлофановую оболочку коробки раствор цианида в гато руайяль, тотчас покинула кафе и в три часа дня уже вылетела в Гамбург предположительно по паспорту на имя Ан Миньяр. Думаю, что в результате обысков на квартире мадам Рюс и в Доме моды, будет обнаружен этот второй паспорт, - пояснил Мелентьев своим слушателям. - Итак, - продолжил он, - из Гамбурга

Тиана Веснина

Лина проследовала в Париж. Оттуда позвонила Эстель и во вторник уже вновь была у своей подруги.

Все это мадам Делонэ рассказала мне за завтраком, естественно, даже не предполагая, что я – частный детектив, а ее невинный рассказ о мытарствах подруги, мучимой своим женихом, может нанести той вред. Кому придет в голову связывать убийство манекенщицы Инги Крутовой с именем знаменитой в прошлом модели Лины Рюс, да к тому же находившейся на момент убийства во Франции? Думаю, что в первую очередь эта новость сразила саму Лину. Мы можем только представить, какая ярость охватила незадачливую отправительницу. Столько волнений, точнейших расчетов по времени, чтобы случай позабавился на ее счет! – детектив взглянул на Лину. Встретившись с ним взглядом, бывшая модель презрительно бросила:

- Чушь! Странно, что в Москве о вас столь высокого мнения. Но, к сожалению, я буду вынуждена разрушить этот миф!..

- Увы! Поверьте моему опыту, вам этого сделать не удастся. Все ваши вылеты, перелеты, как вы сами знаете, зарегистрированы в аэропортах. И как вы объясните, что появлялись в Москве именно в дни убийств, да еще с фальшивыми документами.

- Я не желаю с вами разговаривать!

- Понимаю, вы предпочитаете хранить молчание до появления адвоката. Но возможность связаться с адвокатом зависит от господина Салатко.

- То есть? – от удивления Лина вся вытянулась. – Вы что, собираетесь творить самосуд?..

Вадим не ответил, лишь мрачно посмотрел на пленицу.

- Да по какому праву?.. Что вы о себе возомнили?!

- По тому же, по которому вы решили убрать со своего пути брата и стать во главе Дома моды, - пояснил Мелентьев. – Но мы отвлеклись, осталось немного – изложить механизм убийства Леона Шафранникова. Как

Всегда важен мотив

мы знаем, Леон был убит в ночь на субботу тридцатого мая.

В пятницу же мадам Рюс высадилась с катера в Ницце. Проследовала в аэропорт и вылетела в Москву в пятнадцать часов по местному и в семнадцать часов по московскому времени. В двадцать один тридцать самолет совершил посадку в Шереметьеве. Приблизительно около двадцати трех часов Лина, воспользовавшись дубликатом электронной карты, заранее изготовленным в Париже, беспрепятственно проникла в Дом моды. Можно вообразить изумление Леона, когда неожиданно открылась дверь, и в кабинет вошла дорогая сестра.

«Что он понимает этот сыщик?! – в немом отчаянии воскликнула Лина. – Что он понимает в жизни людей, в мир которых он никогда не проникнет как равный. А мне удалось!.. Мне, обыкновенной русской девчонке. Судьба одарила меня не только красотой, но самое главное – удачей. Пусть мне пришлось пройти не через один десяток постелей, но я попадала, за редким исключением, только в нужные. Кровати сложились для меня в лестницу небывалой высоты. Я смогла достичь Олимпа модельного бизнеса - стала топ-моделью. И когда была на вершине успеха, то не забывала о Леоне. Только благодаря мне он смог открыть свой Дом моды. Да, согласна, он отличный дизайнер, но толку было бы от его способностей, если бы я не помогала ему. Я договаривалась о поставках совершенно новых тканей, водила его по парижским Домам мод, приглашала на показы, он стажировался у самого Армани!.. А чем он ответил, когда беда зажала меня в тиски?.. – она тяжело вздохнула. - Все началось с автомобильной катастрофы...»

Ясный летний день. С утра у Лины были съемки. Фотограф, не скрывая восхищения ее сверкающими глазами, отснял пять пленок. «Ты сегодня –

восхитительна!» – не удержался он от комплимента. В ответ Лина улыбнулась. И было чему!

Два месяца назад на вечере, устроенном Эстель, она познакомилась с крупным бизнесменом. Они сразу понравились друг другу. Он смотрел на Лину как на преуспевающую топ модель, которая могла бы придать блеск его имиджу. Она на него - как на богатого мужа, который мог бы обеспечить ее будущее. Вместе они составили бы великолепную пару.

Лина помнит каждую ступеньку небольшой лестницы, ведущей из фотостудии, по которой она спустилась к своему лиловому «Мерседесу», помнит, как коснулась дверцы, махнула рукой, высунувшемуся в окно фотографу и, крикнув: «До завтра!», завела мотор.

Дорога извилистая, лукавая, серпантином обнимая гору, вела из Ниццы в Монако, где Лину ждал ее новый друг. На одном из поворотов неожиданно отказали тормоза (потом будут много говорить, что авария была подстроена), и «Мерседес», глухо охнув, покатился вниз, но чудом зацепился за какой-то выступ. Тут же нашлось несколько смельчаков, которые поспешили помочь водителю. Каково же было их удивление, когда в пострадавшей они узнали топ модель. Вызвали скорую помощь, и Лина, открыв глаза, с изумлением увидела себя не в студии перед фотообъективом, не в ресторане среди зеркал, а в белом пространстве.

- Она пришла в сознание! – донесся до Лины голос медсестры.

Вошел врач. Поздравил с чудесным спасением. Влетела перепуганная Эстель. Запричитала, вознося хвалу Пресвятой Деве. Пришел друг-бизнесмен с огромным букетом роз. Их тут же оставили одних.

Он был в полном отчаянии. Он целовал Лине руки и сказал, что объявит об их помолвке. «Да он меня любит!..» – возликовала Лина - и ошиблась. Он любил себя. Он сразу прикинул, какое произведет впечатление помолвка крупного бизнесмена с попавшей в беду моделью.

Всегда важен мотив

Все журналы напечатали их фотографии, снабдив растроганными комментариями. У него брали интервью, он стал человеком месяца. Ему это было приятно. Но когда выяснилось, что Лине придется покончить с карьерой манекенщицы, и что у нее практически нет никаких сбережений, помолвка стала затягиваться. Журналисты не давали покоя и Лине пришлось поставить вопрос ребром. Результатом явилось сенсационное сообщение: «Топ модель вернула обручальное кольцо своему жениху!»

Однако, судьба позаботилась о Лине и устроила ей встречу с одним престарелым миллионером. У него, правда, была не очень хорошая репутация, но она закрывала на это глаза. Миллионер делал подарки, оплачивал счета и, скончавшись, все завещал ей. Лина не могла поверить своей удаче, узнав от адвоката покойного эту новость. Но каково было разочарование, когда выяснилось, что все наследство состояло из дома на побережье Бретани и ста тысяч долларов, которые ушли на уплату долгов. Тем не менее Лина все-таки сумела извлечь выгоду из этого «наследства». Она ловко пустила слух, что ей досталась кругленькая сумма. Это подняло ее престиж и увеличило число соискателей на получение ее руки.

Пышно отметив в Париже свое двадцативосьмилетие, Лина уехала отдыхать в Акапулько, где на одном приеме познакомилась с Робером. Он понравился ей сразу. Высокий, темноволосый, с изысканными манерами. Целый год они всюду появлялись вместе. Потом объявили о помолвке. Могла ли предположить Лина, что ее вторая попытка выйти замуж окончится таким же крахом, как и первая.

Поняв, что наследство мадемуазель Рюс – это всего лишь миф, Робер сразу потерял к ней интерес. Лина использовала весь арсенал женских ухищрений и даже могла бы получить патент на изобретении новых, чтобы он наконец-то повел ее к алтарю. Но все оказалось тщетно. Робер, будто скала на Лазурном побережье, не

Тиана Веснина

поддавался ни яростным ударам разбушевавшихся волн, ни их ласковым прикосновениям.

Их отношения постепенно ухудшались и однажды подошли к критической точке, когда Лина уже не могла проигнорировать увлечение Робера семнадцатилетней наследницей крупного финансиста. Несколько лет ей удавалось разыгрывать из себя женщину, которая любит своего жениха, но пока не желает расставаться со свободой. Она, то ссорилась с Робером, то мирилась, но все равно день, когда уже более невозможно стало обманывать весь мир, настал. И Лина решила поехать к брату.

«Расскажу ему истинное положение вещей и предложу работать вместе. Мое имя все-таки что-то да значит. К тому же, я столько сделала для Леона!»

* * *

Она приехала в Москву. Брат встретил ее с цветами, предоставил ей всю свою квартиру, а сам временно перебрался в комнату отдыха в Доме моды. Они, гордясь друг другом, появлялись на светских вечеринках, громких премьерах спектаклей, презентациях книг, заранее обреченных на участие бестселлеров. Их лица мелькали на экранах телевизоров, страницах журналов, и в один ясный день Лина решила высветить отношения с братом.

- Послушай, Лео, - мягко начала она, - удели мне немного времени.

- С удовольствием, сестричка! – Леон наполнил ликером две рюмки и сел в кресло.

- Понимаешь, все не столь безоблачно у меня, как то кажется, - уверенная, что брат поддержит ее, произнесла она первую фразу.

- Да уже не кажется, – облизывая губы, отозвался Леон.
– Во всяком случае, мне абсолютно ясно, что Робер тебя прокатил, подлец!..

Всегда важен мотив

Лина поджала губы. Она все-таки надеялась, что ее проблемы с помолвкой не дошли до брата.

- Ну... - протянула она, - тогда мне не стоит тебе говорить, что я – на мели. Мне пришлось продать свою квартиру в Париже в расчете на то, что Робер все-таки женится на мне. Признаюсь, он был не очень щедр со мною как с невестой. По своим счетам я платила сама. Теперь вот вынуждена жить у Эстель. Однако, рано или поздно, мне придется уехать из ее гостеприимного дома. Но куда?.. В Париже я смогу снять только самую маленькую студию, а что дальше?..

- Да, положение у тебя сложное! – сочувственно согласился Леон. – Но, может быть, тебе попробовать себя в качестве секретарши или продавщицы в престижном бутике? Продавщицей даже лучше, - оживился Шафранников. – У тебя будут перспективы для роста. Ты сможешь стать главным менеджером.

Лина не смогла скрыть своего удивления.

- Я продавщицей?! Ты, надеюсь, шутишь?..

- Отнюдь!

- Ну, знаешь... - Лина от негодования просто растерялась. Помолчав, она вновь повторила: - Ну, знаешь... - и опять осеклась.

- А что же ты хочешь?

Этот вопрос вернул ее к действию.

- Я хочу войти в твоё дело!

- То есть? – подлив себе еще ликера, с презрительной ironией попросил разъяснить Леон.

- Хочу стать твоим компаньоном!

Шафранников расхохотался.

- А потом женщины обижаются, что мужчины посмеиваются над их деловыми качествами. Лина, милая, что такое компаньон? Компаньон – это человек, который вносит определенную сумму в развитие дела. А что ты в состоянии внести?

- Но ведь я уже внесла! – она в ярости всплеснула руками. – Ты же не станешь отрицать, что именно я

Тиана Веснина

помогла тебе открыть Дом моды! Только благодаря мне ты получал первоклассные материалы, аналогов которых здесь не было ни у кого. Стажировался у Армани! В конце концов мое имя привлекло к тебе первых клиентов. Я приезжала на открытие Дома, и это сразу подняло его престиж.

- Я со всем согласен! – успокаивая ее, произнес Леон. – Но ведь мы не оговаривали никаких условий. Ты дарила – я брал!

- А кто ныл: «Линочка, сестренка, помоги! Не хватает самой малости – двадцати тысяч долларов. Устрой рекламу!.. Отбери манекенщиц!..»

- И от этого я не отказываюсь! Я просил, но если бы ты не хотела, то ничего бы не сделала. Просто приезжая в Москву, тебе было приятно разыгрывать из себя богатую даму. Видеть блеск восхищения в глазах окружающих, слушать и принимать лесть. Там, во Франции, тебя этим уже не слишком баловали, да и топ-модели там были пошикарнее тебя! Ведь если разобраться, в обойме супермоделей того времени, ты была первая с конца!

- Ты хамишь! – разъярилась Лина.

- Я стараюсь быть объективным. Ты сделала, - я благодарен, но не обязан делить с тобой то, что заработал сам. Мне не нужны компании. Мне нужны работники. Хочешь, я возьму тебя на должность старшей манекенщицы, будешь заниматься девушками.

Лина не могла отвести ошеломленного взгляда от брата.

- И ты мне такое говоришь после всего, что я для тебя?.. Какая же ты неблагодарная тварь!.. – она даже попятилась от Леона.

- Ладно, ты сама-то хороша!.. Делала только для того, чтобы лишний раз выставитьсь на обложке журнала. В то время у нас и похуже тебя манекенщица из Парижа сходила за супермодель, а уж ты-то!.. Сколько подарков от наших дураков отхватила за участие в дефиле. Одних только шуб пять штук. Я уже не говорю о «Вольво» и бриллиантовом гарнитуре.

Всегда важен мотив

- А ты все подсчитал!
 - Точно так же, как это сделала ты, предъявив мне свой счет. Короче, мы – квиты. Ты получила отличную рекламу и дорогие подарки за свою бескорыстную помощь в открытии Дома моды.
 - Значит, ты не хочешь, чтобы я работала с тобой?
 - Со мной – нет! У меня – пожалуйста! – сделал он пригласительный жест.
 - Ну, ты и сволочь! – бросила Лина и, возмутив воздух широкой юбкой, резко повернулась, крикнув на прощание: - Как бы ты не пожалел!..
 - Да уж как-нибудь! – злорадно усмехнулся Леон.
- Он был весьма доволен. Он даже не ожидал такого поворота.
- «Гордячка Линка, задирающая нос выше головы, получила от судьбы великолепный удар, от которого, принимая во внимание ее возраст, она уже не оправится. Конечно, будь у нее поменьше апломба, она могла бы еще отлично устроиться. Какой-нибудь бизнесмен средней руки просто умер бы от счастья назвать ее своей женой. Но ей-то подавай только высшее общество, только миллионеров с виллами и апартаментами во всех приличных столицах. Ну и останется на бобах. Так ей и надо!»
- Леон приехал в Дом моды, поднялся в свой кабинет, но работать не смог. Радостно-озлобленное состояние не давало ему возможности сосредоточиться. Он все время возвращался к разговору с Линой и смаковал ее унижение.
- «Вот так тебе, получай! С самого рождения я только и слышал: «Линочка-красавица, Линочка-умница». И судьба, будто согласившись с окружающими, благосклонно подала ей руку и возвела на недосягаемую высоту. А я?.. А я был вынужден все это выслушивать и страдать, что я – не девушка, что я не смогу стать обворожительной белокурой топ моделью. «Лина – талант!.. О, несомненно, она еще станет кинозвездой! – верещали родственники, а мне доставалось лишь: Лёнечка – хороший, умненький, но до сестры ему далеко!» И училась она лучше меня, и пела, и

Тиана Веснина

танцевала, и мальчик, который очень нравился мне, ухаживал за ней. И задавалась она передо мной на славу! «Да кем ты станешь?.. Ну в лучшем случае закройщиком, раз так любишь возиться с тряпками! А я... - она зажмурилась глаза, будто боялась ослепнуть от предстоящего счастья, – стану манекенщицей и уеду в Париж!..»

И стала и уехала! Ее первое же появление на подиуме в Москве было замечено фоторепортером из Франции. Он прикинул, что на Лине можно хорошо заработать, поэтому отправил ее снимки своему другу, директору одного парижского модельного агентства, предварительно получив от нее оплату в постели. Фотографии произвели должное впечатление. С Линой связался представитель этого агентства. Даже не дослушав его до конца, она сразу дала согласие. Но была проблема с выездом. Пришлось организовать фиктивный брак с французом. Едва Лине исполнилось восемнадцать, как она вышла за него замуж и уехала в Париж. А когда приезжала в гости, то вся вселенная словно бы начинала вращаться вокруг нее, увлекая и Леона. Он любил и ненавидел ее.

Первый приезд Лины из Парижа: ей двадцать, ему пятнадцать, но он слишком рано ощутил в себе честолюбие и потребность быть лидером. А тут рядом – звезда подиумов – его сестра. Он впервые так близко увидел славу, пусть чужую, и она опьянила его. Он понял: вот ради чего стоит жить.

А перед Линой чуть ли не ползали фотографы, стремясь как можно более эффектно запечатлеть ее великолепные, знаменитые, несравненные ноги, так писали тогда журналах. Леон тоже попал на фото, под которым стояла подпись: «Топ-модель с братом». Он хвастался этой фотографией перед другими и невыразимо страдал наедине с собой. «Почему не наоборот? – «Леон Шафранников с сестрой», - злился он. Зависть отравила его детство и юность, но научила изворотливости,

Всегда важен мотив

подобострастию, научила закрывать глаза на насмешки, отвешивать поклоны лишь бы только добиться своего.

Лина, обожающая играть роль богатой благотворительницы, заметив продвижение брата в модельном бизнесе, подарила ему для создания коллекции несколько десятков метров великолепных тканей. Этим она, скорее всего, и ограничилась бы, но Леон, наученный опытом, так принял перед ней вертеться, а главное, восхвалять, что у старшей сестры что-то дрогнуло в той области, где обычно находится сердце. От Леона не укрылась эта минутная растроганность, и он ловко воспользовался ею – навел на воспоминания детства, припомнил первые шумные успехи сестры на подиуме. Не жалея красок, нарисовал яркое полотно черного отчаяния самой близкой подруги Лины, которая едва не покончила жизнь самоубийством, будучи не в состоянии пережить ее взлет. Лина дрогнула и дала денег. Леон открыл Дом моды и повесил огромный портрет сестры в полуциркульном мраморном вестибюле, а также у себя в кабинете.

- Все, хватит, науничкался, - мрачно улыбнулся Шафранников. – Теперь пусть Линка ощутит всю прелесть существования маленького человека, которого судьба в насмешку оделила большими потребностями. Ничего, пофыркает и вернется. И тогда будет счастлива, что я не закрыл перед ней двери Дома.

* * *

Тем временем Лина, глотая слезы и клокоча от гнева, уже направлялась в Шереметьево-2. Когда она вышла из аэропорта в Ницце и села в такси, то, взглянув в зеркало, ужаснулась своему виду.

«С таким лицом нельзя ехать к Эстель. Она умная: сразу поймет, что что-то случилось». Поэтому Лина отправила багаж с шофером, а сама поехала в косметический салон.

Тиана Веснина

«Господи, что же делать?» – в течение нескольких часов вертелась в ее голове только одна мысль, так и не нашедшая ответа.

Преобразившись внешне, Лина, сверкая улыбкой, жарко расцеловалась с подругой.

- Ну, как поездка? Ты что-то быстро вернулась.

- В Москве отвратительная погода, - с удовольствием потягиваясь на шелковой кушетке, промурлыкала Лина.

- Как у Леона дела? – расспрашивала изнывающая от скучи Эстель.

- Прекрасно, я так рада за него. Вообрази, есть все основания предполагать, что он подпишет контракт с Ивом Дюроком, и имя Соболь-Шаффранникова появится в Фобур Сент-Онорэ.

- Неужели? Так это просто великолепно! – оживилась Эстель и, вызвав горничную, приказала подать шампанского. – Надо выпить за успех твоего брата!.. Никогда не думала, что, может быть, я буду одеваться у кутюрье из Москвы. – Выпив два бокала, Эстель еще более оживилась. – Я займусь рекламой его коллекции! Я обязательно что-нибудь у него куплю и соблазню наших приятельниц. Да и ты теперь просто обязана носить одежду его марки.

Лина рассмеялась:

- Ты же знаешь, дорогая, я – консерватор. Я предпочитаю уже известные марки. И разве возможно изменить Валентино или Унгаро? «Господи, что я несу? – спохватилась она. – Какой Унгаро? У меня сейчас нет денег, чтобы купить у него даже пуговицу!.. – Лина сделала большой глоток шампанского. – С каким удовольствием я поднесла бы отравленный бокал «дорогому» братцу!..» – неожиданно подумала она и поймала себя на том, что проскользнувшая чудовищная мысль не ужаснула ее, а подала знак надежды.

Эстель же продолжала:

- И как кстати пошли у Леона дела!.. Ведь при сложившихся обстоятельствах тебе очень пригодится его

Всегда важен мотив

поддержка! – радостно сверкая шампанским в глазах, обернулась она к подруге.

Лина напряглась и сухо произнесла:

- Ты имеешь в виду мои финансовые проблемы и отношения с Робером?

Эстель замялась, налила своей гостье еще бокал и, смотря в сторону, ответила:

- Да так...

- Понятно! Уже поползли слухи, что я несостоятельная особа?

- Лина, ну зачем тебе передо мной изображать безоблачное небо, когда тучи закрыли весь небосклон?..

- Ты права! – приняла она бокал из рук подруги. – И что же ты посоветуешь?

- Самое лучшее – это вместе с Леоном заняться обустройством Дома моды в Париже!

«И без тебя об этом догадалась, да братец за дверь выставил...»

- А потом, - Эстель присела рядом с Линой, - ты же знаешь о чувствах мсье Пибрака!..

- Умоляю, не надо!

- Но пойми, это всего лишь компромисс, - пыталась вразумить подругу Эстель. - К сожалению, он недостаточно богат для того, чтобы выйти за него замуж не глядя. Но все-таки при данном стечении обстоятельств это кое-что...

Мсье Пибрак – пучеглазый, с большим лбом, переходящим в огромную лысину, прикрытую сзади стянутыми в пучок редко мытыми волосами. Ростом он тоже отличился – метр шестьдесят пять - плюс большой живот и кривые ноги, которыми он смешно сменил по пляжному песку. Хуже Пибрака трудно было найти. Однако, как резонно заметила Эстель, будь он богат, деньги скрасили бы его недостатки. Но он не был ни богат, ни беден. Зато безответно любил Лину и был готов жениться на ней в любое время суток.

Тиана Веснина

«Это конец! – слушая подругу, думала она. – Такой взлет окончится провалом с таким треском, что его отзвуки долетят до Москвы. Что же делать?..»

Лине с трудом удалось перевести разговор в другое русло, и Эстель уже хохотала, слушая истории, какие плела ей подруга. Когда Эстель зевнула, Лина ту же поднялась, пожелала спокойной ночи и поспешно скрылась в своих угловых апартаментах. Закрыв дверь, она не смогла сдержать рыданий.

«Конец!.. Я погибла!.. Что делать?.. – слезы версальскими фонтами брызнули из ее глаз. Она в бессилии опустилась на диван. – И все из-за предательства Робера!.. Ведь он богат... очень богат!.. И не нуждается в приданом, но жаден. Его расчет на мое «наследство» не оправдался, а любовь оказалась ложью... И все же, стоило бы ему вернуться, и я была бы спасена. В один миг закончился бы этот кошмар. Господи, моя жизнь во власти одного человека. Господи, помоги мне, пусть он поймет, что я нужна ему!.. Господи, помоги!..» – глотая колючие слезы, молила Лина. Она взяла сотовый телефон и набрала номер Робера.

- Алло! – донесся до нее его самодовольный голос.
- Здравствуй, Робер, это я!..
Он оказался в хорошем настроении.

«Наверное, это молодая сучка-наследница оттрахала его не хуже Мессалины», - зло подумала забытая невеста.

- Лина?! Я рад! Как ты?..
- Только что вернулась из Москвы. Сейчас у Эстель.
- Погода, надеюсь, хорошая?
Лина не ответила.
- Алло?.. Ты меня слышишь?..
- Да.
- У тебя грустный голос. Что случилось?
- Робер, - Лине не хватило дыхания. Пришлое начинать сначала: - Робер, помоги мне!..
- Если это в моих силах, - тут же замялся он.

Всегда важен мотив

- Это в твоих силах и ничего тебе не будет стоить, - поспешила успокоить его Лина.

- Слушаю! – голос Робера вновь стал любезен.

- Мне очень нужна твоя поддержка!.. Понимаешь, мне необходимо, чтобы здесь все думали, что наша помолвка еще окончательно не расторгнута.

- Но она вроде бы и не расторгнута...

- Всем известно о твоих отношениях с...

Он не дал ей договорить.

- Во-первых, это никого не касается. А во-вторых, мы с ней просто приятели.

Лина молча усмехнулась.

- Тогда, тем более, помоги мне. Эта ложь нужна максимум на три-четыре месяца, а потом мы официально объявили о расторжении помолвки, хорошо?

- Ну, а в чем должна выразиться моя помощь?

- В звонках!.. – радостно запепетала Лина. – Звони мне почаще. Пригласи куда-нибудь съездить, хотя бы на день-два. Или, если хочешь, сам приезжай. Прошу тебя, помоги!.. Это невинная ложь...

- А что тебе это даст? – задумался Робер и расхохотался. – Догадываюсь, около тебя плавает крупная рыба, которую надо как следует испугать, что ты еще можешь выйти за меня замуж...

- Ты, как всегда, необыкновенно проницателен, дорогой!.. – сладким голосом проверещала Лина.

Робер кашлянул и сказал:

- Другой на моем месте отказался бы, но я, помня нашу любовь и продолжая испытывать к тебе нежные чувства, помогу. Я буду звонить и, может быть, даже найду время встретиться. А уж Эстель растрезвонит об этом без всяких просьб.

- Спасибо!.. Спасибо... – приправляя голос нотами беспредельной благодарности, шептала Лина.

Глава XXIV

В полдень, когда хозяйка и ее гостья завтракали на веранде, раздался звонок. Лина взяла трубку, и ее лицо выразило величайшее недоумение.

Эстель от любопытства заерзала на стуле. Выдержав паузу, Лина произнесла имя звонившего:

- К чему скрывать, Робер, что я рада твоему звонку!

Эстель улыбнулась и подалась вперед, чтобы не проронить ни слова.

Лина красиво поводила глазами, загадочно вздрагивала уголками губ, откинув голову назад, серебристо смеялась.

- Ты невыносим, и в этом твое очарование. Да, я сержусь!.. Да!.. Даже если это только слухи. Ты позабыл обо мне!.. Какие дела?.. Нет таких дел, чтобы не звонить, как ты утверждаешь, любимой женщине... Даже не знаю... Мы уже порядком надоели Эстель своими сложными отношениями... Подумаю, может быть, приеду сама!.. Точно не знаю!.. Целовать не буду, обижена... - Лина положила трубку и встретилась с напряженным взглядом подруги.

- Неужели Робер опомнился?! – воскликнула та. – Господи, это же просто великолепно!.. Назло всем этим шепчущимся по углам, назло всем этим злыдням отпраздновать свадьбу!..

- О, до свадьбы, думаю, еще далеко, - усмехнулась Лина. – Хотя, признаюсь, никак не ожидала, что он позвонит и заговорит о встрече.

- Видно, понял, какая разница между тобой и этой глупой вертихвосткой. Ведь она – ничто! Разодетая девчонка с соблазнительными бедрами и грудью, а внутри – одно желание – не покидать сексодром в течение двадцати четырех часов. А ты... - глаза Эстель засияли, - ты же – целый мир!.. Твое имя, красота, утонченность...

Всегда важен мотив

- Ах, дорогая моя подружка! – надев белую широкополую шляпу, ласково произнесла Лина. – Если бы Робер думал так же!..

- Думает! Раз позвонил!

Вечером того же дня Эстель сообщила новость всем знакомым, которых встретила в казино.

Эстель играла, Лина пила коктейли и красиво скучала, следя за игрой. Мужчины с интересом поглядывали на нее, но не более.

Вернувшись домой, подруги расцеловались и разошлись по своим комнатам.

Серебристой русалкой скользнула Лина к балконной двери и, облокотившись о косяк, замерла, глядя на лунную дорожку, подрагивающую на глади спящего моря.

«Ну и что?.. – спросило ее внутреннее «я»? – Чего ты добилась отсрочкой объявления о разрыве помолвки?..» – Сердце молодой женщины яростно забилось, она обратила взор к небу и всем своим существом послала туда горячую молитву.

Она молила Бога, она молила Судьбу сжалиться над ней. И просила-то она немного. Просила возможного. И даже была согласна на варианты: пусть Робер женится на ней, или пусть Леон опомнится и согласится с ее предложением. Второй вариант был не столь блестящ, но, тем не менее вполне приемлем. К тому же можно было обыграть события таким образом, будто это она уговорила Дюрука обратить внимание на Леона и подписать с ним контракт. Тогда ее появление во главе Дома моды выглядело бы естественной попыткой помочь брату занять прочное положение в модельном бизнесе. А там... все может случиться... Не один же Робер на свете!..

Глаза Лины покрылись влагой, все ее существо устремилось по лунной дорожке к небу, она молила, и, казалось, услышала звук.

«Пусть не столь хороша я, но ведь и не столь плоха! Ты так много сделала для меня, так была добра, - мысленно

Тиана Веснина

обращалась отчаявшаяся женщина к своей Судьбе. – Не оставляй, заверши начатое. Ведь тебе это ничего не стоит. Все зависит лишь от твоего настроения. Будь благосклонна, дай мне вновь увидеть твое сверкающее ослепительной улыбкой лицо!..»

«Господи – ты всесилен, помоги мне!.. Сверши чудо!.. Верни ко мне Робера, или даруй встречу с другим достойным!.. Не покидай, не отворачивайся!.. Помоги!..» - обращалась она уже к Богу.

В глазах у Лины от долгого смотрения в одну точку потемнело. Обессиленная она опустилась на кровать. Лунная дорожка, разостлавшись по полу, сначала осторожно коснулась края ее серебристого платья, а затем, осмелев, набежала на лицо.

«Спасибо, Господи, за посланный тобой знак!» - заливвшись лавой огненных слез, пробормотала Лина и впервые за много месяцев спокойно уснула.

На другой день она светилась безоблачным счастьем шестнадцатилетней девушки. Ее смех звучал в огромном парке, доносился с пляжа, за обедом она веселилась и передала свое настроение ожидания радости Эстель. На таком подъеме прошла неделя. Но чуда не произошло.

«Господи, не убивай!» – взмолилась, заплакав Лина. Она упала на кровать, и искусственно поднятое настроение прорвало подлинное отчаяние. Истерика нещадно хлестала несчастную женщину своими невидимыми безжалостными руками. Она, то выворачивала ей веки, обжигая их солью слез; то сжимала, то растягивала тело, заставляя его содрогаться, словно под градом ударов; вонзала зубы в мякоть губ и вырывала из своей жертвы нечеловеческие стоны. Наигравшись вволю, Истерика ушла, оставив измученное, почти покинутую жизнью тело. Лина, не то что не могла пошевелить рукой, а даже была не в состоянии определить, кто она...

Утром молодая женщина с трудом открыла опухшие глаза, поднялась, негнущейся рукой расстегнула длинную

Всегда важен мотив

молнико вечернего платья, которое с тихим шелестом соскользнуло на пол, перешагнула его и прошла в ванную, взглянула в зеркало и испугалась: вместо лица была страшная маска. В таком виде нельзя было выходить к Эстель, к тому же, как назло, приехала еще одна приятельница богатой вдовы, и растерзанный вид Лины доставил бы последней немало приятных минут.

Лина включила холодный душ. Освеженные водой стали просыпаться мысли, а с ними и отчаяние.

«Что же мне делать? – растираясь полотенцем, вновь задалась она страшным вопросом. – Неужели придется покинуть ставшую для меня привычной сферу и спуститься в чужой мир, превратиться, как их называют на телевидении, в простую женщину. Но я же не такая!.. И разве это моя вина?.. Зачем судьба посмеялась надо мной и вознесла так высоко?.. Неужели только затем, чтобы позабавиться моим падением? Не может быть!.. Но отчего она отвернулась от меня?..»

На этот вопрос Лина тоже не нашла ответа. Видимо, ее судьба подустала. Ей захотелось отдохнуть в своем сотканном из облаков кресле. Она прикрыла глаза, и жизнь ее подопечной покатилась в пропасть, которую не замедлил вырыть никогда не дремлющий дьявол. Творящий зло - всегда бодр, каждая его даже маленькая победа сторицей возвращает ему силы. Он весь светится злобой и горит нетерпением делать очередные подлости. Судьба Лины, несомненно, слишком высоко оценила свои заслуги, сделав из московской девчонки парижскую топ модель. Она украсила свое чело лавровым венком и удалилась на отдых. Тщетно взывала к ней покинутая подопечная. Напевая сама себе дифирамбы, судьба не слышала или же не хотела слышать вопли отчаяния, доносящиеся с земли.

Лина вызвала горничную и, остановив девушку на пороге, сказала, что у нее ужасно разболелась голова. Попросила принести кофе и предупредила, что раньше обеда не выйдет.

Позавтракав, Лина спросила себя: «Кто может мне помочь? Робер, Леон?! Они наотрез отказались протянуть руку помощи. Значит, помочь себе могу только я сама!.. «И каким же это образом?» – заинтересовавшись, спросило внутреннее «я». – «Надо найти свою выгоду! А в чем она заключается? – беззвучно шевелила губами Лина, будто разговаривала с кем-то невидимым. И это действительно было так. Ее собеседница – она сама, сидела напротив, только была несколько прозрачна и иногда исчезала. – А выгода моя заключается в смерти!..» – «Ты решила умереть?.. Глупо!..» – «И не думала! – развеселила Лину несообразительность ее визави. – Я решила убить! – прошептала она и испуганно оглянулась. – Ведь из нас двоих один должен умереть! Так почему бы не Леон?.. – Воздушная собеседница Лины затуманилась, словно собираясь исчезнуть, но Лина прикрикнула: - Да подожди, давай рассудим! Я просила помощи, а он отказал!.. Я столько сделала для него!.. А он мне посмел предложить место своей служащей, кретин!..» – «Но ты бы могла согласиться!» – «Ты с ума сошла!.. Я – Лина Рюс!.. Если я только сделаю один шаг вниз, то не удержусь и скочусь в бездну. Это исключено!..» – «И как же ты хочешь его убить?» – Этот вопрос понравился Лине. – «Совершенно безболезненно. Я его отправлю!» – «Это отдает средневековьем!» – «Это только подтверждает испытанность способа, который не дает осечек!..» – «Ну что ж, желаю успеха!» – скривился в улыбке воздушный двойник и исчез...»

С полчаса совершенно обессиленная Лина сидела, не двигаясь. Но потом, к своему удивлению, почувствовала, как энергия широкой рекой наполняет ее тело. Она поднялась, посмотрела на себя в зеркало, и вдруг ей показалось, что сзади нее промелькнуло темно-коричневое пятно. Она обернулась, пожала плечами. Дьявол же, оскалившись, махнул хвостом и скрылся. Он знал, кому помогать! Он знал, что она не отступит.

Всегда важен мотив

К обеду Лина появилась, сверкая какой-то дьявольской красотой.

- Я обещала брату съездить по его делам в Париж, – садясь за стол, сказала она.

- Леон никогда не сможет тебя отблагодарить! – вздохнула Эстель. – Ты столько для него делаешь. Вот теперь в такую жару лететь в Париж!

Лина обречено улыбнулась, и тут так кстати раздался звонок Робера. Она искоса взглянула на приятельницу и специально громко воскликнула:

- В Мексику?.. Даже не знаю!.. Нет, тебя я, конечно, хочу видеть, но... Может быть, лучше ты залетишь к нам на день-два? Эстель так будет рада! – посмотрев на подругу, сказала Лина. Та энергично закивала в ответ. – Я понимаю, ты занят. У меня, увы, тоже дела! Брат собирается открывать Дом моды в Париже... Да, преуспевает! Вед он же мой брат!.. Хорошо, подумаю! И я целую!.. – Опустив телефон, Лина притворно глубоко вздохнула: - Что делать? Робер зовет в Мексику, а мне надо срочно в Париж! И вот так всегда, - избалованно-усталым голосом выдохнула она и поспешила собираться.

В Париже Лина задержалась дольше, чем предполагала. Для алиби она встретилась с Ивом Дюроком, чем немало удивила последнего. Ему не понравилось, что в их отношения с Леоном вмешивается его сестра. Он был любезен, выслушал ее не лишенные интересных начинаний предложения, но отнесся к ним без должного внимания. «Ничего, - мысленно говорила Лина, - когда вместо Леона во главе Дома стану я, тебе придется считаться с моим мнением». Затем она посетила нескольких известных поставщиков тканей. Но целью поездки была, конечно, другая встреча.

Много лет назад близкий друг Лины познакомил ее с одним геем. «Если у тебя возникнут проблемы с законом... - она, засмеявшись, поспешила перебить его: «У меня?.. Никогда!..» – Но он продолжил свою мысль: - Так вот, если

возникнут, отыщи Луи Каркасона. Он до самой смерти будет обитать в одном из ночных клубов на Шамз Элизе, ну или, на крайний случай, спрятавшись у завсегдатаев Монмартра». Лина пожала плечами и вскоре рассталась со своим любовником.

Теперь, разыскивая Луи, она невольно поражалась удивительной проницательности своего бывшего друга. Долго искать не пришлось. В первом же ночном клубе на вопрос, как бы ей увидеть Луи Каркасона, бармен кивком головы указал в дальний угол.

Луи, с ярко накрашенными губами и длинными поблескивающими ресницами, приветливо улыбнулся ей, мгновенно вспомнив знаменитую Лину Рюс.

- Выглядите великолепно! – воскликнул он.

- Вы тоже, - присаживаясь за стол, искренне ответила Лина.

- Выпьете чего-нибудь?

- Джина с тоником.

Луи подозвал официанта и заказал два джина.

- Если помните, нас тогда познакомил...

- Милочка, я помню все!.. – многозначительно подмигнул он.

- Ну, так вот, - прямо начала Лина, - мне нужны два паспорта.

- Для вас или?..

- Для меня!.. - она замерла, боясь услышать, что он-де уже этими делами не занимается.

Но Луи, приблизив губы к ее уху, шепнул сумму.

- Хорошо! Когда?

- Завтра приходите вот по этому адресу, - он протянул ей визитную карточку. – Приносите грим, парики, сделаем фотографии. И недели через две, думаю, все будет в порядке.

Лина улыбнулась, но улыбка вышла задумчивая.

- Что-то еще?.. – тут же спросил Луи.

Она замялась.

Всегда важен мотив

- Могу помочь лишь при одном условии – вы должны мне доверять, - ласково шепнул он, обдав Лину приторно-сладким ароматом духов.

- Мне надо, - она понизила голос настолько, что остальное Луи скорее прочел по ее губам, чем услышал: - немного цианида.

Луи откинулся на спинку стула.

- А вы не лишены чувства юмора! Немного!.. Много никому не надо!..

Лина, замерев в томительном ожидании, смотрела на посмеивающегося Луи.

- Ну, немного... я, думаю, найду! – он опять наклонился к ней и прошептал сумму.

Глаза мадемуазель Рюс округлились, но она сказала: «Да!»

На другой же день Лина пришла в фотостудию, по указанному на визитке адресу, где темноволосый молодой человек сделал несколько снимков. Она выбрала наиболее удачные. Он положил их в конверт и сказал, что, когда все будет готово, ей позвонят.

Тем временем Лина деятельно обходила ювелирные бутики. Ее внимание привлек овальный медальон, украшенный мелкими бриллиантами. Она открыла его и осталась довольна. Маленький пакетик с цианидом как раз поместится между его золотых створок.

Лина шла в ва-банк: тратила последние сбережения, поэтому возможности отказаться от задуманного убийства у нее уже не было.

К Эстель она вернулась в хорошем настроении.

- Как поездка? – поинтересовалась подруга.

- Отлично! Встречалась с Дюроком, с поставщиками тканей.

- Леон перед тобой в неоплатном долгу!

- Ты знаешь, Робер опять звонил, он все настойчивее зовет меня в Мексику, но там сейчас такая жара!..

Тиана Веснина

- Полагаю, что тебе надо поехать! – высказала свое мнение Эстель. – После всех недоразумений вам необходимо встретиться.

- Да?! – сыграла глубокую задумчивость Лина. – Все-таки он виноват передо мной...

- Сейчас не до счетов! – заметила Эстель.

- Хорошо, я поеду, – немножко неуверенно произнесла Лина.

Телефонный звонок прервал их разговор. Эстель взяла трубку.

Лина прошлась по веранде и от нечего делать открыла книгу, которую читала подруга. Одна фраза взволновала ее: «У всякого человека имеется своя судьба, и не во власти других людей изменить эту судьбу!» Она посмотрела на обложку - Понсон дю Террайль. «Не велик автор, - как бы успокаивая себя, подумала молодая женщина. - Однако если исходить из этого утверждения, то мне не удастся убить Леона... - Горячая волна отчаяния в одно мгновение залила ее лицо. Лина подошла к перилам и с жадностью вдохнула морской воздух. – Но ведь мне неизвестна его судьба!.. – пыталась она выбраться из замкнутого лабиринта фразы. – А вдруг ему предназначено быть убитым! Неважно кем!.. – она задумалась. – С одной стороны, это утверждение делает бесцельными любые попытки вмешиваться в чужую жизнь, но с другой, может быть, именно меня избрала судьба Леона для выполнения предначертаний?!.. Что ж! – Лина тряхнула головой. – Эта случайно прочитанная фраза превращает меня из убийцы в послушное орудие судьбы. Если она не предназначила Леону быть отравленным, значит, у меня ничего не получится! А уж если предназначила, то я или кто другой, все равно. Хотя в данный момент – я!»

Лина собрала вещи, расцеловалась с Эстель, позвонила Роберу и так, чтобы слышала горничная, сказала, когда ее встречать в Мехико. Робер не на шутку удивился, стал

Всегда важен мотив

противиться, но она ловко ввернула несколько слов, и он понял, что его экс-невеста блефует.

* * *

Поздно вечером в воскресенье Лина прибыла в Москву. Переночевала в отеле «Спутник» и рано утром уже сидела на скамейке в небольшом сквере, рядом с кафе «Сладкий Роман».

Погода в тот день менялась через каждые полчаса, то лил дождь, то сверкало солнце, но колено ныло беспрестанно. «Вот не вовремя!» – злилась Лина, притаившись за кустом сирени. Поверх белого халата и шапочки, которые в день открытия первого кафе Роман после экскурсии подарил всем своим друзьям, на ней был серый клеенчатый плащ. Завидев шумную компанию во главе с братом, она вздрогнула, посмотрела на часы и направилась в раздаточный цех.

Охранник не обратил на нее внимания. Уверенно шагая в своей униформе с вензелем владельца кафе, Лина подошла к только что доставленному из пекарни шкафу с гато руайль. Оглянувшись, рукой в прозрачной перчатке вынула из кармана шприц, сняла пластмассовый наконечник и погрузила иглу в сладкое естество пирожного. Вновь опустила руку в карман и энергичным шагом, слегка прихрамывая на левую ногу, пошла к выходу. Вот тут-то ее и заметил студент. Вернее, не ее, а ноги!..

С совершенно спокойным лицом она деловито прошла мимо охранника и скрылась в сквере. Избавившись от шприца, вынула из-под раскидистых ветвей сирени свой плащ, накинула его на плечи и поспешила к метро.

Проехав несколько остановок, Лина вышла, солнце ослепило ее. «Это хороший знак!» – улыбнувшись, подумала она. Остановила машину и попросила отвезти ее в «Шереметьево-2».

Тиана Веснина

Заметив повышенное внимание таможенника к ее медальону, Лина усмехнулась: «Раньше надо было!» На паспортном контроле пограничник чуть дольше обычного задержал свой взгляд на очаровательной шатенке со сверкающими каре-зелеными глазами. Но не исполнение долга было тому причиной, а очарование пассажирки Ан Миньяр.

Вечером того же дня, совершив перелет Москва – Гамбург – Париж, Лина позвонила Эстель и стенающим голосом объявила, что у нее депрессия, и что она не желает ехать к Роберу.

- Он виноват! Он увлекся этой девкой!.. Вот пусть сам и приезжает!

- Но послушай, дорогая, это неразумно!.. – принялась было увершевать ее Эстель, но все оказалось бесполезным.

- Никому я не нужна, никто меня не любит... - ныла Лина.

- Ты несправедлива!

- Ах, прости, родная, только ты и Леон! Только ты и Леон!

Эстель растрогалась и вновь пригласила подругу к себе.

Все складывалось великолепно. Не успела она приехать, как раздался звонок от Робера. Лина отлично сыграла обиду и смело поставила вопрос ребром: «Или ты приезжаешь, или между нами все кончено!» Эстель только качала головой, вздыхая о безрассудности приятельницы. Но Лина не волновалась. Ведь с минуты на минуту ей должны сообщить о смерти Леона и тогда уже не надо будет разыгрывать телефонные спектакли с Робером!

К Эстель приехал ее друг Морис. Лина чувствовала себя лишней, но что она могла поделать? Она ждала звонка, которого все не было.

«Господи! Уж не обманул ли меня Луи?.. Вдруг он вместо цианида дал какой-то другой порошок?.. Или я

Всегда важен мотив

неправильно его развела?.. Нет, не может этого быть! Но тогда почему мне не звонят?»

На третий сутки Лина не выдержала. Она сама позвонила Натали Круглофф.

Натали обрадовалась ее звонку и без умолку болтала, чем выводила Лину из себя. Наконец она услышала:

- Ты же, наверное, не знаешь, что случилось у Леона?..

- Нет! – встревожено произнесла Лина.

- Не волнуйся! С ним все в порядке! - поспешила успокоить ее Натали, и Лина почувствовала, будто пудовая гиря каким-то образом попала к ней в желудок. – Ты только представь, в кафе «Сладкий Роман» была отравлена Инга Крутова, топ модель Леона. Это какую зависть надо иметь, чтобы отравить человека!.. – не удержалась от восклицания Натали. – И все из-за того, что Леон хотел взять ее с собой в Париж!

Лина ухватилась за сердце, которое билось так, что, казалось, прорвет телесную оболочку.

- А Леон?..

- У него все нормально, не беспокойся!

Прилагая сверхчеловеческие усилия, Лина довела разговор с Натали до логического конца и положила трубку. Мыслей не было. Было страшное опустошение. Потом откуда-то перед глазами возникли слова, будто их черными буквами написали на воздухе: «У всякого человека своя судьба, и не во власти других людей изменить эту судьбу!»

«Неужели, это правда?.. – родился первый вопрос. – Но тогда получается, что все удавшиеся убийства уже предопределены судьбами самих убитых!.. Значит, это они направляют руки убийц?.. Но зачем им это надо?..»

Блуждающий взгляд Лины остановился на большом зеркале, в котором она увидела красивую женщину со странным, что называется, сумасшедшим взглядом. Она испугалась: «Боже, я схожу с ума!..»

Не разбирай пути, Лина бросилась в парк. Там она увидела Эстель и Мориса. Она не подошла к ним, но их

Тиана Веснина

голоса немного успокоили ее. Лина нырнула в бассейн и провела там больше часа.

Из бассейна вышла освеженная телесно и умственно.

«Кому в огне сгореть, в реке не утонуть!» – вспомнилась старинная поговорка. - По-видимому, я выбрала не то орудие убийства, - принялась хладнокровно рассуждать Лина. – Я должна еще попытаться! И если он и после этого останется жив, тогда я либо покончу с собой, либо выйду замуж за этого противного коротышку Пибрака!.. – презривая гримаса исказила ее черты. - Нет! Я должна победить! У меня звездная судьба! Я не могу сгинуть бесследно!»

Эстель и Морис подошли к бассейну и сели под тентом. Раздался звонок, Лина взяла трубку и, когда услышала голос, не смогла произнести простейшего: «Слушаю!»

- Лина?! – требовал ответа голос. – Лина?!

- Да, – с трудом выдохнула она и, прикрыв трубку, радостно сообщила Эстель: - Леон звонит! – и уже более уверенно сказала: - Слушаю тебя, братик!

- Очень хорошо, что слушаешь! – злился Леон. – Кто тебя просил вмешиваться в мои дела с Дюроком?.. Какого черта?..

- Не волнуйся! Все будет хорошо! – лавировала фразами Лина. – Я хотела помочь.

- Пошла ты со своей помощью! Дюрок позвонил мне и предупредил, чтобы он тебя больше не видел, поняла, сестричка?

- Да, конечно... хорошо... - ласково звенел голосок Лины. – Как ты себя чувствуешь?

- Что это ты заволновалась?

- Ну сам понимаешь, открытие Дома моды в Париже...

- Не волнуйся, чувствую себя отлично!

- Вот и хорошо!.. Да, Робер собирается приехать ко мне!

– она с ласковой насмешливостью покачала головой. – Кажется, наша помолвка вновь оживает.

- Я рад! – буркнул Леон и отключил трубку.

Лина нежно прощалась с братом, слушая далекие гудки.

Всегда важен мотив

«Вот тварь везучая! – плюнул в сердцах Леон. – Все-таки окрутила Робера. Теперь мне ее не превзойти!.. Черт!.. Ну почему так?..»

Глава XXV

Особняк мадам Делонэ был обнят тишиной, даже прислуга получила свободный день. Эстель и Морис после завтрака уехали к своим друзьям. Лина, сказавшись больной, осталась одна. Она знала, что их визит затянемся до следующего утра, и рассчитала каждый свой шаг. Ей предстояло пройти на грани возможного.

Кареглазая брюнетка заняла место в салоне самолета, выполняющего рейс «Ницца – Москва». В пятнадцать часов по местному времени самолет покинул Лазурное побережье и в двадцать один тридцать по московскому времени совершил посадку в аэропорту Шереметьево-2.

Бойкая брюнетка, не торгаясь, села в первое же такси и называла адрес. Добравшись до места, шофер вынул из багажника увесистый чемодан, пассажирка расплатилась и вошла в подъезд.

Услышав шум отъехавшего автомобиля, Лина приоткрыла дверь, осторожно выглянула, поставила чемодан, набитый журналами, у мусорного контейнера и поспешила на улицу.

Улица переливалась огнями и светилась лицами людей в преддверии уик-энда. Лина плавно влилась в праздный поток отдыхающих, мысли которых были заняты выбором развлечений. Ей же, напротив, предстояла тяжелая работа. Ей предстояло собственными руками скроить свое будущее. И это будущее должно было быть великолепным. Она уже видела себя на подиуме, она уже улыбалась скорбно-блестящей улыбкой Донателлы Версачче.

«Я не стремлюсь прибрать к рукам чужое, я хочу взять свое, но что же делать, если мне его не отдают?! – ее

Тиана Веснина

глаза лихорадочно блестели, настроение было приподнятое, как перед началом дефиле. – Я дам ему шанс, хотя ... - она даже приостановилась, - хотя зачем мне Леон? Он уже сделал свое дело!.. И все-таки я дам ему шанс!» – великодушно решила она.

Лина свернула со сверкающей улицы под массивную арку и оказалась неподалеку от приватного входа в Дом моды Шаффранникова. Было начало двенадцатого ночи. Молодая женщина накинула на голову капюшон черной шелковой куртки, надела перчатки и, вжавшись в небольшую нишу, минут пять, которые ей показались вечностью, выжидала время, чтобы убедиться, что во дворе никого нет.

Черной тенью подошла она к двери, освещаемой розовым светом фонаря. Вставила электронную карту и очутилась в коридоре. Держась строго определенного маршрута, не просматриваемого камерами, Лина добралась до комнаты отдыха. Вытянув вперед руки, чтобы не наткнуться на мебель, преодолела темное пространство и приложила ухо к двери, ведущей непосредственно в кабинет. Ей показалось, что брат был один. Она глубоко вздохнула и осторожно приоткрыла дверь. Яркий свет ударили ей в глаза.

Леон сидел за сверкающим белым столом и просматривал эскизы. Взгляд Лины впился в его красивый профиль. «Пора!» – скомандовала она себе, но не смогла сдвинуться с места. Дыхание стало прерывистым. Молодая женщина с ужасом почувствовала, что еще мгновение, и она, зарыдав, как бездарная баба, бросится вон и будет славить бога за то, что тот отвел ее от убийства. Лина сжала кулаки и гордо вскинула голову. Да, ей почти так же было страшно выйти впервые на подиум в Париже. От этого выхода тогда зависело заключение контракта! И она вышла!.. Вышла так, что восхитила всех!

Она заставила себя улыбнуться и феей из старинной германской сказки выпорхнула из комнаты отдыха. Леон опешил. Заморгал глазами и потряс головой.

Всегда важен мотив

- Ты?! – наконец смог воскликнуть он.
 - Я, братик!
- До Леона дошел механизм ее появления.
- Ну ты даешь!.. Выкрала карту, сделала дубликат.
- Какого черта?
- Ты мне не рад? – сыграла она искреннее удивление.
 - Я занят! У меня дефиле!
 - Знаю! И тем не менее нам надо поговорить!
 - Если ты о том же, то я сказал все! Могу лишь повторить, что место еще вакантно.
 - Не хами! Ты прекрасно знаешь, что я лучше умру, чем опущусь ниже достигнутого!
 - Каждый волен в своем выборе! – безжалостно бросил Леон.

- Лина промолчала, но ее взгляд...
- Послушай, - подавив бьющую ключом обиду и присаживаясь на край стола, начала она. – Дюрок – это хорошо!.. Но тебе будут нужны и многие другие. Ты же знаешь, у меня обширный круг знакомых. Хуже нет, чем полностью зависеть от одного человека.
 - Ты мне предлагаешь зависеть от двоих?
 - Нет, я предлагаю сложить наши усилия и создать один из великолепнейших Домов моды в Париже!
 - А как тебе видится роль Дюрока?
 - На первых порах он нам будет нужен, - вошла во вкус Лина, - а потом мы с ним мирно расстанемся.

- Леон расхохотался, откинувшись на высокую спинку кресла, отделанную позолоченным деревом.
- Ты ведь умная! Посуди сама, к чему мне два компаньона?
 - Но без хорошего помощника, которому ты сможешь полностью доверять, тебе не обойтись!
 - Это уже моя забота!.. Ты опоздала, сестренка. Надо было трудиться над коллекциями, как я: с утра до ночи, грызть ногти и мозг, чтобы выбрать оптимальный эскиз, чтобы построить лучшую композицию! Ты же приезжала в качестве красивой, но, увы, бесполезной безделушки. Экс-

топ модель! Велика важность!.. Прошу, оставь меня в покое! «Ловко придумала! – между тем злобно размышлял Леон. – Я создал, а она выхватит! Конечно, с ее энергией, с ее умением командовать она станет во главе Дома, а я превращусь в простую рабочую силу. К тому же она не знает самого главного: не исключено, что я не смогу работать в Париже, как и в Москве, без Руди. Моя собственная коллекция может с треском провалиться, и мое положение тогда спасет только он! Вот, что гложет и не дает покоя! Мне еще придется вести сложную игру с Логиновым, и ты мне не нужна!» – Нет, Лина! Нет! – желая покончить с этим разговором, воскликнул Леон.

В это время в приемную заглянул Рудольф, решившийся на трудный разговор с Шаффранниковым, но, услышав его голос и поняв, что тот не один, не без тайной радости вздохнул и скрылся, дав себе слово поговорить с ним в следующий раз.

- Да ты понимаешь, что губишь меня?! – звякнула Лина, соскочив со стола.

Леон тоже поднялся с кресла.

- Оставь меня в покое! – закричал он. – Ты съела мое детство и юность. Твои успехи, твои насмешки, твоя уверенность в необыкновенной карьере!.. Я был только братом знаменитости. И теперь, когда я стал самым известным модельером Москвы, когда открываю собственный Дом в Париже, тебе вздумалось встать рядом со мной под лучи успеха!

- Ты стажировался у Армани только благодаря мне!

- Это была подачка!

- Но ты ее взял!

Его глаза застлал туман бешенства.

- Уйди! Уйди! Иначе я позову охрану и тебя спустят с лестницы!.. – задыхаясь, кричал Шаффранников. — Значит, твой брак с Робером опять расстроился? – неожиданно понял он, и лицо его осветилось диким довольством.

- Да, опять и окончательно! – налегая на стол, выкрикнула Лина. – Потому что он оказался таким же

Всегда важен мотив

подонком, как и ты!.. Стоило случиться со мной несчастью, как все мужчины отвернулись от меня. Им было нужно мое знаменитое тело топ модели, а не я сама. «Спокойно, ты слишком разошлась, - продолжая пререкаться с братом, охладила себя Лина. – Мне ни к чему дрожь в руках. С этим подонком все ясно! Он будет счастлив носить мне цветы на могилу или время от времени посыпать милостыню, чтобы я окончательно не умерла с голоду».

Она примирительно отступила назад и остановилась рядом с постаментом, на котором сверкали платиновые ножницы.

- А тебя не будут мучить угрызения совести, что ты мог помочь своей сестре, но не сделал этого? – спросила совершенно спокойно.

- Представь себе, нет! Каждый идет своей дорогой, и если они вдруг совпадают, люди волей-неволей оказывают друг другу поддержку, но наши дороги не совпали. Не трогай! – крикнул он, увидев, как Лина вынула из спиралевидной ленты ножницы.

- Очень жаль! – произнесла она. – Хорошо, Леон, я сейчас уйду, и есть все основания предполагать, что это наша последняя встреча. – Она сделала несколько шагов и очутилась как раз напротив него. Лишь стол отделял их друг от друга. – Если бы у меня было хоть что-то, я бы составила завещание в твою пользу.

Леон закинул голову и захохотал:

- Ну, а я не хочу составлять завещания!.. А если и надумаю, то только в пользу какого-нибудь фонда! Ты не получишь ничего!

- После нашего разговора я и не надеюсь, - вздохнула она, удостоверившись, что брат еще не составил завещания. – Но все-таки должен же кто-то позаботиться о бедной Лине!.. Ты знаешь, я оглянулась в поисках этого кого-то и никого не нашла!.. И тогда поняла, что мне самой придется заботиться о себе.

Тиана Веснина

Быстрым движением она взяла ножницы наперевес. По лицу Леона пробежала дрожь испуга. Направив острье прямо в грудь брату, она прошипела:

- И сейчас я это сделаю!

Шафранников широко открыл рот, но крик о помощи вырваться не успел: лезвия ножниц на удивление мягко вошли в его тело. Под силой удара Леон не устоял и всей тяжестью навалился на ножницы, которые своими сверкающими кольцами уперлись в стол.

Лина, зачарованная ужасной картиной, не двигалась с места.

«Это не сон?! – пронесся в ее голове вопрос. – Нет!» Накинув капюшон, она поспешила покинуть место преступления.

Не успела за ней закрыться дверь, как мимо насажанного на ножницы Шафранникова приведением пробежала Натали и в ужасе скрылась.

* * *

Покинув Дом моды, Лина по переулкам выбралась на большую улицу, остановила машину и попросила довезти ее до Речного вокзала. Там она вышла, пересела в другую машину и таким образом доехала до аэропорта.

Из Шереметьево она вылетела в три часа утра по московскому времени и в пять тридцать по местному уже была в Ницце. Добравшись до причала, Лина отвязала свой катер и помчалась в сторону особняка Эстель.

Прячась за кустами, прижимаясь к стволам деревьев, она проникла в дом и бесшумно, словно сгусток воздуха, поднялась к себе в комнату. Вынула из шкафа коробку с книгами, положила в нее парик, а в томик Есенина спрятала фальшивый паспорт. Скинула с себя одежду и бросилась в разобранную кровать. В одно мгновение в ее мозгу пролетело все, что произошло, и она заснула глубоким спокойным сном.

Проснулась Лина от осторожного стука горничной.

Всегда важен мотив

- Простите, мадам, послала узнать, как вы себя чувствуете?

- Как ни странно, хорошо! – улыбнулась Лина. – Видимо, мне просто надо было как следует отдохнуть. Передай мадам, что я выйду к чаю. Кстати, а когда она встала?

- Только что. Она сейчас пьет сок на веранде.

- А Морис?

- Еще спит после вчерашнего! – усмехнулась горничная.

- Ладно, приму душ и выйду к Эстель.

Освеженная Лина сияла здоровьем и красотой.

- Ты выглядишь восхитительно! Правильно сделала, что не пошла с нами на эту вечеринку. Я чувствую себя совершенно разбитой, – простонала Эстель. – Мы вернулись в семь утра, легли спать и теперь болит все тело.

День пролетел незаметно. Эстель с Морисом стонали. Лина только оболочкой присутствовала на Лазурном побережье. Ее мысли, чувства были в Москве. «Вот, - представляла она, - открывается дверь, входит либо уборщица, либо секретарша... Крик, истощный вопль... Вызывают милицию... Постепенно собираются служащие, манекенщицы... Около двенадцати... приехал Руди... Он, может, еще не знает, а, может, ему уже сообщили по телефону... - Лина прыснула от смеха, вообразив озабоченно-испуганную физиономию Логинова. – А милиция суетится, измеряет, устанавливает, допрашивает, устрашает... Каждый входящий в ужасе замирает перед «памятником», изваянным мною из плоти и стали. - Она ярко и с удовольствием представила себе Леона, пронзенного лезвиями ножниц. И вздрогнула. – Что это? Неужели во мне дремал талант профессионального убийцы?.. Я совершенно хладнокровно думаю о Леоне, словно это сделала не я...»

От собственного бесчувствия Лине даже стало как-то не по себе и она, сверкнув на солнце серебром купальника, прыгнула в бассейн. Звонок раздался неожиданно. Лине не хотелось выходить из воды, а горничной поблизости не

Тиана Веснина

оказалось. Но тут в широкополой шляпе появилась Эстель.

- Прислугу не дозвовешься, - сказала она и взяла телефон Лины, решив, что это звонит Робер, но, услышав незнакомый голос, поспешила передать трубку хозяйке.

- Алло! – как можно солнечнее произнесла Лина. Затем вскрикнула и почти потеряла сознание, узнав от Руди, что вчера ночью был убит ее брат.

Ошеломленная Эстель позвала на помощь Мориса и прислугу. Лине помогли выйти из бассейна, но о том, что случилось, из ее бессвязных стонов понять было невозможно.

Тогда Эстель взяла трубку и по-английски выяснила, что же произошло в Москве.

Срочно был вызван врач. Лине сделали успокаивающую инъекцию. Ну а потом все пошло, как того желала она. Во главе Дома моды покойного Соболь-Шафранникова стала его сестра - очаровательная Лина Рюс.

* * *

- Вполне вероятно, не случись осечки с отравлением, убийство Шафранникова так и не было бы раскрыто, - заключил детектив.

Лина долгим взглядом посмотрела на него.

- Итак, Вадим, я полностью выполнил свою сторону договора, - обратился Мелентьев к Салатко.

- Я тоже, - протягивая ему пакет, ответил тот.

- В таком случае, до свидания! – сказал детектив и, пожав руку хозяину, направился к двери.

- Стойте! – вскочила Лина. – А я?! Как же я?!

- А вы останетесь здесь.

- Но что со мною будет?

- Это уже не входит в мою компетенцию, - равнодушно ответил Мелентьев.

Лина устремила свой взгляд на Салатко.

- Потрудитесь объясниться! – потребовала она.

Всегда важен мотив

- А что тут неясного? – вяло спросил Вадим и налил ей полный стакан виски. – Выпейте!

В глазах Лины заметался ужас.

- Что вы намерены со мной сделать?

Салатко апатично пожал плечами.

- Умертвить!

Лина отпрянула назад.

- Как это умертвить? – прошептала побелевшими губами.

- Как бешеную собаку.

Кирилла заинтересовал дальнейший ход событий. Он присел на ручку кресла.

- Да ты не дергайся! У меня все как в лучшей штатовской тюрьме: кушетка с ремнями. Ляжешь - укол в руку - и... нет тебя!

Все закружилось перед глазами мадемуазель Рюс. К ней подошли двое, взяли ее под руки и потянули вниз по лестнице. Кирилл и Вадим пошли следом.

- Нет! – раздался истошный вопль Лины, когда она увидела эту кушетку. Но двое, не слушая криков приговоренной, уложили ее, больно стянули ремнями и, отведя правую руку в сторону, привязали к подставке. Один из них взял шприц.

- Нет! Постойте!.. Ну постойте же!.. - вопила Лина. – Ну что вам стоит, подождите!.. Кирилл, Вадим!.. Я не убивала!

- Не хочу слушать! Хватит! – поморщился Салатко.

- Да постойте, - молила Лина. – Я прошу... - она задыхалась, жадно глотая воздух, - прошу, умоляю о правосудии!..

- Какое к черту правосудие, если ты самолично отправила на тот свет Ингу и Леона? – искренне изумился Вадим. – Если ты уж такая крутая и занялась этим делом, то о правосудии забудь! Это излишняя роскошь для таких, как ты.

- Нет! – нечеловеческим голосом завопила Лина, ощущив, как игла мягко вошла в ее руку.

В подвале воцарилось молчание. Глаза Лины остекленели. Она не знала, как умирают, и представляла,

Тиана Веснина

что сейчас что-то тяжелое навалится на нее - и все!.. Но тяжелое не наваливалось. Она удивленно заморгала ресницами и встретилась с презрительно-насмешливым взглядом Салатко.

- Ну, каково умирать?

Ее развязали и поставили на ноги, но идти она не могла. Ее взгляд поразил Мелентьеву: в нем не было ни злобы, ни отчаяния, - в нем было небытие. Никто не успел подхватить Лину, и она грохнулась на пол, как подрубленное дерево.

- Ну вот, возись с ней!

- Ты это... слишком круто... - пробормотал Кирилл.

- Поверь, она меня еще круче!.. Тошно мне без Инги, так тошно, что сам не ожидал!.. Стерва! Отравила девчонку! Стерва!..

Он набрал номер.

- Слушай, майор, приезжай ко мне на дачу, забери убийцу Инги и Шафрана.

На том конце глухо охнули.

- Вадим Сергеевич, вы не шутите? – приподнявшись от волнения со стула, уточнил майор.

- Да какой там шучу!

Майор, который вел расследование убийств Инги Крутовой и Леона Шафранникова, долго плутая, зашел в тупик и потому, не веря своей удаче, звонко защелкнул наручники на запястьях впавшей в пристрацию Лины.

Кирилл передал ему материалы с изложением фактов, а также улики: фальшивый паспорт и парик.

- Ну, вот и все, - с глухим стоном проговорил Вадим, тоскливо глядя вслед удалявшейся опергруппе. – Перед памятью Инги я чист. Может, теперь моей девочке там станет хоть немного веселей, что ее Вадька отомстил убийце?!

Всегда важен мотив

* * *

Руди, будто флюгер, следуемый за ветром, повернулся и проводил изумленным взглядом детектива и Лину, которую поддерживали под руки двое в светлых рубашках.

Взяв свой чемодан, Логинов отошел в сторону. «Чтобы это могло значить?.. Ловушка? Но проще было арестовать меня, тем более что признание у них уже есть. Мила с Андрэ позаботились!.. Но тогда как же все-таки объяснить этот явно насильственный увод Лины?.. – углы его рта опустились в недоумении. – Неужели?! Нет!» – отвел он чудовищное подозрение.

«Продолжается посадка и оформление багажа на рейс «Москва-Вена», – напомнил голос диктора.

«Вот черт! – Руди заметался, как попавший в банку карась. – Ехать?.. Не ехать?.. Если то, что я подумал, страшно сказать, правда, то Дом моды, вернее, какая-то его часть, достанется Салатко. Надо срочно связаться с ним и уговорить продолжить сотрудничество. Даже если ради этого придется возвдвигнуть в вестибюле мраморную статую Инге. Ведь для меня это единственная и уж точно неповторимая возможность стать акционером Дома, а потом, может быть, и владельцем!»

От таких мыслей у Руди перехватило дыхание. Он прикинул, сколько сможет вложить в дело. Сумма оказалась скромной. Но Логинов решил действовать методом обольщения и убеждения. «Ради памяти Инги!.. – придав лицу скорбное выражение, пробормотал он, уже мысленно начиная свой диалог со Салатко. – Я сделаю так, что вы будете довольны нашей совместной работой!..»

«Продолжается посадка...» - настойчиво повторял диктор.

Рудольф бросился к окошку авиакомпании и аннулировал свой билет.

Не успел он сесть в такси, как раздался звонок по сотовому.

Тиана Веснина

Руди осторожно приложил телефон к уху, но ничего не произнес.

- Алло! – тут же узнал он голос Милы и похолодел. – Алло, Руди, ну хватит! Где ты? Мы приехали за тобой в эту богом забытую деревню, а хозяйка сказала, что ты сбежал. Да ответь!.. Ответь, шантажист чертов!.. – расхохоталась Мила.

- Ничего себе шуточки!..

- Молчи, презренный! – во всю продолжала хохотать девушка. – Рожденный дизайнером шантажировать не может! Какой же ты глупый!..

- Ну, вы тоже хороши!.. Да! – подскочил он чуть ли не до крыши такси. – Сейчас в аэропорту был Мелентьев с двумя парнями, они задержали Лину прямо перед вылетом.

- Лину? – удивленным эхом отозвалась Мила.

- Да!

- Чтобы это могло значить?..

- Не знаю!

- А что, если?.. Боже!.. С ума сойти!.. Короче, приезжай в Дом!.. – крикнула Мила и отключилась.

Но прежде Рудольф заехал к себе. Вошел в свою милую, светлую квартирку, с которой накануне так жалостливо прощался. Погладил мебель, посидел на диване и только после этого направился в Дом моды, пока еще Шаффранникова.

Там творилось что-то невообразимое. Слухи правили бал!.. Появление Рудольфа не прошло незамеченным. Все устремились к нему.

- Точно ничего не знаю, но что Лина Рюс была задержана в аэропорту, за это ручаюсь!..

Наконец, ближе к концу дня, когда было выпито немыслимое количество кофе и выкурено бесчисленное количество сигарет, одна из манекенщиц, друг которой имел выход на Петровку, 38, под величайшим секретом сообщила всем, что Лина Рюс арестована по обвинению в убийстве брата и Инги Крутовой.

Всегда важен мотив

Громовое «АХ!!» сотрясло здание Дома моды...

* * *

Мелентьев вскрыл конверт и улыбнулся, вынув приглашение на ужин от Андрэ Берзиньша.

Стол был накрыт в том же зале, где детектив впервые почувствовал присутствие убийцы. Кирилл пробежал глазами по фотопортретам топ моделей и задержал внимание на Лине. Теперь он понял, что это ее фотография посыпала ему сигналы. А он искал убийцу среди присутствовавших.

Мелентьев даже покачал головой, вспомнив, что еще при осмотре кабинета Шафранникова, когда он дотронулся до портрета Лины, тот едва не упал ему в руки. Этот случай еще раз убедил Кирилла, что вещи не молчат, а тем более фотографии. Незначительной деталью, на которую никто не обратит внимания до происшествия, они могут рассказать не только о прошлом, но и о будущем.

Детективу вспомнился еще один подобный случай – снимок в журнале одного известного актера, который был запечатлен на выходе из театра рядом с объявлением: «Сегодня спектакля нет». Несколько месяцев спустя актер трагически погиб.

Мелентьев вплотную подошел к портрету Лины.

- Как же я забыл снять портрет убийцы-отравительницы!
– воскликнул вошедший Андрэ.

- Давайте-ка хотя бы отвернем его к стене! - предложила Донина, на открытых плечах которой непостижимым образом держалось платье, затканное мелкими букетиками в стиле Рококо.

Кирилл снял портрет, поднес его ближе к свету, и все трое вздрогнули от удивления, - на груди у Лины была брошка похожая на скрутившуюся перед прыжком кобру.

- Фу! – брезгливо зашевелила пальчиками Мила.

Но тут раздалась музыка, и на пороге появилась Елизавета. Длинные спирали ее рыже-медных волос были

Тиана Веснина

подхвачены шелковой лентой. Покачивая прозрачным кринолином, она подплыла к столу. Мелентьев позабыл о портрете, о любезничающих и уже не скрывающих своих тайных отношений Андрэ и Миле. Он видел упругий бюст, он видел глаза, в которых светилось желание, он видел рубиновый рот и сводящую с ума мушку на щеке. Из восхищенного созерцания его вывел возглас Берзиньша.

- Прошу к столу!

Свет старинных подсвечников осветил лица приглашенных.

- Я предлагаю выпить за успех нашего детектива в расследовании невероятно запутанных убийств!.. – торжественно произнес Андрэ. Бокалы, соприкоснувшись, хрустально отсалютовали успеху, а мэтр продолжал: - который полностью изменил концепцию моего первого дефиле в Париже. Было несколько весьма неординарных версий, - сделал он ударение на последнем слове, - но я выбрал самую, на мой взгляд, актуальную. Я представляю коллекцию под названием «Фигуранты».

- Браво, детектив! – шепнула Елизавета.

- О! Значит, речь пойдет и о нас? – воскликнула Мила. - Ведь мы с Андрэ, смею надеяться, первыми попали под подозрения нашего детектива.

- Не скрою. Но вы этого сами хотели, не так ли? – обратился он к Андрэ.

- Сначала, конечно, нет, – рассмеялся тот. – Сначала мы даже немного растерялись. Ну кто мог предположить, что наше тайное свидание в Доме Шафрана совпадет по времени с его убийством!

- Следовательно, без cherchez la femme (ищите женщину (франц.) не обошлось? – спросил Мелентьев, повернувшись к Миле.

- Ну да!.. Это была моя идея! Мне жутко, до потери совести, хотелось насолить Шафрану за его наглое обращение со мной.

- Нет, ты уж называй все своими именами! – потребовал Андрэ.

Всегда важен мотив

Мила шутливо воздела глаза и покорно ответила:

- Пожалуйста! Одним словом, мне пришла идея провести интимный вечер с главным соперником Шафрана в его же Доме моды! А когда Андрэ захотел курить, я взяла под пепельницу один из призов Леона. Кто мог подумать, что того убьют, и эти окурки превратятся в улику против нас. Естественно, мы пережили несколько не очень приятных минут. Потому что, во-первых, о наших взаимоотношениях с Андрэ никто не должен был знать, а во-вторых, опять-таки из-за окурков на нас пало подозрение в убийстве!..

- Но потом, Андрэ, ты затеял игру! – заметил Кирилл.

- Потом, да! – согласился тот. – Но в этом виноват ты сам! – Выдержав интригующую паузу, Берзиньш продолжил: – Предложение Милы мне сразу понравилось. Я вообще люблю ее за дерзкие идеи. У нас получилось необыкновенно хорошо в Доме Шафрана. Мысль, что этажом ниже сидит мой непримиримый соперник, а я в его вотчине занимаюсь любовью с его моделью, вносила дополнительные акценты в наше творческое соитие. Но позже... - Андрэ послал долгий взгляд Кириллу. – Когда я узнал, что ты будешь заниматься расследованием... - он сделал короткую паузу. Глаза Милы тревожно забегались.

«Ей можно лишь посочувствовать! – с трудом удерживая себя от улыбки, подумал Кирилл. – Бедной Миле придется опасаться не только соперниц, но еще и соперников. Да, любить бисексуала — это двойная забота!»

Елизавета тоже перехватила озабоченный взгляд модели и сочно расхохоталась. Мила рассержено потупила глаза.

- Да, не буду скрывать! – подтвердил тайные опасения своей подруги Андрэ. – Кирилл мне очень понравился. Но так как он, в отличие от меня, сексуально однообразен, я попытался найти способ привлечь его внимание к себе! И, по-моему, мне это удалось. Но только отчасти! Я привлек внимание Кирилла лишь как фигурант, но не как партнер.

Тиана Веснина

Кирилл, следуя приемам Андрэ, выдержал паузу и, желая подразнить Милу, бросил:

- Ну, не только как фигурант...

В глазах Андрэ вспыхнули огоньки. Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Елизавета, откинувшись на спинку стула, не могла успокоиться, глядя на взъерошенное лицо Милы.

- Вот не ждала, откуда беда! Любить Андрэ, милая, не просто, а удержать – невозможно! – проговорила она.

Мила глубоко и со знанием дела вздохнула.

Хрустальные бокалы все чаще наполнялись вином. Голоса становились все беззаботнее.

Десерт был великолепен. Правда, Кирилл точно не запомнил его названия: то ли клубника со взбитыми сливками, то ли клубника с губами Елизаветы.

Придерживая Милу за талию, прежде чем разойтись по комнатам, Андрэ сказал Мелентьеву:

- Я оставляю тебе самое дорогое, что есть у меня – душу мою – Елизавету!.. В мое отсутствие она будет возглавлять Дом!

Кирилл одной рукой крепко обнял Елизавету, а другую в знак благодарности приложил к сердцу.

Потом все смешалось: тугие спирали волос Елизаветы, мушка на щеке, нежная беззащитность бедер. «Кто она для Андрэ, эта загадочная Елизавета? Его первая подруга, от которой его увел гей?.. Или, наоборот, первая девушка, которая открыла Андрэ, что он может любить и женщин?.. А может, не то и не другое...»

Глава XXVI

Прошло два года...

В один из вечеров услышав телефонный звонок, Кирилл поморщился, ни с кем не хотелось говорить. Но рука по привычке потянулась к трубке.

Всегда важен мотив

После первых слов, он воскликнул:

- Ты?! Здесь?! Конечно, хочу тебя видеть!.. Приезжай!

Ожидание показалось нестерпимо долгим.

Она вошла, тряхнула белокурыми волосами, покрытыми капельками дождя.

- Здравствуй! – крепко поцеловала его в щеку. – Дождь такой мелкий и частый, что всего за несколько шагов от машины до подъезда покрыл меня с ног до головы водяной пылью.

Кирилл, улыбаясь, чуть отошел назад.

- Что, изменилась?

Он смотрел на нее, пытаясь сквозь новый облик увидеть знакомые черты. Такая же тоненькая, почти прозрачная. Волосы короткие, едва касающиеся плеч. Лицо... Вроде тоже... «Нет!.. Нет!.. – с щемящей грустью подумал он. – Той светлой, воздушной, беззаботной Эвы уже нет». Перед ним стояла эффектная, но словно подернутая дымкой печали девушка.

Она рассмеялась.

- Помоги же мне снять плащ!

- Прости! – Мелентьев подхватил плащ и повесил его в шкаф.

- Уф! Устала! – бросилась на диван Эва.

- Что выпьешь? – подойдя к стойке, спросил Кирилл.

- Чего-нибудь покрепче! Двойной виски!

- Ого!.. Раньше ты так не пила, - невольно заметил Кирилл.

Эва рассмеялась:

- А раньше вообще была не я.

- А кто же?

- Оболочка, которая слетела с меня в один миг...

Он сел напротив нее.

- За нашу встречу! – подняла она бокал.

- Я ведь только сегодня прилетела из Парижа. Целый день крутилась по делам, к вечеру устала, сил нет, но уж очень хотела увидеть тебя.

- Я тоже рад тебя видеть.

Тиана Веснина

Их глаза встретились, несколько секунд они смотрели друг на друга, потом улыбнулись и стали молча пить виски. В один миг пролетел пестрый рой воспоминаний.

- Спасибо тебе! – начала Эва.

Во взгляде Кирилла возник вопрос.

- Да ладно! Я ведь без труда догадалась, хоть я и не сыщик, что те деньги, которые приходили на мое имя от московского друга моей мамы были от тебя.

Она провела рукой по волосам.

- Как тебе моя новая прическа?

- Тебе все к лицу!..

- Да... – протянула она. – Да!.. В общем, все полетело в тартарары, так, кажется, говорят?.. Смешное слово... Налей-ка еще чуть-чуть...

Кирилл смешал коктейль.

- Вкусно! – она склонила голову набок, и он увидел перед собою прежнюю Эву, шаловливую, избалованную, кокетливую...

- Ах!.. – высоко взлетел ее возглас и точно завис в воздухе. – Ведь пока все не вспомним, не скажем... дальше не сдвинемся.

Она поднялась с дивана. Схватила с каким-то ожесточением сумку, стала искать в ней сигареты, не нашла, вытряхнула все содержимое на стол.

- Прости! – не глядя на Кирилла, бросила извинение.

Закурила.

- Господи, как же я хотела с тобой поговорить!.. И сейчас хочу!.. Но трудно!.. Не знаю с чего начать.

В ее глазах появились слезы, верхняя губа нервно задергалась.

- Начни с Николь!.. – посоветовал Кирилл.

- Да! – просветлел взгляд Эвы. – С Николь! После убийства мамы и моего увечья, в которых виновны, к сожалению, не несчастные случаи, а люди, мне казалось, что все подлецы и сволочи. Но я ошиблась. Николь!.. Она ведь едва была знакома с мамой... Но ее внимание, забота обо мне!.. Ведь это все было искренне!.. – с каким-

Всегда важен мотив

то вызовом бросила она Кириллу. – Понимаешь, искренне! Я жила у нее почти полтора года. Она находила в себе терпение слушать мои обвинения всему белому свету, она находила слова, чтобы переубедить меня, заставить захотеть жить!.. Да!.. – перебила сама себя Эва. – Ты слышал, что Эрик пропал?.. Ну, Эрик Фавьер!.. Как только понял, что я не стану звездой балета, как только узнал, что у меня ни гроша, - пропал!.. – Она тяжело рассмеялась. – Ну да по порядку!.. – Опустила лицо в ладони, немного посидела так, а потом, словно отдохнув, продолжила: - Кто же меня спас? Кто вызвал вкус к жизни? – лукаво заглянула она в глаза Кирилла. – Не поверишь никогда! Холодный, безразличный, пребывающий над всеми Андрэ!

- Да ну! – присвистнул Кирилл.

- Да-да!.. Он!.. Конечно, я раскинла после всего. Но в том ли моя вина? Ну, если я такая, какая есть. Воображала о себе, что сильная, властная, уверенная, а на поверку вышла слабая, никчемная. Другая бы на моем месте, несмотря ни на что, продолжила бы дело мамы. Но то другая!.. Ты же помнишь маму?! Как она умела разговаривать с людьми, буквально зачаровывать их. А я так не могу. Все пришлось продать, и все пошло на оплату долгов. Я осталась без гроша. Жить не хотелось, да и не на что было. Как раз тут я стала получать переводы от тебя, то есть прости, от старого друга мамы, как то было указано в извещении. Но несмотря на твою финансовую поддержку и все усилия Николь, я не знала за что зацепиться. Что могло бы удержать меня в этом мире? И вот однажды под вечер появился невозмутимо великолепный Андрэ. Он вошел в дом, точно уже бывал в нем много раз. Поздоровался с Николь и мимоходом обворожил ее. Поцеловал меня и сказал, что приехал за мной. Ты бы видел мои глаза!.. Огромные, ошалелые!.. Ресницы так и бегали вверх-вниз. Андрэ!.. Рафинированный эстет. Холодный красавец и вдруг забота о какой-то полукалеke. «Ты мне нужна! – сказал он. – У меня очень много дел, сама знаешь. Работаю между

Тиана Веснина

Парижем и Москвой. Не успеваю». – А я чем могу тебе помочь? – «Мне нужен режиссер для воплощения моих идей на подиуме». – Но я не умею! – развела я руками. - «А ты пробовала?» - Нет! - «Ну вот попробуешь, тогда и откажешься!.. Ну, иди!» - Куда? «Собираться! Ужинать будем в самолете!» - Ты что, уже и билет для меня купил? - «Конечно!» – закинув ногу за ногу и попивая токайское, ответил он. Николь засуетилась. Растиралась. - «Ой, как же вот так... сразу?...» - «Ну давайте посидим минут пять...» - рассмеялся Андрэ. Николь махнула рукой, хихикнула сама над собой и помчалась в мою комнату. - «Эва! – позвал он меня, чтобы вывести из оцепенения. – Ты рискуешь улететь в одном платье».

Я подскочила и поспешила помочь Николь. Все произошло, словно по мановению волшебной палочки. Париж! Шум, суета! Дом моды! Запах грима, шуршание тканей. Я едва не разревелась. Андрэ поселил меня в маленькой, совершенно очаровательной студии. На следующий же день он поделился со мной, как он выразился, несколькими идеями. Признаюсь, я растиралась. Он это заметил и отправил меня, сказав, что завтра ждет с конкретными предложениями. Мне некогда было бояться и думать, что я не смогу. Я должна была соединить разрозненные идеи Андрэ и создать модельное шоу. Судить о том удалось ли мне это или нет, будешь в том числе и ты. Вот, — протянула она приглашение. – Мой дебют постановщика. Ну, конечно, Андрэ внес именно те малые, но самые существенные штрихи настоящего художника, которые заставляют оживить даже посредственное полотно, - она еще что-то хотела добавить, но передумала: - Одним словом, придешь и увидишь. Если будет, пусть даже небольшой успех, я пойду учиться на режиссерские курсы.

- Не прими за комплимент, но ты талантлива и поэтому я уверен, что все получится так, как должно быть.

Щеки Эвы залились радостным румянцем, она оглянулась по сторонам, точно боясь, что кто-то похитит

Всегда важен мотив

ее удачу, и постучала кулаком по столу, отгоняя злых духов.

- Ну вот, такая теперь моя жизнь... А о том... - она опустила глаза. – Мы ведь должны поговорить и о том...

- Если хочешь, – тихо отозвался Кирилл.

- Хочу! – уверенно произнесла Эва и сразу же спросила:

- Ты ничего не нашел? Никаких следов?.. И даже не догадываешься, кто убил маму и по чьему заказу меня столкнули с лестницы?..

Она во все глаза смотрела на детектива.

- Нет, к сожалению, ничего.

Эва покачала головой.

- Другого ответа от тебя и не ждала. А я ведь поняла... тогда у Николь ты мне сказал: «Есть такое понятие тальон»... Значит, маму убил кто-то из ее прошлого?! Значит, она сделала что-то такое, что вызвало этот тальон?! Можешь смеяться, но я предприняла попытку разобраться во всем сама. Когда Андрэ привез меня в Париж, я попыталась разыскать моего отца. И представляешь, он нашелся. Но ничего конкретного о маме он мне рассказать не мог. Правда, вспомнил, где она снимала квартиру после развода с ним. – Какая-то посторонняя мысль заставила Эву улыбнуться. – Знаешь, отец мне совершенно не понравился. И я на него ни капельки не похожа. Встреча оказалась для нас обоих неприятной. Ну это так! – слабо махнула она рукой. – Я разыскала дом, в котором жила мама. Поговорила с владельцем. Он, к моему удивлению, вспомнил ее. Но куда она переехала, не знал. Я вышла на улицу, узенькую, серую, тосклившую... Подумала с раздражением: «Ну почему мама так скрывала свое прошлое, почему никогда ни о чем мне не рассказывала?.. И нашла ответ, простой и единственный, – она не хотела. Тогда я задала себе вопрос: «Имею ли я право заглядывать в ее прошлое, если она этого не желала?» Вспомнила твои слова о тальоне. Выходит, кто-то отомстил маме. За что?.. Этого, вероятно, я никогда не узнаю. Но если кто-то отомстил, значит, и я

Тиана Веснина

должна отомстить?.. Ведь око за око, зуб за зуб, так?.. Кровь ударила мне в голову, руки скжались в кулаки. Я ощутила такой небывалый прилив сил, что, казалось, оторвалась от земли. Ненависть к убийце ожила меня. Появился вкус к жизни. Однако подъем, вызванный страстным желанием отомстить, длился с неделю, а потом вдруг мелькнула мысль, короткая, в одно слово: ребенок. У меня ведь может быть ребенок!.. И тогда то, что сделаю я, отзовется на нем. Ведь своим страшнымувечьем я ответила за... - Эва замялась. – Трудно подыскать слово. Вернее, не хочется его произносить. Ну, скажем, за ошибку мамы. Я это знаю наверняка. Не могу сказать, что согласна с этим. Но, как оказалось, дети на самом деле отвечают за грехи родителей. Я тому лучший пример. – Она в отчаянье ломала свои хрупкие пальцы. – Ну почему так? Почему?..

- Сложный вопрос. Думаю, каждый должен ответить на него сам!.. Если тебе интересно мое мнение, то я представляю это как предостережение. Как надпись «Не подходи! Убьет!» или как ограждение вокруг пропасти. Кто-то подлезет за это ограждение, заглянет в страшную бездну и вернется невредим. Подумает, глупости все эти предупреждения. А потом, оказывается, что нет. Наказание придет неожиданно и ударит в самое уязвимое место, накажет через ребенка.

- Тогда почему творят невообразимое? Знают о неизбежности возмездия и все равно делают подлости?

- Потому, что не верят! Вообще, я считаю, что самый популярный святой у людей – это Фома Неверующий. Пока не пощупают, - не удостоверятся. Вот ты задумалась, поняла и поверила. Кажется, как просто: Знать. Понять. Поверить. Взрослые творят мерзости, подлости, а дети платят по их счетам. Ведь ребенку по наследству переходят не только уши и нос, но и часть души, вот за эту часть и идет расплата. Если бы родители абсолютно верили в возмездие за свои грехи, не было бы столько несчастных.

Всегда важен мотив

- Да, - вздохнула Эва. – Если бы мама знала, как нам с ней придется расплачиваться за... - она поймала взгляд Кирилла. – За... - пожала в недоумении плечами. – Вот за что?..

- Не важно, главное тебе стало ясно, что тальон – это цепная реакция, результатом которой всегда будет несчастье.

Эва поднялась.

- Хочешь, я сварю кофе?

- С удовольствием!

Она налила воду в кофеварку, поставила на плиту и вдруг сказала:

- Знаешь, иногда я почти уверена, что маму убил Эрик Фавьер.

От неожиданности Кирилл задержался с ответом.

- Он так внезапно пропал. Вначале я думала, что он скрылся от меня, но потом Николь попросила своих друзей из США навести о нем справки. Однако он исчез, будто и не было никогда никакого Фавьера.

Эва подала Кириллу чашку кофе.

- Согласись – это все-таки странно. Я долго думала, что такого могла сделать ему мама? Ничего! Она даже не была с ним знакома. Тогда, может быть, у нее были неприятности с его родителями?.. Кстати, чету Фавьевов из Флориды, у которых был сын Эрик, тоже не нашли.

- Уверен, ты ошибаешься! – бодро отозвался Кирилл. – Эрик просто оказался искателем богатых невест. Ты перестала подходить ему, и он тихо ретировался. Таких случаев великое множество.

- Наверное, ты прав!..

- Кофе отличный! Очень точно рассчитана пропорция корицы!

- Никакого расчета, все от души! – улыбка из прежней жизни появилась на губах Эвы.

- Все постепенно налаживается! – проговорила она, обращаясь, скорее, к себе, чем к Кириллу. – Но вот... - она замолчала, видимо, раздумывая, стоит ли говорить?

- Тебя что-то тревожит?

- Да так... Чисто женское беспокойство. Меня преследует странный сон. Не то что я его вижу каждую ночь, но время от времени он повторяется. Вижу ребенка и слышу, будто кто-то мне шепчет: «Убей его и тебе станет хорошо!» Я отказываюсь. Отталкиваю кого-то невидимого. Но знаю, что он не лжет... Да-да! Точно знаю, что мне будет хорошо, если убью. Но не могу!.. Бrr!.. – судорога пробежала по ее хрупким плечам. – Как мне отделаться от этого сна?

Кирилл помрачнел.

- Тебя так взволновал мой сон?.. – с удивлением спросила Эва.

- Нет, что ты!.. Он не особенно интересен даже с точки зрения психологии, однако совет могу дать, - как можно более беспечным тоном произнес Мелентьев: - Не поддавайся подобному искушению ни во сне, ни в жизни.

- Бродящий дьявол не дремлет! – шутливо погрозила пальцем Эва. – Подстерегает нас даже во сне, когда мы особенно беззащитны. Ах, Кирюша, как мне хочется все забыть!.. Сегодня проезжала мимо Большого театра. Сердце упало и перестало биться. Неужели это было? Неужели я была балериной?.. Нет, нельзя думать. Нельзя!

Они еще долго разговаривали, погасив электрический свет. Серебряный канделябр на пять свечей освещал их лица. В ведерке со льдом стояла бутылка шампанского, два высоких бокала время от времени соприкасались, сопровождая тонким перезвоном очередной тост за будущее, которое фантазия, помимо воли, раскрашивало самыми светлыми красками и в которое так хотелось верить.

Глава XXVII

Прошло еще два года...

Всегда важен мотив

Премьера оперы «Севильский цирюльник» в постановке знаменитого итальянского режиссера, с костюмами, выполненными по эскизам Андрэ Берзиньша, наделала много шума в столице. Кирилл, и без того обожавший эту оперу, сегодня предвкушал двойное удовольствие.

Преображеный после гигантского по объему и стоимости ремонта Большой сверкал огнями. Публика была самая рафинированная, естественно, чисто внешне. Если лица еще сохранили способность времени от времени принимать интеллигентное выражение, то языки уже давно разучились выражаться приличным слогом. Восторгаться сверкающей не только на слух, но даже зрительно, музыкой Россини почти ни у кого не получалось без определенных слов, относящихся к ненормативной лексике.

В антракте после первого акта Кирилл вышел в фойе. По слухам премьеры пили шампанское и наперебой восторгались костюмами, созданными Берзиньшем. Андрэ с величественной простотой принимал цветы и комплименты. Голос Кирилла не потонул в общем хоре. Берзиньш выделил его, приподняв руку и попросив тишины.

Когда звонок пригласил всех занять места, Мелентьев случайно обратил внимание на одного человека. Он только мельком увидел его профиль... задумался, мотнул головой и сам себе пробурчал: «Нет!» Но в зале все же принялся оглядывать лица зрителей, стараясь отыскать того, кто вызвал у него тяжелое воспоминание. Свет в золоченых канделябрах, истончаясь стал гаснуть, и Мелентьев решил, что ему показалось.

«Нет, Эрик Фавьеэр вряд ли захочет вновь приехать в Москву! А все же интересно, что с ним стало?.. Как Провидение распорядилось с его жизнью?..»

Тиана Веснина

* * *

Фавьер почувствовал себя в относительной безопасности, только когда самолет оторвался от земли. Он заснул, точно провалился в черную бездну, но очень быстро проснулся от толчка, который будто разряд тока прошелся по его телу.

Предложили напитки. Эрик заплом выпил две бутылочки пива. Промежуточная посадка была в Индонезии. Он вошел в здание аэропорта, насторожено поглядя по сторонам. Умом Фавьер понимал, что более ничто ему не угрожает, но все же, кто его знает этого сыщика?

Потом самолет вновь набрал высоту. Эрик заснул крепко и спокойно. На землю Австралии уже ступил Алексис Жиар.

Отдохнуть он себе позволил ровно три дня. Его ждали в офисе одной крупной компании. Он уже давно подготовил себе легенду и двух друзей, с которыми познакомился три года назад, когда те приезжали по делам в Париж. Они его знали только как Алексиса Жиара, приятного собеседника и специалиста высокого уровня. За бокалом бургундского он как-то высказал вслух свою мечту: покинуть Старый свет и обосноваться в Австралии. Оба австралийца, во втором поколении, наперебой принялись расхваливать свою страну.

- А ведь я вполне серьезно! – сказал Эрик-Алексис, заказывая вторую бутылку. – Здесь меня ничто не держит. Я сирота. Родители погибли в автокатастрофе. Бабушка, которая воспитывала меня, умерла. Как видите, я был не особенно счастлив во Франции...

Ему даже не дали окончить фразу, восклицая:

- Тут и думать нечего. Давай к нам в Сидней! Напиши краткую автобиографию, сделай копии документов, и мы подыщем тебе отличную работу.

Австралийцы сдержали слово.

Алексис Жиар поселился в коттедже, купил БМВ перламутрово-зеленого цвета и зажил. Он с

Всегда важен мотив

удовольствием встречал каждое утро, надевал легкую светлую рубашку, полотняные брюки, освежал лицо дорогой туалетной водой и отправлялся в офис, расположенный в сверкающем окнами небоскребе. Он начал жизнь с чистого листа. Он сумел забыть все, что было с ним, вернее, с другим парнем, которого когда-то звали Эрик Фавье.

Полгода спустя Алексис познакомился с потрясающей девушкой. Рост, грудь, талия, ноги... Когда она шла, мужчины помимо воли провожали ее глазами. Загорелая, в красном платье, облегающем упругую грудь. Длинные разрезы на юбке демонстрировали стройные и сильные ноги любительницы большого тенниса. Губы были тоже упругие и яркие, улыбка широкая, открывающая белоснежные зубы. Волосы светлые, подернутые золотистыми нитями.

Когда они случайно на одной дружеской вечеринке взглянули в зеркало, то увидели великолепную пару. Мысль о супружестве зародилась у обоих одновременно.

Встречаясь почти каждый вечер, они искали развлечений, и однажды она с радостью сообщила, что купила билеты на балет «Жизель».

- Гастроли театра балета из Петербурга – это такая редкость!

В глазах Алексиса мелькнула растерянность, но он одобрительно кивнул и сказал:

- Я и сам хотел тебя пригласить!..

Она была великолепна в темно-малиновом платье, расшитом жемчугом. Душистое облако духов колыхалось над ней и затягивало в свой сладкий омут Алексиса.

Первое действие с его кокетливым, чуть грустным лейтмотивом произвело на Алексиса странное впечатление. Он не мог оторвать взгляда от хрупкой белокурой Жизели, потому что он узнал ее. Это была Эва!.. Ее руки, ее поворот головы, ее аттитюды, ее волосы, перевитые полевыми цветами. Алексис выхватил их рук своей подруги программку, поднес к свету, льющемуся со

Тиана Веснина

сцены, и прочитал: «Жизель – заслуженная артистка РФ Лилия Селиванова».

«Наверное, произошла замена», - тревожно думал он, продолжая страстным, жадным взглядом следить за Жизелью.

В антракте он оставил свою подругу в кругу знакомых, а сам отправился в дирекцию. Ему ответили, что никакой замены нет и действительно танцует Лилия Селиванова.

Глаза Алексиса посветлели от загоревшихся в них огоньках безумия. Второй акт поверг его в ужас. Руки похолодели, лоб покрылся потом. Жизель в стране виллис... Сумрак, конечность земного существования и вечное блуждание души... Венок из белых лилий на белокурой головке и щемящий, раздирающий сердце лейтмотив...

Алексис рванул галстук и выскочил из ложи.

Он брел наугад.

«Неужели сыщик был прав?!.. Неужели ничего нельзя забыть, даже если очень того захочешь? Неужели я оказался настолько слабым, что какой-то балет мог вывести меня из равновесия?.. Но это так!.. И это ужасно!..»

Он забрел в какой-то бар, пил много, но почти не пьянял. Домой вернулся под утро. Отключил все телефоны и повалился на кровать.

Очнулся к вечеру. Кое-как добрел до ванной. Переоделся, заварил кофе и подумал: «А чего это я так?!.. Надо же нервы сдали!» Покачал головой. Включил телевизор и телефоны, на ходу придумывая, что сказать своей подруге.

«Скажу, приступ гастрита. Не захотел портить вечер, поэтому убежал. Не поверит!.. – в задумчивости потер подбородок. – А если убедительным тоном?.. А если сказать, что боль была невыносима?.. Но ведь как-то надо оправдать свое поведение!»

Звонок подруги не заставил себя ждать.

Всегда важен мотив

- Алексис, ты с ума сошел?!.. Что случилось?! – на ноте соль второй октавы верещала она. – Ты поставил меня в идиотское положение. Спрашивают, где ты, а я только улыбаюсь и несу какую-ту чепуху. Звоню тебе, но ты не берешь трубку!..

Алексис выслушал, не перебивая, все до конца, а потом мягким, бархатным баритоном принял врать и преуспел. Она поверила, она пожалела его. Договорились завтра после работы поужинать в китайском ресторане.

Наступила ночь. Алексис старался ни о чем не думать. Но, войдя в спальню, все же вздрогнул, заметив, как перед окном пробежала легкая белая тень. Он замер, боясь пошевельнуться.

- Глупость! – наконец разжал он зубы. – Глупость! – повторил более уверенно и, приняв сноторное, провалился в тяжелый сон.

День прошел как обычно. Прощаясь с сослуживцами до завтра, ответил на вопрос одного из них: «Что собираешься делать?»

- Ужинаю с девушкой!

- Приятного вечера! – улыбнулся тот и помахал рукой.

Алексис вышел из офиса, сел в машину и поехал в ресторан.

Ее он увидел сразу, да это было и нетрудно: таких белокурых, с золотистым блеском волос, казалось, не было ни у какой другой девушки. Она сидела на террасе ресторана и пила розовое вино. Он уже сделал несколько шагов по направлению к ней, как она чуть повернула голову. От такого простого движения Алексис осталбенел – эти длинные белокурые волосы... «Эва! Эва!.. – точно кто-то кричал в нем. - Да это же невыносимо, в конце концов!» - возмутился Алексис и бросился вон из ресторана.

Он примчался домой. Позвонил ей и бездарно согнал. Она вспылила.

«Что же делать?! – обхватив голову руками, чуть ли не взвыл Алексис. – Ведь я люблю ее, но не могу видеть!.. Господи, да неужели же это правда, что можно так

Тиана Веснина

мучиться?.. За что?.. Я только отомстил за смерть родителей. Я - мужчина, я должен был! Мысль о несовершенном отмщении все равно не дала бы мне спокойно жить. Я сделал то, что должен был сделать, так за что же меня теперь наказывать?!.. Разве я мало страдал?!..»

Алексис расстался с ней. Он любил, но уже не мог видеть в ней только ее. Это было безумием: он постоянно ловил себя на том, что какими-то неуловимыми движениями в ней проскальзывала Эва.

Трудно было объяснить знакомым причину столь внезапного разрыва. Алексис хранил решительное молчание. Она же лишь пожимала плечами и высказывала мнение, что у Жиара не все благополучно обстоит с психикой.

Полгода были ужасны: только работа и коттедж, в котором поселились виллы. Алексис, как завороженный, смотрел на их хороводы в лунном свете.

Однажды, не желая возвращаться после работы домой, он заехал в отдаленный район города. Вздрогнул, услышав малиновый перезвон. Пошел на него как очарованный. Русская православная церковь: запах ладана, свечи перед темноликовыми иконами, тонкоголосое пение хора и громоподобный бас диакона. Он поймал себя на том, что истово крестится и просит милосердия у Бога.

Оглянулся – вокруг все такие же - с подрагивающими от слов молитвы бледными губами, заведенными горе глазами, в которых застыло непонимание: «Твоя воля, Господи, но за что?..»

Оглянулся и подумал с брезгливостью:

«Молятся о снисхождении, обливаются слезами, покрывают поцелуями иконы и знать не хотят, что причина всех их несчастий в них самих, что не надо творить мерзостей, от которых самим же по ночам страшно.

Молятся, прощая грехи обидевшим их, страшась до ужаса сознаться в том, что обидели-то они. А надо не обиды другим прощать, а самому молить о прощении».

Всегда важен мотив

Алексис перестал мучиться вопросом: прав он или не прав в содеянном. Он стал молить о прощении.

В светлое Пасхальное Воскресение проследил взглядом за тонким солнечным лучом и увидел, как засиял тот «на белом плече». Волосы цвета южной ночи... и белое платье...

Вышел из церкви и с усилием, но припомнил:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом kraю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою...
(А. Блок)

Спустя некоторое время его настойчивый, горячий взгляд был замечен. У выхода из храма она чуть замешкалась, и они познакомились. Ее звали Мария. Не успели они сделать нескольких шагов, как ее тут же окликнули. Она повернулась и остановилась. Алексис тоже.

- Мои родители и младший брат, – шепнула она ему.

Так он познакомился со всей семьей Раздоровых.

Теперь каждый день после работы он ехал в их гостеприимный дом. Однажды засиделись особенно долго, и Михаил Раздоров предался воспоминаниям:

- Уехать мечтали еще моя бабушка и мать, - начал он, сидя за большим круглым столом со сверкающим самоваром посередине. - Но в те времена не выпускали никого из страны навязанного счастья. Разве только надо было как-то изловчиться сбежать и попросить политическое убежище. Но это было опасно. Даже там настигали непокорных железные феликсы. Тогда-то до нас докатилась страшная история семьи Шуваловых.

Алексис вздрогнул так, что фарфоровые чашки отозвались недовольным перезвоном.

- Вы что, тоже слышали эту историю? – удивился Михаил.

- Нет! – поспешил уверить его Алексис.
- Но вы же говорили, что ваша мать была русской и вы долгое время жили в Париже. Хотя, простите, я забыл!.. – похлопал он по руке Жиара. – Вы так рано осиротели.

Мария почти не слушала отца, она смотрела на Алексиса синими глазами, в которых дрожал озорной огонек. Ее смущило, что тот сегодня очень серьезен.

- Ну так вот, – вернулся к своему повествованию Михаил Раздоров. – Знакомым моей мамы, Ольге и Сергею Шуваловым, каким-то образом удалось выехать в Париж и получить вид на жительство. Наша семья ликовала: значит, можно пробраться через советские кордоны, значит, можно вырваться из тюрьмы, но... спустя несколько лет их нашли убитыми у себя в квартире, – тяжело вздохнул он. – У них к этому времени уже был ребенок. Так эти ироды и его не пощадили. Расстреляли всю семью! – в отчаянии ударил кулаком по столу Раздоров.

Повисло долгое молчание.

- Ну что вы!.. – протянула Мария и, взяв гитару, запела старинный русский романс «Под чарующей лаской твоей».

Алексис погрузился в звуки и воспоминания, ему показалось, да, нет – он был уверен, что и его мама когда-то пела этот романс.

- А не скучаете по России? – неожиданно спросил он.

- Так некогда!.. – усмехнулся Михаил. – Приехали-то на пустое место.

- А я не очень хотела ехать, – подавив вздох, призналась Анна Раздорова. – В России перемены начались!..

- Ну уж нет! – горячо воскликнул Михаил. Видно, этот спор нет-нет, да и возникал между ними. – Хватит экспериментов над Раздоровыми. Хватит отсылать их умирать в Сибирь!.. Вот как начались эти перемены, как только стало возможным уехать, так мы первыми были, – заключил он, обращаясь к Алексису.

Всегда важен мотив

Помолчал, в сердцах отпив слишком горячего чая и, успокоившись, сказал:

- Ну, а если мои внуки захотят вернуться, так я не держу. А мы не поедем! – сурово посмотрел он на жену.

- Господь с тобой, Миша! – мягко махнула она рукой. – Где бы ни жить, лишь бы жить в ладу!

Не прошло и полгода после знакомства Алексиса с Марией, как он сделал ей предложение. Венчались в той же церкви, где он впервые увидел ее.

Наконец-то Алексис забыл то время, когда он был Эриком Фавьером. Точно перескочил через временной промежуток. Заходил в церковь, молился и думал, что сполна получил прощение, если встретил такую девушку, как Мария.

Неподалеку от дома ее родителей они купили коттедж с маленьkim, но очень говорливым фонтаном, беседкой, увитой розами, и на душу Алексиса снизошел долгожданный покой. А когда родилась дочь, которую он в память матери назвал Ольгой, ему казалось, что сердце не сможет вместить всей радости бытия. Он любил жену и боготворил дочку с русыми мягкими кудрями и большими синими глазами. Он жил ею, и мир обрел смысл, потому что в нем появилась маленькая Ольга.

Прошли почти два года обычной спокойной жизни, которые ему, после пережитого, показались двумя годами неземного счастья.

Наступило очередное солнечное рождественское утро. По окончании праздничной службы в церкви Алексис с Марией и Ольгой отправился на большой обед, устраиваемый русской православной общиной. За длинными, уставленными лакомствами столами царило веселье. Немного погодя девочки-подростки увели детей в сад. Взрослые разгулялись вовсю. Пели, танцевали, вспоминали Россию... и вдруг раздался страшный, точно ножом разрезающий воздух крик. В зал влетела перепуганная насмерть девочка-подросток. Заглатывая

Тиана Веснина

воздух, она широко открывала рот и махала руками в сторону сада.

Взрослые всполошились.

- Что случилось?! – бросилась к ней несколько женщин и, усадив на стул, дали выпить воды.

Стакан со звоном выпал из трясущихся рук подростка.

- Там!.. Там!.. Какая-то сумасшедшая!.. Она схватила одну девочку и приставила к ее горлу нож!.. Сказала, если кто двинется, она ее убьет!.. А я... я была сзади беседки, она не заметила меня!..

Страшная тишина воцарилась в зале, украшенном елочными гирляндами, расписными шарами и искусственным снегом.

Первым порывом было броситься туда, но кто-то сказал, что с сумасшедшими надо действовать осторожно. Вызвали полицию.

Психологи приступили к увещевательным разговорам и просьбой отпустить детей.

Но сумасшедшая не поддавалась на обещания отпустить ее с миром. Она потребовала полмиллиона долларов и спортивный самолет. Потом изменила свое требование и сказала, что должна убить. «Должна!..» – разнесся над садом ее зловещий крик. Родители сбились в кучу, молясь и дрожа. Вдруг раздался дикий вой, и дети гурьбой выбежали из беседки... Сразу никто ничего не понял, потом послышалось, сначала отдаленно и постепенно нарастаю: «Убила!.. Она убила!..»

Никто из родителей не мог сделать и шага, все смотрели на полицейского, который нес на руках убитого ребенка, прикрыв его своей курткой. Каждый, забыв о других, молил: «Только не мой!..»

Рука Марии дрогнула в руке Алексиса. Он понял, она надеется, что это не Олеся... Но он знал!.. Он знал!.. Что это она!.. Что это то неизбежное возмездие!.. Что сумасшедшую зовут Эвой!..

Полицейский приближался как в замедленной съемке, к нему уже тянулись руки, стоны уже перекосили рты...

Всегда важен мотив

- Папа!.. – услышал, будто сквозь сон Алексис голосок Оленьки. – Папа!..

Мария вскрикнула и подхватила дочь. Алексис не мог пошевелиться. Он превратился в соляной столб. Он едва различал, стоящий вокруг него гул, и все происходящее покрылось для него туманом... К полицейскому подбежала какая-то женщина, приподняла куртку и зарыдала. Алексис увидел золотистые кудри убитого ребенка, а его за руку теребила дочь и звала:

- Папа!.. Папа!..

- Алеша, что с тобой?.. – обняла его за плечи Мария. – Алеша, пошли!.. Пошли!..

Очнулся он несколько недель спустя в клинике. Врачи с серьезными лицами объясняли его странное заболевание нервным шоком. Уверяли, что через месяц-другой все нормализуется.

Месяц-другой давно миновали, Мария перестала петь по вечерам романсы, так как была вынуждена работать допоздна. Надо было выплачивать разные кредиты, надо было на что-то жить.

Прошло целых полтора года, когда однажды утром Алексис смог пошевелить ногами лежа в кровати. Он с трудом сел, осмотрелся. Мария уже давно ушла на работу. Оленька была у ее подруги.

Сначала Алексис обрадовался, ощутив себя, но тут же его полоснула мысль: «Это навсегда! Этот страх, дикий, доводящий до сумасшествия, будет меня преследовать отныне постоянно! Возмездие мне дамокловым мечом зависло над дочерью!» Он это понял, но все равно спросил: «За что так жестоко?»

Поздно вечером Алексис увидел в окно, Марию, которая несла на руках глубоко спящую Оленьку. Он открыл им дверь. Мария тихо вскрикнула и, отнеся дочь в спальню, прижалась к груди мужа, прошептав: «Наконец-то!»

Первым делом Алексис попросил рассказать ему, что же тогда случилось? Кто была та страшная женщина?..

Тиана Веснина

Но Мария все время старалась увести разговор в сторону.

- Не бойся, я чувствую себя достаточно хорошо! – успокоил он жену.

- Та женщина действительно оказалась сумасшедшей! Она бежала из клиники. По случаю Рождества была сокращена численность охраны в психоневрологическом отделении. Она воспользовалась этим и сбежала. Одержанная странной манией убить ребенка, проходя мимо сада, где играли дети, вошла и захватила ту девочку.

- Как ее звали? – устремив взгляд в одну точку, спросил Алексис.

- Девочку?.. Ларой!..

- Нет! Убийцу!

- А!.. Кэтрин Стоун. Она уже лет пять находилась в клинике. Теперь ее заключили в тюрьму.

Алексис глубоко вздохнул, взгляд его просветлел, и он крепко обнял Марию...

* * *

После шумной премьеры «Севильского цирюльника» прошло три дня. Кирилл, все еще находясь под впечатлением, напевал неувядающие мотивчики. В таком настроении он поднял телефонную трубку и услышал незнакомый мужской голос.

- Здравствуйте! Я говорю с Кириллом Мелентьевым?

- Да, – ответил детектив, полагая, что звонит его очередной клиент.

- Это... - последовала краткая пауза. – Это Алексис Жиар!.. – произнес голос и добавил: - Мы с вами встречались несколько лет тому назад.

Кирилл понял, что видел в театре Эрика Фавьера.

- Сказать, что я вам рад, не могу, - начал детектив.

- Я и сам себе не рад, - усмехнулся Эрик. – Но мы могли бы поговорить?..

Кирилл, не размышляя, согласился.

Всегда важен мотив

- Только я бы не хотел ни с кем встречаться. Знаете, бывают такие неожиданные и потому особенно неприятные встречи.

- Не беспокойтесь. Ее в Москве сейчас нет.

- Отлично!.. Завтра я уже улетаю. Если у вас есть свободных полчаса...

- Приезжайте! Адрес помните?

- К сожалению, помню!

«Постарел? – подумал Кирилл, разглядывая снимающего плащ теперь уже Алексиса Жиара. – Нет, скорее, потух, помрачнел, посерел, точно не живой какой-то...»

Опираясь на трость, заметно припадая на правую ногу, Алексис прошел в комнату и сел на диван.

- Травма? – поинтересовался Кирилл.

- Травма! Только не физическая, а психологическая.

Кирилл указал на бутылки, выстроенные пестрым рядом на стойке бара.

- Немного джина с тоником, – ответил Жиар.

Мелентьев поставил два бокала и сел напротив.

- Вот... – протянул Алексис, затрудняясь с началом разговора. – Оказывается, хочется поговорить!.. Смешно, раньше не верил. Думал, врут, когда говорят, что преступников тянет на место преступления. Зачем? Теперь догадываюсь. Вероятно, им кажется, что там можно все еще повернуть вспять или убедиться, что все сделанное верно... Вот и со мной такая же история. Ни с кем, кроме тебя... – он запнулся. – По старой памяти, можно? – приподнял вопросительно брови.

- Ничего не имею против.

- Так вот, ни с кем, кроме тебя я не могу говорить о том. Понимаю, что лучше всего – забыть. Однажды мне показалось, что я и в самом деле забыл, но, как выяснилось, горько ошибся...

Он начал спокойно, однако после нескольких фраз речь его стала страстной, отчаянной...

Тиана Веснина

- Я был уверен, понимаешь, - сверкнули диким огнем его глаза, - абсолютно уверен, что та, сумасшедшая, была Эвой. Что она все поняла, разыскала меня и решила отомстить по принципу тальона.

Кирилл не усидел, вскочил с кресла и в возбуждении принялся ходить по студии, покачивая головой.

- Однако, черт возьми, кто бы мог подумать?.. Но это так!..

- Ты о чем? – удивленно смотрел на него Алексис.

- Да вот, года два назад на твоем месте сидела Эва и рассказывала о мучившем ее долгое время сне: будто видит она ребенка и кто-то шепчет ей: «Убей его и тебе станет хорошо!»

Глаза Алексиса расширились от ужаса.

- Не может быть, - прошептал он побелевшими губами.

- Выходит, может. Но Эва не поддалась на уговор даже во сне.

- Тогда как объяснить это чудовищное совпадение?! – вскричал Жиар.

- Только с точки зрения мистики.

Кирилл в задумчивости потер лоб.

- Ну... можно предположить, что такой сон видела не одна Эва, можно предположить, что кому-то ночью делали сходное предложение, и тот человек согласился на него.

Алексис замотал головой:

- Бред! Реальность – это реальность! Сон – это сон!

- Но пребываешь в реальности – ты! И находишься в состоянии сна – тоже ты!

- Ничего не понимаю, давай дальше!..

- Дальше?.. Дальше можно предположить, что родители той девочки тоже совершили какой-то проступок и им было суждено получить наказание через ее гибель. Тот, кто убил ребенка во сне, послал свое согласие в космос, и оно навязчивой идеей попало в мозг сумасшедшей...

- Глупости! – немного подумав, твердо заявил Жиар.

Всегда важен мотив

- Согласен! Потянуло на мистику. Но она, как известно, славится своей необъяснимой притягательностью. Где только чуть напутано, напущено туману, она тут как тут.

- Я понял одно, - после молчания, сказал Алексис, - что навечно наказан жить в состоянии страха за жизнь дочери. Я много передумал, но все равно считаю, что это несправедливо.

- Но ведь ты наказал не только мать, но и дочь!

- Потому что увидел в ней себя!.. Теперь я раскаиваюсь!.. Я не стал большим пианистом, Эва не стала знаменитой балериной. А мы оба были так талантливы...

- Не согласен! – живо возразил Мелентьев. - Эва, да! А ты, прости, на поверку вышел бы обыкновенной посредственностью!

- С чего ты взял?! – громоподобным голосом воскликнул Жиар.

- Объясняется все очень просто. Перед Эвой встал точно такой же вопрос, как когда-то перед тобой: мстить или не мстить? Ты думаешь, она испугалась? Отнюдь! Эва мне рассказала, какой восторг, какую жажду жизни ощутила она, когда решила отомстить убийце.

Жиар вскочил.

- Значит, она догадалась, что это я?!

- Нет! Она была лишь в начале пути. Собирала сведения о прошлой жизни матери. Но, будучи по-настоящему талантливым человеком, задумалась и в отличие от тебя поняла, что у нее будут дети, и что они, так же, как и она, могут стать жертвой ее поступков. И она отказалась от мести. Она даже во сне не стала убивать ребенка!..

- Почему так?! Почему ребенок?! Я не могу смириться с этой мыслью!..

Кирилл развел руками:

- Ведь ребенок – это отчасти ты! Вот он отчасти и платит за тебя!

Алексис уронил голову на руки.

Тиана Веснина

- Думал, - хриплым от спазм в горле голосом начал он, - поговорю с тобой, станет легче... Разберусь!.. Нет!.. Ну вот, а ты?! Как бы ты поступил на моем месте?

- Я не любитель занимать, даже на краткий миг, чужие места, на своем бы прожить достойно!..

- Хлестко приложил! – горько усмехнулся Жиар. – Ладно!.. А как там Эва?

- Хорошо. В Париже с успехом прошли два спектакля в ее постановке. Вернуться к жизни ей помог Андрэ Берзиньш. Сначала он предложил работать у него, затем Эва окончила режиссерские курсы. Конечно, без поддержки Эве не удалось бы найти театр, который пожелал бы заключить с ней контракт. Но Берзиньш организовал шумную рекламу, а сам согласился выступить в качестве художника по костюмам. Успех не заставил себя ждать! Но это и не удивительно, постановки по-настоящему оригинальны и талантливы! Андрэ никогда не стал бы вкладывать деньги в бездарность.

- Что ж, я рад!..

Алексис поднялся.

- Будем прощаться. Я приехал в Москву по делам фирмы, в которой работаю. Дела завершил. Не исключено, что приеду опять.

Он приставил трость к стене. Медленно надел плащ. Обернулся. Посмотрел в глаза Кириллу.

- Спасибо, что нашли время встретиться со мной, - произнес он и открыл дверь. - А за Эву я рад! Очень рад!..

После его ухода Мелентьев долго не мог успокоиться.

«Яркий, сильный был человек! Теперь труха какая-то. Только и ожил, когда стал вспоминать, с единственной надеждой хоть как-то оправдать себя. Да!.. Месть бодрит до тех пор, пока не утолена. Потом же превращается в яд, убивающий с такой изощренностью, что рецепт его, пожалуй, мог бы прийти в голову лишь папе Александру VI Борджа».

Тиана Веснина

Всегда важен мотив

Роман

Оформление обложки Тиана Веснина
Корректор Ольга Пояркова
Форматирование Игорь Кузнецов

Издательский центр «ЛиК»